

РОМАНЫ
КАНУШКИ
ДИАЛОГ
СОВРЕМЕННЫЙ

СОЮЗ

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)
К19

Канушкин Р.

К19 Джандо: Роман/ Р. Канушкин. — М.: Издательский дом «София», 2003. — 512 с.

ISBN 5-9550-0317-7

«Я не просто путешествую с полубезумным экзальтированным миллионером, со странным ребенком, московскими бандюганами или известным ученым, так похожим на Индиану Джонса... Не только вслед за люмпен-алкоголиком Дядей Витей преступаю черту, где уже снимается цензура мозга и зияет демонический свет всемогущества... Не просто вдыхаю аромат женщины, которую не забыть, и отправляюсь из Москвы за некоей тайной в тишину европейских библиотек, к африканским шаманам или в виртуальную реальность.

Я совершаю магическое путешествие, где грань очень тонка, безумие веселится, а Ищущие оказываются Искомым... Я на территории Мифа и, наверное, как в детстве, мог бы поиграть кубиками, из которых сотворена одна из версий Мира...»

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)

ISBN 5-9550-0317-7

© Р. Канушкин, текст, 2003
© Издательский дом «София», 2003

Посвящаю маме, Марго,
со всей моей неизменной любовью

Джандо — обряд инициации, посвящения
у некоторых шаманских народов.

П. Ким.

*Некоторые культы народов Африки,
Небесной Эфиопии и тибетских масаев*

Не во времени создал Бог небеса и землю,
но Он наделил их временем.

Монах Иероним Аквитеррий Толедский

...Время — дар вечности.

Уильям Блейк

Они начинают

I

Часть

1. Дядя Витя

Дядя Витя открыл глаза — будильник, если он не врал по старости, показывал шесть утра.

«Пивка... — была первая мысль, прорвавшаяся сквозь узкие щели гудевшей Дяди-Витиной головы. — Пивка... — А потом уныло: — Не попить... Палатка в розлив открывается только в восемь, екын его в тудын...

Всю ночь Дядю Витю мучили кошмары — ему снились какие-то мокрые чудовища, пытавшиеся усесться на грудь, а просыпался он от взмахов крыльев огромной бабочки или летучей мыши, оказавшейся на поверку его дворнягой Королем, вознамерившимся летать. Штаны Дядя Витя снять забыл. Забыл или не успел. Король посмотрел на хозяина грустными глазами и лениво завилял хвостом. Параллельно Дяде Вите, только на уровень ниже, уткнувшись носом в остатки когда-то дорогого и модного паласа, спал Андрюха — лучший Дяди-Витин корешок. Почему-то Андрюха был в одних цветастых трусах и весь усыпан штукатуркой. Во сне он пытался притянуть к себе доброжелательного Короля и им укрыться.

— Ох! — вздохнул Дядя Витя.

Свет он выключить тоже забыл. Нехорошо. Нехорошо... Ну и что? Теперь не ему за все это платить.

Дядя Витя посмотрел в захлавленную даль своего бесконечного коридора, вздрогнул и снова сказал: «Ох! Екын...

На паласе спал вовсе не Андрюха. Андрюху он обнаружил в глубине коридора — тот сладко дремал, свернувшись калачиком на дверном коврике в прихожей. А этот тогда кто же?

Дядя Витя попробовал напрячь память — это не дало никаких результатов, но пивка захотелось сильнее. Через какое-то время он обнаружил, что и сам лежит не в своей постели, а на стареньком полуразвалившемся диванчике и укрыт всего лишь оконной занавеской. Зато на его кровати (когда-то, может быть, целую жизнь назад, это называлось их с Валею брачным ложем) спит какая-то девочка, так похожая на молодую Валю, его жену. Только он уже два года как вдовец.

Капельки пота выступили на лбу Дяди Вити. «Все, — с грустью подумал он, — допился...»

Он еще раз с тоской посмотрел на свою кровать, и тогда щели в мутной голове Дяди Вити расширились, позволяя всплыть каким-то воспоминаниям.

— Ой, да это ж всего лишь студенты! — Дядя Витя вдруг почувствовал себя таким счастливым, словно ничего лучше студентов в мире быть не могло. — Вчера гуляли вместе — студент с подругой! Ой, голубчики, екын вас в тудын!

Дядя Витя устался на палас. Ага, штукатурка! Студент... Затем он посмотрел на свои руки, штаны, дырявые носки. Штукатурка. Дядя Витя поднял тяжелые глаза — на потолке красовалось огромное засохшее пятно.

«Дураки мы! Екын нас в тудын», — подумал Дядя Витя. И хоть не ему теперь за все это платить, но все равно не по-людски как-то. Ведь столько лет здесь был его дом.

Вчера Андрюха и Дядя Витя заканчивали гулять с шумной компанией студентов. Вот этого, в цветастых трусах, они прихватили с собой. Скорешились, стало быть. Студенты обмывали в кафе-рюмочной какие-то зачеты, а Дядя Витя заявил, что он тоже все зачеты в своей жизни уже сдал.

— А, так за это стоит выпить! — дружно отозвалась молодежь.

Дядя Витя вообще-то собирался домой, но по рюмочке согласился.

Дальше следовал провал, затем картинка: они идут со Студентом, обнявшись, прямо по московским сугробам, причем Студент — в одних цветастых трусах. Дядя Витя еще раз посмотрел на палас — ага, точно, в этих самых! Студент орал песни «Закаляйся, как сталь» и «Путники в ночи», а более традиционно настроенный Дядя Витя радостно басил «Ой, мороз, мороз... Затем Студент (хоть убей, Дядя Витя не мог вспомнить его имени и причину его раздетости) сказал, что путь самурая есть смерть, и изобразил что-то, напоминающее младенца на горшке. Он называл это позой Лошади. Из-за чего Дяде Вите приснилась лошадь на горшке. Дальше снова следовал провал. Потом они пили за Вечный Союз Студентов и Пенсионеров (председатель — Андрюха), а потом вдвоем со Студентом вылили на потолок целый таз воды. Радости было! Вода — на счастье! Эпоха Водолея! Однако подруга Студента — она сначала все время смущалась и говорила, что Студент из очень интеллигентной семьи и большая умница, а такое с ним впервые; правда, потом смущаться перестала — заявила, глядя на потолок, что это прошла Третья мировая война, а мокрая осыпающаяся штукатурка не что иное, как радиоактивные осадки.

— Балагуры! — ухмыльнулся Дядя Витя и бережно укрыл Студента старым пледом.

Дядя Витя не был алкоголиком, как полагали многие. И уж прямо таким пьяницей, пожалуй, он тоже не был. Выпить любил, мог загулять, но не лечился ни разу и всегда завязывал по собственной воле. По крайней мере сам себя алкоголиком Дядя Витя не считал, а как там на самом деле — поди разбери. Но в Дяде Вите было главное — стержень. Пропивал он много — сначала получку, затем пенсию. Но всегда что-то приносил жене. Пока она была жива. Теперь Дяде Вите не для кого было экономить. Можно сказать, что теперь он — совершенно свободный холостяк.

От полумиллиона рублей задатка, принесенного ему маклерами фирмы «Норс. Операции с недвижимостью», осталось тысяч сто. Деньги немалые, на них еще недельку погудеть можно, но у Дяди Вити есть стержень. Стержень не беспокоил его ровно тринадцать дней, когда Дядя Витя со товарищи благополучно спустили четыреста тысяч, обогатив владельцев окрестных коммерческих палаток и облагодетельствовав всех местных пропойц. Но на четырнадцатый день Стержень (Дядя Витя про себя его уважительно величал с большой буквы — Стержень) сказал: хорош, старый алкаш, а то сдохнешь под забором как собака. Квартиру ты уже продал и, если сейчас не завяжешь, будешь бомжевать на вокзалах, пока кто-нибудь по пьянке не пришьет.

«Приговор строг», — подумал Дядя Витя. Но все же есть у него к Стержню пара вопросов. Конечно, в этой ситуации Стержень — в генеральской шубе, а Дядя Витя — так, в лаптях. Но пара вопросов есть. Во-первых, зачем ему, старому дуралею, огромная трехкомнатная квартира? Им с Королем хватит и поскромнее. А эти маклеры из «Норс. Операции с недвижимостью» предложили кругленькую сумму: «Распишись, получи задаток и балдей себе». Во-вторых, они на эти деньги подберут квартирку поменьше, приличную однокомнатную, да еще у Дяди Вити деньжата останутся! И это самое главное. Хоть на старости лет Дядя Витя поживет как король.

Да уж! Дядя Витя подумал, что он пахал всю жизнь, вкалывал как ишак и ничего хорошего в жизни не видел. Кроме пенсии, уж очень смешной пенсии. А соседские пацанята, мальчишки, выросшие на глазах, разъезжают на американских машинах в спальный вагон размером и настригли столько денег, что скупили полрайона. А может, и больше... И такие все чистенькие, в костюмах, как маклеры из «Норса»... А Дядя Витя сидел на полных бобах. Он уже продал из своей квартиры все, что можно продать, остались только старый телик да рухлядь-мебель. Но денег не хватало. Дядя Витя подрядился продавать газеты, но как-то пропил дневную выручку. Цикл прервался — началась нужда. Он

собирал бутылки, пока было тепло. Но ведь всегда приходит осень — так уж жизнь устроена, екин его в тудын. Дядя Витя решил сдать две большие комнаты, перебравшись с Королем в маленькую. Вот тогда и появились маклеры из «Норса». Они предложили лучший вариант «Операции с недвижимостью». Да уж... Как они носились с Дядей Витей! Квартиру приватизировали, не отходя от кассы, — нотариуса притащили на дом. Обходительные ребята... Чего угодно — пожалуйста, клиент всегда прав. Они все такие чистенькие, а старый алкаш Дядя Витя всегда прав. Вот только нотариус Дяде Вите не понравился. Что-то неприятное в нем было; наверное, в его взгляде... холодные, неискренние, жесткие глаза. Маклеры — простые ребята: только подписали бумаги, достают пузырь «Смирновской» — что мы, не русские люди?.. Разлили по стаканам, а затем выложили перед ним пять пачек тысячерублевых, и по внезапно нахлынувшей теплой волне Дядя Витя понял, что у него началась новая жизнь. «Смирновскую» Дядя Витя пил впервые — она ему понравилась, он смог «почувствовать разницу». Дорого и качественно, а не шило какое-то. Столько денег у Дяди Вити тоже было впервые... Впервые! После этого он загулял с Андрюхой. Маклеры из «Норса» допивать не стали, только пригубили и откланялись — мол, работы по горло. Их дело молодое, екин их... А Дядя Витя впервые за свою долгую и бестолковую жизнь почувствовал себя всемогущим.

— Теперь мы возьмем все самое лучшее, Андрюха, — сказал он, глядя через окно на осеннее небо.

Они допили «Смирновскую» и направились в кафе у метро. Там Дядя Витя заказал настоящих немецких колбасок с соусом и бутылочку беленькой.

— Какая есть водка, дочка? — спросил он у пухленькой молоденькой официантки.

— Водка дорогая, «Столичная», «Кристалл». Берете?

— Какая водка самая дорогая?

— «Абсолют», — ухмыльнулась официантка.

Дядя Витя до сих пор помнит, как вытянулось ее лицо, как заблестели сонные до того глазки, когда он, вскрыв хрустящую пачку новеньких купюр, произнес:

— Дай «Абсолют», дочка... Да еще рыбки, пожалуй, горячего и холодного копчения, тyani... неси. И икорки — пару. Черной!

Андрюха, казалось, переживал в этот момент состояние шока:

— Как, чё... зачем?... Ты чё? Рехнулся?

И тогда Дядя Витя затушил бычок «Примы» и тихо, но внятно произнес:

— Андрюха, ну-ка скажи мне, может рабочий человек позволить себе хоть раз в жизни самое лучшее?

Это звучало не как вопрос, это было утверждение.

Андрюха закивал головой, а Дядя Витя вытащил из пачки пару бумажек и сказал:

— Теперь мы позволим себе все самое лучшее.

Затем он протянул деньги Андрюхе.

— Пойди, у входа — палатки, купи сигарет, дорогих. «Мальборо» или чего еще... получше...

О, в тот день началась самая изумительная в Дяди-Витиной жизни осень. Это был восторг. Восторг от ощущения полностью восстановленного чувства собственного достоинства. Первые настоящие каникулы! И этот праздник мог бы продолжаться вечно. Но на четырнадцатый день Стержень остановил его.

— Что-то не так, старый алкаш, — говорил ему Стержень, когда Дядя Витя сидел в шесть утра и смотрел на спящего на полу Студента. — Что-то не то. Ну-ка покопайся в своей башке — может, чего вспомнишь? О чем ты так долго говорил ночью со Студентом? Что он тебе пытался объяснить?

— Опохмеляемся завтра на мои, — смеялся Студент, а Дяде Вите почему-то это не нравилось. — Хороший ты мужик, Дядя Витя, спасибо, что приютил нас с... Алкой.

...Так, подругу Студента зовут Алкой. У них — любовь. И что? Что из этого? Вспоминай, старый алкаш, Стержень ждет. В чем тебе обещал помочь разобраться Студент?! Голова гудела. А Стер-

жень взял Дядю Витю за горло — вспоминай, что-то случилось! Что-то ты натворил по пьянке. Ну, вспоминай!

Липкий туман воспоминаний, промелькнули какие-то фигуры, слишком смутно... И вдруг стало страшно — что-то сверкнуло, яркое, холодное... Жесткие глаза! Они насмеялись над ним — глаза нотариуса!

Несколько дней назад, когда он гулял у себя на квартире, заявились маклеры из «Норса». Дядя Витя по пьяни подписал какие-то бумаги. Он предлагал им выпить. Они отказывались.

— Нет-нет, Дядя Витя, — смеялись маклеры, — гуляй пока без нас.

И они ушли. Но сначала нотариус заверил подписи. И вот именно тогда, в какое-то мгновение, пьяный и радостный Дядя Витя увидел, что жесткие, очень жесткие глаза нотариуса насмеялись над ним.

2. Доре очень не нравится ее имя

Какое дурацкое у меня имя, — думала девятилетняя девочка, примеряя новогоднее платье сестры. В платье она утонула, а кроссовки отца делали ее похожей на Маленького Мука. — Это они меня от злости так называли. — Дора совсем расстроилась. — Хотели, чтоб у Катьки был братик, а появилась я! Аист принес, в капусте нашли... Как же! Да родилась я, как все прочие дети! Это они Катьке могут мозги пудрить. Когда мама с папой в своей комнате вздыхают, может еще кто-то родиться. У меня скоро будет братик. К следующему Новому году. Ну и у Катьки, конечно, тоже. Только они меня все равно не переимену-

ют, что я — улица какая дореволюционная? Так что ходить мне всю жизнь в Дорах!»

Девочка достала губную помаду и принялась себя разрисовывать. Увидев в зеркале, что получилось, она сказала:

— Зато я — вундеркинд. Вот! Играю на рояле, пою, сочиняю стихи, рисую картинки (и призов — навалом!); а еще с первого раза поехала с папой на горных лыжах, и у меня память феноменаль... феноменальная! Единственное слово никак не могу научиться правильно говорить. И меня скорее всего переведут на класс вперед. Так что если взять весы и на правую чашу положить все мои достоинства, а на левую — недостаток (он, естественно, один — имя Дора), то правая, пожалуй, перевесит. Да точно — перевесит! Есть у меня еще способность, но ее я не положу ни на правую, ни на левую чашу. Мне о ней нельзя рассказывать. Если только одному человеку. И если я, конечно, права. Если я его точно узнала.

Дора прыгнула с низкого полукруглого дивана, стоящего напротив огромного, в треть стены, зеркала, и направилась на кухню. Нельзя, конечно, залезать на диван в обуви, но родителей нет, и дети — хозяйева квартиры.

Как хорошо, когда ты живешь в богатой семье. Когда у тебя есть своя большая комната и ты в ней выкрасила стены сама, вместе с папой, а потом разрисовала их, как тебе вздумалось. И есть электрический автомобиль в виде асфальтового катка, и ты можешь гонять из комнаты в комнату. Когда у тебя гардероб не меньше, чем у твоей Барби; а к Рождеству, это уж наверняка, тебе подарят большой конструктор «Лего». А Катька (ей подарят фотик — «Кодак» с автофокусом) говорит, что раньше у родителей столько денег не было и они часто ругались. А квартиру снимали у противного деда и с ним тоже ругались. Потому что были бедными. И дед тоже был бедный. Зато больше времени уделяли ей. Да Катька вообще какая-то странная. И без этого от них от всех покоя нет, чего там уделять? И так хорошо!

Дора подошла к окошку и сказала восхищенно:

— Ах! Сколько снега...

А потом подумала: «Первый снег выпал еще в октябре. Разве в октябре бывает снег?»

На улице начинало темнеть, и пушистые снежинки кружились в желтом свете уличных фонарей. Скоро заявятся родители и Катька из своего бассейна. Интересно, куда в этом году мы поедем кататься на лыжах?

Дора открыла холодильник — вожаденные стаканчики с «Баскин Роббинс» прятались за ненужными пакетами со всякой ерундой. Она вспомнила свою любимую книжку: «Винни, тебе чего, сгущенки или меду?» — спросил Кролик. «И того и другого. И если можно — без хлеба».

Вот именно — и того и другого, и без хлеба. Шесть или семь стаканчиков самого разного мороженого «Баскин Роббинс» со взбитыми сливками, орехами, печеньем, шоколадным кремом, свежими фруктами...

«Никогда не ешь мороженое прямо из холодильника, Дора. Заболеешь ангиной».

Какая глупость! Мороженое может быть только холодным, не холодное — это уже не мороженое. Надо просто взять по ложечке из каждого стаканчика, и никто ничего не заметит. И ужина ждать не надо.

Дора так и поступила. Стаж в извлечении мороженого из стаканчиков она имела внушительный. Мороженое было густое и такое вкусное... И когда смешиваешь разные сорта, получается еще вкуснее. Надо посоветовать «Баскин Роббинс».

Дора ела мороженое пластмассовой ложечкой и смотрела в окошко. Стало еще темнее, совсем ночь. Ничего не поделаешь — зима. Дора любила зиму по двум причинам. Во-первых, за Новый год, когда на улице так, как сейчас, словно в волшебном театре или в мультфильме про Тома, Джерри и Рождество — все укрыто снегом и совсем не холодно. И во-вторых, зимой можно поехать с папой в горы. Папа катается на лыжах лучше всех. Он катался, даже когда был совсем бедным. Он сам так говорит. А сейчас это модно. И все пижоны катаются на лыжах, а большин-

ство — как коровы на льду. Но все равно больше Дора любила лето. Только когда совсем жарко, некоторые люди сильно потеют. И выливают на себя кучу одеколона. И тогда они воняют каким-то дерьмом. Как дядя Игорь — папин партнер. А мама говорит, что болтать такие вещи — неприлично. А по-моему, неприлично вовремя не мыться. Да ну их всех! Поэтому больше всего Дора любит апрель. Когда можно подойти к деревьям и смотреть, как набухают почки. И слушать капель. Вода смывает следы зимы. Вода... Дора знала про воду кое-что такое, чего не знали ее родители. Что вообще мало кто знал. Кроме одного человека. Если, конечно, Дора в нем не ошиблась.

А снежинки все кружились — какая красота! Сколько их на улице появилось, светящихся реклам — буквально за последний год. Капитализм. Так говорит папа. А прямо напротив ее окна неоновая надпись: «Суперкомпьютерные игры». Это очень хорошо. Дора видела по телику (Ти-Ви, как выражается Катька) целую передачу о новых игровых автоматах. В них используется эффект мнимой реальности. Дора хорошо знала, что это такое. Создается ощущение, будто попадаешь внутрь компьютера. В смысле — внутрь того, во что играешь. Трехмерное изображение. Тебе дают Си-Ди, как в папиной аппаратуре, и там записан какой-нибудь известный фильм или игра. Интерактивность. А ты надеваешь шлем и можешь делать все по-своему. Это здорово. С любым фильмом можно поступить так, как захочется. И как будто ты сам во всем участвуешь. Говорят, даже можно погладить Винни-Пуха по пушистой лапке. Для этого дают электронную перчатку. Но это знают все, кто смотрит телик (Ти-Ви) или читает всякую модную белиберду. Дора знала кое-что еще. Поэтому очень хорошо, что они рядом — эти «Суперкомпьютерные игры».

Дора отошла от окна и принялась мыть чашку. Не то чтобы она любила мыть посуду, а просто мороженое съедено и надо замести следы. Да... Скоро кто-то еще захочет замести следы.

Она подошла к папиной аппаратуре. «Панасоник» — последняя модель.

— «Панасоник-сан», — вспомнила Дора телевизионную рекламу. — Какая мура, какие все-таки есть примитивные люди!

Дора начала переключать компакт-диски. Каткино техно — мура. Папин Джим Моррисон (мама терпеть не может, а по мне — очень даже ничего). Стинг — это класс! Да вообще очень много классной музыки, не в стилях дело. А мама любит Лайзу Минелли и фламенко — и там тоже есть вещички очень даже ничего. Уж Дора-то знает. Она понимает в этом толк. У нее со вкусом все в порядке. Но сейчас ей нужен Моцарт. Говорят, при прослушивании Моцарта повышается коэффициент интеллектуальности. А Доре скоро пригодятся возможности ее интеллекта. «Чарующие звуки “Волшебной флейты”, — прочитала Дора на обороте компакт. Чарующие звуки наполнили комнату. Доре нравилась такая музыка, без всякого выпендрежа перед взрослыми. И сейчас она слушала Моцарта и — по крайней мере она так считала — повышала свой интеллект. Потом она забыла всякие штуки про повышение интеллекта. Дора думала о своем соседе с верхнего этажа. Ошибиться Дора не имела права.

3. Погоня

— Денис, Денис, Денис, — пронеслось по залу. Совсем тихо. словно дыхание ветерка или шелест занавесок в Белой Комнате.

Что за черт? Ведь здесь уже никого нет. Тем более нет никого, кто бы знал его по имени. Наверное, пора. Он помнит, как сюда пройти и что надо делать. Значит, в следующий раз. А сейчас — пора возвращаться.

— Денис...

Вот опять! Кто-то играет с ним? Как? Почему?! Ведь здесь быть никого не должно. А собственно говоря, почему не должно?

Денис (ему сегодня исполняется четырнадцать) еще раз бросил взгляд на дверь в Белую Комнату. Может, стоит попробовать? Может быть, это та дверь? Белая Дверь в Белую Комнату. А за ней ждет приз — кажется, такие были условия?!

Но Денис теперь твердо знал, что надо возвращаться. Почему-то азарт игры пропал, уступая место внезапно подкравшейся тревоге. Только бы дверь не открылась... Что-то не так было в ровной белой поверхности двери. Совсем не так. Возможно, она вовсе не ровная и не... твердая. Ощущение тревоги на ватных шуршащих лапах подкралось ближе. Пора возвращаться! Денис резко повернулся, амортизируя подошвами своих «рибоков» (беленькие «Reebok-Нехалите» — он давно о таких мечтал), и зашагал прочь. Выход из зала, коридор, винтовая лестница, дальше — седьмая по счету дверь, еще коридор, где были рыцари, ступеньки, потайная дверь в большую каминную с гвардейцами кардинала и парадная лестница — он все помнил. Но когда Денис поднял глаза, перед ним опять возвышалась Белая Дверь. И теперь он уже точно знал, что дверь (ведь она только что была за спиной) не твердая. Теперь он знал наверняка, что дверь наполнена чем-то жидким. И вовсе не холодным и безразличным. Мороз иголочками прошел по коже. Денис ясно почувствовал, как капельки пота выступили на лбу. Конечно, чем-то жидким! Но ведь совсем не это тебя пугает. Ведь правда. Ведь ты просто боишься признаться себе, что это «что-то жидкое» — живое. Сейчас еще сонное, но — ЖИВОЕ!

Денис уже не помнил ничего о потайных ходах, больших каминных и какой по счету коридор — его, он просто бежал. Куда угодно! Через окно, в парк, только скорее отсюда прочь!

Через какое-то время Денис оказался на парадной лестнице, а потом — внизу, в роскошной зеркально-золотой гостиной с го-беленами и мебелью в стиле позднего барокко (отсюда все и начиналось), и мальчик успокоился. Что здесь такого? Ведь его

предупреждали о правилах. И он сам выбрал игру пострашнее. Заплатил за это свои, лично заработанные деньги. Сделал себе подарок ко дню рождения. И, надо признаться, заплатил немало. Такая игра — дорогое удовольствие. Но все ребята уже давно играют. А за границей — и подавно. Что он, зря пол-лета вкалывал, продавал бананы у метро?! Так что здесь такого?

Мальчик остановился и прислушался — нет, шагов не было, никто за ним не гнался. Денис рассмеялся над минутной слабостью. Слабостью? Трусостью! А ведь действительно было страшно. Как нелепо! Сам выбрал, сам захотел играть, а теперь предъявляет кому-то претензии. Кто виноват, что ты просто-напросто сдрейфил? Чуть в штаны не наложил. И почему ты хочешь кому-то предъявить претензии? Что тебя не предупредили? О чем?! О чем тебя должны были предупредить? Хей, Денис, ну ты же не круглый дурак. Ты же знаешь о чем. И нечего себя успокаивать. Нечего врать. Ты же знаешь, что так не делается. Либо должны были сказать, что игра без правил, либо предупредить, что имеется нечто, не входящее ни в какие правила. И почему ты стоишь здесь и раздумываешь? Ведь тебе давно пора домой: сегодня день твоего рождения, будут гости... Надо что-то сделать.

И тогда Денис вновь почувствовал тревогу. То, что ему давно пора домой, каким-то странным образом связалось с тем спящим в Белой Двери и превратилось в неразрешимую задачу. ОНО НЕ ОТПУСКАЛО ДОМОЙ. И нечего себя успокаивать. Ты же знаешь, что это за непонятное ощущение, притаившееся сейчас во рту... Таким бывает вкус страха. Надо срочно бежать домой, если, конечно, возможно. Потому что то, в двери, вовсе не спит. И оно сейчас начало свою погоню. Вот, вот же шаги по коридору! Ты слышишь, Денис? Не будь дураком. Кто-то или что-то уже движется сюда. Беги, беги, Денис, — тебя не предупредили, тебя подставили. И видишь ли, в чем дело, Денис, ЭТО спало, когда здесь были другие. Спало, когда десятки таких ребят, как ты, играли здесь в Белую Комнату. Спало, потому что ждало тебя, именно тебя, в день твоего четырнадцатилетия.

Мальчик бросился бежать, и тогда какая-то смутная тень промелькнула у него за спиной. Озноб пробежал по коже. Правильно, все правильно: это ждало именно его и сейчас начало свою погоню. Быстрее, быстрее, через парк, не разбирая дороги. Примятая трава, поваленные стволы деревьев, тропинка ведет в чащу, в темноту. Куда, куда дальше? Только не в темноту. Ведь он здесь не был. Никогда. Здесь все чужое. Совсем. Необъяснимо чужое. Он начинал игру у входа в Замок, а потом что-то забыл... Значит, ТАК он никуда не убежит. Надо по-другому бежать отсюда. Но это... Оно все ближе. Холодный озноб по коже. Что-то движется за ним по пятам, и оно уже совсем рядом, возможно, всего лишь на расстоянии вытянутой руки.

— Кто здесь?! — закричал Денис сорванным голосом. Он резко обернулся, сжав кулаки, чувствуя ватную слабость во всем теле... Но на тропинке никого не было. Тихо щебетали птицы в кронах деревьев. А вот там? За темными стволами сосен? Но ведь там прячется кто-то. Не нападает, хочет помучить. И тогда Денис почувствовал холодок у себя за спиной. Что-то большое и бесшумное подкралось сзади. Большое, ватное, накатило волной.

— Что вам надо?!!

Мальчик бежал, бежал назад к Замку. Он должен что-то вспомнить, что-то очень важное, и тогда все будет в порядке. Потому что... Это было не в Замке и не в лесу... Оно просто было здесь везде и преследовало именно его. Но стоп! Ведь так он точно никуда не убежит. Отсюда убегают по-другому. Еще там, у Белой Комнаты, когда стало страшно впервые, руки потянулись к голове. Почему? Надо только вспомнить! Шаги сзади... Это уже совсем рядом. Бежать... Вспомнить... То страшное, что сейчас догоняет, не даст вспомнить. Ну конечно! Потому что именно так отсюда убегают — руки тянутся к голове... Денис поднял руки и в следующее мгновение прямо перед собой увидел два огромных глаза. Что-то красное плескалось в этих глазах, как бескрайнее море. Руки тянутся к голове! А море в глазах вдруг стало маслянисто-белым и выплеснулось. Денис застонал...

— Денис, Денис, что с тобой?.. Помогите ему скорее, он хочет снять шлем. По-моему, ему плохо.

И море, и Замок, и лес растаяли перед глазами Дениса. Он снова застонал.

— Эй, тебе плохо? Эй, ты что — это же только игра... Слышишь, обычная компьютерная игра..

— Денис, ты чего такой бледный?

Осторожно: что-то белое выплеснулось, а потом все растаяло...

— Этот салага еще не дорос до суперкомпьютера!..

— Рановато будет... Играл бы себе в автогонки, в «Формулу-1».

— Ему, по-моему, и в морской бой-то играть опасно!

Все смеются.

— «Дайте мне пострашнее»... Ишь, фигура! Предлагали же — играй в «Индиану Джонса». Мне вообще больше всего нравится...

Пелена перед глазами Дениса растаяла, и он увидел ухмыляющиеся лица своих друзей.

— Ты чего такой мнительный? За три минуты тебя «Белая Комната» сделала...

— Дай его шлем, доиграю. Еще есть время.

— Может, он сам хочет?!

— К мамке он хочет... Пойди спроси у Робкопа, сколько стоит лазерка «Юрского парка». На три минуты.

— Хорош деньги тратить — полдня здесь сидим. У Дениса вечером день рождения.

— Если он доживет до вечера!

Снова смех.

А Денис пытался вспомнить, кто такой Робкоп. И почему это имя вызывает какую-то странную тревожную ассоциацию.

Две недели назад в бывшем кафе «Ровесник» открылся салон «Суперкомпьютерные игры». Зайдешь — ахнешь! Такого еще не видел никто. Это не дешевка, расставленная в кинотеатрах и на вокзалах. И это даже не видеоигры! Маленький, коренастый

смешной человек, рассказывавший им об игровых компьютерах «Амига» и о том, что «игрушки» в его салоне покруче — самое последнее поколение, — выдавал себя за хозяина. Но ребята его раскусили быстро. Хозяева таких штучек ездят на «мерсах» и «Гранд Чероки», а не сидят с утра до вечера в салоне, сплевывая себе на пальцы и считая деньги. Так, просто служащий какой-то. Может, в прошлом неплохой компьютерщик. Хозяева небось расставили таких по всей Москве.

Вот этого дяденьку ребята и прозвали Робкопом.

4. Что-то белое

Егор Тропинин шел к своему другу Денису на четырнадцатый день рождения. Егор был младше всего на два месяца — он Водолей, — но внешне казалось, их разделяет целых два года. Денис — акселерат, переросток, и обувь у него уже 43-го размера; а Егор маленький и — самое неприятное — до сих пор похож на девочку.

Как он это переживал! И чего только не делал! И гантели, а утром холодный душ, и даже на ночь подвязывал ноги к спинке кровати резиновыми бинтами, чтобы хоть немного вытянуться. Ничего не помогало. Меньше Егора в классе был только Лопухий Толик — откровенно умственно отсталый. Поэтому можно считать, что самым маленьким был он. Когда ты самый маленький в классе да к тому же отличник (и не потому, что усидчивый, как баба, а просто некоторые вещи тебе нравятся и занимают минимум времени), то возникают определенные проблемы. Во взаимоотношениях с товарищами. Насмешки и оскорбления,

потом синяки и ссадины. Каждый день после уроков и иногда на переменах. Верзила Логинов здесь верховодит, такой же У.О., как Лопоухий Толик. На виду у всех!.. Тем более на виду у двух девочек, которые Егору нравились, и он никак не мог разобраться, какая нравится больше. Вот такой он странный, этот Егор, все у него не как у людей.

И вот случается нечто, что сулит изменить всю жизнь. Родители переезжают на другую квартиру, и Егора переводят в новую школу. Жаль, конечно, старых товарищей, да не очень. И тогда Егор понял, что здесь с самого начала все должно быть по-другому. Иначе ему никогда не избавиться от верзил логиновых. Он начинает вести себя доброжелательно, но на подколы реагирует жестко. Егор начитанный — слушать его очень интересно. Егор остроумный — общаться с ним одно удовольствие. Внешне все это выглядит естественно, как будто он такой на самом деле — маленький лидер и за словом в карман не полезет. На самом деле каждый вечер, перед сном, Егор анализирует прошедший день, взвешивая промахи и удачи. Ты должен заставить себя быть таким, каким тебя сейчас воспринимают, ты просто обязан стать таким Егором. Егором Тропининым, классным парнем, которого недавно перевели в нашу школу. Маленьким, но очень спортивным, живописно одетым, с аккуратным рюкзачком «Фау-де» за плечами. И не случайно весной, перед самым переездом в новую школу, Егор подстригся под американского морского пехотинца. И все вокруг переменилось. За прошедшее лето он вытянулся и когда загорелый появился в новой школе, то с удивлением обнаружил, что и женская половина класса стала проявлять к нему повышенный интерес. Егор подружился с Денисом — добродушным здоровяком, первым в шеренге по физкультуре. Денис не умеет резко реагировать на подколы, он очень спокойный и добрый, даже несколько флегматичный. Они прекрасно дополняли друг друга.

И тогда случилось то, что бывает только в плохих фильмах. Подходил к концу сентябрь. Бабье лето было очень коротким в

этом году, и деревья стояли уже красно-желтые, полыхая на осеннем ветру, как факелы. Егор подхватил простуду и три дня просидел дома, и за это время в их школу, и именно в их класс, перевели Верзилу Логинова. И Денис сразу оказался в шеренге вторым. Но он даже и не собирался бороться за место под солнцем. Денис был рожден не для этих вещей. Он равнодушно отнесся к утраченному первенству, даже не догадываясь, как это было важно для Егора. Счастливый человек Денис был вне борьбы.

— Что ж, — философски заключил Егор Тропинин, — нельзя вечно выдавать себя за кого-то другого. Видимо, надо отстаивать все свои права, если ты, конечно, в состоянии. А если нет, то, значит, и прав у тебя никаких нет.

Егор понял, что он остался с Верзилой Логиновым один на один.

— Ой, а наша девочка подросла! — была первая фраза Логинова, когда он увидел Егора.

В классе воцарилась мертвая тишина: новенький не только самый здоровый, он еще и задиристый.

— Ой, и извилилки лишние небось появились! — Глаза Логинова бегали по сторонам — он был доволен произведенным эффектом. Улыбка самодовольная и очень некрасивая.

— Лишних извилин не бывает, дорогуша, — спокойно ответил Егор. — Просто для некоторых лишние — все, кроме одной, на которой он сидит.

Класс грохнул, все смеялись, а Егор подумал, что сегодня будет очень больно. Он не ошибся.

Логинов с компанией поджидал их с Денисом в парке. Когда Егор увидел этих молодцов, покуривающих на пяточке бывшей танцплощадки, он сразу все понял.

— Денис, иди домой! — быстро проговорил Егор. — Ты здесь ни при чем.

— Брось ты, — добродушно улыбался Денис. — Подумаешь, пошутили, подкололи друг друга. Очень даже весело. Брось...

— Денис, это старая история... Пожалуйста, иди домой.

— Да перестань ты, стоят себе ребята, курят, может, они и не нас поджидают.

— Нет, ждут нас...

А Денис, все еще продолжая улыбаться, обратился к Логинову и его приятелям:

— Чего, мужики, нас, что ли, ждете?

— Заодно и тебя, — ухмыльнулся Лопоухий Толик. — Не повезло тебе... Шел бы своей дорогой, но теперь уже поздно.

— Мужики, если у нас возникли какие-то проблемы, давайте спокойно разберемся...

Удар снизу в челюсть сразу сбил Дениса с ног. Несмотря на массу. Это был конек Логинова. В драке он не имел равных. Денисом занялись остальные. Логинов, улыбаясь и подбрасывая в руке свинчатку, неспешно двинулся к Егору.

— Тропинин, тебе сейчас будет очень больно... И так будет каждый день, пока не выработаем рефлекс: увидел меня, вскочил и кричишь: «Я паршивый петух, я паршивый петух!»

— Что за чушь...

— Не нравится?! Можно и так: «Я гнусный раб, а вон идет Коля Логинов — мой хозяин».

— Корявая фраза, — сказал Егор. — Ты, Логинов, большой придурок.

— Может, и корявая, но рефлекс выработаем.

А потом Логинов занес руку, и все перед глазами Егора потемнело. Логинов сыпал удар за ударом, а Егор уже стоял на коленях, стараясь прикрыть руками то, что еще можно было прикрыть. В какое-то мгновение он увидел, что Денис вскочил — видимо, здоровяка порядком вывели из себя — и нанес приятелям Логинова пару удачных ударов. Тогда Логинов оставил избитого Егора в покое, а Лопоухий Толян — паршивая овца, как шакал при Шерхане, — бросился Денису сзади под ноги, и Логинов просто толкнул его... Здоровый и несколько неуклюжий Денис повалился на землю, и тут Логинов подскочил к нему сбоку и

нанес свинчаткой удар сверху по голове. Денис застонал и обмяк, его короткие волосы увлажнились от свежей крови.

— Ты чего, Колян, ты его не пришиб?

— Хрен знает, сматываемся!..

Денис держался руками за голову и стонал, а Логинов со товарищи бросились бежать. Егор поднялся и, шатаясь, подошел к другу:

— Денис, Денис, ты как, цел?

— Цел, только голова кружится...

— Очень больно?.. Сволочи!

— Просто кружится так, в разные стороны... Головой вожу, как будто что-то большое, как ватой наполнили...

— Что большое?.. Дениска, потерпи...

Егор достал из рюкзака бутылку пепси, открыл ее зубами и стал лить Денису на лоб:

— Потерпи... Хлебнешь глоток?

— Давай... Ой, вот сейчас повернул голову, как будто что-то пустое внутри, ватное...

— Да нет, все нормально, это тебе кажется. Сейчас... Ты уже не бледный. Сволочи!

— Да, ты прав, сволочи... И за что? Опять кружится. Как ты думаешь, я не стану инвалидом? У меня там как большая полость.

— Не, ты что! Если тебе легче, то, наверное, самое страшное позади. Просто кожа на голове рассечена.

Егор помог Денису подняться и отвел его домой. Он обещал заглянуть через часок. Потом Егор пошел к себе и, как только оказался дома, даже не взглянув в зеркало, направился в кабинет отца. К счастью, стол оказался незапертым. Егор выдвинул средний ящичек и из-под стопки каких-то бумаг извлек тяжелый газовый револьвер. Затем он спрятал его под курткой и отправился на улицу. Он знал, где искать Логинова. Скорее всего тот сейчас в своем старом дворе рассказывает таким же подонкам, как сам, какие они герои.

Егор не ошибся. В самом центре уютного московского двора, под пожелтевшими кленами, были расположены теннисный стол и несколько лавок. Там они все и сидели. Играли — кто в теннис, кто в карты.

Егор направился прямо к ним. Когда Логинов его увидел, он сразу начал кричать:

— Что, Тропинин, тебе мало?! Пришел еще? Еще хочешь получить?!

Но Егор уже видел испуг в глазах Логинова.

— Колян, это ты, что ль, его так разукрасил? — спросил кто-то.

— Я! Сейчас еще добавлю...

— Не добавишь, паршивый придурок!

— Чего?! Оборзел?..

— Большой садист.

И Егор извлек из-под куртки револьвер.

— Ты чего, ты, козел! Такими вещами не шутят! Спрячь немедленно!

— Я не шучу. — Егор взвел курок. Логинов, словно замороженный, глядел, как барабан повернулся.

— Запомни, Коля Логинов и вы все, в следующий раз здесь будет пуля. Если подойдешь еще ко мне или к Денису ближе чем на пять метров, здесь будет пуля! Запомни, КОЛЯША...

И Егор спустил курок. Сухой выстрел, эхо в осеннем небе, перепуганные птицы. Логинов повалился на землю, все бросились врассыпную. Газ начал разъедать глаза. Егор убрал пистолет и зашагал прочь. Казалось, он идет как во сне. Никто его не останавливал, да он ни от кого и не прятался. Соседские старушки решили, что это опять какие-то опасные шалости «этой нехорошей компании». Придя домой, Егор положил револьвер на место и направился в ванную. Из зеркала на него смотрело опухшее лицо, губа и нос были рассечены, на ухе была рана, и она кровоточила. «Припухлости под глазами завтра станут синяками», — подумал Егор и увидел, как по его щекам текут слезы.

— И пусть слезы! — горько проговорил Егор. И расплакался. Расплакался, как маленький.

С тех пор прошло почти три месяца. И Егор, и Денис, и Логинов старались больше не вспоминать о происшедшем. Даже странно, как будто ничего и не было. Логинов иногда что-то бурчал себе под нос, но дальше этого дело не шло. Только многие за глаза стали называть Логинова Коляшей. Он делал вид, будто этого не знает.

Осень сменилась зимой, и вот Егор идет по хрустящему свежевывавшему снегу к своему другу Денису на четырнадцатый день рождения. Кругом наклеены портреты каких-то подозрительных типов из тех, что без конца вещают по телевизору, — скоро выборы. Родители Егора о чем-то постоянно спорят на кухне с друзьями, а потом называют себя «вшивой российской интеллигенцией» и говорят, тяжело вздыхая:

— Что нас ждет впереди?!

А Егор думал, что они все скорее всего рехнулись. От привычки все видеть в дурном свете да еще увлекаться политикой. Какая тоска! Ведь в мире столько интересного, и все будет хорошо. Взять хотя бы их отношения с Денисом. После этой драки они стали настолько близки и неразлучны, что Егор иногда недоумевал, как это они раньше не нашли друг друга. Казалось, они дружат всю жизнь, а не каких-то там (от весенних каникул до декабря) девять месяцев.

Егор сделал Денису прекрасный подарок: две кассеты с самыми свежими фильмами ужасов и мистики (включая «Дракулу» Френсиса Коппола) и трехтомник Стивена Кинга. Уж неизвестно почему, но Денис все это обожает. Егору тоже нравились вещи в таком духе, но на самом деле фильмы он любил другие. Конечно, и фантастику, и приключения, и динозавров он смотрел с удовольствием, но больше всего он любил «настоящее» кино. Европейское и отечественное. И очень редко что-нибудь стоящее

удавалось снять американцам. Ну, кроме молодых ребят из Нью-Йоркской школы и этой вездесущей компании Великого и Ужасного Тарантино. Мама Егора была, как она сама себя величала, киноманкой и таскала его с собой в «Иллюзион» смотреть фильмы Феллини и другую классику. Егор это помнил. Он любил маму. А Денису его мать, казалось, тихо действовала на нервы. Она была художницей, и, к своему великому стыду, Егор прозвал ее «отмороженной» или «декаденткой». Денису он об этом не говорил, но никак не мог понять, как у такой эксцентричной мамыши мог вырасти такой спокойный и уравновешенный сын. Сама она называла себя Люси. Денис и все окружающие — тоже. Люси расхаживала по квартире в каких-то немыслимых нарядах — разноцветных шалях с кисточками, хламидах и кимоно, исписанных диковинными знаками, — и постоянно пила пиво. При этом она оставалась на зависть подругам подозрительно худой. Отца у них не было. За свою жизнь Денис выслушал все возможные версии собственной безотцовщины: от традиционной — капитан дальнего плавания — до весьма экстравагантной — агент КГБ, внедренный в западный шоу-бизнес в роли кинозвезды. Несколько раз, когда количество выпитого пива превышало критическую норму, Люси устраивала просмотры голливудских фильмов с их «папой» в главной роли. Однажды «папа» даже играл Джеймса Бонда.

Егор позвонил в дверь.

— Мальчики, быстро открывать! — раздался из-за двери бодрый голос Люси. — Гость валит просто косяком — гость пошел!

А Егор думал, в чем же на сей раз предстанет веселая Денискина мамашка. В его прошлый визит Люси походила на оксфордского профессора и после того, как накормила ребят ужином, показала им свою новую незаконченную работу — множество искривленных пространств, как матрешки, входят одно в другое; глаза, полные ужаса, глаза, полные иронии и лукавства; в нижней части картины — разрыв общей ткани полотна, и там восходит солнце... И то ли потому, что за солнечным кругом были

прорисованы глаза, то ли еще почему, но создавалось ощущение, что какой-то мощный и спокойный взгляд наблюдает за вами из этого разрыва.

— А что это? — спросил тогда Егор.

В ответ Люси прочитала целую лекцию, и смысл ее сводился к тому, что Создатель вдохнул жизнь в множество Миров, а Человек — всего лишь зеркало для Создателя, и все множество Миров он видит в этом зеркале.

— ...Ну тогда другое дело, — произнес слегка ошарашенный Егор, а Денис лишь ухмыльнулся.

— Это что! — говорил позже Денис, когда они спускались по лестнице. — Иногда она несет такую пургу!.. Редко, конечно, обычно она — совершенно нормальный человек. Как-то она мне сказала, что где-то есть мост, который соединяет берег искусства и берег науки, берег религий и еще много разных берегов. И «тело» этого моста сделано из того же материала, из которого состоит Любовь. Это ее фраза, слово в слово. Я ничего в этом не понял, чушь скорее всего, но звучит красиво. Она иногда говорит странные вещи, но нечасто, и все равно я ее люблю.

...На сей раз Люси была увлечена Тибетом. Тибет — колыбель человечества, поэтому праздник предполагалось выдержать в гималайском стиле. Но так как никто из друзей Дениса особой привязанности к «колыбели человечества» не питал, Люси сочла возможным ограничиться китайской кухней. Ей удалось продать пару своих самых шизоидных (как выразился Денис) работ какому-то банку, в котором все, вплоть до управляющего, считали себя чуть ли не тайными адептами оккультизма, и теперь Люси была при деньгах. Она наготовила больше десятка блюд, половину с использованием негритянско-китайских соусов «Анкл Бенз», всем выдали палочки, было вкусно и забавно. Нона — полная и царственная грузинка, подруга Люси — испекла по собственному рецепту огромный шоколадно-ореховый торт, и ребята единодушно присвоили ему звание Самого Вкусного Торта в Мире. Так же, как Люси обожала пиво, Нона не расставалась с сигаретой, она по-

стоянно что-то там колдовала с картами и была в курсе всех астрологических новостей. Ребятам Нона очень нравилась; Егор считал, что в молодости она была потрясающе красива.

Люси решила не экспериментировать с рисовой водкой («пьяный тинейджер опасней пылесоса», — заметила по этому поводу Нона), но пива ребята получили вдоволь. Нона рассказывала о том, как она летала в детстве к феям. Люси невозмутимо заявила, что она и сейчас летает, а в последний раз пролетала над вершинами Гималаев (в этот момент Денис подмигнул Егору) и видела Город Цезарей. На что Нона ответила, что хватит пугать детей всякой ерундой, пора собирать старые кости и дуть на спектакль Романа Виктюка. При этом обе дамы весело переглянулись, заявив, что пришло время приобщиться к «новой мужской культуре», заодно освободив представителей молодежной культуры от своего застойного общества. Как только они ушли, Денис дал команду «расслабиться», объявив дискотеку, и небрежно бросил через плечо:

— В моем доме не целоваться! Если только с именинником. — А потом затащил Егора на кухню покурить. — Вот, раз пошла такая пьянка... — Денис извлек нераспечатанную пачку сигарет «Кэмел», и ребята в один голос весело прокричали:

— Только для настоящих мужчин — «Кэмел-Троффи» — сигареты «Верблюд»!

У Дениса была очень живописная кухня — они ее делали с Люси собственными руками: длинный деревянный стол, вдоль стола идут скамейки. На цепях подвешены скрипящие полки с разными экзотическими безделушками, в углу что-то наподобие рыбацкой сети, а под потолком — большое колесо-люстра, которую при желании можно было считать штурвалом пиратского корабля.

Денис торжественно открыл пачку «Кэмел».

— Ничего, старик, когда-нибудь и мы отправимся в настоящее путешествие «Кэмел-Троффи»...

— Как раз говорят, что в этих соревнованиях участвуют не профессионалы, а любители. — У Егора загорелись глаза. — Может, удастся?!

— Если у меня когда-нибудь будет много денег, я их буду тратить только на путешествия!

Они с удовольствием сделали по глубокой затяжке, выпуская густой влажный дым, превращающий кухню в африканскую саванну, а потом Денис, неожиданно смущаясь, сказал:

— Старик, ты только не подумай, что у нас вся семейка слегка чокнутая. Обещаешь?!

— Конечно... Я так и не думаю. Ты чего это?!

— Потому что я должен тебе что-то рассказать. Только — никому! Обещаешь?

— Дениска...

— Понимаешь, старик, что-то со мной не то... Я никому об этом не говорил...

— Чего не говорил?

— О новых игровых автоматах. Мы ходили тогда с ребятами, помнишь, я рассказывал?.. Ну, потом там со мной... это...

— Да знаю я все! Ты тогда просто перепугался, с любым может случиться.

— Не в этом дело. Люси запретила мне туда ходить, она сказала, что это плохое место. А я хожу каждый день и сегодня тоже...

— Ни фиги себе!.. Ты чего — дочь миллионера?

— Не смейся. Понимаешь, тянет меня к этим игровым автоматам.

— Еще бы не тянуло — суперкомпьютер! Всех тянет. Говорят, так здорово — маму родную забудешь! Ну что я тебе рассказываю...

— Со мной это по-другому...

— А на Западе эти игры вообще как форма наркомании, даже к психиатрам обращаются.

— Егор, послушай: когда я пришел после того, как... я...

— Ну ясно, после того раза.

— Да... Так вот, когда я пришел в тот четверг, у меня и денег-то было чуть-чуть. А Робкоп, это который на автоматах сидит, сказал, что старым клиентам — полцены!

— Классно!

— А я-то был всего второй раз.

— Значит, у них такая политика — заманить клиента! Капитализм.

— Вот именно, заманить...

— Радоваться надо. Я б с удовольствием заделался старым клиентом.

— Понимаешь, там еще несколько ребят играют вместе со мной. С них он берет по полной кассе, я специально наблюдал. А мне на следующей неделе вообще до семидесяти пяти процентов скинуть обещал.

— Класс! А что тебя беспокоит? Может, ты создаешь им массу проблем.

— Только приходи каждый день, говорит, тогда получишь скидку.

— Ты думаешь, может, он педик?

— Нет, там другое... Что-то совсем другое! — Денис какое-то время наблюдал за тлеющей сигаретой, а потом, еще больше смущаясь, проговорил: — Старик, не мог бы ты со мной походить дня три? Просто ради интереса.

— Заметано.

— Мне интересно, даст ли тебе Робкоп скидку. Действительно ли там дают скидки постоянным клиентам...

— Да не вопрос! У меня сейчас и деньги есть. Немного отложу предкам на новогодние подарки, остальное можем просадить. Что-то ты не то в голову вбил. Что тебя тревожит?

Денис резко поднял голову — какая-то сумрачная тень промелькнула по его лицу.

— Егор, помнишь ту драку, когда ты Логинову из газового пистолета засадил?

— Еще бы... Мне потом от отца так попало!

— Он еще ударил меня свинчаткой по голове...

— Конечно, помню! Подонок...

— Так вот, у меня здесь все прошло. — Денис взялся рукой за голову. — Рана быстро затянулась. А в ту среду, ну... когда я иг-

рал в первый раз и испугался, это место начало болеть. Очень сильно болеть!

— Наверное, переутомился...

— Возможно... Но боли начинаются внезапно, и знаешь, как они проходят?

— Как?..

Денис тяжело вздохнул, а потом произнес:

— Когда я иду к Робкопу, надеваю шлем и начинаю играть...

— В смысле?..

— Да! В зале суперкомпьютерных игр у меня все проходит. Правда, потом начинается снова, особенно по ночам — и кошмары снятся...

— Ну, может, ты действительно переиграл и надо взять тайм-аут? А то крыша потечет.

— Егор, а сегодня... Мне приснилось, что у меня в этом месте здоровущая дыра, а в нее вставлена стеклянная трубка. И по этой трубке мне в голову вливают что-то белое, как густое молоко. А я уже видел это белое, только никак не могу вспомнить где...

— Кошмар какой-то. Но это просто дурной сон.

— Да, только проснулся я под утро от дикой боли. Боли в этом самом месте.

5. Профессор современных и некоторых древних наук

В самом центре старой Москвы, в доме, стоящем на тихом перекрестке двух знаменитых улиц, на пятом этаже, увенчанном затейливыми башенками с высокими резными окнами, находит-

ся большая и весьма любопытная квартира. Разумеется (и это банальная истина), правы те, кто утверждает, что вещи есть продолжение их хозяев. Вещи говорят о владельце значительно больше, чем он бы желал, а порой даже то, о чем он и не догадывается. В наше перепутанное время, когда вещи стали менять хозяев, часто независимо от их доброй воли, как бы зажив своей жизнью, все еще более усложнилось. Что мы, например, можем сказать о владельце такой большой квартиры, да еще в центре Москвы? Пока что ничего. Возможно, она досталась ему в наследство, а возможно, он успешно продал чью-то нефть или чужие металлы и купил ее три дня назад. Перед кабинетом владельца — роскошная приемная с белыми стенами и элегантной, прямо из иллюстрированного каталога, мебелью. Ну, теперь мы можем сказать о хозяине, что он человек не бедный, но скорее всего весьма скучная личность. Добавим сюда синие оконные рамы. Оба-на, нам сразу становится жарко — мы, случайно, не в Бразилии? И почему это к потолку вместо люстры подвешена большая рыба? Хозяин, возможно, заядлый рыбак? Только рыба какая-то странная, какая-то кистеперая — такую запросто можно было выловить в любой луже лет сто пятьдесят миллионов назад. А что это за фигурки стоят по углам? Древний бог Тот, Асирис, египетский бог Солнца — Ра... Еще один бог Солнца с берегов озера Титикака. Хозяин — богатый собиратель древностей? Макеты пирамид, странная спиральная башня, на стенах в живописных рамках фотографии дальних стран с дружескими подписями: Тур Хейердал, Яцек Палкевич, Жак Ив Кусто... А, так хозяин, наверное, известный путешественник! Буддийские маски из Внутренней Монголии, статуэтка богини Кали, магический гонг, фигурка грозного Вотана, снова спиральная башня... Крайне странные предметы для скучной личности.

Однако заглянем в кабинет. Здесь странных вещей еще больше. Можно даже сказать, что, кроме большого рабочего стола и книжных полок, тянущихся от пола к потолку (на книгах останавливаться не будем — такой коллекции позавидовала бы лю-

бая библиотека), здесь все вещи странные. Как, к примеру, причудливый потолок с картой звездного неба. Впрочем, и со столом не все в порядке. Стол деревянный, ручной работы, но присмотритесь повнимательнее к его ножкам: что это за ухмыляющиеся черты и прочая безобидная нечисть несет стол-ковчег на своих греховных плечах? Хозяин утверждает (возможно, шутит), что это копия, подаренная ему друзьями к 35-летию, а за оригиналом создавал свои бессмертные тексты Великий Магистр и писатель Анатолий Франс.

Хозяин высокого роста, прекрасно сложен, у него светлое, открытое лицо, изумрудные и очень пронзительные глаза. В уголках этих глаз застыл озорной огонек. Скорее всего женская половина человечества признала бы его красивым. По крайней мере большинство студенток на факультетах, где он читает лекции, влюблены в своего профессора. И безусловно, все, посещающие его семинары, признают, что профессор Ким — крайне неординарная личность и в доску свой парень. Ну где вы еще отыщете профессора, который сыграет на гитаре партию любой сложности, проплывет за институт стометровку вольным стилем, выступит в спарринге по боевым восточным единоборствам да еще найдет время потолковать с вами об алхимических воззрениях Леонардо да Винчи и полотнах Дали, о темперированном клавире Баха и хриплом голосе Тома Вэйтса? Что, скажете, такого не бывает?! Тогда можете захлопнуть эту книгу прямо сейчас и выбросить ее в мусоропровод! Если же вы этого не сделали, мы можем продолжить разговор о профессоре Киме.

Конечно, он не так хорош, как кажется с первого взгляда. Во-первых, он всегда и везде, за исключением небольшого количества личных вещей, разводит жуткий бардак. И порядок в этом доме держится на хрупких плечах милейшей женщины-экономки. А бардачный профессор (кстати, еще достаточно молодой и неженатый) даже не называет ее по имени. Он прозвал эту степенную даму в возрасте просто Мадам. И это — во-вторых. Но она не обижается. Напротив, Мадам обожает своего работодателя и уверена, что ког-

да-то, очень давно, еще в детстве, профессор Ким просто отказался взрослеть. Как Питер Пэн. И уж кто-кто, а Мадам-то знает, что ему это удалось. Однако возникает законный вопрос: чем таким занимается наш профессор и как ему на скромное профессорское жалование удастся содержать квартиру, напичканную не только музейными редкостями, но и массой всякой новейшей электроники, разными затейливыми приборами, да еще, судя по фотографиям, путешествовать по всему земному шару? Да, вопрос, конечно, справедливый, но не будем заострять внимание на меркантильных проблемах — из дальнейшего повествования мы узнаем, чем же таким занимается наш профессор. Сам он полусхвастливо заявляет, что соединил новейшие научные открытия с некоторыми древними знаниями, и получилось очень даже ничего! И, весело улыбаясь, добавляет, что в старину таких, как он, звали волшебниками, чародеями или колдунами. Как вам больше нравится! «Ищите Истину на грани наук и преданий» — выгравировано на металлической зажигалке «Zippo», с которой профессор не расстанется уже десять лет. Вот такой он, наш профессор, названный дедушкой — пламенным революционером и знатоком Востока — не Марленом и не Виленом, а Кимом, в честь великого вождя корейского народа. Так как имя оказалось довольно редким для наших широт (не много по Москве бродит Ким Иваннычей и Ким Ир Сен Степанычей), наш герой решил для краткости так и называться — Профессор Ким. Конечно, после того, как получил звание профессора, что случилось с ним в весьма раннем возрасте.

— Мадам, Мадам! — зовет Профессор. — Не приготовите ли еще чашечку кофе для одного банкира, еще рюмку водки для одного водолаза и стаканчик чаю для меня?

— Разумеется, Профессор... В общем-то это не мое дело, но все же позволю себе напомнить: данный джентльменский набор я повторяю в пятый раз за последний час.

— Не говорите, Мадам. Кого-то с утра посещают любящие дети и нежные жены, а кого-то — кофеманы и алкоголики.

Радостный смех коренастого бородача в свитере грубой вязки и сдержанная улыбка молодого, элегантно одетого мужчины показали, что они не против подобных оценок.

— И заметьте, Мадам, пристрастие к возбуждающим зельям не помешало одному сохранить форму практикующего костолома, а другому весьма удачно маскироваться под яппи.

— Видишь ли, Кимушка, — засмеялся бородач, — у русского человека напивается не тело, а душа, дух!

— Стремящийся поскорее покинуть тело, — с улыбкой добавил яппи-банкир.

— Будь я духом Артура, — указал бородач на элегантного мужчину, — я бы не торопился покинуть так модно одетое и ухоженное тело.

— Спасибо, — поблагодарил Артур, — я переговорю об этом со своим духом. И все же вернемся к нашим баранам...

— Сам такой! — обиделся бородач.

— Да нет, он скорее всего имеет в виду меня, — ухмыльнулся Профессор Ким.

— Тогда бы я сказал — жеребцам, — произнес Артур.

— Спасибо хоть не свиньям, — вставил бородач.

— А я сказал «баранам», видимо, имея в виду тех, кто все это будет оплачивать... Так что, как насчет моего предложения?

— Затонувшие галионы?..

— Совершенно верно! Испанские галионы, целый караван, предположительный район поиска — Бискайский залив. Группа банков готова финансировать проект при условии, что в деле будет такой авторитет, как Профессор Ким.

— А галионы, судя по первоисточникам, полны золота, — пробурчал водолаз. — И в случае удачи твоя группа банков получает второй золотой запас России...

— Возможно, это всего лишь возможно. А очевидно только то, что флотилию ищут уже не одну сотню лет, и пока никто не получил даже дырочки от бублика. Первоисточников не хватает; для объективности картины нужно, чтобы Профессор Ким применил свои нетрадиционные методы, как это было с кладом Гектора.

— Я недавно прочитал, что мои методы полностью антинаучные, — улыбнулся Профессор Ким.

— Я давно это утверждал! — вставил бородач.

— Спорить с академическими кругами не берусь, — произнес Артур, — я поэтому и завязал с наукой.

— А, ну да, ваш банк — все сплошь математики и физики...

— И лирик Артур, — рассмеялся бородач. — Энергия накопления капитала равна массе банкира на квадрат скорости света.

— Сейчас время дилетантов. — Артур сделал большой глоток кофе, и его чашка опустела. — Мы все делаем только первые шаги и учимся уже в дороге.

— Ты, Артур, прямо даос. — Бородач, улыбаясь, поглаживал свою бороду. — Но согласись, если судить по капиталам, которые сделал ваш новый атакующий класс, вы уже давно не ученики.

— Не будем переходить на классовую терминологию, — мягко улыбнулся банкир. — Мы все гораздо большего добьемся на позиции всеобщего сотрудничества. Сейчас в России несложно заработать большие деньги, гораздо труднее их сохранить и грамотно использовать.

— Например, вкладывая в полубезумные авантюры? — поинтересовался Профессор Ким.

— И так тоже, — пожал плечами Артур. — Ты что думаешь, только ты не наигрался в детстве в пиратов и кладоискателей?

— А также в членов Тайного Общества Колдунов, — тут же добавил бородач. — Сокращенно — «в членов»...

— Да, вот именно, — сказал Артур. — Поверьте, ребята, среди людей, с которыми я веду дела, таких — великое множество.

— «Членов», ты имеешь в виду? — поинтересовался бородач.

— Да, с очень большими деньгами, неудовлетворенным любопытством или самолюбием, повернутых на магии, тайных доктринах и древних знаниях. И для них Ким — звезда первой величины! Галионы — что! Они готовы финансировать самый безумный проект — путешествие к берегам озера Титикака или к ламам Тибета... Если в деле Профессор Ким, то у него в руках

ключ к древним знаниям или он может его отыскать, поэтому за финансированием дело не станет... Вот так! Бизнес — та же физика, по крайней мере сумасшедших там не меньше!

— Действительно, — сказал водолаз, — я, конечно, не банкир, но по мне, лучше финансировать экспедиции безумных ученых, чем избирательные кампании придурков политиков. Хотя никто не знает, что в итоге принесет больше вреда. Шучу.

— Артур, а я думал, что со времен твоего банкротства ты стал более прагматичным человеком, — грустно улыбнулся Профессор Ким.

— А я и стал! Все, что я предлагаю, имеет под собой чисто прагматические цели. Видишь ли, Кимушка, с тех пор, как мы играли в Тайную Войну, в Непроходящую Битву, ничего не изменилось!

— Кроме того, что мы стали взрослыми.

— С тех пор ничего не изменилось, — проговорил Артур. — Ведь наш Орден Белых Рыцарей никто не распускал.

Профессор Ким бросил быстрый взгляд на друга и ничего не сказал.

— Нет, ну ты гляди, — широко улыбнулся бородач, — все помнит! Ким, я еще в школе говорил — у Артура не голова, компьютер. Может, ты еще наш устав помнишь?

— Я помню все, — серьезно сказал Артур, — и мои представления о мире не претерпели существенных изменений. И потом, если не мы — этим займутся другие. В мире много тайного, и когда мы в детстве создавали Орден Белых Рыцарей... Я помню все.

— Тогда, мужики, я скажу одно, — растроганно проговорил бородач, — дураки мы! Разве можно так редко видеться?! За это стоит выпить.

— Выходит, Старый Рог вновь трубит сбор? — полушутя произнес Профессор Ким.

— Выходит, что так...

И три старых друга, не сильно повзрослевшие, несмотря на количество пройденных лет, поднялись со своих мягких кресел и крепко обнялись.

Дверь открылась — в комнате появилась Мадам. Зрелище обнимающихся мужчин привело ее в некоторое замешательство.

— Я же предупреждала, что столько возбуждающих напитков с утра ведут к излишней чувствительности, — нарочито сухо проговорила она. — Не хочу мешать столь откровенной беседе, но я позволила себе внести некоторые коррективы: вам, Олег, не помешает большой мясной бутерброд, а также селедка в винном соусе в качестве закуски...

— Благодарю вас, Мадам! Ким бы уморил меня голодом...

— А фигуру Артура не испортят пирожные... Я их приготовила сегодня утром.

— Ваши знаменитые эклеры?! Вот спасибо! Все же везет нашему Киму — у него есть такой клад, как вы...

— Да уж, по части везения я всех сделал! Во мне, наверное, дремлет великий игрок в рулетку...

— Скорее всего карточный шулер, — вежливо добавил Артур.

— А вы ничего не перепутайте, — улыбнулся Профессор Ким. — Эклеры к водке, а селедка — к кофе со сливками. Утрете нос вьетнамским кулинарам.

— Да, конечно, мы обычно так и поступаем...

— Утирание носа вьетнамцам в какой-то момент стало целью и смыслом всей нашей жизни.

...Потом они ушли, а Профессор Ким остался один в своем причудливом кабинете. Их детский Орден Белых Рыцарей никто не распускал. Никто, кроме Времени. Мы все остаемся верны обещаниям, данным в детстве. Но каждый — по-своему. Потому что времена меняются. Хотя как там было в уставе? «В миру ты можешь быть кем угодно и заниматься чем тебе хочется... Однако на самом деле ты остаешься Белым Рыцарем, должен соответствовать требованиям, предъявляемым Орденом, и прибыть немедленно по зову Старого Рога!» Вот такая патетика!

Профессор Ким усмехнулся. Устав они сочиняли вдвоем с Артуром, остальные вносили разные коррективы и дополнения.

Олежа предложил записать: «Отступничество карается Отлучением», но Артур настоял на своей формулировке: «Отступничество карается Смертью»...

Профессор Ким закурил и подумал, что действительно во что-то они в детстве не доиграли. А может, и нет. Поэтому Профессор Ким отклонил, по крайней мере временно, предложение Артура, сославшись на большую загруженность на кафедре. Правда, пообещал, что, как только возникнут какие-либо идеи, он немедленно даст о себе знать. Профессор Ким посмотрел на полную пепельницу: когда они встречались в прошлый раз, почти полгода назад, на Камчатке, на восхождении, Олежа курил папиросы, Ким щеголял, попыхивая трубкой, а Артур предпочитал «Мальборо». Сегодня все трое, не сговариваясь, извлекли сигареты «Кэмел». Бывают и такие совпадения, мелочь, конечно, но все же любопытно.

Разумеется, на кафедре полно работы, но не в этом дело. Уже давно Профессора Кима интересует одна проблема, но об этом никто не знает. Даже Мадам. Мадам в курсе всего, что делает Профессор, кроме одной маленькой, но очень любопытной проблемки. Потому что если она превратится в Большую Проблему, то понадобится помощь. И возможно, не только Мадам. И не только Артура.

Профессор Ким достал новую сигарету и начал крутить ее пальцами. Он не обратил внимания на звонок в дверь — все визиты на сегодня окончены. Вероятно, кто-то из соседей, Мадам разберется. Профессор Ким думал, что, конечно, испанские галионы и Атлантика — это здорово и отказываться от такого может только сумасшедший. Но если позже, ближе к лету...

В дверь постучали. Это была Мадам:

— Профессор, к вам гостья. Очаровательная, но весьма настырная. Говорит, что это очень важно.

— Гостья?.. — растерянно проговорил Профессор. — Я никого не жду. — Он продолжал думать о галионах.

Из-под локтя Мадам выпорхнуло маленькое и очень живописно наряженное существо. Оно изучающе оглядело Профессо-

ра своими большими ясными глазами, словно ему надо было что-то окончательно решить, потом произнесло:

— Ага, вы ведь знаменитый Профессор Ким?

— Ну, не настолько знаменитый. — Профессор удивленно отложил в сторону сигарету. Ему вдруг показалось, что он слышит странные звуки: где-то далеко и приглушенно били африканские барабаны. Потом Профессор улыбнулся девочке — какие барабаны, скорее всего Мадам просто смотрит телевизор.

— Не скромничайте... Мы ваши соседи с нижнего этажа. У меня очень важное дело. Не могли бы мы остаться наедине?

Профессор оглядел гостью — это была маленькая девочка, на вид лет девять-десять. В руках она теребила какой-то странный предмет.

— Да, простите, забыла представиться. Для меня это крайне неприятный момент. И хоть я, конечно, против, родители меня зовут Дорой... Как считаете, совсем дурацкое имя?!

6. Не все студенты — отъявленные проходимцы

В поединке Стержень — Дядя Витя установилась временная ничья. Стержень признал, что статус Дяди Вити, увы, не позволяет так сразу взять и завязать, здесь нужна плавность. А уж Дядя Витя знал, что такую плавность в состоянии предложить только пиво. Тем более что Студент оказался вовсе не болтуном и опохмелялись действительно «на его». Но и Дядя Витя признал, что это последний день его загула. Потому что что-то не так. Совсем не так. Над его королевской жизнью нависла

страшная угроза, опасность, подкрававшаяся незаметно, пока Дядя Витя, пребывая в чудесной эйфории, угощал всех и вся. Это уродливое чудовище — страшная опасность — было облачено в одежды доброжелательных маклеров и респектабельного нотариуса с жесткими насмехающимися глазами. «Норс. Операции с недвижимостью». Его недвижимость прооперировали так, что она дышала на ладан. Теперь Дядя Витя отчетливо помнил, что он подписал. Одним документом была генеральная доверенность на право распоряжаться имуществом. «Это чтоб тебя не беспокоить, Дядя Витя», — уверяли маклеры. Но были и еще какие-то бумаги, несколько, и Дядя Витя, щедрый, как индийский раджа, подписал их все. Он готов был подписать все что угодно! Потому что в тот момент он был щедрее индийского раджи и могущественнее багдадского эмира; он был Повелителем Рек и Хозяином Воздуха, Покровителем Лунных Приливов и Магараджей Цунами. Впервые за свою жизнь он переживал короткий миг полнотой, всей душой, впервые он полностью ощущал себя. Он был Человеком, и еще никогда Человек не был столь добр и столь могуществен. И в общем, не беда, что виной этому были незапные деньги и алкоголь. И не беда даже, что все это, как уверяет сейчас Студент, оказалось иллюзией. А что не есть иллюзия, скажите вы мне? Он пережил что-то наподобие первой любви, он пережил короткий роман с Жизнью. В каком-то смысле он даже был благодарен ребятам из «Норса». Даже если они и собирались с ним сделать то, в чем уверял Студент, — отобрать у него все и, возможно, жизнь, — он им был как-то странно благодарен. Потому что на закате этой самой жизни был удивительный миг и в нем — Дядя Витя в ослепительных нарядах графа Монте-Кристо.

— Глупости! — отрезал Студент. — Все это дурацкие глупости и полный идиотизм. Не ожидал я от тебя, Дядя Витя, такого нелепого взгляда на вещи. Все это, конечно, здорово, если бы не напоминало подростковые стишки и не было дурацкими глупостями! Дядя Витя, это эйфория — эйфория от длительного запоя.

— Нет, Сашок (Александр, Студента звали Александром), я все понимаю. Что-то я, старый дурень, сморозил. Но если картина такая, как ты обрисовал, что мне делать?! Если нотариус и тот бандит! В ментовскую заявку подавать? Так у них все документы в приличии, моя же подпись стоит. Да потом, и ментура куплена.

А картина, обрисованная Студентом, была весьма мрачной. Алмазная гора, лежащая перед Дядей Витей, была лишь миражем, опасной личиной, ибо он потерял все. По версии Студента, он подписал бумаги, достаточные, чтобы вышвырнуть Дядю Витю на улицу. Так как он либо уже продал квартиру, либо передал по доверенности право распоряжаться ею, да еще, судя по всему, расписался в получении всей причитающейся суммы денег. Крупный аванс был всего-навсего наживкой, раскруткой, на которую Дядя Витя клюнул и ушел в запой. Далее он не получает ничего и, возможно, после теперешнего пива возвращается в чужую квартиру. Обычно после того, как все бумаги подписаны, люди — старики, пенсионеры, просто алкаши («Ты только поймай, Дядя Витя, правильно!») — пропадают. Чтобы не рыпались. Наши новые богатые, устраивающие блестящие презентации и спонсирующие телевизионные шоу, не брезгают этим. Деньги не пахнут. Особенно на этапе первоначального накопления капитала. Особенно когда все лихорадочно делится и надо успеть, пока пирог теплый.

— Дай Бог, Дядя Витя, чтоб я ошибался. Может, я слегка мрачновато гляжу на вещи и на людей, но заставить подписывать пьяного в дым человека какие-то бумаги, множество бумаг... К сожалению, скорее всего я прав. И потом, это случай из практики. Из юридической практики.

— И что же мне теперь делать? — жалобно спросил Дядя Витя.

— Не знаю. — Студент сделал большой глоток пива. — Мне кажется, если я прав, тебе, Дядя Витя, крайне опасно оставаться сейчас в квартире одному, надо выйти из запоя, необходима приличная форма, прежде чем что-либо предпринимать. Иначе тебя и слушать никто не будет. Вот что: через пару дней у Алки предки

уедут в дом отдыха. И если предпринимать какие-то резкие телодвижения, то это время тебе лучше пожить у нее.

— Да что ты, что ты! — запротестовал Дядя Витя. — Да она...

— С ней я разберусь... Обломаешь нам медовый месяц, делов-то!

— Да нет, неудобно. Я, может, у Андрюхи... У него теща послезавтра уезжает. Ну и Короля можно оставить...

— Подожди, — сказал Студент. — А пока... У нас с ребятами в колледже...

— Чего?

— Не перебивай... Мы держим вчетвером с друзьями небольшое кафе. Пару дней можно перекантоваться там, типа — ночной сторож. А я проконсультируюсь с мужиками с юрфака, что тут можно сделать.

— Это что за фака такая?

— Юрфак. Дядя Витя, — улыбнулся Студент, — юридический факультет. Мы же юристы. — И Студент обнял свою подружку. — Юристы мы!

Дядя Витя молча сделал большой глоток пива, посмотрел на уже пьяного в дым Андрюху, порывающегося без конца рассказывать одну и ту же историю, и почувствовал, что он вот-вот заплачет.

— Скажи, Сашок, — хрипло проговорил Дядя Витя, — а зачем тебе все это надо? Ты же мне помогаешь...

— Ну!.. — Студент задумался, а потом загадочно улыбнулся. — Мое же имя — Александр! По-древнегречески значит защитник слабых, защитник людей. И потом, мы же юристы. Наверное, поэтому. — И он рассмеялся. — Юристы мы!

А Дядя Витя с благодарностью подумал, что, может, что-то новое, начавшееся в его жизни, так не закончится. Ну не может же все быть так несправедливо. Ну хоть когда-то с человеком должна жизнь поступить не по-скотски.

— Ладно, мужики, — сказала Алка, — расслабьтесь. Все будет хорошо. Мне почему-то так кажется. А сейчас давайте перекусим и еще один денек отдохнем. Впереди — сложная сессия. — Она

обвела всех своими большими, чуть влажными глазами, улыбнулась и добавила: — И у Дяди Вити тоже.

А Дядя Витя подумал, что молодец Сашок — знатную девку отхватил.

Они заказали еще сосисок и пива и не позволили Дяде Вите заплатить ни копейки, а потом в это простое и чудесное кафе, украшенное рождественской елкой, гирляндами и сугробами снега из ваты, пришли их друзья. Они притащили с собой гитару и были очень удивлены вечным союзом студентов и пенсионеров. И тем не менее они пили за Дядю Витю, за Сашку с Алкой, за наступающее Рождество и просто за то, что жизнь — хорошая штука. Они пели, довольно шумно и довольно весело, и никто их не обрывал, а Дядя Витя подумал, что студенты скорее всего самые лучшие люди на свете. Затем они всей компанией отправились гулять и забрели в «Суперкомпьютерные игры». Дядя Витя такого не видел. Никогда. Он играл первый раз в жизни и превратился в ребенка, загипнотизированного игровым автоматом. Он понял, что был лишен в жизни чего-то очень важного, и все это навостывал сейчас, за последние две недели. Дядя Витя никогда не предполагал, что он так азартен и что есть нечто настолько интересное! До такой степени, что он абсолютно уверился — именно этого ему недоставало всю жизнь. Андрюха, впрочем, не проявил никакого интереса, и, пока все развлекались, он попил пивко, сидя в уголке на деревянной табуреточке.

— Ну, Дядя Витя, ты даешь! — улыбалась Алка, когда они вышли из зала игровых автоматов. — Ты прямо чудил, как маленький.

— Так я ж... — засмутился Дядя Витя. — Это ж интересней, чем на самом деле.

— Да, кстати, насчет квартиры я кое-что придумал, — сказал Студент. — Есть у нас на кафедре один малый, кандидат наук. Про него говорят, что он просто гений. Будущая звезда! К нему мы и обратимся. За ним числится должок, пришло время отработать.

— Спасибо, — растерянно улыбаясь, проговорил Дядя Витя, — наверное, все будет хорошо...

— Точно, — улыбнулась Алка, обнимая своего Студента. — Я знаю, о ком он говорит. Точно будет хорошо.

Но никто из них не предполагал, как на самом деле все решится и как это окажется не похоже на все то, о чем они сейчас думают.

7. Может быть, сыграем в «Велую Комнату»?

— **Е**гор, Егорка, — позвал Денис, — только я тебя прошу: отнесись к этому серьезно. Если все это глупости и мне только кажется, пусть будет так. Возможно, я ошибаюсь и мы вместе потом над этим посмеемся.

— Но ты и вчера говорил, будто Робкоп какой-то странный. А я не заметил ничего особенного. Нормальный мужичок, совершенно безобидный и скорее всего действительно просто служащий. Это же видно — он человек небогатый. И уж наверняка ко всем, кто у него играет, он относится совершенно одинаково. Я тебя уверяю.

— Ты вчера был в первый раз... Ну ладно, может, я действительно все выдумал. Только я тебя прошу — сегодня еще посмотри, ты же мужик наблюдательный. Договоримся так: сегодня — в последний раз. Если я все выдумал, то просто забудем об этом.

— Заметано...

И они толкнули дверь на пружинном ходу. Та сделала плавный поворот, пропуская их в тишину павильона суперкомпьютерных игр. Было еще рано — их отпустили с третьего урока, — и в дальней комнате, где имелась своя дверь и стояли аппараты попроще, забавлялась какая-то малышня. Но в зале виртуаль-

ной реальности они оказались одни. И даже Егор обратил внимание на то, что здесь как-то по-особенному пустынно. Егор вдруг вспомнил недавно прочитанную книжку и почему-то подумал: а вдруг здесь совершаются ритуальные обряды? Что-то странное, необъяснимое было в воздухе, что-то... жидкое. Хотя, может, просто Денис нагнал страху? Автоматы, компьютеры, шлемы с тяжелыми планками очков отливали тихим матовым светом. Рядом на столике лежали соединенные со множеством проводов массивные сенсорные перчатки.

«Словно древнему рыцарю перебили руку и положили ее на жертвенник, — промелькнуло в голове у Егора какое-то дикое сравнение. — Ерунда, это самые обычные электронные перчатки. Только... А что если одна из них сейчас, прямо на глазах, в абсолютно пустынной тишине возьмет и разожмет пальцы?»

Егора передернуло — нет, точно, нагнал Денис страху, что за нелепые аналогии... Какая-то теплая волна пробежала по залу, и в следующее мгновение оба мальчика чуть не вскрикнули. Потому что повисшую в воздухе тишину вдруг разрезал зычный голос:

— А, старые клиенты! Давайте проходите, мы всегда рады старым клиентам!

Ребята одновременно повернулись — к ним навстречу, улыбаясь, шел смотритель, а может, все-таки хозяин аппаратов Робкоп. В какой-то миг Егор подумал, что ему очень не нравится то место, откуда шел Робкоп, но эта мысль не успела сформироваться. Потому что включилось яркое электричество, вслед за ним группа «Браво» запела «Московский бит», и от тревоги не осталось и следа — они действительно находились в месте развлечений. Причем самых лучших развлечений в Москве. Все чаще сюда стали заходить взрослые, и, например, вечером к наиболее крутым аппаратам просто не пробиться. А сейчас выбирай все что хочешь.

— Ну как, ребятки, откроем пару пепси и в бой? — Робкоп очередно включал аппараты; как-то странно он сегодня вырядился, словно лондонский таксист из фильмов 50-х годов.

— Да, и в бой, — подтвердил Денис.

— Для старых клиентов, — заговорщически подмигнул Робкоп, — у нас предусмотрены скидки.

Ребята переглянулись, а Робкоп продолжал:

— Но не все старые клиенты одинаковы... Среди них есть особенные. Ловите мою мысль? Так вот, скидки предусмотрены для особенных старых клиентов. Надеюсь, вы понимаете, о чем я?! — Ребята, словно загипнотизированные, согласно закивали. — Поэтому я и говорю: скидки — для старых клиентов!

Робкоп улыбнулся, и Егор подумал, что в его улыбке нет ничего отталкивающего. Действительно, Денис — особенный старый клиент, и Егор тоже надеялся таким стать. Денис ходит постоянно и, главное, понимает в этом толк. Он так увлеченно рассказывает о новых аппаратах, столько ребят благодаря ему стали ходить сюда... От этого заведению только процветать! Конечно. Поэтому нет ничего странного в том, что для таких клиентов предусмотрены скидки.

— Совершенно верно, — словно в подтверждение, проговорил Робкоп, — именно для таких особенных клиентов наши скидки. Ведь они-то понимают в этом толк, понимают, что перед ними не безмозглые ящики, по которым можно стучать кулаком, если что-то там не работает. Понимают, что это такая вещь, за которую и душу можно выложить! Ловите мою мысль?

— Да-да, конечно, — проговорил Егор, а сам подумал, что Робкоп скорее всего несет чушь. Как наперсточники на базаре, чтобы завлечь побольше народу. Все-таки эти балаганщики одинаковы, и все, что им надо, — это ваши денюжки. Меняется только ассортимент удовольствий, предлагаемых ими взамен. И это все, чего достиг научно-технический прогресс? От этой мысли Егору вдруг сделалось очень весело.

— Ну и что у нас новенького? — как-то неожиданно по-хозяйски спросил Денис. Все его сомнения и неуверенность куда-то улетучились.

— Ты нетерпелив, — улыбнулся Робкоп. — На этой неделе поступит лазерка с «Юрским парком». Закачаешься — это топ! — И Робкоп засеменил на своих коротких ножках к сейфу с компакт-дисками. — А пока — все то же. Но вы же знаете: вариантов столько, что и жизни не хватит, чтобы все переиграть. Конечно, по молодости всегда хочется чего-нибудь новенького.

— Ну уж, прямо и всей жизни, — ухмыльнулся Егор.

— Вы, юноша, напоминаете мне одного индийского раджу, он жил очень-очень давно. — Робкоп удобно устроился за своим столиком и продолжил: — Раджа рассуждал примерно так же. Когда изобретатель шахмат попросил за свое великое творение награду — всего лишь одно пшеничное зерно за первую клетку шахматной доски, два — за вторую, четыре — за третью, восемь за четвертую и так далее, Раджа был крайне удивлен скромностью просьбы. Однако в его закромах, и полагаю, что и в закромах всего остального мира, не нашлось столько зерен...

— И сколько же килограммов зерна не нашлось у раджи?

— Килограммов... даже самая простая арифметика показывает, что мир сложнее, чем кажется... Число оказалось очень велико! Плядите на экран компьютера, я его сейчас выведу. Итак, раджа задолжал изобретателю вот столько зерен...

Ребята посмотрели на монитор, там появилось: 8 624 366 313 386 270 208.

— Ну как, внушительно? — улыбнулся Робкоп. — Примерно пару триллионов тонн.

— Вот это да!

— Я же говорю, вариантов очень много. Как-нибудь я вам еще много чего интересного смогу рассказать, а сейчас — в бой, ваши перчатки и шлемы ждут вас. В бой, компьютерные рыцари!

— Вот здорово! — Ребята вдруг почувствовали полное доверие и дружеское расположение к этому человеку в забавной кепке таксиста, и Робкоп сам вытянул первый лазерный диск.

— Поставлю вам для разминки «Звездные войны», погоняйтесь друг за дружкой. Это в подарок от заведения, а дальше уж выбирайте сами.

Восхитительные три минуты промчались мгновенно. Они побывали в компьютерном космосе в роли Звездных Рыцарей, постреляли из бластеров, умудрились уничтожить пару галактических империй, а затем сняли шлемы. В общем-то это была самая простая из трехмерных игр. Робкоп прав — такое может быть не более чем разминкой. Даже сенсорных перчаток не понадобилось — осязаемых эффектов в этой игре нет.

Денис сделал большой глоток пепси, посмотрел растерянно поверх автоматов, сделал еще один глоток, а потом резко повернулся к Егору:

— А не сыграть ли нам в «Белую Комнату»? — Денис улыбался. — Знаешь, с того раза я все боялся попросить этот компакт...

— Давай! Ты правильно все решил, Дениска. Покончим с этим! Давай наперегонки: кто первый дойдет до Белой Комнаты. Только идем разными путями — Робкоп же говорит, что вариантов много.

Они играли долго. И, несмотря на предоставленную пятидесятипроцентную скидку, проиграли все деньги. Ни Денис, ни Егор так и не дошли до двери в Белую Комнату, где ждал приз. Они ее просто не нашли. На сей раз Денис заплутал в лабиринте, полном крыс и всяких мерзких тварей, был почти раздавлен опускающимся потолком, чуть не пронзен острыми пиками, спрятанными в каменных стенах, а потом едва не сварен в масле, когда пол неожиданно обрушился и он повис, держась одной рукой за крюк. Словом, Денис испытал весь набор острых ощущений, пока не понял, что заблудился. Оставалось одно — снять шлем, признав неудачу, и начать все сначала. Но Егор еще игру не закончил; наоборот, он с кем-то очень увлеченно сражался, судя по жестам и издаваемым звукам. Его рука в сенсорной перчатке, казалось, сжимает рукоять меча. И Денис решил продолжить игру.

Егор же действительно сражался в Заколдованном лесу со страшным монстром, похожим на Минотавра. Монстра он победил, но потом на него напали разбойники и упрятали его в каменный мешок, оказавшийся частью подземного лабиринта. Там Денис и Егор встретились. Им было очень интересно узнать, как их обозначил компьютер. Оказалось, просто два человечка, стилизованных машиной под средневековых воинов, неожиданно попавших в космическую эру. Комиксы — они и внутри компьютера комиксы. Надо будет попросить Робкопа, чтобы он просканировал их фото. Тогда в этих играх они будут похожи сами на себя. Еще один Денис и еще один Егор будут жить внутри компьютера. Ребята помогли друг другу выбраться из каменного мешка, но ни леса, ни разбойников больше не было. Вокруг простиралась безжизненная равнина, залитая ровным голубым светом, в небе мерцали чужие звезды. Они сделали несколько шагов по каменистой дороге, и освещение изменилось. Возможно, они находились в жаркой египетской пустыне, среди полуразрушенных пирамид и исполинских статуй древних богов, а может быть, компьютер смоделировал нечто совсем иное, но ребята поняли, что они окончательно заблудились и Белую Комнату сегодня не найдут.

— Время игры заканчивается, — мягко прозвучало в наушниках.

Что ж, пора снимать шлемы, удовольствия не могут быть вечными. И это в тот момент, когда на горизонте появились армии фараона, и боевые слоны с черными погонщиками, и тяжелые колесницы, запряженные гневными лошадьми в золотых сбруях, ослепительно горящих на солнце. Пехота, вооруженная плетеными щитами и длинными копьями, поднимая столбы пыли, быстро приближалась. И в этот восхитительный миг — миг настоящего сражения с одной из величайших армий древности — надо снимать шлем! Увы, даже Робкоп говорит, что удовольствия не могут быть вечными, хотя ему от этого прямая выгода. И главное, так сегодня и не удалось отыскать Белую

Комнату. Значит, в следующий раз. Руки тянутся к голове, вот Денис ощущает пальцами холодную пластмассу наушников, сейчас картинка исчезнет... И перед тем как снять шлем, что-то заставило его обернуться, еще раз бросить взгляд на египетскую пустыню. Его звал Сфинкс. В какое-то мгновение Денису показалось, что сила этого зова ему знакома; в памяти промелькнула Белая Дверь в Белую Комнату, опасная и чарующая одновременно. Пустые каменные глаза Сфинкса излучали холодный и бесконечно древний свет. Сфинкс улыбался. И может быть, Денису только показалось, что уставшие созерцать вечность каменные глаза начали открываться? В следующую секунду он снял шлем. В зале уже было полно народу, Синатра пел о путниках в ночи, а напротив сидел Егор и восторженно улыбался:

— Да, здорово было! Все деньги продули, но все равно — здорово! Когда эта армия появилась, так не хотелось уходить... я имею в виду — оттуда.

Денис почувствовал, как что-то скатилось по его лбу, а потом по носу. Он провел рукой — это были капельки пота.

— Ты Сфинкса видел?

— Не... Я на армию смотрел...

— Там, у разрушенной пирамиды, откуда шла армия?

— Нет. Слонов боевых видел и даже слышал, как они трубят. Хорошо знаешь, что это игра, а так страшно. Немудрено, что ты в прошлый раз испугался.

— Послушай, Сфинкс был огромный, армия его обходила с двух сторон...

— Не было там никакого Сфинкса! Хотя, может, я не заметил... Я на солдат смотрел. Они... они страшнее, чем в кино, какие-то они...

— Странно, он же там был.

— Ну чего ты заладил?! Это какой Сфинкс, который загадки задавал?

— Загадки?

— Ну если ты про этого всем известного Сфинкса у пирамиды Хеопса, то он задавал загадки. Самая крутая — утром на четырех, днем на двух, а вечером на трех ногах. Надо отгадать, кто это. Отгадать никто не мог. Оказалось, это человек. Утром — младенец, днем — обычный, на двух ногах, а вечером — старик с костылем. Вот так был закодирован человек. Этот, забыл, как его звали, вроде Эдип, отгадал, а Сфинкс окаменел. Только улыбка осталась. Вот так. Ты чего, не знал?

— Не знал. Ладно, пошли.

Они сдали Робкопу компакты и пообещали, что накопят побольше денег и явятся снова.

— Приходите, приходите, — дружески улыбался Робкоп. — Старым клиентам всегда рады. И даже если будут финансовые проблемы, все равно приходите. Что-нибудь вместе придумаем. Я же все понимаю, я же не акула индустрии развлечений. Так что не стесняйтесь, потом сочтемся. Эй, ребятки, через пару дней появится Си-Ди с «Юрским парком». — И он как-то по-особенному тепло улыбнулся.

Они еще раз поблагодарили Робкопа, бросив друг на друга понимающие взгляды — все-таки Робкоп классный мужик, а мы ему не доверяли. — и попрощались. Перед самым уходом Денис что-то машинально взял со стола Робкопа и бросил себе в карман. Он так и не понял, что это упало с легким металлическим звоном в глубокий внутренний карман его пуховки, возможно, он даже не знал об этом. Не знал до поры до времени. В дверях они столкнулись с шумной и весьма любопытной компанией. Компания была в приличном подпитии и тоже покидала это благодатное место. А любопытным в этой компании был абсолютно несочетаемый возраст ее членов. Группа веселящихся студентов, совершенно обезумевший от пьянства и игровых автоматов дед и некто неопределенного возраста, с внешностью постоянного гостя местных вытрезвителей, называемый всеми Андрюхой. Компания смеялась, а дед долго тряс руку и лез обниматься к Робкопу, пока тот ему что-то тихо говорил.

Было ясно, что по каким-то непонятным причинам им всем было хорошо вместе.

— Пошли, Дядя Витя, пора уже, — позвал один из студентов, и они с шумом вывалились на улицу.

— Смотри, уже и пенсионеры сюда заладили, — сказал на это Егор, — а все жалуются, что им жить не на что.

Пенсионерам, и в частности Дяде Вите, жить действительно было не на что. От маклеров из «Норса» остались последние сто тысяч. Но Дядя Витя теперь твердо знал, на что он их потратит. Все до копейки. Но потратит не впустую — они воздадутся ему сторицей. Перемены в его жизни вовсе не окончены. Они, оказывается, только начинаются.

В 4.45 утра Люси разбудил крик. Крик ее единственного сына Дениса, спящего через стенку в своей комнате.

— Боже мой, что там с мальчиком?! — пробормотала она, накидывая халат.

А за несколько минут до этого мальчику снился сон.

Он был полководцем в египетской армии и стоял на боевой колеснице в золотом островерхом шлеме. Сам бог Солнца Ра приветствовал его, совершая на ладье свой небесный круг. Был бой, и к его ногам бросили поверженного нубийского царя. И триумфатор Денис ликовал вместе со своей непобедимой армией. Но нубийский царь вдруг поднял голову, сверкнули его темные, почему-то знакомые глаза.

— А ты знаешь, что такое Нубия, что такое Нуб? — прозвучал голос царя. Денис не знал, а поверженный царь вдруг прорычал: — Нуб — это золото! Ты знаешь, что это?!

Черный ужас сковал ликующего полководца — ведь он не знал этого. Ведь он не знал, что его победа обернулась гибелью, потому что все его воины мертвы, оказывается, давно мертвы.

— Как же так, ведь я победил, — пролепетал мальчик, — ведь не он...

Изменилось освещение — поле погибших армий залил ровный голубой свет.

— Как же ты не знаешь, что это? — продолжал греметь голос. — Как же ты тогда осмелился победить?!

Нубийский царь протянул свою длинную золотую руку к островерхому шлему Дениса и слился с ним воедино. И этот страшный рычаг начал разворачивать Дениса, разворачивать лицом к спящему в холодном свечении камня Сфинксу.

«Нет, — промелькнуло в голове у мальчика, — этого я не должен увидеть. Это единственное, что я знаю наверняка».

Он попытался освободиться от шлема, но казалось, золотой шлем врос в маленькую дырочку, оставленную кастетом Логинова в его голове. В ту дырочку, которая сейчас невыносимо бодела. И Денис понял, что нубийский царь и есть Логинов.

— А ты знаешь, что золото бывает белым?! — кричал Логинов. — На, смотри!

И тогда каменные глаза Сфинкса стали медленно открываться, в уголках их блеснуло что-то белое, очень белое, знакомое, страшное и живое, и Денис понял, что это белое — единственное, что не является сном, единственное, от чего не спасет даже пробуждение.

Глаза Сфинкса открылись шире, и белое, безмерное, как море, выплеснулось наружу. Сейчас оно попадет на Дениса.

— Нет! — закричал мальчик.

Вот этот крик и разбудил Люси в 4.45 утра. Сейчас она сидела на краешке кровати и успокаивала своего сына, как будто он снова стал маленьким и испугался теней высоких кленов за окнами, как это бывало с ним в детстве.

— Ты опять наигрался в эти автоматы, — нежно говорила Люси. — Нет, малыш, так нельзя... — Она погладила сына по волосам. — Ну ничего, все будет хорошо, все, все будет хорошо.

Денис успокоился и начал засыпать. Люси нежно гладила его по голове, вспоминая тот момент, когда он родился, и как она

испугалась, когда его губки впервые коснулись груди в поисках молока, и как в тот момент они оба были счастливы.

— Надо прекратить это, и все будет хорошо, — прошептала Люси. — Все будет хорошо...

Они оба были счастливы, и никто из них не знал, что прекратить уже ничего не удастся.

8. Дни, когда у всех было очень много дел

В этот вечер Дяде Вите крупно повезло. В игровых автоматах. Сначала он, как-то странно шевеля одними губами, запустил несколько жетонов в «однорукого бандита», и на всех трех полях выпали «вишенки». Жетоны посыпались на металлический поддон, учетверяя ставку. Студент не обратил на это никакого внимания. Дядя Витя поиграл несколько кругов одной монеткой, потом остановился и уставился на автомат. Он все продолжал так же странно шевелить губами, только более эмоционально, и мимика лица выдавала, что Дядя Витя, по крайней мере так ему самому казалось, с кем-то общается... Только перед ним никого не было.

«Все, допил, — подумал Студент, — галюники начались».

А Дядя Витя опускал в автомат жетон за жетоном — все, что у него было. Иногда он делал паузы, к чему-то прислушивался, кивал головой и продолжал свое занятие дальше.

— Дядя Витя, остановись, продумаешь такой выигрыш, — улыбаясь, сказал Студент. — В этих автоматах главное — вовремя свалить. Получил немного — уходи...

— Он... — Дядя Витя недоверчиво смотрел на автомат. — Сейчас... Мне кажется, сейчас он даст. Будет крупный выигрыш.

— С чего ты взял?

— Не знаю... — Дядя Витя теперь уже с опаской посмотрел на автомат. — Но мне кажется, что будет наверняка...

Они находились в небольшом кафе, в пристройке бывшей студенческой столовой, где когда-то были дешевые и вполне приличные обеды и чешское пиво по 45 копеек за бутылку. Времена изменились, и теперь на втором этаже располагался роскошный ресторан с ночной дискотекой, а на первом — два кафе клубного типа. Посещение этого заведения могло вам обойтись в месячную стипендию, но забавность ситуации заключалась в том, что некоторые студентки носили на себе в виде мехов по сотне ежемесячных стипендий, а отдельные студенты припарковывали на автостоянке по тысяче. Кроме того, отдельные студенты и некоторые преподаватели забывали о разделяющей их академической грани и владели этими заведениями на паях. Это называлось долгосрочной арендой, и в кассу института шли неплохие поступления. Временами возникали разговоры о некорректности таких взаимоотношений, но, опять же временами, все и успокаивалось.

А Дядя Витя продолжал настаивать на своем:

— Понимаешь, Сашок, почему-то я уверен, что сейчас будет выигрыш. Очень большой выигрыш.

— Ну конечно, — улыбался Студент, — так и продувают фамильные замки. Сейчас в автомате пять штук — забирай и уходи.

— Сашок, не знаю, какой-то голос внутри меня подсказывает, что надо играть. И... чтоб ты рядом стоял...

— Это, Дядя Витя, внутренний голос. Анекдот про внутренний голос знаешь?

И Студент рассказал старый анекдот о том, как внутренний голос подставил ковбоя Джо. Реакция Дяди Вити была крайне неожиданной: он смеялся так, как будто это был единственный настоящий и последний анекдот в его жизни. Смеялся он долго и

громко. Студент даже не ожидал, что у Дяди Вити может быть такой громкий голос.

«Да, бедный старик, — с грустью думал Студент. — Надо ему действительно помочь, если получится. Совсем пьянка психику расстроила. Куда ему в таком состоянии? А без своего угла он вообще пропадет».

Но Дядя Витя смеялся радостно и даже как-то победно. Как уже отмечалось, это был модный вуз с привкусом элитарности. Вид запойного пенсионера, шумящего у игровых автоматов, вызвал у посетителей тихого дорогого кафе удивленные улыбки. К ним уже направился крупный малый с нагрудным знаком «Секьюрити», но Студент остановил его:

— Игорь, это со мной. Он будет ночным сторожем.

— Его самого впору сторожить, — ухмыльнулся крупный «секьюрити», разворачиваясь на каблуках.

— С тобой, Сашок, — смеялся Дядя Витя, — я теперь только с тобой! — И, так же продолжая смеяться, он отпустил ручку игрового автомата.

— Ну на хрена, чудак ты человек! — проговорил Студент, но было уже поздно.

Магнитные диски долго крутились, потом на первом поле выпал «крест».

«Ну вот и все, — подумал Студент, — продул». Потом и на втором поле выпал «крест». Студент почувствовал, что сердце его учащенно забилося:

— Ну, Дядя Витя!..

«Но чудес не бывает, чтоб выпало три «креста», — хотел было сказать Студент. Но он ничего не сказал. Потому что третий магнитный диск остановился почти следом. На третьем поле тоже выпал «крест».

— Три «креста», — растерянно промолвил Студент. Это была максимальная комбинация. Ставка Дяди Вити умножалась на сто.

Жетоны начали падать в металлический поддон, заворачивающе звеня.

— Ну чего, Сашок, — улыбаясь, спросил Дядя Витя, — сколь там выиграли?

Он достал платок и промокнул им лоб. Студент смотрел на автомат.

«Ведь здесь совсем не жарко, — почему-то промелькнуло у него в голове, — а старик весь вспотел».

Потом он тихо сказал:

— Дядя Витя, ты сейчас выиграл пол-лимона.

— Чего?! Не дури!

— Дядя Витя, ты выиграл полмиллиона рублей! — Студент подпрыгнул на месте. — Ставка умножена на сто. вон — мигает!

— Сколько? Ой, Сашок! — Дядя Витя уселся на стул. — Чего-то мне чуть худо не стало.

Жетоны продолжали падать. Публика уже начала проявлять нескрываемый интерес. С каждым ударом возбуждение росло.

— Ничего особенного, ребята, — обратился Студент к собравшимся. Он всех знал в лицо. — Просто мой приятель Дядя Витя выиграл сейчас полмиллиона рублей. Вот Церетели завтра обрадуется!

В наступившей тишине хрипло прозвучал голос Дяди Вити:

— Кто такой Церетели?

— Хозяин аппаратов...

— А вдруг в этой машине и денег столько нет?!

— Будь спок! Отдаст наличными.

Дядя Витя какое-то время молчал, а потом так же хрипло проговорил:

— Сашок, угости этих девочек и всех своих друзей пивом. За мой счет. Из этой модной бочки. Я вас так всех люблю!

Стержень, положенный на обе лопатки, позорно молчал.

На следующий день Дяде Вите было очень плохо. К его привычному старикиновскому похмелью добавилось что-то еще. Что-то совершенно новое и незнакомое.

«Еще одна болячка, — с грустью подумал Дядя Витя, — возраст...»

Но он не стал покупать пива. Он набрал бутылок с минеральной и апельсинового сока, как посоветовал Студент. Также Студент оставил ему какие-то большие шипящие таблетки — развод в воде и принимай каждые два часа.

Днем в кафе находиться было нельзя, и он вышел в промозглую предрождественскую Москву. Ему очень хотелось домой, но Студент прав — туда сейчас дорожка заказана, если хочешь остаться цел. Хорошо хоть Андрюха забрал к себе Короля.

Еще никогда Дядя Витя не тосковал так по своей жене. С ним что-то происходило: может быть, впервые ему было так одиноко и, может быть, впервые время как бы замерло, предоставляя ему возможность подумать.

«Ну что, старый козел, — проворчал Стержень, — допрыгался?»

«Но я ж завязал, и мне вроде вчера крупно повезло».

«Крупно повезло? Ты домой боишься нос показать, получил вместо квартиры две недели запоя, и тебе повезло? На то, что тебе повезло, ты даже приличного сорта не купишь!»

— Да не бреши ты, и так тошно!

Последнюю фразу Дядя Витя проговорил громко вслух. Он находился на автобусной остановке, и вместе с ним ждали автобус человек тридцать. Сейчас все они смотрели на него равнодушными и ко всему привычными глазами. Лишь только пара вечных старух нашла в себе силы для осуждения:

— Чего, допился, милый?

— Дед уже, а все туда же...

Дядя Витя посмотрел на них рассерженно, но ничего лучше, кроме «Эх, вы!», придумать не смог. Правда, следующей его мыслью было поехать на такси. Он так и поступил, шагнув на проезжую часть с поднятой рукой.

Скрип тормозов и голос перепуганного таксиста:

— Ты чего, старый говнюк, ошалел — под колеса кидаться?!

У Дяди Вити хватило самокритики для оценки ситуации. Такое с ним произошло тоже впервые. Он подождал какое-то время, а потом извлек из кармана пару крупных купюр — на это клянут.

— Смотри, какой миллионер, — сказала одна старуха.

— Старый, а хулиганить, — поддержала другая. — Ща жена ему всыплет по первое число.

— Заткнись, старая! — Дядя Витя резко повернулся к старухе, но внезапно на глазах его появились слезы.

— Ой-ой-ой, — заверещала старуха, — до горячки допился!

«Дожил, — проворчал Стержень, — со старухой воевать».

Остаток этого не самого удачного дня Дядя Витя провел в зале суперкомпьютерных игр. Уже перед самым закрытием он прощался с Робкопом, как с лучшим другом, и тот ему тихим, вкрадчивым голосом что-то обещал. Дядя Витя оставил в «Суперкомпьютерах» львиную долю своего вчерашнего выигрыша, но не переживал по этому поводу. Здесь Дядя Витя приобретал нечто большее, чем деньги. Мучившее с утра похмелье почти совсем прошло, осталась только эта новая боль в голове. Боль, к которой Дядя Витя начал уже привыкать.

Несмотря на длинную декабрьскую ночь за окнами, в кабинете Профессора Кима горел свет. Обычно Профессор предпочитал вставать рано, начиная день с пятикилометровой пробежки, холодного душа и чашки крепкого чая. Затем он занимался кибернетикой, этнографией, философией, историей, математической лингвистикой и еще многим другим, уверяя своих студентов, что все интересное ждет их на стыке наук. Он также умудрялся посещать бассейн, зал с тренажерами, а иногда и театральные премьеры. Нет, Профессор Ким не был совой и не был затворником. В такие дни он был жаворонком, вел активный и, когда удавалось, даже светский образ жизни. В такие дни...

Но иногда ночь была лучшим временем для работы. Тогда в причудливом кабинете Профессора двигались тени и шелестели пожелтевшие страницы древних манускриптов. Большая Рыба под потолком начинала путь сквозь Время к своим вечным водам, а бой каменного маятника возвещал о том, что оживают легенды и старинные предания. В такие ночи Профессор Ким

становился «профессором некоторых древних наук». Сейчас было именно такое время. Сейчас, после визита этой удивительной девочки, которой так не нравится ее чудное имя — Дора.

Перед Профессором стоял большой глобус Земли и полусфера со звездным небом. Он курил сигареты «Кэмел» и смотрел в задумчивости на странный обруч, вырезанный девочкой из резинового мяча. Дора рассказала какую-то диковинную, волшебную сказку, а Профессор Ким молчал и не проронил ни звука, боясь прервать этот восхитительный рассказ.

Обруч... Дора сказала, что это корона Уснувшей Королевы, очень древней Королевы — жрицы, и что Королева должна пробудиться, ибо ОНИ уже проснулись. Долгий сон окончен, и именно в это самое время они начали действовать.

— Кто они? — спросил тогда Профессор Ким. — Кого ты имеешь в виду, Дора?

Девочка какое-то время обиженно молчала, сумрачная тень пробежала по ее светлому личику. Потом она проговорила голосом, не совсем характерным для девятилетнего ребенка:

— Вы зря мне не доверяете, Профессор Ким. Вы что думаете, я ребенок, насочинявший сказки?! Продукт невинного детского творчества?! Я... Вы... Мы же с вами похожи... Вы понимаете, что я имею в виду?! Мы же немножко отличаемся от других людей. Совсем немножко. Неужели вы этого не чувствуете? Тогда почему вы мне не доверяете?! Мы похожи хотя бы потому, что оба знаем о них... Мне не к кому больше обратиться. Я ничего не могу понять, я просто что-то знаю... ведь я еще ребенок, и без вашей помощи мне не справиться. А вы... Вы же догадываетесь, кто они, и вы догадываетесь, что очень скоро они будут здесь. Неужели вы не понимаете, что я вам тоже нужна?

Сумрачная тень растворилась, у Доры снова было светлое и несколько хулиганское личико, и она насмешливо поглядывала на Профессора.

— Вот, я постаралась сделать то, что мне приснилось. — И она протянула этот самый угловатый обруч, вырезанный из резино-

вого мяча. — Я видела пять ослепительных камней по углам этой короны и внутри каждого — сверкающие диковинные города. Что это — я не знаю, кроме того, что я вам уже рассказала про корону... Но это что-то большее, и вы — вы сможете понять что... Возможно, это какой-то ключ.

Профессор Ким выпустил клуб густого белого дыма: вполне вероятно, все это детские фантазии, не более того. Девочки, особенно в таком возрасте, большие выдумщицы, всегда готовые к разным хитроумным розыгрышам. Возраст Алисы — Алисы в Стране чудес... Профессор Ким был бы готов так думать, если бы не одно «но»... Если бы это не была та самая небольшая проблемка, из-за которой он отказался от предложения Артура поискать испанские галеоны; если бы это не была та самая, мучившая его в последнее время небольшая проблемка, которая скоро сможет вырасти в очень-очень большую проблему. Но слишком уж это было невероятно. Профессор Ким представлял себе все несколько иначе. Пять лет назад, когда это случилось впервые, он представлял себе все несколько иначе. Дора внесла путаницу в его размышления. Путаницу, а может быть, и нет...

Профессор Ким был уверен, что без должных на то оснований (а их не было — лишь только чутье, интуиция) он не вправе делиться своими раздумьями ни с Артуром, ни с Олежей, ни с кем-либо другим.

«Нет, Ким, — сказали бы они, — это уж ты хватанул через край. Испанские галеоны, математическое воссоздание первоначального текста Священного Писания, даже поиски Ноева ковчега на горе Арарат — пожалуйста. Но здесь ты хватанул через край».

И они были бы правы — слишком уж все это невероятно звучало.

Профессор был также убежден, что единственный человек, с кем он может поделиться своими мыслями и кто не станет сразу же втихаря звонить его родным, объявлять, что Профессор Ким окончательно рехнулся, находится сейчас в Англии. Это был его

оксфордский коллега и старый добрый друг, профессор сэр Джонатан Урсуэл Льюис. Пять лет назад они уже сталкивались с чем-то подобным, но... На прошлой неделе он отправил старине Урсу факс, где сообщал, что имеется кое-какая конфиденциальная — пожалуй, слишком конфиденциальная, чтобы доверить ее факсу, — информация и при ближайшей okazji он сможет изложить суть своей проблемы в пространном письме. Оказия эта подвернулась сегодня, и сейчас самолет вез объемистое письмо в Лондон. И в это самое время Урс скорее всего едет на своем стареньком «ровере» в направлении аэропорта Хитроу. Значит, Урсу понадобится некоторое время, чтобы ознакомиться с материалами и провести кое-какие свои исследования. И следовательно, ответ, даже простой телефонный звонок, может быть не раньше чем через несколько дней. И вот тут появляется эта девочка, живущая не в Лондоне и не где-нибудь на другом конце земного шара, а просто в этом же доме, на нижнем этаже, и вносит путаницу со своей короной... Почему она не пришла раньше, хотя бы сегодня утром?

Профессор Ким затушил сигарету и достал новую. Он вдохнул аромат крепкого турецкого табака в смеси с виргинским, но закуривать не стал. Какая-то смутная, еле уловимая догадка промелькнула в голове, он не успел ее осознать. Значит, Дора говорит, что это корона. В каждом из пяти углов должен находиться большой драгоценный камень, обозначающий великий исчезнувший город. Все камни соединены определенной длины и особого изгиба линиями — Дора утверждает, что это очень важно... Что еще утверждает Дора?! Вокруг исчезнувших городов — большая вода — великий океан. Поэтому приснившаяся корона была сделана из застывшей воды (горного хрусталя? кварцитов?). Что это — древние города (или храмы?) Средиземноморья? Но почему их пять? Их могло быть больше или меньше. Пять равноправных городов, союз пяти царств? Профессор Ким не мог припомнить такого. Корона Уснувшей Королевы... Он надел резиновый обруч сверху на глобус и усмехнулся: получи-

лось — земной шар в кепке. Если чуть ниже экватора, к примеру, в Южную Америку, в район озера Титикака, вставить сигарету, будет очень забавно. Потом он перестал смеяться — догадка вернулась и тихонько постучалась в дверь. Ведь Дора вырезала обруч из резинового мяча. Она говорила, что что-то очень важное содержится в его форме и здесь нельзя ошибиться. Нет, это бред... Профессор Ким боялся поверить сам себе, боялся поверить той догадке, которая уже не стучала, а ломилась в дверь. Пять лет назад... Конечно, Доре было легче вырезать это именно из круглого мяча.

Профессор Ким подошел к книжной полке и бережно сдул пыль с тяжелого пергаментного фолианта, одетого в кожаный почерневший, потрескавшийся переплет (он не позволял Мадам наводить чистоту на его книжных полках). Труд монаха Иеронима из древнего города Толедо. Профессор Ким знал наверняка, что в мире осталось не больше трех таких книг и один экземпляр находится у него. Он открыл резные медные замки, зашелестели обдуваемые ветрами преданий страницы. Все это бред. Но... Профессор Ким знал, что ему искать в этой переписанной от руки латинскими буквами книге монаха Иеронима Аквитеррия Толедского. Затем он поставил фолиант на место. Его сердце учащенно забилося. Он стоял на пороге какого-то открытия, прекрасного, дерзкого и страшного одновременно. Возможно — очень страшного! Но теперь, если это не было ошибкой, кажется, он знает, кто сейчас пробуждается от долгого сна.

Профессор Ким взял линейку, измерил диаметр бывшего Дориного мяча — по характерным загибам было ясно, что девочка вырезала обруч по всему диаметру. Затем, насвистывая, он направился в кладовую и взял там кусок алюминиевой проволоки. Профессор Ким снял все размеры обруча, а потом измерил диаметр стоящего перед ним большого глобуса Земли. Он высчитал все пропорции так, как если бы Дора вырезала свою корону не из детского мяча, а из большого глобуса.

«Ошибиться нельзя, — говорила девочка, — все линии короны должны быть очень четкой конфигурации...

Но здесь сложно ошибиться, и, если догадка Профессора верна, все можно высчитать до микрона. И еще он подумал, что это очень страшно, если его догадка верна.

Профессор Ким взял алюминиевую проволоку и начал делать из нее Дорину корону, только по размерам большого глобуса. Все пять точек пентаграммы оказались соединены характерно изгибающимися линиями. Профессор Ким был почти уверен, что он не ошибался, хотя все еще продолжал считать это невероятным. Затем, так же насвистывая, он надел обруч на глобус. Профессор совместил нижний выступающий угол обруча с тем местом, куда минутой ранее он собирался воткнуть сигарету, — с высокогорным плато в районе озера Титикака, и тогда верхний угол лег ровно на центр Тибета; другие углы совместились с Мексикой и Эфиопским нагорьем в Африке. Профессор легонько крутанул глобус, хотя он уже знал, что сейчас увидит. И не ошибся — пятый угол лежал прямо на острове Новая Гвинея. Профессор Ким перестал свистеть. Обруч соединил пять высочайших на Земле горных стран. Все они хранили следы исчезнувших, гораздо более древних, чем Индия, Крит или Шумер, цивилизаций. Цивилизаций, оставивших после себя лишь сказочные предания и исполинские руины. Профессор Ким смотрел на обруч и слышал, как бьется (барабаны?) его сердце: перед ним была карта древней морской державы, располагающейся на пяти высочайших точках мира в те незапамятные доисторические времена, когда вся остальная суша была залита водой библейского потопа. Перед ним была корона великой, разрушенной страшными космическими катастрофами и смытой древними водами морей забвения империи. Исчезнувшей, но все же дошедшей до нас в преданиях. Растворившейся, как самый сказочный сон человечества, все же заставляющий порой всматриваться в полную луну, испытывая странное, томительное беспокойство. Те-

перь уже Профессор знал, что это за странная дробь барабанов. Перед ним была карта грозной морской державы, корона великой древней Атлантиды.

Денис замедлил шаг, когда увидел движение теней в освещенной арке большого «сталинского» дома. В следующую секунду Логинов вышел из темноты подъезда, закрывая собой вход.

— Не повезло тебе, долговязый, — ухмыльнулся он, — двух шагов до дома не дошел. Бывает же такое!

Денис почувствовал за спиной какое-то перемещение — все правильно, видимо, логиновские приятели прятались в арке, а теперь покидали свое укрытие.

— Что вам надо?!

— А дома небось мамка ждет. — Логинов пропустил вопрос Дениса мимо ушей. — Отмороженная мамка с кисточкой. Молится, поди, на своего сыночка.

— Ты мою мать не трожь!..

— Кому она сдалась? — Логинов почти с нежностью смотрел на Дениса. — У нас ты есть, птенчик. Говоришь, прозвали меня меж собой Коляшей, так, что ли?

Денис молчал.

— Так, что ли?!

— Логинов, мы о тебе не говорим, у нас своих дел полно. Напрасно ты распаляешься.

— Зря, зря... О Коле Логинове помнить надо, не то ему придется о себе напоминать. Как сейчас... Чтоб не забывали. Никогда! Ты понял?

Денис молчал, а Логинов почувствовал, что энтузиазм оставляет его. При виде этой беззащитной перепуганной сопли энтузиазм оставляет его. Нет, на Дениса ему плевать, но его дружка он ненавидит, этого маленького говнюка.

— Чё, не понял, что ль? — Ему на Дениса плевать, но все равно так этого оставлять нельзя. — Не понял?!

— Понял, — тихо проговорил Денис.

— Чего ты понял, чего ты понял?! — Логинов наконец почувствовал в себе прилив задора. — Чё ты понял, сука?! С кем связался, падла?!

В кармане старого пальто Логинов сжимал свой любимый кастет, холодная надежная мягкость свинца под пальцами вводила его в состояние тихого блаженства. Сейчас температура этого блаженства начала резко подниматься. Кровь закипела.

— С кем?! — Кастет покинул карман, вот он движется в направлении Денисовой скулы. Удар был несильным, но настолько резким, что Денис не успел даже прикрыться. Он только забавно щелкнул зубами, а Логинов почувствовал, как приятное тепло разливается по телу. Теперь настало его время. Он сделал легкий выпад левой, Денис, уворачиваясь, поднял голову, подставляя под удар подбородок, и в следующее мгновение, описав в воздухе вертикальный круг, правая рука Логинова свалила Дениса с ног. Денис пробовал подняться, но получил по почкам резиновой дубинкой. У него перехватило дыхание — со всех сторон посыпались удары. Логинов живописно подпрыгнул и нанес Денису удар в лицо армейским полуботинком.

«Насмотрелся кино, козел! — мелькнуло почему-то в голове у Дениса, как будто все происходящее его не касалось. Потом он подумал: — Сволочи, ведь я уже весь в крови, когда они угомонятся?»

Но они били его очень долго, пока тихо стонущий Денис не растянулся на земле, даже и не пытаясь подняться.

— Хорош, пришибем еще.

— Хрен с ним, никого нет...

— Да ты чего, у него глаза уже закрылись. Хорош, айда отсюда!

— Ладно, надо еще того говнюка найти. Слишком ты, мамкин хрен, легко отделался. Мы уходим, тебе повезло.

Денис открыл рот — пузырь кровавой слюны появился у него на губах. Он закрыл рот, так ничего и не сказав. Ему вдруг очень захотелось сейчас уснуть.

— Маленький говнюк обещал, что в следующий раз будет пуля. Так вот, следующий раз наступил — пуля уже здесь. Понял, да?! Волына у меня в кармане. Сука!

Денис смотрел перед собой немигающим взглядом, казалось, он ко всему стал безразличен.

— У маленького говнюка будет сегодня самая главная вечеринка в жизни! Ему не очень повезло. Он связался с Колей Логиновым. А ты если пасть раскроешь — пришибу! Понял?

Денис продолжал беззвучно смотреть перед собой.

Больше часа Логинов с компанией искали Егора по району. Лопухий Толик даже заходил к нему домой. Ничего не подозревающие родители ответили, что Егор скорее всего сейчас на занятиях карате. Мальчик, мол, решил научиться драться.

— Карате, — смеялся Лопухий Толик, рассказывая эту историю. — Нет, вы слышали, мальчик научиться драться!

— Ему не пригодится, — сплюнул Логинов. Затем они направились в рюмочную и попросили водки.

— А ну пошли отсюда, шантрапа, — ответила буфетчица, — сосунки еще.

Тогда они купили в коммерческой палатке дешевого портвейна и распили его на лавочке в сквере. Лопухий Толик предложил сгонять еще.

— Дело, — серьезно сказал Логинов. — Дело надо сделать. А потом будешь пить сколько влезет, хоть облюйся.

Денис все еще лежал у своего подъезда. Никто не шел, и никому было ему помочь. Он не думал о том, что может простудиться. Он вообще ни о чем не думал. Потом рука инстинктивно спряталась от холода в кармане пуховки. Что-то звенящее, металлическое скользнуло в ладонь. Это были ключи. Какая-то связка ключей. Денис знал, что это не от дома. Он вдруг почувствовал облегчение, возможно, он попробует самостоятельно подняться. Сейчас, через некоторое время. Связка ключей в кармане при-

ятно грела руку, хотя Денис знал, что такого не бывает. Металл должен быть холодным. Денис вдруг понял, что это за ключи. Он вдруг все понял. Конечно, именно их он машинально взял со стола Робкопа в тот вечер, когда они играли вдвоем с Егором. Если бы он смог, он бы улыбнулся. Улыбка, наверное, получилась бы грустной. Потому что ключи отворяют дверь и сейф в зале суперкомпьютерных игр. В зале, который час назад закрылся. Тепло от ключей разливалось по всему телу. Денис почувствовал себя намного лучше.

Егор Тропинин закончил тренировку в семь часов вечера, спустя ровно час, как закрылся зал суперкомпьютерных игр и Робкоп выдворил последнего посетителя. Обычно игровые автоматы работали значительно дольше, вход прекращался в половине десятого, но случалось, и за полночь там оставались посетители. Но это обычно. Сегодняшний день был особенным. Робкоп плотно закрыл наружные металлические двери с сейфовым замком, включил дежурное освещение и охранную сигнализацию. Затем он налил в высокий стакан, напоминающий большую пробирку, какой-то янтарной жидкости и с наслаждением выпил. После чего он направился в дальний глухой угол помещения, в «то» место, так не понравившееся Егору Тропинину, когда он разглядывал безлюдный зал несколько дней назад. И то ли темнота была очень густой, а может быть, в глухой стене имела потайная дверь, но через минуту любой заглянувший сюда с улицы был бы уверен, что зал суперкомпьютерных игр совершенно пуст.

После тренировки Егор Тропинин решил немного прогуляться, а заодно взять в прокате пару свеженьких видеофильмов. Он занимался чуть больше двух месяцев, тренировки были изнурительными, однако многие упражнения, особенно на растяжку, давались ему легко, и тренер, самый настоящий сэнсэй с русским именем Павел Петрович, обнаружил у него определенные способности. Егору нравились занятия восточными еди-

ноборствами. Но особенно ему нравилось, когда все заканчивалось, усталые мышцы приятно болели, бодрость тела будила мысли о бодрости духа, а потом можно было так спокойно, не спеша пройти. Егор шел по заснеженному Бульварному кольцу и улыбался усталым встречным людям. Некоторые улыбались ему в ответ. Егор свернул с бульвара в узенькую улицу, освещенную желтым светом московских фонарей. Он знал одно кафе, где в это время можно было недорого выпить кофе с изумительными, присыпанными большим количеством орехов шоколадными пирожными. У Егора было прекрасное настроение.

Дора очень не хотела ужинать. Сегодня возраст взял свое, и она съела слишком много мороженого «Баскин Роббинс», совсем забыв о необходимой конспирации. За это Дора прилично получила от всей семьи, особенно от Катьки, которая сама была не прочь поступить с «Баскин Роббинс» так же, однако солидный статус старшей сестры не предусматривал подобных поступков. И она прикидывалась, что вместе со всеми беспокоится о здоровье Доры, и, мол, нельзя перебивать аппетит, и всякое другое, но, разумеется, все дело в мороженом. Вот она и злится. Ежу понятно! И почему люди всегда думают одно, а говорят другое? Ну хоть кто-нибудь от этого стал счастливее? Ну покажите хоть одного. Нет таких! А те, кто считает от этого вранья себя счастливым, те, конечно, законченные идиоты. Как этот придурок, который без конца врет по Ти-Ви, потому что хочет попасть в депутаты. И попадет — мир так устроен. Хотя, конечно, не так, совсем не так! Мир, к счастью, устроен совсем не так, как надеются идиоты.

Дора рассмеялась, встретив удивленный взгляд старшей сестры.

— Смех без причины... первый признак того, что кто-то перелел мороженого.

Все дуется, злится. Ну и ладно, Дора ничего на это не будет отвечать. Хотя нет, она скажет кое-что:

— В таком случае смех без причины очень вкусная штука. Вот! Особенно со взбитыми сливками, печеньем, шоколадной стружкой и живыми фруктами!

— Ах, ты еще и ехидничаешь?! Ну погоди, сейчас получишь по ушам.

Но поздно. Дора уже закрылась в своей комнате (кстати, она ничего не имеет против того, что у Катьки комната больше и что там постоянно сидят разные подозрительные типы — Катькины самодовольные придурки одноклассники — и рассказывают всякую чушь о музыке и современном бизнесе). Дора подошла к шкафу и взяла с полки новый спортивный костюм фирмы «Салева». Зимний костюм из чудесного материала флиса с индейскими рисунками и альпийской вышивкой. Такой приятный, совсем не кушается, и такой теплый. А красивый! Дора в нем поедет с папой в горы — как они будут вместе смотреться на лыжах! Если только она успеет закончить с одним делом, одним очень важным делом. Тогда она поедет в чудесном костюме фирмы «Салева» в горы.

Дора посмотрела в окно и увидела, что в зале суперкомпьютерных игр погашен свет.

— Странно, время ужина, а они уже закрылись. Обычно я уже сплю, а они все работают.

— Дора, перестань разговаривать сама с собой, — раздался из-за двери Катькин голос. — И иди к столу, тебя все ждут.

— Не пойду! Не хочу я ужинать. И вообще с некоторых пор я не ем мяса. Я стала вегетарианкой.

— Это с каких же пор?

— С этих самых! — Дора посмотрела на маленький электронный будильничек. — С семи часов ноль-ноль минут сорока трех секунд...

— Пап, а пап, — позвала Катька, — пап, поди сюда. По-моему, у твоей младшей дочери возникли какие-то проблемы с интеллектом. Может, она Моцарта переслушала?!

— Может, конечно, и переслушала, — тихо проговорила Дора, — но в окошко сегодня я понаблюдаю дольше обычного.

Потом она вышла в новом спортивном костюме в столовую, где папа уже пил свое вечернее темное пиво, Катька ковыряла вилкой какой-то салат, а мама раскладывала по большим плоским тарелкам из черного стекла румяные, с золотой корочкой, венские шницели. Увидев Дору в лыжном костюме, она с улыбкой спросила:

— Ты что, малышка, замерзла?

Дора пропустила столь некорректно сформулированный вопрос мимо ушей и совершенно серьезно сказала:

— Как вы отнесетесь к тому, если я буду вынуждена на некоторое время уехать за границу?

— Нет, ну точно, — прыснула Катька, — эту даму на некоторое время придется оставить без Моцарта.

9. . . .Оставалось несколько минут

Дядя Витя спал на кушетке сторожа в ночном кафе, а на втором этаже все еще продолжалась дискотека, веселились богатые пижоны и их друзья — пижонствующие студенты. Студенты имели серьезные намерения и перспективные связи в жизни, и все знаменитости ночной Москвы были с ними. Эта публика проводила время в обществе своих независимых, соблазнительно-агрессивных подруг с не менее перспективными планами. Студент все это называл богемствующе-бандитской тусовкой. Дядя Витя сам бы не смог так выразиться, но он прекрасно понимал, о чем идет речь, и от этого ему было грустно. Первый раз на его длинном веку мир так серьезно менялся. Вернее, не так. Устойчивый мир, который Дяде Вите был знаком и понятен, полетел

ко всем чертям. Мир милых воспоминаний и верных друзей (в тесноте, да не в обиде!), мир уютного пьянства и гордости по красным датам календаря, не совсем хорошей, зато всегда имеющейся в холодильнике колбасы; мир со своей системой ценностей и своей системой координат (молоко за 16 или за 25 копеек, хлеб за 13, калорийка за 9, пиво за 22 плюс сушка с солью — 1 копейка, 3.62 — водка, 4.12 — «Экстра», 2 рубля — килограмм говядины, 14 копеек — пачка «Примы» — на червонец можно жить неделю!) — этот мир рухнул окончательно! И на его пепле веселились новые жестокие дети, возможно, даже не догадывающиеся о происшедшей катастрофе.

Дядя Витя проснулся рано утром и понял, что он окончательно вышел из запоя. И тогда он вдруг отчетливо почувствовал весь ужас, ждущий его за дверьми этой тесной комнатухи. Тоска сковала его сердце. Эйфория алкоголя прошла, и реальность, холодная, безжалостная, бесконечно далекая от сердечного тепла, реальность, в которой самое страшное было оказаться с ней один на один, вдруг показала свою мерзкую рожу.

У него больше нет ни квартиры, ни денег. Нет милиции, которой он бы мог пожаловаться, и нет законов, которые его защитят. Что ж это за законы, когда грамотей-аферисты крутят как хотят и могут купить что угодно, а главный жулик — нотариус?..

Как в горячечном бреду, он вспоминал внезапно свалившиеся на него деньги и как потом он все пропил или проиграл в эти новые компьютеры... И чего он с ними связался?..

Вспышка ослепительной сказки прошла, и теперь стало ясно, что до нее, до сказки, было лучше, было хорошо и надежно. А теперь — все!.. Потому что теперь у него НЕТ ДОМА... Вот сволочи, а такие культурные, грамотные. А если Студент не сможет помочь? Тогда ему что ж, действительно на вокзале бомжевать?

«Вот именно, дорогуша, — подал голос Стержень. — Теперь держись Студента... Если кто и не относится к тебе по-скотски, так это он... Он единственный, кто сможет помочь. Да и вроде привязались они с Алкой к тебе, к дураку... Может, у них того... у

тебя на квартире было в первый раз? Помнишь, она тогда вышла вся в слезах?... Красивая девка... А может, и не поэтому».

У Дяди Вити было тяжело на душе. Он пересчитал оставшиеся деньги — было еще прилично. Со Студентом (у него — зачеты!) договорились встретиться в три в кафе... Может, стоит пойти выпить? С Андрюхой? Совсем что-то тяжко.

Вместо этого он направился в зал суперкомпьютерных игр.

«Не делай, не поступай так, — тихо проговорил Стержень. — Это еще хуже того, что с тобой произошло. Понимаешь, чудес не бывает... Или за них надо очень дорого платить...

Но Дядя Витя его уже не слушал.

Всю первую половину дня Дядя Витя проиграл в автоматах у Робкопа, и, когда они встретились со Студентом в кафе, от утренней депрессии не осталось и следа.

— Все, Дядя Витя, я спихнул все зачеты! Свободен! — Студент довольно потер руки. — У Алки сегодня укатили предки, так что — добро пожаловать!

— Спасибо, Сашок... Но я, наверное, к Андрюхе...

— И самое главное! Я навел через ребят кое-какие справки. Словом, вляпался ты, Дядя Витя. Этот твой «Норс» — действительно бандитская контора. Раскрутить их очень сложно. И опасно. Но есть один гениальный ход — человек, я тебе говорил, с кафедры, свой должок отрабатывает... Там тоже не все чисто, но если провернем, то с юридической стороны будет безукоризненно. Если все получится, то на этом случае можно юридическую карьеру сделать. — Студент улыбался.

— Спасибо тебе, Сашок, может, действительно что получится...

— На наглую силу хама мы постараемся ответить спокойной силой интеллекта. Этот малый за дело берется сам. Ему интересно, а потом, за ним был должок. Да и «крыша» у него надежная — он сейчас таких ребят консультирует, что твой «Норс» — просто овечки... Так что попытаемся раскрутить.

— Раскрутим, — вдруг сказал Дядя Витя и как-то странно улыбнулся.

Студент подозрительно на него посмотрел:

— Дядя Витя, надеюсь, ты не собираешься идти к ним бить морды?

— Я?! Нет... — Дядя Витя опять как-то странно улыбнулся (в этой улыбке было что-то застенчивое и вызывающее одновременно) и быстро проговорил: — Сашок, мы сегодня выиграем много денег, и многое изменится...

— Что? Что значит выиграем?

— Да так... В игровые автоматы.

— Опять ты за свое... Дядя Витя, послушай, все — чудеса кончились. Пора посмотреть на вещи серьезно... К сожалению, — добавил Студент мягко.

— Не кончились...

— Прекрати, Дядя Витя. Тебе твой выигрыш просто голову вскружил. Такого не бывает, а уж два раза подряд — это точно! Знаешь, говорят, что конь удачи не возвращается и возможность вскочить в его седло дается только раз!

— Да знаю я...

— Так что, пока ты богатенький, надо привести себя в порядок, приодеться и браться за дело.

— Я уже не богатенький...

— В каком смысле?

— Ну... Я много денег оставил в этом зале с компьютерами... Помнишь, тогда заходили? Я потом еще два раза был, и сегодня тоже... Ты знаешь, это место — большое дело!

— Дядя Витя! — Студент смотрел на него, широко раскрыв глаза. — Ну что ж это такое, ну как так можно?! — В голосе Студента впервые чувствовалось раздражение. — Ну что же это за легкомысленное раздолбайство?! У тебя что, проблем мало?

— Не горячись, Сашок...

— Ну, Дядя Витя, если ты сам не захочешь, то ни я, ни кто другой тебе помочь не сможет! И сколько ты продул?..

— Сашок, не горячись... Я к тебе сердцем прикипел... Мы сегодня много выиграем.

— Опять двадцать пять, — выдохнул Студент. — Не знаю я, Дядя Витя...

— Ну хорошо, чтоб ты поверил... Ты только будь рядом. Я... Я чувствую, что выиграем обязательно. — Дядя Витя порылся в кармане и нашел там несколько жетонов. — Вот смотри.

— Да прекрати ты, Дядь Вить...

— Ну смотри...

Он запустил жетоны в игровой автомат и пару раз опустил ручку. Выигрыша не было.

— Ну точно, заболел, — пробурчал Студент.

— Это холостые, — как бы оправдываясь, сказал Дядя Витя, — и еще раз будет холостой...

— Ладно. — Студент отвернулся.

«Сердится», — подумал Дядя Витя, а вслух добавил:

— То были холостые... Сейчас, Сашок, ты только не уходи... То были холостые, и сейчас будет некрупный выигрыш. Ставим на все.

— Ну прекрати, ну несерьезно...

— Сейчас, именно сейчас... Смотри!

И Дядя Витя опустил ручку. Жетоны посыпались в поддон. Три «сливы», ставка умножена на восемь.

— Вот он, некрупный, — прошептал Дядя Витя. Потом он посмотрел на Студента горящими глазами и сказал: — А я знаю, Сашок, где искать крупный. Понимаешь, я чувствую...

Студент смотрел на него, не веря своим глазам.

— Шаманство какое-то... Вздор! Просто тебе опять повезло.

— Считай как хошь, Сашок.

— Но ты понимаешь, что такие вещи не просчитываются? Случайность — тебе опять просто повезло. Давай еще раз.

— Здесь уже ничего не будет.. По крайней мере сегодня.

— А где будет?

— Недалеко, где-то рядом...

Дядя Витя повел носом.

— Слушай, прекрати, ты прямо как Баба Яга: тьфу-тьфу-тьфу, русским духом пахнет!

— Здесь еще есть такие машины, где-то недалеко.

— Дядя Витя, — рассмеялся Студент, — ты что, колдун? Здесь вокруг полно игровых автоматов. В универмаге стоят, на Кольце — целый павильон.

— Сашок, пошли!

— Дядя Витя, чем ты занимаешься?! Я пытаюсь ему помочь, а он совсем из ума выжил.

— Сашок, пожалуйста, пошли. Если я ошибусь — плюнь в рожу и все — баста. Делай со мной что хошь. А сейчас, в последний раз прошу тебя, пошли. Мы станем очень богатыми, я, ты... вы с Алкой. У меня ж теперь никого нет, кроме вас...

— Бред какой-то! — проговорил Студент. — Только чтобы ты уgomонился. Но договариваемся — в последний раз.

— Сашок, все делим пополам...

— Что делим пополам?..

— Не смейся... Я чувствую, ты в этом тоже... как бы... Без тебя мне не выиграть!

— Чародействующий пенсионер. — Студент уже дружелюбно улыбался. — Ладно, пошли, но — в последний раз!

Дядя Витя покрутился вокруг универмага и сказал, что там сегодня ничего нет. Он также прошел мимо игрового павильона.

— Там сегодня все продуют. — Дядя Витя, ухмыляясь, покрутил пальцем у виска, а Студент подумал, что он принимает участие в каком-то шарлатанстве. Потом Дядя Витя остановился перед выложенной из кирпича аркой. Над темными зеркальными дверьми красовалась табличка: «Казино «Марина». Кафе».

— Нам сюда!

— Э, Дядя Витя, ты это брось. Мы так не договаривались. Там рулетка и блэк-джек! Не по нашему карману такие эксперименты. Это казино!

— Нам все это не надо, — возразил Дядя Витя. — Там есть машина — игровая, как в вашем кафе. Нам нужна она.

— Ну, Дядя Витя, только смотри, без всякого экстремизма. — Студент толкнул дверь, звякнул колокольчик. — Пошли!

Швейцар попытался было встать, но, разглядев их, решил этого не делать. Внутри был полумрак, только длинный ряд игровых автоматов и стойка бара нарядно и призывно светились. В углу имелись стол для блэк-джека и стол для игры в рулетку. За последним находилось несколько человек в форменной одежде, и один объяснял им термины и правила игры. В этом заведении чувствовалась претензия, но не было стиля.

— Чего это они так вырядились?

— Тихо, Дядя Витя, это идет обучение крупье... Они недавно открылись.

Дядя Витя походил вдоль игровых автоматов, остановился у одного, затем у другого, снова начал расхаживать. Студент наблюдал за ним с легкой усмешкой. Потом Дядя Витя остановился у автомата для игры в покер и долго, в упор смотрел на сменяющиеся под музыку светящиеся картинки. На его лбу выступили капельки пота. К счастью, никто этого не видел. Дядя Витя вернулся к Студенту и тихо сказал:

— Вот этот. Двадцать четвертый ход.

— Что — двадцать четвертый ход?

— Наш ход будет двадцать четвертый, можешь считать! Только... — И Дядя Витя застенчиво посмотрел на Студента. — Объясни мне правила, Сашок. Я ж только в «дурака» играю...

— Ладно, сейчас объясню. Будешь пиво, Дядя Витя?

— Что, не доверяешь?

— Да нет, мы же договорились. Хочу зачеты обмыть.

Дядя Витя облегченно вздохнул:

— Так я сам возьму, у меня деньжата есть. Ты только... Ты мне верь, Сашок, это очень важно...

— Ладно-ладно, договорились же... Это значит, ты двадцать три раза собираешься продуть?

— Ну! Зато в двадцать четвертый я выиграю. Я столько выиграю!

— Точно шаман!

Дядя Витя сам подошел к скучающему бармену и, уже не путая марки заморского пива, сказал:

— Дай пару «Хольстена», сынок, светлого.

Кельнер-бармен недоверчиво осмотрел стоящую перед ним фигуру и лениво проговорил:

— Пиво дорогое, отец, пять штук кружка.

— Знаю, сынок, знаю, — невозмутимо парировал Дядя Витя, — поэтому дай нам еще и орехов с солью.

— Ну да, с солью. — Кельнер с трудом оторвал себя от стула, и в этот момент в руках Дяди Вити появилась пятидесятитысячная купюра. Кельнер посмотрел на нее, как бы убеждаясь в серьезности Дяди-Витиных намерений, на какое-то мгновение в глазах его вспыхнул интерес, потом он равнодушно проговорил: — У вас чего, ребята, маскарад?

— Вроде того...

— А, это не мое дело... Значит, одну темного, одну светлого?

— Две светлого...

— Как скажете. Орехов каких? У нас семь сортов. От фисташек до этих... мать их...

— Подешевле и посолоней, хотя нам все равно.

— И мне все равно...

— Тогда самых дорогих.

— Они примерно в одной цене... Ладно, держите банку смеси, сами вскроете.

— И еще. Сколько стоит поиграть в покер?

— Сто рублей шаг, меньше двух штук не заряжаю.

— Дороговато...

— У нас казино, отец, не я цены устанавливаю. Вон через дорогу павильон, там дешево.

— Ну заряди две штуки.

— Да это все пенсия! Надо хотя бы червонец, чтоб чего-то дало. Люди по сто штук засаживают.

— У нас таких денег нет.

— Да, вы бедные, у вас, наверное, и часов нет. — Кельнер подмигнул, и еще на секунду в его глазах появился интерес.

К стойке подошел Студент:

— Что есть к пиву горячее, может, сосиски?

— У нас все дорого... — открыл меню кельнер, — все дорого, хочешь — вурсты, хочешь — лобстеры! Лобстеры с лимончиком и всякой пургой украшены, такое блюдо на двоих — сто штук! Между прочим, зря смеетесь — свежак, возят самолетом. А вечерами народ наезжает, по пять ящичков сжирают. Да...

Кельнер вздохнул и оглядел зал. Убедившись, что, кроме Студента, Дяди Вити и обслуживающего персонала, никого нет, он достал сигарету и закурил.

— У нас все дорого... Цены объявляют атомные... — И он бросил укориженный взгляд в сторону стола для игры в рулетку и еще дальше, где в полумраке, видимо, находился кто-то из начальства. — А мы лапу сосем. Заведение, мол, на ноги поставить надо, а потом... Но при этом «мерсюка» себе взяли, хоть «вольво» уже есть... Что при коммуняках, что сейчас: сам крутиться не будешь — соси лапу! Ладно, отец, давай тебе автомат заряджу. Хотя на самом деле через дорогу — двадцатка шаг. Я сам иногда туда захаживаю. А здесь все дорого.

Очень быстро Дядя Витя проиграл две тысячи. Студент находился рядом, объясняя, какие комбинации карт выигрышные. Все двадцать ходов оказались нулевыми. Автомат ни разу не дал даже двух пар. Дядя Витя попросил зарядить еще.

— Да левый он, этот автомат, — сказал кельнер, — вообще очень плохо дает. Вон тот, первый от стены, еще чего-то может дать.

— Не, мне заряди этот, сынок...

— Ну, хозяин — барин. В общем, это не мое дело...

— Сынок, сколько мне там полагается сдачи с полтинника?

— Сейчас скажу... так...

— Заряди на все!

— Э, Дядя Витя, ты чего? Мы так не договаривались.

— Сашок, — тихо сказал Дядя Витя, — осталось три хода, потом — выигрыш! — Он повернулся к автомату и пристально посмотрел на экран. — Три хода...

Потом он тихо сказал еще что-то, шевеля одними губами. Студент его не расслышал.

— Зря, отец, — произнес кельнер, — хозяин — барин, но прогоришь...

У Дяди Вити выпало две двойки, он не стал на них останавливаться. Протестов кельнера и Студента он не слышал. Следующий ход не дал ничего. Никто не заметил, как Дядя Витя увеличил ставку. Потом сразу же выпал «фул хаус» на шестерках.

«Но это только двадцать третий ход», — успел подумать Студент. Вслух он сказал:

— Заблокируй троечку.

Дядя Витя, словно в сомнамбулическом сне, заменил две карты. Сейчас он играл на все, что было в автомате, — около тридцати тысяч.

— Слушай, отец чудит, — дошли до Студента слова кельнера. — Играет на весь банк...

Все остальное происходило очень быстро.

Выпало два «джокера». Электронный марш, исполненный автоматом, возвестил о победе.

— Бери, Дядя Витя, бери!

— Покер, мать твою! — крикнул кельнер из-за стойки. — Да ты чего, отец?!

— Двадцать три, двадцать три, — монотонно проговорил Дядя Витя, продолжая шевелить губами, — наш, следующий — наш...

Автомат предложил сыграть на выбор «больше-меньше»: либо все удваивается, либо все пропадает.словно во сне, рука Дяди Вити прошла по клавишам, принимая условия автомата.

Крик Студента: «Дядя Витя, не делай этого — там три лимона!» — повис в воздухе.

Как в замедленной съемке, рука Дяди Вити коснулась клавиши «меньше», и в следующую секунду на экране зажглось «Вин» и снова зазвучал электронный победный марш.

— Двадцать четыре, — тихо сказал Дядя Витя, откидываясь на стуле.

— Шесть лимонов, — заворуженно произнес кельнер. — Четыре штуки баксов! — И после паузы: — Ну, отец, ты даешь! Ну ты рисковый, блин. Ювелир!

За ними уже давно все наблюдали. Из своего полумрака вышел главный менеджер. За его улыбкой скрывалось с трудом сдерживаемое раздражение. Он подошел к автомату и некоторое время пристально смотрел на экран. Потом, как бы не видя Студента и Дядю Витю, он произнес, обращаясь к кельнеру:

— Какая была ставка?

— Тридцать тысяч...

Менеджер помедлил и... принял решение:

— Все правильно. Отсчитайте деньги. — Он бросил быстрый взгляд на Дядю Витю, потом на Студента и подумал, что эта ситуация очень неясная, очень смутная. Затем с натянутой улыбкой сухо произнес: — Поздравляю, вам сегодня крупно повезло... Извините, мы сейчас закрываемся на санитарный час. И будем вынуждены отключить автоматы. Приходите вечером, только вечером без костюма и галстука у нас не пускают.

И он вышел из зала.

Кельнер отсчитывал деньги, внутри его пылал пожар — пожар настоящего интереса к двум очень странным посетителям. Потом он протянул деньги Дяде Вите и негромко, но горячо проговорил:

— Здорово! Молодцы вы! Я не знаю, кто вы такие, но вы их сделали, этих козлов. Сделали, мать их! Здорово!

Студент уже не верил ни тому, что видит, ни тому, что слышит. Все это напоминало какую-то дурацкую сюрреалистическую пьесу. Или пьесу абсурда.

— Приходите еще, — кельнер быстро посмотрел в глаза Дяде Вите, — всегда будем рады! Мать их...

Дядя Витя протянул деньги Студенту, почему-то сказав:

— На, Сашок, спрячь! Половина твоя.

И они вышли на улицу. Кельнер провожал их глазами. В казино «Марина» они задержались не более чем на двадцать минут. Помолчали. Потом одновременно закричали: «А-а-а!», ударили по рукам и обнялись.

— Сегодня вечером будет еще немного, Сашок! А пока отвези меня в какой-нибудь более-менее приличный магазин — одеться надо. — И Дядя Витя смущенно улыбнулся, как будто он не стал только что героем дня. — И в парикмахерскую, пора лысинку подкорнать.

Когда они ушли, кельнер долго с тихой улыбочкой смотрел на то, что не увидел ни главный менеджер, ни кто-либо другой из персонала. Он чувствовал все более глубокое уважение к этим двум замаскированным ребятам. Это те еще штучки! За их столиком так и нетронутым осталось пиво, а банка орехов даже не была вскрыта.

— Сделали они их, этих козлов, — сладко проговорил кельнер, — сделали, мать их!

К вечеру того дня, когда Робкоп закрыл зал суперкомпьютерных игр раньше обычного, Дядя Витя успел опустошить еще два аппарата, вытянув из одного миллион 840 тысяч рублей, а из другого — 73 тысячи.

— Все на сегодня, — просто сказал Дядя Витя, как будто ничего особенного не происходило.

Спустя еще какое-то время Дядю Витю было не узнать. Они сходили попариться в Сандуны, потом Студент предложил купить неброский консервативный костюм и темное драповое пальто — как раз по возрасту. Однако Дядя Витя выбрал голубые джинсы «Левис-501» и шерстяной пиджак свободного покроя, рубашку с таитянской экзотикой и широкий яркий галстук.

— Ко всему этому набору полагается большое количество звенящих металлических предметов, зажигалку «Zippo», да еще в ухо серьгу! — пошутил Студент.

Но Дядя Витя совершенно серьезно заявил, что это для тех, кто понимает, после чего приобрел ковбойские сапоги, совершенно верно обозвав их «казаками». Вот такие, оказывается, у него были вкусы, о чем он даже не догадывался всю свою жизнь.

Потом Студент отвез его в салон «Шварцкопф», где иногда стриглась Алка, имеющая там подружку. Студент ждал, пока Дяде Вите делали прическу, в холле, курил и просматривал рекламные журналы. Когда Дядя Витя, благоухая иностранными запахами, наконец появился, Студент чуть не лишился дара речи. Стрижка Дяди Вити не была даже молодежной — она была подростковой!

— Дочка, парикмахерша...

— Света...

— Да-да, Света... спасибо тебе, — говорил Дядя Витя, расплачиваясь у кассы.

«Дочка-парикмахерша» была несколько напугана и одновременно, казалось, с трудом сдерживала приступы смеха:

— Я пыталась его отговорить, но он же упрямый... Увидел журнал «Браво» с группой «Dereche Mode» на обложке и ткнул пальцем — меня под этих. Ну что мне было делать, я и подстригла...

Студент действительно некоторое время не мог ничего сказать. Перед ним предстал полубезумный субъект с внешностью эксцентричного пожилого импресарио-алкоголика; совершенно пропитое лицо и мятущееся выражение глаз только дополняли общую картину.

— Дочка, Света... насчет серьги, если не шутишь, я завтра приду... Как раз к стрижке.

У «дочки-парикмахерши», казалось, вот-вот случится истерика.

— Вот это да! — проговорил сквозь зубы Студент. — Круто!

— Смотри, как дед прикинулся, — бросил кто-то из проходящих мимо подростков. — Америка — жевачка... Деша дает!

— Голливуд, крутые попки, кокаин... Продвинутый папаша. Дядя Витя пропустил эти замечания мимо ушей:

— А теперь звони Алке и едем обмывать успех! Куда-нибудь, где лучше всего, куда Дядя Витя раньше и мечтать не мог... Завтра все отыграем. Все! Ты только, Сашок, верь мне и... будь рядом.

Грань между жизнью и дурной сюрреалистической пьесой становилась все тоньше.

Ровно через два часа после закрытия заведения под названием «Суперкомпьютерные игры» они вошли в дорогой итальянский ресторан, расположенный в самом центре Москвы, чтобы веселиться там всю ночь. Ресторан этот находился в весьма своеобразном и примечательном месте, омытом кровью всех российских революций. Еще через час их стало уже четверо — подругу Дяди Вити звали Валери, вряд ли она была старше Алки. Она тоже приняла Дядю Витю за пожилого импресарио, склонного к суицидным формам развлечений, и без конца задавала один и тот же вопрос:

— Но все же где мы могли раньше встретиться? Где и у кого? Кстати, как насчет покурить травки?..

Денис открыл дверь в зал суперкомпьютерных игр ключом, который теперь стал его ключом. Он знал, как отключить сигнализацию, как открыть сейф с лазерными дисками и как запустить машину. Теперь он знал все...

Денис надел шлем в начале девятого вечера, как раз в это время Дядя Витя с видом философа разглядывал, ничего в нем не понимая, диковинное меню, полное итальянских слов, а Студент с Алкой пили сухой мартини.

Денис беззвучно плакал, только иногда всхлипывая, что давалось ему с трудом: нос, скорее всего сломанный, сильно опух, затрудняя дыхание, как при тяжелой простуде. К тому же нос был полон корочек запекшейся крови, и когда Денис освобож-

дался от них, снова начиналось кровотечение. Логинов и эти «приятные» молодые люди — друзья Логинова (ведь начитавшаяся книг мама Люси утверждает, что все люди добрые) — превратили лицо Дениса в некое подобие спелой сливы с узенькими щелочками глаз. Вся его одежда и руки были в засохшей крови, ребро скорее всего тоже сломано. Но все это теперь не важно. Отогревшее его в сырости московского подъезда тепло ключей подсказывало, что все это теперь не имеет значения. Что-то очень новое, очень страшное должно с ним сейчас произойти, и противиться этому теперь бесполезно. Ты не сможешь ничего сделать с несправедливостью этого мира, мальчик, ничего, но ты сможешь так измениться сам, что мир сочтет за счастье не оказаться у тебя на пути. Денис плакал, всхлипывая, как маленький, когда шел, укрытый темнотой московских дворов, к павильону суперкомпьютерных игр, сжимая в руках ключи, оставленные зачем-то Робкопом на своем столе. Денис плакал, когда обнаружил, что заведение закрыто, и увидел, что за его окнами темнота, густая, черная, как провал, почти осязаемая. И лишь одна лампа сигнального освещения горела красным светом, словно предупреждая, что заведение закрыто для всех, кроме одного человека — избитого и униженного мальчика, однако имеющего ключи. Ключи, вот в чем, оказывается, было дело! У него имелись ключи, предназначенные лишь ему. Поэтому бесполезно отступать, бесполезно бежать домой, назад пути нет — там уже все кончилось, потому что теперь у него есть ключи. Денис плакал, но не от боли и не от обиды, теперь это был Ритуал — Ритуал прощания с тем, что еще совсем недавно было таким милым и таким привычным... и таким жестоко несправедливым. Ровно в восемь часов вечера он извлек из сейфа Робкопа компакт-диск, теперь не надо выбирать какой — его тело само все знало, и включил компьютер. На какое-то мгновение он подумал: «Ведь они ищут Егора... Там — пистолет...» Но Денис уже знал, что сейчас его место здесь. Все еще успеется... «Что-то Робкоп говорил о лазерках «Юрского парка»,

динозавры... — мелькнуло у него в голове. — Но мы сыграем в «Белую Комнату». И это была последняя мысль перед тем, как мальчик погрузился в игру...

«Денис, Денис», — пронеслось по воздуху, теперь уже гораздо более приветливо...

Дядя Витя был крайне удивлен, обнаружив, что шримп-коктейль — это вовсе не бухло, а какой-то идиотский салат из креветок, а поэтичное «Фрутто ди Маре» оказалось обычной пиццей, полной морских гадов. Но еще больше он удивил всех присутствующих, когда все с аппетитом съел, заметив, что это весьма вкусная еда, а потом, о чем-то пошептавшись с Валери, небрежно бросил:

— Ну и закажи мне эту каргу!..

— Эскарго, — поправила его юная искательница приключений, глядя на Дядю Витю своими лучистыми глазами.

И чуть позже перед ним появилось блюдо, полное виноградных улиток.

Мимо, пошатываясь на пьяных ногах, прошел какой-то длинный рыжий немец. Валери поприветствовала его, как своего приятеля. Немец сказал: «О, Грюс Гутт!»

— Давай зови Фрица за стол, — дружески сказал Дядя Витя.

Немец явился с подносом, на котором стояли небольшие рюмочки с каким-то прозрачным пойлом. Он считал, что выглядит весьма живописно. Его глаза светились так же, как и глаза Валери. Немец указал на рюмочки и подмигнул Дяде Вите.

— Граппа ди паппа! — У немца оказался весьма звонкий голос.

— Граппа для папы, — улыбнулась Валери.

— Яволь! — отозвался Дядя Витя и с удовольствием махнул рюмку. Потом он радостными глазами обвел блюдо с улитками и сказал: — Ага!

Дядя Витя не стал церемониться с щипчиками, он вылавливал улиток пальцами и смачно их высасывал. Немец, Валери, Студент с Алкой дружно аплодировали.

Наверное, стоило призадуматься о том, что вчерашний люмпен-алкоголик и сегодняшний кандидат в бомжи вырядился, как патриарх мирового авангарда, чувствует полный комфорт в обществе богатых транжир и порхающих вокруг ночных бабочек и с удовольствием уплетает блюда, одно упоминание о которых у русского человека должно вызвать возмущенное негодование желудка. Но так уж получилось, что никто в этот день ни о чем задумываться не стал.

И даже когда из темноты подъезда навстречу Егору Тропинину вышел Лопоухий Толян со словами: «Все, мальчик, приплыли», Егор тоже не подумал, что это серьезно. Намного серьезнее, чем желали бы все участники этой истории, включая Логинова, прячущего за пазухой то, что он называл «волыной». Верзила Логинов теперь вдруг очень захотел, чтобы все это было шуткой, а еще лучше — дурным сном. Или, на худой конец, чтобы хоть кто-то из компании остановил его в последний момент. Но он очень боялся, что эти презируемые им ссыкуны остановить его не посмеют, а у него обратного хода уже не будет.

«Черт, как-то нелепо все получается», — мелькнуло в голове у Логинова.

Наверное, действительно нелепо, странно и несерьезно все получалось, пока не сложилось в сегодняшний день. День, когда до ИХ появления оставались считанные минуты. И может быть, во всей веселящейся и грустящей, светящейся огнями и вплывающей в ночь Москве всего два человека отчетливо видели хищную пасть развершейся впереди бездны. Бездонной пропасти, куда уже низвергался несущий их поток времени. Девятилетняя девочка стояла у своего окна с телефонной трубкой в руках. Этажом выше, у такого же окна, находился Профессор Ким.

— Вы видите, он не выходит из павильона уже больше часа. — Дора глубоко вздохнула. — Теперь-то, конечно, вы мне верите, — проговорила она с укоризной.

Какое-то время трубка молчала. Потом Профессор Ким произнес:

— Да, Дора, я был не прав. Похоже, права оказалась ты... Все начнется здесь...

— Профессор, — голос девочки задрожал, — это уже... уже начинается...

— Возьми обруч, — быстро проговорил Профессор Ким, сам удивляясь тому, что теперь скорее всего верит Доре безоговорочно.

— Профессор... Я, наверное, смогу... — Голос Доры перестал дрожать. — Смогу вам рассказать, что там сейчас происходит...

Они уже здесь

II

Часть

10. Главное, чтобы не сгнили бананы

Двадцать лет назад маленького Юлика Ашкенази били в школе, совсем как сейчас Егора или Дениса, — все индивидуальные истории похожи, и все они повторяются. Юлику ставили синяки и разбивали нос, он получал в солнечное сплетение и по рукам, по пальцам. Любимая мама говорила, что пролетарские дети бьют Юлика по пальцам, потому что этими пальцами он играет на скрипке. По-маминому получалось, что пролетарские дети, сами о том не догадываясь, завидовали Юлику, ненавидели и боялись скрипку — божественный инструмент из другого, возвышенного мира, куда им путь заказан. Но Юлик знал, что все это туфта! Его били потому, что он был слабак. Хищники всегда чувствуют друг друга и потому стараются, чтобы их тропинки не пересекались. Хищники всегда чувствуют жертву. Что они делают с жертвой, знает каждый дурак. Знал и Юлик. Однако пролетарские дети оказали Юлику неоценимую услугу. Они показали, какой удел ждет слабаков. Принять версию любимой мамы, конечно, приятнее, никакой тебе ответственности — во всем виновата скрипка. Но хищники всегда чувствуют жертву. Жертва нужна, чтобы ее съесть. Юлик принял собственную версию. Это было не так комфортно. Это было унижительно и противно. Но... потребовало определенного мужества. И убедило Юлика, что он понимает кое-что в челове-

ческих слабостях. А на этом можно играть, примерно как на скрипке. Так был сделан первый шаг к созданию корпорации «Норс».

Когда разразилась перестройка, Юлик учился в институте. Он с детства мечтал стать звездочетом, поэтому определился в МАИ, чтобы быть ближе к небу. Когда стало ясно, что наступившие перемены необратимы, спрятал свой диплом подальше и начал печь вафельные трубочки с кремом и продавать их на площади трех вокзалов. Ко времени всеобщего дефицита трубочки пришлось как нельзя кстати, и через пару месяцев на Юлика работали уже двадцать человек. Все были довольны. Юлик установил приятельские отношения со всеми местными криминалами — он действительно стал понимать кое-что в человеческих слабостях. Как-то ему попала на глаза бульварная книжонка о детстве и юности Александра Македонского. Там было написано, что папа, царь Филипп, подарил маленькому Александру на день рождения великолепного коня. Укротить его не мог никто. Именинник смог.

«Да, Александр, — прослезился папа-царь, — Македония для тебя стала слишком мала».

Коня звали Буцефал. После этого Александр Македонский завоевал почти весь известный к тому времени мир. Греки называли его Ойкуменой. Александр завоевал бы и больше, если бы не тропическая лихорадка. Буцефала, кстати, он очень любил. Юлик понял, что он тоже укротил своего коня и «Македония» для него стала слишком мала. Вместе с другом детства он купил свою первую, уже работающую, фирму. Юлик — генератор идей, мастер общения с людьми; друг — счета, текучка, бухгалтерия. Все шло очень хорошо. Юлик собирался заняться серьезным и честным бизнесом. Друг оказался совсем уж аферистом, и на их счет упала крупная сумма ворованных денег. Пожалуй, слишком крупная, чтобы спать спокойно. Юлик узнал об этом совершенно случайно, он был не в доле. Друг мотивировал просто: такое дается раз в жизни! Другу было проще — он иногородний, может спо-

койно сорваться и упасть на дно. Юлик никуда срываться не собирался. После этого очаровательного случая Юлик перестал доверять любому живому существу на свете, кроме любимой мамы. Теперь его знания о Хомо Сапиенс достигли абсолюта. Примерно так, только в более сильных выражениях, он все и объяснил своему другу-напарнику.

— Ну, если ты такой умный, — вспыхнул тот, — отмой деньги! Десять процентов — твои. Весь криминал беру на себя, можешь хоть сегодня увольняться из фирмы, твоих подписей нигде нет — ты чист. Если ты такой умный — придумай что-нибудь. Но только чтобы деньги — совершенно чистые — лежали на счету. Не в чемоданах — это и я хоть сейчас сделаю, — а отмытые и на счету. Все равно как, все равно где, главное — чтоб чистые и на счету.

— На счете, — поправил Юлик.

— Не важно... Люди за свой первый миллион по уши в дерьме и крови сидят. Но их дети заканчивают оксфорды! И здесь все будет точно так же.

— Ты мне не меси бодягу! — сказал Юлик. — При чем здесь наш счет?

— Кредит взяли на левую фирму по несуществующим документам — отдавать его никто не собирается — где-то в Тмутаракани, в Заволжье или в Поволжье. Дальше нужна была нормально проработавшая хотя бы год фирма, типа нашей; часть денег упала к нам... Если ты в доле — одно дело, тогда решим, нет — ты чист. Придумаешь что-нибудь — десять процентов твои.

— А раньше мы не могли поговорить об этом?

— Я знал, что ты будешь против, — усмехнулся друг, — ты же, как Ося Бендер, чтишь Уголовный кодекс. Ну а так как это еще и моя фирма...

— Да, ты прав, — согласился Юлик, — хозяин должен быть один. Скажи, сколько лет мы знакомы?

— Ладно, не разводи лирики... Ты же начитанный, что там у нас стоит за каждым крупным состоянием?! А? Но дети заканчивают оксфорды...

— Да, — сказал Юлик, — дети у них рафинированные...

— Люди, сделавшие кредит, они, понимаешь, ушлые ребята. Аферисты, могут взятку сунуть, уболтать хоть мертвого, я не знаю... воздух прогнать — у них тормозов нет. Но... вот придумать что-нибудь этакое... А им уже хочется спокойной легальной жизни, а не мешок денег под кроватью и ствол под подушкой... Рюхаешь фишку?

— Ну не знаю, как насчет спокойной жизни, но я подумаю, — пообещал Юлик.

И он подумал.

Никто бы и никогда не предпринял ничего более безумного и на первый взгляд бездарного. Имелась масса способов все сделать по-другому. Ни один серьезный человек не стал бы об этом даже думать. Юлик стал. Как-то, поглядывая на экран телевизора, он увидел здоровенную обезьяну, лениво жующую банан. Бодрый голос диктора сообщил, что где-то под Южным Крестом есть страны, где тяжелая связка бананов стоит дешевле одного маленького яблочка.

«Интересно, — подумал Юлик, — очень интересно... Дешевле маленького антоновского яблочка...

В Москве только-только заканчивалось время всеобщего дефицита. Вот тогда в лексиконе Юлика и появилась фраза: «Главное, чтобы не сгнили бананы!»

Потому что он купил несколько кораблей бананов.

Только-только начиналось время всеобщей либерализации. В воздухе пахло свободой — запах еще не успел скиснуть, превратившись в отстой беспредела. Банан оказался уникальным, единственным в своем роде товаром. В то время, когда все везли заморское пиво, сигареты и «сникерсы», делая на этом неплохие деньги, в огромной стране проживали почти 300 миллионов бывших советских людей, которым не надо было объяснять, что такое бананы. Они их и так любили. И помнили времена, когда бананы поступали от разных тропическо-революционных дру-

зей по 2 рубля за килограмм. Сейчас бананы можно было купить только в валютных гастрономах или у редкого лавочника по цене чего-то сверхэкзотического.

План Юлика был предельно прост. Если где-то есть страны, где бананы стоят гроши, то надо взять такую громадную партию — благо размер сомнительного кредита позволял, — чтобы они стоили еще дешевле. Юлик не стал связываться ни с какими известными международными фирмами-посредниками: тогда весь его план рушился. Он решил все сделать сам и самому для себя стать посредником. Для этого Юлик открыл газету «Коммерсантъ» и нашел там объявление о свободных экономических зонах. Где-то на островах Карибского моря можно было открыть фирму, свободную от уплаты налогов. Всего 200 долларов в год, вне зависимости от того, заработали вы доллар или один миллион долларов. Юлику это очень даже подходило. Называлось предприятие «Офф-шор». Юлик открыл такую фирму. «Офф-шор» и должен был выступить в роли посредника. Далее Юлик направился в посольство одной латиноамериканской страны и поведал там о внезапно охватившей его фруктовой страсти.

Свою невероятную историю будущий банановый король изливал перед скучающей дамой с капризно-томным взглядом и с претензией на повышенную сексуальность. Юлик подумал, что, весьма вероятно, раньше она стучала в КГБ, а теперь осталась без работы.

— А-а, — промолвила сексуально-скучающая дама, — следуйте за мной.

После того как Юлик последовал за ней, ему еще раз пришлось повторить свою историю. Юлика очень внимательно выслушал некий дон, похожий на располневшего тореадора, переодетого по случаю в цивильные одежды.

— А вы что-нибудь смыслите в этом деле? — поинтересовался тореадор.

— Только то, что перед тем, как банан съесть, его следует очистить, — признался Юлик.

Тореадор посмотрел на Юлика чуть влажными, полными одиночества глазами и проговорил:

— Тогда мы сделаем хороший бизнес.

Между прочим, тореадор оказался поклонником колумбийского писателя Габриеля Гарсия Маркеса. Он также поведал Юлику по секрету, что наркобароны — на самом деле большие патриоты своей страны и настоящие мужчины. Только бездарное правительство их не понимает. Юлик ничего не имел против, но в данный момент его интересовали бананы. И никаких, даже маленьких, посредников; ему нужен был сам производитель.

— Вы что, хотите, чтоб я свел вас с сельскохозяйственными рабочими? — удивился тореадор.

— Примерно так! — рассмеялся Юлик. — Мне нужна минимальная цена, я даже корабли пригоню сам.

Кстати, Габриеля Гарсия Маркеса Юлик тоже очень любил. Отдельные места из «Ста лет одиночества» вышибали у него слезу и будили воспоминания о том времени, когда он получал по пальцам. Юлик знал, что все мужчины боятся смерти и поэтому всеми возможными способами ищут с ней встречи. Юлик знал также, что каждый по-своему прячет этот свой страх. Если вас били по пальцам и вам не удалось отстоять свое достоинство, то теперь для этого осталось не так много способов. Вернее, способ остался один — заработать как можно больше денег.

Оказалось, что бананы надо брать зелеными — специальной товарной кондиции. Иначе они сгниют.

Юлик испытал безотчетный страх.

— Нет-нет, что вы, главное, чтобы не сгнили бананы!

С фрахтом кораблей тоже все было непросто. «Совфрахт» еще работал, но влетал в копеечку. Получалось три с половиной доллара с коробки. Юлику надо было экономить каждый цент. Но он не зря продавал сладкие трубочки на площади трех вокзалов. Он не просто научился понимать собеседника, он научился говорить

так, что собеседник понимал его, причем с полуслова. Юлик знал, что всем своим собеседникам ему придется выплачивать очень крупные премии. Он выбросил из своего лексикона слово «взятка», он забыл об этом слове. Премии были очень щедрыми. Но при столь крупной игре они приносили громадную экономию. Где-то далеко за рубежами родины под экзотическими флагами ходили корабли, чьи хозяева имели гораздо более скромные аппетиты. Просто все дело в премиях.

Кстати, обычные сухогрузы не подходили. Требовались скоростные банановозы со специальным температурным режимом. Это дороже, но с гарантией.

— Что ж, банановозы так банановозы, — вздохнул Юлик. — Главное, чтобы не сгнили бананы.

Немалую часть премии поглотили порт и таможня, но львиная доля пришлось на оптовых покупателей. На бесчисленное количество торгово-закупочных, плодоовощных баз, различных кооперативов и товариществ, разбросанных по огромной территории бывшей империи, вознамерившейся враз превратиться в цивилизованное демократическое государство, да еще с человеческим лицом. Этот лингвистический монстр, в образе огромного бархатного мешка с печально склоненным ликом, часто снился Юлику в то время. Как в период студенчества однажды приснилась вместо «крылатой» — «ходячая» ракета, постучавшая ему в дверь. Теперь Юлику часто снился черный провал, куда он падал, увлекаемый желтым липким бананом. Юлик знал, что ходит по острию бритвы. Но никогда до этого и никогда после он не был столь бодр и полон сил. Этот период своей жизни Юлик потом ностальгически назовет «банановой лихорадкой».

Оптовики должны были не только вовремя принять бананы, пока те не начнут портиться, они еще были обязаны в срок перечислить деньги — круг не мог прерываться. Была проведе-

на титаническая работа; после всего этого у Юлика запросто получилось бы двигать горы. И самое невероятное в созданной на короткий срок банановой империи было то, что она действовала! На пределе сил своего хозяина, но она функционировала. И только несколько человек знали, что эта империя служит не благородной цели накормить сограждан любимым фруктом, а всего лишь для тривиального отмывания уворованных денег. Однако, когда Юлик завалил Москву бананами, всем было наплевать, откуда, как и почему они взялись. Главное — они вернулись. Как старые добрые знакомые, бананы вернулись в каждый дом.

Тореадор нашел бананы по самой низкой цене в мире. Он сказал, что дешевле было бы только рвать самому, и Юлик знал, что это правда. Только по этой цене бананы шли не напрямую — их покупал открытый Юликом на островах Карибского моря «Офф-шор».

«Офф-шор» накручивал еще такую же цену и отправлял фрукт дальше. Таким образом, идея Юлика выступить в роли посредника для самого себя успешно реализовывалась. Юлик знал, что у него в запасе осталось примерно полгода, потом, если кредит не возвращался, его начинали искать. И хоть Юлик формально не имел к кредиту никакого отношения, банановая империя могла рухнуть раньше срока. Стоило поспешить. Схема Юлика была ясной и четкой. В Москве злополучный кредит конвертировался в твердую валюту, и дальше деньги переправлялись в «Офф-шор», где на их половину закупались бананы. Вторая половина на совершенно законных основаниях оставалась в «Офф-шоре» как честно заработанная прибыль. Не страшно, что прибыль слишком высока, — налогов платить не надо. А дальше — великолепные, пахнущие грезами о дальних странствиях желтые бананы на больших кораблях, весело рассекающих океанскую волну, неслись в Россию. Где приносили неплохую рублевую прибыль. Та, в свою очередь, конвертировалась и была готова к следующему

кругу. Таким образом, когда деньги совершили полный оборот и второй раз попали на счет «Офф-шора», они уже были полностью отмыты. Но все еще продолжали работать, все еще гнали корабли по банановым линиям, все еще приносили прибыль. Юлику и его партнерам оставалось только следить, чтобы никто из контрагентов, поддерживающих это хрупкое равновесие, не допустил прокол. Это было самое сложное, требовало нечеловеческих сил и нервов, здесь применялись и кнут и пряник. Юлик, и без того не отличавшийся атлетическим телосложением, похудел почти на восемь килограммов. Пора было заканчивать. У партнеров Юлика при столь обильной трапезе не на шутку разгорелся аппетит: ну давай еще хотя бы один круг провернем — это же прямо бананово-золотой дождь! Но Юлик чувствовал, что уже все — с дефицитом покончено. Ниша забита полностью, и никакой громадный рынок больше не выдержит такого удара. Бананы начнут гнить, а этого допустить было нельзя. Ни при каких условиях. Банановая лихорадка закончилась.

Юлик отер пот и весело проговорил:

— Главное, чтобы не сгнили бананы!

Потом он начал как-то непривычно громко смеяться. Его временные партнеры удивленно переглянулись. Теперь Юлик будет повторять эту фразу всю свою жизнь.

Банановая лихорадка закончилась. Первоначальная сумма кредита почти удвоилась и теперь лежала на счете московского предприятия. Только Юлик к этому предприятию уже не имел никакого отношения. Еще одна сумма денег, равная первоначальному кредиту, но выраженная в твердой валюте, была надежно упрятана в карибском «Офф-шоре». Юлик даже перевыполнил взятые на себя обязательства.

— Это, конечно, не мое дело, — сказал Юлик своим бывшим партнерам, — но я бы на вашем месте не жадничал, заплатил все налоги и вернул кредит. Так все хорошо получилось, что вряд ли после этого стоит пускаться в бег. Но, в общем, вам решать.

Партнеры Юлика молчали. Они не знали, что ему ответить. Они вдруг почувствовали уважение к этому мальчику с его безумными фантазиями.

Юлик получил свои десять процентов с денег, спрятанных в «Офф-шоре», и еще десять — с рублевой прибыли. Все были довольны, только казалось, что партнеры Юлика так и не решаются его о чем-то спросить. Их мнение выразил друг детства и бывший напарник. Его тон вдруг сменился. В голосе появились новые нотки. Потом уже многие начнут обращаться к Юлику именно так:

— Мы тут посоветовались...

— С товарищами, — ухмыльнулся Юлик.

— ...словом, у нас предложение: давай работать дальше вместе. Тогда все, что получилось, разделим на четверых. Получишь не десять, а двадцать пять процентов. Нас все устраивает... Если боишься криминала, люди, в общем, готовы и кредит вернуть.

Юлик посмотрел на своего бывшего друга и понял, что не испытывает по отношению к нему никаких чувств — ни капли обиды, ни сожаления, ни даже торжества. Все было стерильно. Просто он его перестал интересоваться как деловой партнер.

— Конечно, я благодарю за доверие, — улыбнулся Юлик, — но ты же сам говорил, что хозяин должен быть один! Будем поддерживать деловые контакты. Это лучше, чем иметь общий кошелек. Меньше проблем. Да и веселее. А потом, если честно, больше всего на свете я сейчас мечтаю просто хорошо отдохнуть.

— Ну что же, — проговорил друг, — наверное, мы просто дошли до нашего перекрестка...

— Я бы не разводил лирики, — еще более доброжелательно улыбнулся Юлик.

Эта троица действительно перестала его интересоваться. И с него вполне хватило полученных десяти процентов. Но вовсе не отдыхать он сейчас собирался. Потому что в так мило сработавшей банановой цепочке было еще одно звено. Правда, о его существовании никто не знал. Между банановым берегом и карибским «Офф-шором» существовал еще один «Офф-шор». Эта фирма

имела счет в одном из банков чудесной альпийской страны — Швейцарии и, несмотря на свою молодость, очень неплохо зарабатывала на экспорте бананов. Ее единственным управляющим и владельцем был Юлик Ашкенази.

Кстати, нотки, появившиеся в голосе у бывшего напарника-друга, Юлик впоследствии охарактеризует как одну из многочисленных человеческих слабостей. Он ее сформулирует так: «Ненавижу, люблю и хочу денег».

Через несколько дней Юлик учредил акционерное общество. Он назвал его «Норс». Что это значит, до поры до времени Юлик не открывал даже любимой маме. Совсем скоро «Норс» трансформировался в СП. Иностраннный капитал также принадлежал Юлику. Просто в то время это была наиболее удобная форма работы.

Юлик продолжал эксплуатировать человеческие слабости. У него появилось необычное хобби — он создал некое подобие копилки слабостей: в большом блокноте он делал графические рисунки и снабжал их забавными надписями. Это было что-то вроде дневника, и Юлик его никому не показывал. И правильно делал. Потому что это была достаточно страшная тетрадоочка. От нее прилично пахло мизантропией. Вообще-то при виде многих рисунков у дедушки Зигмунда Фрейда, отца психоанализа, просто бы опустились ручонки. К своему счастью, он до этого не дожил.

«Норс» занялся экспортом сырья и металлов. Юлик выбил все необходимые для этого квоты. Он обеспечил все.

У Юлика был теперь главный бухгалтер. Он платил ему зарплату. Очень высокую. Но тот просился в долю. Бухгалтер тоже относился к тривиальному типу «ненавижу, люблю и хочу денег», но, в общем, был неплохим малым. Юлик взял бы в долю кого-то более неординарного. Через месяц в поле зрения Юлика попал гений счетов и бухгалтерских проводок. Иногда Юлику казалось, что новый бухгалтер еще более сумасшедший, чем он сам. Его-то

он и взял в долю. Вот тогда у Юлика и появился интерес ко все более распухающей от инфляции, словно созревающее пчелиное гнездо, сфере финансов.

Почему-то своего бухгалтера он тогда прозвал Бюстгальтером.

Юлик не стал ждать, пока его отыщет рэкет. Он сам заявился к братве и рассказал о себе, что, дескать, да, живет такой парень. Братве это очень понравилось. Кое-кого Юлик знал лично — двадцать лет назад они ему ставили синяки и били по пальцам. Теперь кудесник и маг, превращающий черное в белое, Юлик помогал им отмывать деньги.

Юлик первым в Москве понял, какой клад таят в себе коммунальные квартиры. Как-то он сказал своему бухгалтеру:

— Надо расселять эти засранные коммуналки с алкашами, ремонтировать и продавать под офисы зарубежным фирмам и просто богатым людям.

Так появилось отделение фирмы «Норс. Операции с недвижимостью».

Кстати, Юлик собрал превосходную коллекцию живописи. Как уже было сказано, он обладал свехчутьем и неплохим вкусом. Юлик открыл одну из самых скандальных московских галерей. Он не считал себя меценатом. На полном серьезе Юлик Ашкенази считал себя большим художником, импровизирующим в бизнесе.

К вечеру того дня, когда Робкоп закрыл зал суперкомпьютерных игр раньше обычного, Дядя Витя проводил время в обществе лучистоглазой феи Валери, а Логинов и компания бегали в поисках Егора, «Норс» превратился в огромную корпорацию, а Юлик Ашкенази уже не знал, сколько он стоит. В его автомобильном парке были «ягуары» и «мерседесы», и Юлик даже подумывал приобрести «бентли», но решил, что это слишком вызывающе. Последней его покупкой стало одно известное информационное агентство. Лю-

бимая мама и остальная семья уже давно жили в Париже, иногда навещаясь к сыну, потому что Юлик делал бизнес в Москве.

В тот вечер, когда Денис открыл зал суперкомпьютерных игр своим ключом и в последний раз направился на поиски Белой Комнаты, Юлик сделал в своем необычном дневнике еще один рисунок. Если бы дедушка Фрейд его увидел, он скорее всего даже и не попытался бы относиться к Юлику как к возможному пациенту. Скорее всего старина Зигмунд отправился бы к прокурору и попросил арестовать этого человека. И на вопрос «Почему?» он, наверное, ответил бы: «Потому что этот человек потенциально опасен для общества».

11. Белая Комната

Профессор Ким вышел на морозную московскую улицу в 9 часов 12 минут вечера. Уже больше часа Денис находился в зале суперкомпьютерных игр, и там было по-прежнему темно.

«Мы теряем время, — думал Профессор Ким, — скорее всего мы его уже потеряли... Если б я только послушал Дору раньше». Мадам была крайне удивлена, когда Профессор попросил достать ему на ночь глядя старые, привезенные еще дедом из деревни валенки и тяжелый тулуп.

— Лавр Петрович будет очень недоволен, что пользовались его вещами. Вы же знаете причуды старика.

— Мадам, — непривычно тяжело вздохнул Профессор Ким, — старик сейчас заканчивает очередной том своих трудов, вряд ли ему до мирской суеты... И потом, — посмотрел на валенки Профессор, — вы его хотя бы раз видели в этом?

— Лавр Петрович очень импозантный мужчина...

— Я и говорю — старый греховодник... Это все не более чем причуды.

— Между прочим, Профессор, тулуп вы застегнули не на те пуговицы.

— Знаю, Мадам, знаю... Иногда наступает время, когда приходится делать странные вещи.

Профессор прошел по комнате в валенках и открыл бар. Для этого он толкнул книжную полку, та со звоном сделала пол-оборота, и вся задняя стенка оказалась уставленной бутылками.

— Если б я не был профессором, я бы заделался великим собирателем спиртного. Ну, что у нас здесь самое ядреное?

С этими словами он достал начатую бутылку русской водки, посмотрел в задумчивости на жидкость.

— Втянем жижи, как говорит Олежа... — И сделал большой глоток. Затем он смочил водкой губы и подбородок, сказал: «Фу!» — и немного побрызгал на одежду. Оставшиеся полбутылки он убрал в наружный карман тулупа. Затем он взял в холодильнике банку пива, вскрыл ее — пена выступила на запотевшую алюминиевую поверхность — и сделал большой глоток. — Ерш, едрена вошь! — смачно проговорил Профессор.

Мадам все это видела и слышала впервые. Она была изумлена:

— Профессор, что с вами? Вы... извините за банальность, вы себя хорошо чувствуете?

— Отлично! — Профессор Ким извлек из кармана бутылку, сделал еще глоток и убрал водку обратно горлышком наружу. — А теперь еще лучше!

Мадам перевела дух:

— Вы решили попасть в вытрезвитель?

— Ни в коем случае! Вот на это, к сожалению, я не имею права... Мадам, не одолжите мне на вечер вашу ушанку?

— Мою... что?!

— Шапку-ушанку.

— Ах, ну да, конечно, это такая мелочь... Если понадобятся мои туфельки на шпильке...

— Нет, боюсь, это не сегодня.

Профессор Ким надел ушанку набекрень, повязал криво шарф, скосил глаза к переносице и прокричал весьма легкомысленный мотивчик:

— Бывали дни хорошие, я к милой наезжал...

Мадам присела на краешек кресла в прихожей. Затем она поднялась и извлекла из фартука длинную папиросу.

— Профессор, вы уверены, что наступило настолько странное время?

— Увы, Мадам...

Профессор Ким посмотрел ей прямо в глаза. Он был абсолютно серьезен.

— Значит, я начинаю снова курить.

— Боюсь, что сейчас у меня нет права вас отговаривать.

Профессор Ким спустился на первый этаж, взял в подъезде лопату для разгребания снега и, пошатываясь, вышел на улицу. Сосед по лестничной площадке и партнер по шахматам прогуливал сейчас Степана — веселого шалопаю бассета. Бассет приветливо завилял Профессору хвостом. Его хозяин равнодушно оглядел расхристанного и скорее всего пьяного в дым дворника и проговорил:

— Фу, Степан, нельзя!

Степан был удивлен перемене хозяина. Для него не существовало ни дворников, ни сторожей, ни профессоров.

Несколько последних дней стояла оттепель, но сегодня к вечеру подморозило и было ясно. Профессор пошел через сквер и, пользуясь его темнотой, украсил себя маскарадной рождественской бороденкой.

«На ярком свету эта липа будет очевидна», — думал Профессор.

Он покинул сквер, перебрался на освещенную сторону дороги и остановился у павильона суперкомпьютерных игр. Профессор неспешно приблизился к окну и огляделся — улица казалась со-

вершенно пустынной. Некоторое время его глаза привыкали к темноте. Затем в глубине зала он увидел тусклый свет индикаторов — один игровой компьютер был включен. За ним — темный силуэт, видимо, тот самый мальчик, о котором говорила Дора. Профессор смотрел в глубину зала и не мог понять, что за странная вещь там сейчас происходит. Потому что мальчик старался что-то сделать со своей головой. Через секунду Профессор Ким понял, в чем дело, и еще раз убедился, насколько же Дора оказалась права. На мальчишке был надет шлем с планкой очков. Этот шлем он пытался сейчас с себя сорвать. Еще Профессор заметил укрытую темнотой маленькую коренастую фигуру.

«Это тот, второй... Она говорила, кажется, Робкоп. Малышка абсолютно права».

Робкоп стоял за креслом. Вот он сделал шаг вперед и крепко обнял сопротивляющегося мальчика за плечи, а подбородок положил ему на голову. Профессор не слышал, но скорее всего мальчик кричал. А Робкоп сейчас не позволял Денису снять с себя шлем. Профессор бросился к двери — может быть, он успеет, может быть, это еще не случилось...

А несколько ранее Денис в последний раз отправился на поиски Белой Комнаты. Он был больше не в состоянии противиться зову того неизвестного, что преследовало и манило его, сейчас он должен был с ним встретиться. Денис знал, что стоит ему пройти через дверь, и обратного хода уже не будет. Мальчик все еще продолжал бояться, и страх был его последним союзником — ведь люди боятся неизвестного. По ту сторону страха ждало нечто... совсем чужое. И это чужое пыталось сейчас завладеть Денисом, но именно это нечто чужое обещало раз и навсегда избавиться от страха. Липкого, как кисель, страха, ждущего там, снаружи, и поселившегося глубоко внутри. Он не выбирал того, что с ним произошло. Его лишили права выбора. Перед ним закрыли все двери, заколотили наглухо, а ведь он просил о помощи. Просил как мог, но единственное, что «подало руку», было тепло ключей в кармане старой пуховки. Для него осталась всего одна-

единственная дверь. Может быть, он мог еще отказаться от помощи этого тепла? Может быть, кто знает... Но когда вы тонете и вам подадут руку, есть ли у вас силы для такого отказа? Или для выяснения, чья это рука? И как только ключи отогрели Дениса в сырости московского подъезда, как только они стали его ключами, Денис понял, что обратного хода уже не будет. Теперь он просто вынужден подчиниться зову из-за Белой Двери. Денис чувствовал, как страх смешивается с интересом к тому запретному и тайному, что ждет его, а потом с ощущением... трепетного восторга перед могущественными неизвестными, избравшими его, именно его, чтобы открыть свои грозные лики. Денис ощущал одновременно восторг и священный ужас, но сердце его волновалось — это уже не был страх, оставшийся по ту сторону компьютерной игры, это было нечто совсем другое. Еще промелькнуло: почему именно он? Почему тогда, в день четырнадцатилетия, это пробудилось, почувствовав именно его? А ведь Денис, оказывается, знал, что маленькая частичка этого поселилась в нем с тех самых пор... Поэтому не все ли теперь равно? Если его зовут, значит, кому-то нужен именно он.

Все. Страх больше не было. Перед ним возвышалась Белая Дверь. Весь путь до Белой Комнаты, все это пространство было, конечно же, игрой, компьютерной игрой, созданной талантливыми художниками-программистами. Но там, за Белой Дверью, начиналось нечто совсем иное. Совсем. К чему компьютерщики с их умными программами лишь проложили тоннель, но что было создано отнюдь не их руками. А может быть, совсем наоборот. Вполне логично теперь предположить, что дело обстоит совсем наоборот... Денис коснулся рукой Белой Двери. Он пришел наконец к тому, чего так боялся и в то же время что так ждало и манило его. Мальчик был уверен, что его пальцы сейчас прорвут ткань Двери и на него прольется какая-то жидкость. Но Дверь была абсолютно ровная и твердая... обычная.

«Странно, — мелькнуло в голове у Дениса, — а я был уверен, что она... живая. Что она только похожа на дверь».

Он толкнул Дверь — перед ним открылась Белая Комната. Яркое, бесконечной белизны, словно снег, горящий на вершинах гор, сияние ослепило мальчика. Свет, льющийся свет, огонь плавит лед...

— Денис, Денис, — пронеслось по воздуху.

Голос знакомый, но... забытый. Чей?

А комната вокруг стала просто белой, белой, как густой туман. Ему надо проплыть этот туман? Денис сделал шаг. Дверь захлопнулась. Всё — Белой Комнаты больше не было.

— Добро пожаловать в ЛЕГЕНДУ... — услышал он тот же голос.

— Что?..

— ...В ЖИВОЕ ТЕЛО ВЕКОВ...

Ни Белой Комнаты, ни Белой Двери больше не было. Он находился по ту сторону густого тумана.

— Где я? — проговорил Денис.

Голос какое-то время медлил с ответом. Потом мальчик услышал:

— Ты очень далеко и одновременно очень близко... Ты в бесконечной глубине самого себя, где спрятана вся Вселенная...

— Я не понимаю...

— Ты в бесконечной глубине самого себя, где бывал мало кто из смертных. Ты должен помочь им подняться из этих глубин...

— Но я не понимаю!.. Кому — им?

Голос молчал. Потом он зазвучал снова:

— Добро пожаловать в Миф, родивший все остальные... Им нужен твой мозг... Ты проведешь их на другую сторону тумана, через Белую Дверь. Они уже пробудились. Они возвращаются назад, в мир.

— Я не понимаю!.. Но мне знаком твой голос... Кто ты?

— Потом...

Вокруг простиралась безжизненная равнина, залитая ровным голубым светом. Денису было знакомо это место, место из его ночного кошмара. Он находился на Поле Погибших Армий — единственный живой среди павших в давно забытой войне. Печаль и тишина царствовали тут. Зачем он здесь, среди мертвых,

один, среди разрушенных пирамид и статуй забытых богов? Как давно все это было?

— Иди, ты не должен бояться, ты будешь первым. Воспоминания пробуждаются...

— Я не боюсь, но я не понимаю...

Вокруг были только смерть и забвение, но освещение начало меняться. Тела погибших воинов стал покрывать золотой налет. Вот он увидел своего коня, коня из того страшного сна. Но почему-то тело коня было из золота, тускло блестящего в свете чужой, незнакомой Луны. Денис вспомнил нубийского царя и кастет Логинова. Кастет, благодаря которому он оказался здесь. Мальчик вдруг обернулся и еще раз посмотрел на своего коня — из закрытого золотого глаза медленно выступила капелька чего-то белого... Его узнали?! И тогда мальчику в последний раз стало страшно и захотелось бежать отсюда, потому что он вдруг подумал, что все это, вокруг, вовсе не мертво! Оно спит бесконечно долгим сном, созревает, но оно... живое. И просто ждет своего часа, чтобы восстать, воплотиться во что-то грозное и могущественное и уже не ослепить своим великолепным сиянием, но сжечь. Руки Дениса безотчетно потянулись к голове, потому что мальчик понял: все то же самое может случиться там, по ту сторону тумана, по ту сторону Белой Двери, откуда он пришел и где еще совсем недавно был его дом. Руки потянулись к голове, но какая-то внешняя сила не дала ему снять шлем. И тогда все вокруг — погибшие воины и кони, разрушенные пирамиды и спящий Сфинкс (может, это был и не Сфинкс вовсе) — слилось воедино и поднялось перед Денисом громадной дышащей горой. Ничего не могло быть ужаснее этого набухшего исполина и его безобразной, склоняющейся сейчас к мальчику головы. Денис кричал — он хотел скинуть это наваждение, снять шлем, но тело кошмара уже завладело им. Он не мог закрыть глаза, и руки почему-то не подчинялись ему больше, словно скованные обручем. И тогда мерзкая, безобразная голова склонилась еще ниже и заглянула мальчику прямо в глаза.

— Пришло тебе время узнать кое-что, — прозвучал голос, — но сначала это...

И что-то белое, бескрайнее как море, выплеснулось из двух глаз исполина и начало переливаться в Дениса. И чем больше оно переливалось, тем больше тускнели огромные глаза, но над ними образовалась маленькая щелочка. Щелочка начала растягиваться, превращаясь в скользкий растущий овал. У исполина пробуждался третий глаз — глаз Циклопа. Он был абсолютно зрячий и живой и сейчас в упор смотрел на Дениса. Мальчик сделал еще одну слабую попытку вырваться. Именно тот момент и видел Профессор Ким, заглядывая через окна в темноту зала суперкомпьютерных игр.

Посреди огромного, вплывающего в ночь города, в самом его сердце родились звуки, не слышимые ухом постороннего. Где-то там, в глубине зала компьютерных игр, черные шаманы били в барабаны, вызывая к жизни гораздо более древние звуки, — старина Урс все правильно предсказал: случилось то, что удалось предотвратить пять лет назад. Что тогда лишь предприняло первую слабую попытку и было повержено. Но вовсе не погибло. И вот сейчас пришло.

Профессор бросился к двери — может быть, он еще успеет, может быть, это еще не случилось. За короткую секунду в голове Профессора промелькнул их разговор с Дорой:

— Если это произойдет, вы один уже ничего не сможете им сделать. Крайне опасно — даже не пытайтесь. Считайте, что это началось... Считайте, что они уже здесь и мы опоздали... И еще, Профессор, я не знаю, как правильно объяснить, чтобы вы поняли меня... Они знают, что мы есть, но они еще не чувствуют нас. Они как бы еще очень молоды и не знают нашего... запаха.

— Нашего запаха? Что ты такое говоришь, Дора!

— Да, нашего запаха... Я не знаю, как по-другому это объяснить. Не в том смысле, что мы с вами одинаково пахнем... Ну я же говорю, что не знаю... Понимаете, если они догадаются, кто

вы, узнают вас, то они смогут чувствовать и меня, и всех остальных — я не думаю, что нас только двое. Постарайтесь, чтобы это произошло как можно позже. Если вы не сможете ничего предотвратить, постарайтесь, чтобы они не поняли, кто — вы, кто — мы... Что мы знаем о них и что мы готовы к встрече... Они пока еще относительно слабы и будут маскироваться, чтобы набраться силы. Времени у нас очень мало...

Профессор был уже перед дверью — он собирался с силой ее выбить и сорвать с мальчика шлем. Робкоп не опасен — опасен может быть парень, если это уже произошло... Профессор занес ногу... Может, ему только показалось, что где-то в глубине себя он услышал тихий голос Доры:

— Поздно...

Может, это ему только показалось, но Профессор успел скорчить нелепейшую гримасу и выдохнуть большой клуб водочного пара. В следующую секунду дверь зала суперкомпьютерных игр открылась. На пороге стоял Робкоп. Профессор дыхнул ему почти прямо в лицо.

Робкоп поморщился:

— Ты чего здесь ошиваешься?

Робкоп улыбался, но Профессор чувствовал угрозу, исходящую от него. Он не должен отвечать угрозой на угрозу. Профессор будет потом удивляться беззаботности своего голоса:

— А, хозяйева на месте... Я гляжу, едрена вошь, вроде у вас кто-то ходит. Дежурное горит, а внутри кто-то есть. Хотел уже милицию вызывать. — Профессор с заискивающей улыбкой посмотрел на Робкопа. — У вас же имущества там...

— А ты кто такой?

— Я?! Дворник... Серегой звать.

— Дворник... — Робкоп деловито посмотрел на обледенелые ступеньки. — А это что?

— Виноват, — нудно начал Профессор Ким, — у меня рабочий день давно кончился... Ты, брат, на меня не тяни! Мы с Колянымчем загуляли, день варенья у него... Хочешь, врежь глоток...

Профессор протянул Робкопу бутылку водки.

— Нет, спасибо, за рулем... — усмехнулся Робкоп.

— А, тады... ладно. Твое здоровье... — И Профессор лихо раскрутил бутылку и опрокинул горлышко себе в рот. Затем, морщась, выдохнул и занюхал рукавом. Ему действительно сейчас стоило выпить спиртного. Потому что из-за плеча Робкопа появился мальчик. Его лицо было изможденным и бледным, со следами побоев. Но все это было не важно, все это было чепухой по сравнению с тем, что Профессор Ким сейчас увидел. Что-то белое тускло светилось из-под век мальчика. Чем-то белым переливались его глаза, большие глаза, только в них не было зрачков. Профессор почувствовал, как в его горле пересохло. Он еще отпил из бутылки.

— Ох, шило — водяра! Тульский розлив. А чего это с пацаном, заболел, что ли?

Профессор, скрывая волнение, старался рассмотреть Дениса повнимательнее.

— С пацаном все нормально. — Робкоп отстранил мальчика в тень.

— То ли тут со светом плохо, то ли мне спьяну причудилось... Он что — близорукий?

— Со мной все в порядке, дядя! — Из-за плеча Робкопа выглянул Денис. Он улыбался, выглядел здоровым и полным сил. Зрачки его были на месте.

— Ладно, браток, счастливо тебе, — дружелюбно проговорил Робкоп, — ступай своей дорогой. Нам пора... У нас сегодня тоже день рождения.

— А, ну так давай треснем! Это ж у кого?

— У меня, дядя! — ответил Денис.

Он вышел из-за плеча Робкопа и смотрел на Профессора Кима. Он смотрел насмешливо. Что ж, дядя, может, ты и дворник. А может, ты тоже слышишь этот барабанный бой? Тем хуже для тебя.

Через некоторое время Профессор Ким сел на лавочку в сквере возле своего дома и закурил. На сердце у него было тяжело — не каждый день удастся увидеть такое. Профессор курил и уси-

ленно думал. Потом он достал спрятанный под тулупом радиотелефон и набрал номер.

— Да, — ответил приятный женский голос.

— Простите за беспокойство, вас с телефонного узла беспокоят. Вы не участвуете в игре «Алло! Алло!»?

— «Алло! Алло!»? Да вроде бы нет. Девочки, из вас никто не играет в «Алло!»? Нет? К сожалению, никто.

— Извините еще раз, у нас кое-какое оборудование вышло из строя, до свидания.

— Всего доброго.

Это был их сегодняшний код. Ровно через пять минут Дора перезвонила.

12. Первые результаты

Из темноты подъезда навстречу Егору Тропинину вышел Лопухий Толян со словами: «Все, мальчик, приплыли».

А за двадцать минут до этого Егор звонил домой из будки телефона-автомата:

— Да нет, мам, я не загулял. У нас тренировка позже закончилась... Ну, я там зашел на пять минут кофе попить... Кто заходил?.. Какой Толя? Одноклассник!.. Ах, маленький такой... Нет, это бывший одноклассник, я не знаю, что ему нужно. Ну ладно, не волнуйся, я уже иду. К десяти буду дома...

Раз в месяц Юлик Ашкенази позволял себе напиться в дым. Чаще всего он делал это в обществе располневшего тореадора из посольства латиноамериканской страны — привычка, сохра-

нившаяся со времен банановой лихорадки. Сегодня они предпочли американскому клубу итальянский ресторан — тот самый, расположенный в революционном центре Москвы, но пили все же текилу. Первая половина ужина проходила весьма сумбурно — Юлика отвлекал звонивший каждые две-три минуты телефон, и разговор не клеился. Тореадор наблюдал за Юликом, сощутив чуть насмешливо свои загадочные глаза. Он курил французские сигареты «Галуаз» без фильтра.

— Наш друг — трудоголик, амиго, — проговорил бухгалтер, прозванный Бюстгальтером.

— Я понимаю, — кивнул тореадор.

«Может, он грустит по своей утраченной талии?» — думал Юлик. Что-то его очень интересовало в тореадоре.

Потом количество текилы с солью и лимоном заставило плюнуть на телефон и все, что с ним связано. Тореадор вдруг начал рассказывать о корриде. Они уже были прилично пьяны. Юлику казалось, что он проваливается куда-то в густой сигаретный дым; почему-то именно сейчас, когда тореадор рассказывал о бое быков, по ту сторону сигаретного дыма зазвучало страстное ритмичное фламенко — каталонские цыгане появились на сцене. Каталонские цыгане пели о том, что истинная любовь — это любовь утраченная, а рай может быть только потерянным, и Юлик подумал, что у этих ребят, вероятно, вместо крови в венах пульсирует расплавленное солнце. Еще он подумал, что теперь уже почти знает, о чем грустит амиго. Юлик не был склонен к сантиментам. Просто существовала порода людей, над которой Юлик с удовольствием поиздевался бы в своем необычном блокноте рисунков — копилке человеческих слабостей, только у него ничего из этого не получалось. Тореадор рассказывал о корриде. Он говорил, что мужчины всегда презирали убийство. Может, он говорил «люди», но Юлику слышалось «мужчины». Убийство всегда совершается с легкостью. Как режут курицу или закалывают свинью. Но когда встает вопрос о достоинстве — это не подходит.

— То, что у вас происходит в стране, амиго, это не подходит. — Тореадор щелкнул себя пальцами по лбу, как будто он только что нашел удачное сравнение. — Курицы режут куриц, а потом их режут новые курицы. У нас ножи дают в руки только мужчинам. Твой враг — не курица. Иначе рушится мир. Твой враг не курица, которой можно спокойно перерезать горло, или же курицы вы оба.

— Можно подумать, что у вас все происходит по-другому, — проговорил Юлик.

— Ты меня не понял, амиго, — печально улыбнулся тореадор, — я не об этом... Убийство — для презираемых. Для тех, кто обладает достоинством, — поединок. — Тореадор замолчал, потом тихо добавил: — Я не хочу, чтобы ты уловил в моем тоне наставление, амиго...

— Я благодарен, — быстро ответил Юлик. — Все же закончи... Коррида — не убийство, потому что там нет куриц?!

— Коррида — поединок. В поединке — любовь к жизни, страх и вызов смерти; убийство — монотонно и функционально... В поединке тебя и твоего врага связывает достоинство, любовь и ненависть так похожи... Убийство обесценивает, делает нереальным не только жизнь, но и смерть... Они разного цвета!.. — Тореадор взял со стола стопку и пригубил ее. — Время уже позднее, и много выпито текилы... Но я все же скажу: убийство — любовь к смерти, оно — желтое, как разбросанные Дьяволом горсти золотых монет. Только мало кто знает, что эти золотые монеты не более чем Его испражнения. Бык в вольере всегда был во власти человека... К чему устраивать корриду?! Быка можно заколоть, как свинью, как курицу... И у людей, у целых народов, забывших о достоинстве, у людей, питающихся Его желтыми испражнениями, так и делается. Ты понимаешь, о чем я, амиго?

Юлик кивнул. «Слишком много метафор, — думал он, — слишком много... А текила все-таки вещь!» И еще он подумал, что ему всегда не хватало отца, а теперь уже слишком поздно.

Кстати, Юлик тоже был на корриде. Его интересовала недвижимость в Испании, на берегу моря, в солнечной провинции Али-

канте, где были белые дома и апельсиновые деревья. Юлик слышал, что где-то там находились виллы Пикассо и Майи Плисецкой и других занятных людей. Потом, в Мадриде, Юлика пригласили в Плаца-дель-Торрос, Дворец Быков. В Плаца-дель-Торрос проходила коррида. Там разносили воздушную кукурузу и кока-колу. К концу шоу было убито шесть быков и две лошади. Лошадей прикончили быки, которые сражались с людьми. Это было обозначено так: в финальном параде вывели двух лошадей в черных пополах. Кстати, лошадям закрывали глаза. Чтобы при виде атакующих быков они не обезумели от ужаса. Кроме того, корпус лошади был защищен толстой плетеной тканью. Но это не помогло. Быки поддевали лошадей ниже уровня ткани. В первом же бою располневший неумеха пикадор нанес быку слишком глубокую рану. За что был освистан публикой. Быка нельзя закалывать пикой, можно лишь наметить в толстой шкуре рану, куда матадор вонзит шпагу. Публику не интересовал толстый пикадор. Она действительно пришла не на убийство. Ее интересовал поединок между слепой силой чудовища — свирепого черного быка — и грациозным достоинством огненноокого матадора.

У Юлика было на этот счет свое мнение. Как и у его длинноногой подруги. Она не считала быка чудовищем. И, как любая настоящая женщина, в этот миг где-то в глубине своего сознания она была женщиной матадора. Но все-таки чудовище на шоу присутствовало. В полный голос, по-русски, длинноногая подруга Юлика кричала, что все собравшиеся вокруг, все машущие в знак одобрения белыми платочками — самые настоящие гнусные, самодовольные мудаки! Быки, огромные сильные животные, беззащитны, как дети, а эти вокруг — гнусные, кровожадные уроды. Юлик подумал тогда, что, возможно, она права. Длинноногая подруга Юлика была дорогой проституткой, «Мисс» чего-то там... Русского никто не понимал. В ответ ей окружающие только улыбались. Спутники Юлика решили, что знаменитая русская «Мисс» перепила с утра шампанского. Может быть, так оно и было. Потом несколько дней Юлику снились огромные

умирающие быки. Особенно тот момент, когда бык, уже пронзенный шпагой матадора, опустился на передние ноги. Хорошо, если из его рта не брызнет кровь. Тогда публика заходится аплодисментами, а тореадор небольшим кинжалом наносит последний удар — удар милосердия, и бык, бывший еще недавно живым, черное грозное чудовище, становится на миг маленьким теленком. И, как бы сворачиваясь калачиком, уходит в уют смерти. Все это продолжается лишь миг, а потом уже смерти нет, потому что бык, завалившись на бок, превращается в обычную дохлую тушу. Даже весьма забавную. Тушу потом разделявают, а мясо продают любителям. Дороже, чем обычно.

Во время того представления быки подняли на рога двух лошадей. На одной как раз и сидел толстый неумеха-пикадор. Несчастное животное так и не поняло, что его убивают. Лошадь ушла с арены сама. Деревянный борт, куда бык прижимал лошадь, и трава под ним были в темных пятнах свежей крови...

Кстати, длинноногую подругу Юлик забрал прямо с конкурса красоты, увел из-под носа у какого-то араба. И все потому, что у Юлика Ашкенази не было своей девушки, любимой женщины, герл-френд или там более или менее постоянной подружки. Несколько последних лет Юлик пользовался услугами только проституток. Он говорил, что на баб у него нет времени. Наверное, он догадывался, что сам себя обманывает. Юлик имел некоторые проблемы в общении с девушками. Нет, он не был физическим импотентом. Но только когда платил. Когда Юлик Ашкенази платил за секс, у него не было никаких проблем. Наоборот. Он даже раз подслушал, как барышни называли его энергичным и весьма мужественным любовником. Впрочем, слово «мужественный», возможно, он выдумал позже.

Юлик вернулся в реальность. Ужин. Каталонские цыгане. Страстно-ритмическое фламенко. Итальянский ресторан в революционном центре Москвы и море роскошных баб.

Тореадор предлагал еще выпить текилы:

— Ты что-то был печальным, амиго... давай, это помогает.

— Я просто подумал, — сказал Юлик, — что на корриде можно быть только тореадором или быком...

— Ты имеешь в виду, что нельзя быть публикой? — поинтересовался тореадор.

— Я имею в виду то, что я сказал... Твое здоровье, амиго!

Они выпили. Тореадор продолжал смотреть на Юлика. Его глаза захмелели, но не утратили загадочности.

— Я бы возразил: все великие мистерии не обходились без зрителей. Зритель необходим, он — третий участник. Только благодаря ему тореро становится тореро, а бык — быком. И каждый из трех участвует в своем личном поединке со смертью. И только тогда достоинство обретает смысл.

— Ты, амиго, просто псих... — улыбнулся Юлик.

— Возможно... Но сказано неплохо: на корриде стоит быть либо тореадором, либо быком! Пожалуй, лучшее, что я пока слышал о корриде.

— Ты все перепутал. Амиго... Наливай. Главное, чтобы не сгнили бананы...

Бухгалтер Бюстгальтер уже успел посадить к себе на колени весьма экзотическую особу — то ли бурятку, то ли филиппинку. Правда, говорила она с плохо скрываемым дальнеподмосковным акцентом. Но от нее и не требовалось, чтобы она говорила. Бухгалтер Бюстгальтер сейчас подмигнул своей даме и сказал:

— Не умеют люди расслабляться... Ашкенази хлебом не корми, дай языком почесать...

— Ты что имеешь в виду? — заинтересованно спросила бурято-филиппинка.

Егор Тропинин замедлил шаг: вслед за Лопоухим Толиком из темноты подъезда появились Логинов и еще пара их приятелей. Егор подумал: странно, так долго была оттепель, а сегодня подморозило и стояла такая чудная ясная ночь, и вот эти умники выбрали именно сегодняшний день для выяснения отношений. И еще он подумал, что знал, чувствовал, что так они этого не

оставят. Рано или поздно Логинов решится на какую-нибудь гадость. Но почему именно сегодня? И почему Логинов опять не один? Ведь он намного крупнее и сильнее Егора, естественно, он его не боится... Наверное, все-таки Логинову необходимы зрители, иначе все его подвиги будут просто нелепы. Ну, что опять припасено у Коляши?

— Привет, Тропинин, — буркнул Логинов.

— Здорово вам всем.

— Хорошая погода...

— Да, красиво. Погода в кайф.

— Но не для всех... Видишь, как иногда получается? Значит, говоришь, в следующий раз будет пуля?

— Логинов, а я думал, что мы, как нормальные мужики, обо всем позабыли...

— Вот как у тебя, значит, получается... А как же — в следующий раз будет пуля?

— Я делал все от меня зависящее, чтобы следующего раза не было, — сказал Егор.

— Теперь уже от тебя ничего не зависит. — И Логинов хлопнул себя по куртке. — Пуля-то здесь... Вот как бывает.

— Да чего с ним цацкаться?! — начал Лопоухий Толик.

— Заткнись! — оборвал его Логинов. Потом он посмотрел в глаза Егору: — Ну чего, Тропинин, как решим? Казнить тебя или пойдешь домой? Вон, дверка-то рядом...

Егор вдруг увидел в глазах Логинова странную растерянность, словно все, что он сейчас делал, он делал не по своей воле. Слово он не сам своими ногами пришел сюда. И это вовсе не шутки, все гораздо серьезнее, чем можно было предположить. Логинов — актер, всегда играющий похабные пьесы перед самыми дерьмовыми зрителями, которых можно было отыскать во всем районе. Только сегодня пьеса вдруг опасно сменилась, и она вовсе не по душе актеру, но зрители требуют, их глаза горят от возбуждения... Сердце Егора бешено заколотилось в груди, он вдруг понял, что происходит что-то очень нехорошее. Что всего несколь-

ко шагов отделяют их всех от опасной грани, а потом уже ничего нельзя будет вернуть. Где-то далеко за домами взывала сирена «скорой помощи», а потом вдруг стало очень тихо. Егор слышал, как бьется его сердце.

— Ну как решим, Тропинин? — спросил Логинов. Что-то скрипнуло в черной глубине двора. Какие-то шаги. И опять стало очень тихо.

— Логинов... — Егор почувствовал, как ком подкатил к горлу. — Мне кажется, нам было бы лучше все забыть. Нам всем.

— Забыть, как ты газом в морду пальнул?!

— Чтоб ты завтра по нам всем шмалять из пистолета начал, — быстро вставил Лопухий Толик.

Логинов промолчал. Он только еще раз взглянул в глаза Егору. Он посмотрел на Егора агрессивно и беспомощно одновременно.

— Логинов... — Егор старался, чтобы его голос звучал как можно ровнее и спокойнее. — Ты же не глупый человек, ты прекрасно понимаешь, что я действовал в пределах необходимой самообороны.

— Ты мне тут Уголовный кодекс не читай!

— Но это действительно так... У меня не было выхода, пойми... Но теперь мы квиты.

— Нет, мальчик, не квиты, — проговорил Лопухий Толик, — но сейчас станете... Очень скоро станете.

— Я же сказал — заткнись! Чего хочешь, чтоб я его тут пришил?! Тебя же первого заметут: ты заходил к нему домой час назад!

— А я тут при чем? Вы разбираетесь... У меня с ним личных счетов нету, — ухмыльнулся Лопухий Толик, — не мне он в морду засадил...

— Ты, падла, я же сказал — заткнись!

Логинов схватил Лопухого Толика за ухо и резко пригнул к земле. Тот согнулся пополам и заверещал:

— Ну конечно, бей своих, чтоб чужие боялись...

Снова заскрипели шаги в темноте двора, только уже громче.

Кто-то приближался к ним, может, кто-то из соседей, и тогда они не посмеют...

Логинов вытащил пистолет и передернул затвор.

— На колени, сука!

Егор стоял, у него вдруг онемели ноги. Он много раз видел такое в кино, но никогда не думал, что зрелище пистолета так парализует волю.

— Коля, Логинов, успокойся, убери это... Дело касается нас двоих, и нам, только нам двоим станет от этого хуже.

Егор прекрасно понимал, что сейчас происходит, он даже подумал, что, может быть, ему удастся помочь Логинову не переступить последнюю черту. Но он очень боялся тускло блеснувшего пистолета, который направил на него даже как бы и не Логинов, а какая-то мутная иррациональность, некто, находящийся под прессом обстоятельств, с которыми они ничего не могли поделать. Егору было страшно, и он не находил нужных слов.

— Я же сказал — на колени! Проси пощады, сука!

Логинов нервничал, становился неуправляемым. Он сам загонял себя в угол. Он загонял в угол их двоих на потеху друзьям. Егор не встанет на колени, иначе он проиграет на всю жизнь, и тогда Логинову ничего не останется, как стрелять. У них у обоих могло не остаться выхода. И Егор решился:

— Коля, успокойся, опусти эту штуку. — Ему стоило нечеловеческих усилий, чтобы его голос не задрожал. — Она еще ненароком выстрелит... Лопоухий Толик первый же тебя заложит, когда его прижмут. Ведь он же заходил ко мне час назад... Все знают, что ты здесь заводишь, он, может, еще и отмажется... Или же тебе придется сейчас прямо здесь пристрелить и его. Прямо сейчас! Понимаешь?! Как собаку!

Взгляд Логинова беспокойно метнулся на Лопоухого Толика; и за взглядом чуть не последовали руки, сжимающие пистолет. Даже при свете полной луны было видно, как у Лопоухого Толика побелели губы. На миг снова воцарилась полная тишина.

— Врешь, падла! — закричал Лопоухий Толик и бросился на Егора.

Егор понял, что он выиграл. Будет драка, но самого страшного уже не произойдет. В следующую секунду Егор, сделав шаг назад, подпрыгнул. Сейчас он первый раз бил человека ногой по лицу. Лопоухий Толик растянулся по земле. Падая, он ударился затылком об обледеневшую стену дома.

— Ой, падла, о-у-й... — застонал он.

— Отведай сам, чем хотел полюбоваться! — жестко проговорил Егор.

Логинов его понял. Он быстро убрал пистолет и теперь облегченно потер руки. Удар Егора ему понравился.

— Нет, говнюк, ты совсем оборзел, — совершенно беззлобно произнес Логинов. — Ты прав, пачкаться о тебя не стоит, но кости мы тебе переломаем. Помогите Лопоухому встать...

В следующую секунду огромная рука Логинова обвила Егора, как тяжелый удав; он сжимал локтем шею Егора прямо под подбородком. Вырваться из этих объятий Егор не мог.

— Давай, Лопоухий, вставай и ногой говнюку в то же место... засвети ему в шнобель, как он тебе.

Лопоухий Толик разбежался. Егор зажмурил глаза и постарался отвернуться. Удара не последовало.

— Ссышь, когда страшно?! — Лопоухий удовлетворенно ухмыльнулся. — Смотреть, не хрена прятаться... Сюда!

Лопоухий Толик уже примеривался для удара, его глаза жадно блестели, и тогда шаги скрипнули совсем близко, на мгновение показалось, что темнота сгустилась еще больше, и какая-то тоска сковала всем сердце... Логинов обернулся — высоко над ними в ясном морозном небе плыла почти полная луна. И в следующее мгновение из темноты на крохотный пяточок, освещаемый луной и тусклым светом далекого подъезда, вышел... Денис.

— Фу ты, черт... — выдохнул Логинов.

— Дениска?!

— Ты чего, долговязый, откуда? — удивленно спросил Логинов. — Тебе чего, мало, что ли?

Денис сделал шаг к Логинову.

— Иди ко мне, — негромко сказал Денис.

Он произнес всего три слова, но Егор уловил что-то странное, что-то очень странное и чужое в его голосе...

13. Первые результаты (продолжение)

На следующее утро Юлик Ашкенази сидел в удобном кожаном кресле за 500 долларов у себя в офисе и проклинал Славу Степанова. Слава Степанов был очень давно, еще в школе. С ним Юлик в первый раз выпил спиртного. Портвейн «777». Голова у Юлика не просто болела — она была квадратная. Юлик буквально ощущал пальцами ее уголки. Блонди — белокурая секретарша, словно сошедшая со страниц журнала «Вог», хотя сейчас Юлику было на это абсолютно наплевать, — готовила ему крепкий кофе, алказельтцер в минеральной воде и апельсиновый сок. Ничего не помогало. Претензии Юлика постепенно распространились гораздо дальше, в глубь времен, и когда Блонди вошла с очередной порцией кофе, несчастный Юлик спросил у нее:

— На хрена эти идиоты изобрели алкоголь?

— Кто? — не поняла Блонди.

— Люди!

Блонди боялась Юлика. Как-то она сказала своей подружке, что у ее шефа красные глаза.

— Не дури, — отозвалась та. — Сколько он тебе платит?! А?..

— Ты не понимаешь, — сказала Блонди. — Кроме нашего главного буха, его все боятся... Постоянно ощущаешь какое-то давление, прессинг...

— Кстати, а правда, что этого вашего бухгалтера называют Бюстгальтер?

— Конечно... Это он его так прозвал, как и меня — Блонди. А теперь все меня так называют.

— Скажи, а какой он? Ну, ты понимаешь, что я имею в виду.

— Не знаю! — Блонди улыбнулась.

— Ну ладно, мне-то скажи. Он очень сексапильный, у него такие возбуждающие ягодицы... Конечно, вы трахались и, конечно, при свечах, а может, прямо в офисе, у него на столе?!

— Да отстань! — Блонди рассмеялась. — Я думаю, он обычный. Я его боюсь.

— Мне кажется, он очень, очень необычный.

Через несколько дней подружка Блонди рассеянно сообщила:

— Действительно странно... Понимаешь, все было хорошо, но как будто его не было...

— Ты, прохиндейка, — улыбнулась Блонди. — Так было или не было?

— Такое ощущение, что у меня была случка с хорошо функционирующей секс-машиной. Может, я ему не понравилась, но какой-то он очень... очень холодный. А у вас что, действительно не практикуется сексуальное преследование на рабочем месте?

Юлик сидел в своем кресле за 500 долларов и заканчивал второй литр апельсинового сока. Вчера с тореадором они все-таки перегнули, хоть и пили одну текилу. Вот тебе и «главное — не смешивать». Главное, чтобы не сгнили бананы! Черт... Юлик понял, что любая резкая мысль сейчас противопоказана. Видимо, голова вовсе не кость, она болит. Уже далеко за полночь Юлик с тореадором познакомились с каким-то сумасшедшим дедом. Дед развлекался с безудержностью самоубийцы. С ним была какая-то совсем юная компания и длинный рыжий австрияк. Австрия-

ка все почему-то называли немцем, а иногда — дойчем. Он сказал Юлику: «Грюс Готт!» — «И с вами — Бог», — отозвался Юлик.

Юлик Ашкенази был от деда в восторге. Тот отмачивал такие пенки, что скоро их вечеринка стала напоминать какую-то безумную феерию. Он назвался Дядей Витей. «Как, прямо — дядя?!» — спросил Юлик. «Да-да, Дядя Витя», — подтвердил дед. Они пили на брудершафт. Юлик впихнул ему в руки свою визитную карточку. Дед сказал, что у него такой штуки нет и вообще у него вроде теперь и жилья никакого нет. Юлик знал, что подобные пошлые шуточки в ходу у разухабистых мелких нуворишей. Дед же, казалось, говорил правду.

— Так, значит, у тебя последняя гастроль? — удивленно спросил Юлик.

— Нет, первая! — ликующе сообщил дед.

Юлик так и не смог понять, кто же он такой. Это только подзадорило Юлика. В самом конце вечера дед приволок каталонских цыган. Это была очень известная группа музыкантов. Они все вместе, к восторгу окружающих, пили на брудершафт, потом танцевали фламенко. Дядя Витя тоже. В последний раз Юлик так веселился, когда был студентом и не имел за душой ни черта. Они отбивали ритм, хлопая в ладоши. Дедова подружка Валери, больше напоминающая его внучку, и Юлик это оценил, вместе с солистом группы танцевала в центре, завернувшись в какую-то шаль. Это было похоже на сумасшедший полет над земным шаром.

— Нам надо будет запомнить этот вечер, амиго, — сказал тореадор.

Радостный и пьяный в дым Юлик повторил деду свою фразу:

— На корриде надо быть либо тореадором, либо быком...

— Очень хорошо, — отозвался дед. — А еще лучше — тем, кто все это выдумал.

Сейчас «Радио-101» сообщило, что в Москве десять часов утра. Юлик переплюнул Наполеона. Император Французской Республики спал по пять часов. Сегодня Юлику удалось поспать неполных три.

«Кто же он такой? — думал Юлик. Ему было совершенно не свойственно вспоминать прошедшие вечеринки. — Надо же — Дядя Витя...

А Дядя Витя в это время сладко потягивался в роскошной постели, укрытый шелковыми одеялами. Вокруг были антикварная мебель и множество старинных картин, а с одной картины смотрел строгим и открытым взглядом большой красноречивый генерал. В такой обстановке Дядя Витя проснулся впервые, но теперь его это уже не особо удивляло. Оказалось, что Алка из старой советской аристократической семьи, внучка известного авиаконструктора и генерала. Из окон их дома был виден памятник Пушкину, тот самый, на фоне которого в песне Булата Окуджавы «снимается семейство». Рядом с Дядей Витей просыпалось прелестное полуобнаженное (вот те на...) существо — Валери. В принципе и это Дядю Витю теперь не особо удивляло. Валери сейчас распахнула свои улыбающиеся глаза и поворковала:

— Ты не обижаешься, что я вчера уснула?

До Дяди Вити не сразу дошел смысл ее вопроса. Потом, все еще не веря услышанному, он сказал:

— Дочка, бесстыдница, что ж ты такое спрашиваешь у старика?!

— Какой ты милый, — промурлыкала Валери.

— А чем вчера все закончилось? — Дядя Витя все же несколько смутился. — Мы со Студентом немного перебрали. Да еще этот парень смешной... Главное Чтобы Не Сгнили Бананы.

— Закончилось все сегодня, и это была сказка... И вот я думаю: может, еще не все закончилось?

Дядя Витя потрепал ее по шелковистым локонам:

— А студентики еще спят?

— Как влюбленные котята.

— Что ж... — Дядя Витя задумчиво посмотрел в окно — ночь была ясная. — Надо пойти принести денег.

Валери одарила Дядю Витю взглядом, которым, наверное, гетеры одаривали Александра Македонского и в котором чита-

лось: «Ты видишь, я не задаю никаких вопросов, я все понимаю. И я покорна».

Потом она сказала:

— Может, позвонишь, пусть тебе привезут... Еще совсем рано.

Дядя Витя вдруг рассмеялся:

— Понимаешь, дочка, те, кто дает мне деньги, они... они не умеют разговаривать.

Глаза Валери вновь залучились.

— Скажи, ты — бандит? — прошептала она.

— Я пенсионер, — удивился Дядя Витя.

— Ну конечно, ты — на отдыхе. Ты как-то связан с шоу-бизнесом? Ты... какой-то совсем классный... и очень, очень загадочный.

Дядя Витя вышел на лестницу, застегивая свой модный пиджак, и вызвал лифт. Большая деревянная кабина медленно поползла вверх. Дядя Витя наблюдал, как перед ним двигались тросы, петля кабеля, потом проплыл балласт, и тогда с ним еще раз тихо заговорил Стержень:

— Правильно, те, кто дает тебе деньги, они не умеют говорить.

— Да, что-то не то происходит, — так же тихо согласился Дядя Витя.

— Может, и деньги они дают не тебе?

— Чего-чего?!

— Ты помнишь усмехающиеся глаза нотариуса и маклеров из «Норса»? Конечно, помнишь! Ведь они тоже давали тебе деньги, после чего ты потерял квартиру, потерял свой дом.

— Ну...

— Что ты теперь потеряешь?

— Глупости...

— А может, не глупости?! Может, Студент прав — чудес не бывает?

— Глупости. Просто надо срочно, прямо сейчас, разобраться с этим сучьим «Норсом». И тогда все... все восстановится. И все будет в порядке.

Перед ним, произведя обычный шум, остановилась кабина. Дядя Витя открыл дверь, сделал шаг. В узком проеме между дверью и кабиной он увидел глубокую шахту лифта. Дядя Витя вошел внутрь, закрыл створки и нажал на кнопку первого этажа.

— Надо прямо сейчас, не откладывая, разобраться с «Норсом», и все будет в порядке.

Он опустил руку в карман пиджака, пальцы нащупали какую-то картонку или пластик.

Это оказалась визитная карточка забавного вчерашнего парня — Главное Чтобы Не Сгнили Бананы. Очень юморной парень... Он перевернул карточку и прочитал: «Юлий Ф. Ашкенази».

Дядя Витя вздрогнул. У него вдруг часто забилося сердце. Далее на карточке было написано, что его вчерашний знакомый — президент корпорации «Норс».

— Ну ни хрена себе!..

Дядя Витя перевернул карточку на другую сторону — английский текст. Он повертел карточку в руках, словно собираясь выудить еще хоть какую-нибудь информацию.

— Ни хрена себе! Во как... Но это же просто... Это судьба. Вот как! Я немедленно позвоню ему. Вот и все. Мы же друзья, я ему все объясню.

— И что? — Голос Стержня звучал как-то непривычно тихо.

— Я скажу, каким безобразием занимаются его подчиненные. Старика обирают, екын их в тудын!

— Думаешь, он этого не знает?!

— Но мы же вчера скорешились...

— Я не думаю, что он стал бы корешиться с бездомным бомжем.

— Но я должен разобраться со своей квартирой...

Стержень какое-то время молчал. Потом проговорил:

— И как ты собираешься это делать? Ты, один? Тебя просто отвезут на какую-нибудь свалку и пришьют, как бездомную собаку. Вернись, посоветуйся хотя бы со Студентом.

И тогда вместо слабоющего голоса Стержня прорвался какой-то новый, незнакомый и очень мощный голос:

— Прекрати весь этот треп! Ты же знаешь, что теперь тебе помогут. Не надо бояться и не надо отказываться. Надо просто зайти в одно место... Ты же знаешь! В одно очень хорошее и приятное место, где тебя ждут и где много-много электронных игр... суперкомпьютерных игр...

Дядя Витя вздрогнул, а потом подумал: «Ну конечно! А что здесь такого?»

А голос продолжал:

— «Норс» — сосательная конфетка, которую ты просто выплунешь на мостовую. Надо только зайти... Можно, конечно, этого не делать, но тогда разбирайся со всем сам. На пару со Студентом! И может, тогда действительно тебя пришьют как собаку.

Профессор Ким находился в своем кабинете. К шести часам вечера он ждал гостей. Мадам возилась на кухне. Она готовила различные закуски и была слегка озадачена неожиданной просьбой Профессора уделить особое внимание десерту и мороженому.

— Будет ребенок, — сказал Профессор.

— Что, кто-то приведет с собой малыша? — улыбнулась Мадам.

— Нет, Мадам, этот ребенок придет сам.

Сегодня Профессор Ким позвонил двум своим самым лучшим друзьям, с которыми они виделись очень редко в отличие от множества разных других людей. Видимо, им было достаточно знать друг о друге, что они где-то есть. Профессор Ким позвонил Артуру и Олеже и сообщил, что безотлагательно требуется встреча.

— Ты что, Ким, надумал с испанскими галионами? — поинтересовался Артур.

— Я думаю, что галионы тебе покажутся просто бумажными корабликами... Я не шучу.

— У меня презентация вечером.

— Артур, у нас нет времени. Это больше чем серьезно.

— Ты меня заинтриговал.

— Лучше бы мне этого не делать...

У Олежи не было никаких презентаций, он только спросил:

— А водка будет?

— Будет... Но боюсь, что тебе не скоро захочется ее выпить.

— Ух ты, Ким, старый шаман... К шести буду.

Утром Профессор Ким отправил факс в Оксфорд, сэру Джонатану Урсуэлу Льюису. Там не было никаких принятых формальностей. А было всего два предложения: «Мы не ошиблись. Они уже здесь». Через некоторое время пришел ответ: «Дорогой Ким. Спасибо за твой факс... Все свои соображения я упаковал в большой гофрированный пакет и передал одному приятному и надежному молодому человеку. Он покинул наш остров вчера вечером, надеюсь, с ним ничего не случится и сегодня посылка будет у тебя. Я думаю, что не ошибся, позволив ему называть эту прелестную даму миссис Мадам? Главное — держи меня в курсе всех своих действий. Не будем отчаиваться, твой...» Дальше шла подпись.

Профессор откинулся на спинку кресла. На его столе лежал «большой гофрированный пакет». Профессор досконально изучил его содержимое. Сверху на пакете покоился завтрашний выпуск газеты «Московский комсомолец». Мадам всегда покупала самые свежие газеты у одной бойкой старушки, торгующей в переходе метро. Сейчас Профессор еще раз бросил взгляд на рубрику «Срочно в номер», на тот самый заголовок: «Пятеро подростков нарвались на молнию».

В статейке сообщалось, что «очень необычный и страшный случай произошел вчера поздно вечером с пятью московскими школьниками. Вероятнее всего, они были атакованы шаровой молнией. Такой вывод сделали врачи Русаковской больницы по характеру и интенсивности ожогов. Сами дети сообщили, что столкнулись с НЛО. Любопытно, что НЛО якобы было в образе их одноклассника, в прошлом часто третируемого ими. Двое из подростков в крайне тяжелом состоянии находятся в реанимации. По непонятным причинам пострадали только четверо детей, одного из них молния пощадила. Он находится в состоянии сильного психического шока. Пока никаких других комментариев по поводу случившегося нет».

Профессор Ким отложил газету в сторону. Все это вчера вечером Профессору пришлось увидеть собственными глазами, когда он решил пройти несколько сот метров за мальчиком Денисом. Мальчиком, справившим вчера свой новый день рождения.

14. Некоторые способности Доры

Заканчивался четвертый килограмм яблок плюс те, что были в холодильнике. Все яблоки оказались не такими, они не хотели с ней играть.

— Ну что же это такое! — рассердилась Дора. — Опять спит... Может, это от нитратов и этих дурацких гербицидов?!

Дора вздохнула и разрезала пополам еще одно большое яблоко гольден. Весь стол перед ней был завален половинками яблок. Доре повезло — дома опять никого не было, иначе на этот раз ей бы точно устроили взбучку. Ну конечно, а что с них взять? Они же ничего не понимают — только дай позанудствовать...

Дора взяла разрезанное пополам яблоко и стала его пристально рассматривать. Потом она вздохнула и бросила обе половинки на стол. Яблоки гольден почему-то всегда сочные и спелые, как будто их только сорвали с дерева. Вот и сейчас пораненная ножом мякоть яблока переливалась и искрилась сахарными хрусталиками сочной влаги. Но Дора знала, что так оно выглядит только на поверхности. Потому что на самом деле и это яблоко спит. Могучие соки далекой Яблони-Мамы, вода (о которой кое-что знала Дора), соединенная с солнцем, бушующий море-океан и солнечные ветры утихли, успокоились в этом сонном яблоке. И уж если яблоко не

хочет с тобой играть, то его никак не раскачаешь. То ли дело раньше, когда они всей семьей ездили на дачу, хотя на самом деле это была настоящая деревня — глухомань. Там был сад, где росла красивая черемуха, а к осени поспевали, наливались соком самые яблочные на свете антоновские яблоки. И чуть ли не с каждым вторым можно было играть. Дора тогда и не знала, что чем-то отличается от других детей. Она думала, что все девочки могут вот так играть со спелыми яблоками. Что любая девочка может найти нужное яблоко, немного повозиться с ним и увидеть далекую Яблоню-Маму, а может быть, и кое-что еще... Но Яблоня-Мама сказала, что это не так, и запретила о себе рассказывать. Потому что не очень много людей в мире похожи на Дору, и она научится их узнавать.

Они всей семьей жили тогда в деревне, и Дора часто играла со спелыми яблоками. А Катька говорила: «Во придурочная, сама с собой разговаривает...» А потом Катька заболела, а Яблоня-Мама сказала, что через несколько дней над их домом пронесется Осенний Ветер, и главное — не смотреть ему в глаза. Потому что того, кто посмотрит ему в глаза, Осенний Ветер забирает с собой. Как когда-то, когда Дора была еще совсем маленькой, он забрал с собой их дедушку.

«А что, Катька тоже умрет?» — спросила Дора. Она еще не понимала, что это значит, но так говорили взрослые, а теперь она вдруг впервые испугалась и расплакалась. Но ту страшную ночь, когда пришел Осенний Ветер, когда он стучался к ним в окно и над домом кружила глубокая тьма, Дора провела у постели Катьки. Мама тогда была в соседней комнате и иногда тихо плакала, потому что доктор назвал какую-то странную болезнь и сказал, что Катьку нельзя сейчас везти в Москву и в эту ночь все решится. Дора сидела спиной к окошку, чтобы Катька туда не посмотрела, и рассказывала сестре свою любимую книжку о Винни-Пухе. А Осенний Ветер бил в их окно кулаками, он выл голодным волком во дворе, и Дора чувствовала на спине холод его зовущего взгляда. И несколько раз бледная как полотно, уставшая Катька пыталась посмотреть за плечо сестры. Но Дора только ниже склонялась к ее

угасающим глазам и громче рассказывала о том, как Винни-Пух и Пятачок пытались накормить Тигру медом и желудями. И от злости и бессилия Осенний Ветер вырвал с корнями молодую яблоньку во дворе и ушел ни с чем. И Дора перестала рассказывать истории о Винни-Пухе, потому что она всмотрелась в глаза сестры и поняла, что никакого Осеннего Ветра там больше нет. Катька вдруг попросила поесть, и мама от счастья расплакалась в полный голос, а через несколько дней Катька полностью выздоровела. Потом родители очень долго благодарили доктора, и, конечно, они правильно делали, только Дора благодарила далекую Яблоню-Маму. И еще она знала, что та молодая яблонька ночью во дворе была одной из ее многочисленных дочек. Они с папой вкопали деревце на место, но яблонька почему-то все равно погибла.

Перед самым отъездом в Москву, когда уже заканчивалось лето, Яблоня-Мама сказала, что больше они никогда не вернуться в эту деревню. Только один раз, через много-много лет, когда Дора уже не будет маленькой девочкой, когда ей будет столько же лет, сколько сейчас маме, и все вокруг изменится. Но причина, по которой она окажется здесь, будет не из приятных, поэтому не стоит об этом говорить...

— Ну пожалуйста, скажи, — попросила Дора.

— К тому времени ты будешь уже давно взрослой, как и множество других детей, — сказала далекая Яблоня-Мама, — а взрослые привыкают многое терять...

— Я не хочу здесь ничего терять, — не поняла Дора. Потом она спросила: — Скажи, а что происходит с детьми, когда они становятся взрослыми?

Яблоня-Мама какое-то время молчала, потом она сказала то, что Дора запомнила слово в слово:

— А что происходит с мелодией, когда ее не играют, с шелестом ветерка, когда нет ветра?

Как-то Дора прочитала очень хорошую книжку о Питере Пэне, мальчике, который не хотел взрослеть, и поняла, что имела в виду тем летом далекая Яблоня-Мама.

— Но ведь мелодию надо просто взять и сыграть, а ветры... всегда возвращаются, — заявила Дора, войдя в кухню с книжкой о Питере Пэне в руках. — Я, конечно, стану взрослой, но я вовсе не собираюсь что-либо терять!

Катька от удивления раскрыла рот, посмотрела на папу, хихикнула и проговорила:

— Во дает! По-моему, она у нас начала писать прокламации...

...Сейчас Дора взяла со стола предпоследнее яблоко и улыбнулась. Она вспомнила, как подозрительно на нее смотрела продащица в небольшом магазине напротив, когда в течение двадцати минут она спустилась уже за четвертым килограммом яблок.

— А тебя родители не заругают, девочка? Зачем тебе столько?

— Я уже вполне самостоятельный человек, — невозмутимо ответила Дора, — и трачу свои личные сбережения.

Продащица даже несколько растерялась и, как бы в знак примирения, выбрала Доре самые крупные и красивые яблоки.

— Гольдены, конечно, хороши, — улыбнулась она.

— Нет-нет, — произнесла Дора, — мне дайте, пожалуйста, помельче, самые мелкие, какие у вас есть. Чтоб их в килограмме было побольше, а то никаких денег не хватит.

У Доры, конечно, есть личные сбережения, но если и эти яблоки будут спать, то от личных сбережений скоро ничего не останется. И вообще не очень хорошо, когда тебя принимают за ребенка; может, конечно, так оно и есть, но только ты понимаешь кое в чем гораздо больше, чем эти умники-взрослые.

И сейчас, разрезая предпоследнее яблоко, она сразу поняла — вот оно! И не просто «вот оно»!.. Такого еще не было. Дора не могла припомнить, чтобы ей попадалось настолько сильное яблоко. Она взяла свое зеркальце, старенькое, привезенное с дачи и бережно хранимое под коробками с игрушками, и вышла с ним в холл. Холл был просторным — лишь низкий полукруглый диван, установленный напротив огромного, в треть стены, зеркала, и пара таких же низких кресел. Для того чтобы увидеть далекую Яблоню-Маму, надо было пользоваться двумя зеркалами. То,

что побольше, следовало установить за спиной, и, когда они жили в деревне, Дора выносила большое зеркало из умывальника и играла с ним в саду. Но потом всегда кому-нибудь надо было срочно побриться или почистить зубы, или кто-то просто соскучился по своему изображению, словом, Доре ни за что попадало. Да уж, такая вот жизнь! Ну да ладно... Маленькое зеркальце надо было поднять на уровень глаз, чтобы в нем отразилось большое. И тогда ты наблюдаешь себя со спины держащим в руках маленькое зеркальце, отрегулированное таким образом, что видишь в нем только свои собственные глаза. В другую руку надо взять разрезанное пополам яблоко, конечно, то самое, неспящее, и долго и пристально на него смотреть, негромко повторяя:

— Зеркало-зеркало — далекая Яблоня-Мама...

Эту фразу надо повторить 37 раз, все пристальнее вглядываясь в яблоко и одновременно как бы боковым зрением наблюдая за своими глазами, отраженными в маленьком зеркальце. Если после 37-го раза далекая Яблоня-Мама все-таки не появляется, то всю процедуру следует повторить еще раз. Потом — еще. Если же после третьего обращения далекая Яблоня-Мама все же не покажется, значит, она очень занята. Тогда следует извиниться перед ней за причиненное беспокойство, сказав, что закрываешь дверцу на три палочки, так как, называя ее имя, ты сделал 111 повторений, и отложить все до следующего раза. Но чаще всего Яблоня-Мама появлялась после первого обращения. И вот тут-то и начиналось самое важное. Потому что если далекая Яблоня-Мама собирается появиться, то после 37-го раза наступает один момент, когда вместо своих глаз в маленьком зеркальце ты вдруг видишь что-то очень страшное. На тебя смотрят чужие, сидящие глубоко в морщинистой старческой коже злобные глаза; они словно пытаются прожечь тебя своей ненавистью, и что-то плещется в них, грозное, бескрайнее и бездонное... Доре всегда было интересно, чьи же это глаза появлялись там, где только что отражались твои. И ты не имеешь права смотреть в эти глаза, и каждый лишний миг очень опасен, надо быстро сказать:

«Не вижу, не вижу — сгинь! Далекая Яблоня-Мама, приди!» И тогда вместо кошмарного провала тебе открывается чудный, залитый солнцем и светом распустившихся цветов сад, и в нем — добрая и могущественная Яблоня-Мама. И она может ответить на любые вопросы и показать все, что ты попросишь.

...Сейчас из маленького зеркала струился свет далекого сада и Дора задавала свои вопросы...

Через три с половиной часа она должна будет подняться к Профессору Киму. Возможно, им придется принять очень важные решения. Все, что еще можно узнать, она должна узнать сейчас. Вчера поздно вечером в центре Москвы кое-что случилось... Что некоторым образом изменило мир. Семнадцать часов назад мир стал несколько иным. Дора задавала свои вопросы, она должна была знать, сколько у них осталось времени.

15. Спираль раскручивается

— **П**росыпайся, пьяница. — Алка трясла его за плечо.

— Фу, черт... — Студент пробубнил что-то еще и перевернулся на другой бок.

— Просыпайся, я тебе говорю... Звонил Дядя Витя.

— Кто звонил? Куда звонил?

— Просыпайся... Он сказал, что скоро будет, скоро вернется.

— Ой, ну, Алка, дай поспать...

— Он сказал, что у него очень много денег, намного больше, чем вчера! Он сказал, что ты даже не представляешь, насколько больше... Еще он сказал, что половина — твоя...

— Что за чушь?! — Студент поднялся в постели, потрянул головой. — Он что — совсем с ума сошел?

— Не знаю, возможно. Он сказал также, что сейчас едет в «Норс»...

— В «Норс»?! Один?

— Да, один! А потом будет у нас. Поднимайся, нам надо серьезно поговорить.

Блонди сняла трубку. Звонил Хотаб из «Норс. Операции с недвижимостью». Блонди не знала его настоящего имени и, в общем, не хотела знать. Хотаб ей очень не нравился. В списке тех, с кем должен был говорить в это утро Юлик, Хотаб не значился, а Блонди хорошо знала свою работу.

Она уже собиралась повесить трубку, когда услышала:

— Слушай, ты, дура белобрысая, дай немедленно Ашкенази! Тут, мать твою, такое творится...

Блонди, конечно, не очень хорошо относилась к Хотабу и вполне могла предположить, что он законченный хам. Но такое Блонди слышала впервые. В следующую секунду она соединила Хотоба с Юликом.

Егор убегал. Он не знал, куда, зачем и каким образом он должен убегать и есть ли теперь вообще такое место, куда можно бежать, спастись от.. От кого? От своего лучшего друга, который успел сказать: «Егор, беги, не смотри на меня», прежде чем с ним случилось это?.. А потом, поздно вечером, Егора привезли домой — похоже, ребята столкнулись с шаровой молнией, очень странно для такого времени года. Вашему сыну еще повезло, двое парнишек находятся в реанимации, врачи борются за их жизнь... Крайне редкий случай, и сейчас еще трудно что-либо сказать, но мальчику нужен покой. И как волновалась мама — ведь он не пришел ни в десять, как обещал, ни в одиннадцать, ни в час ночи... и родители обзванивали сначала всех знакомых, потом милицию, а потом, и это было самое страшное, отец сказал, что надо звонить в больницы... И мама упала без сознания, когда им сообщили, что на Алтуфьевском шоссе был сбит мальчик, так похожий на Егора,

но подожди, может, это еще не он, подожди, прошу тебя, и нет, слава Богу, нет у него на шее двух симметричных родинок, слава Богу, мой мальчик... А потом они дозвонились в Русаковку, и Егор оказался там, а через двадцать минут там уже был отец, и он привез Егора домой. Ну, малыш, перепугал ты нас! А мама гладила его по голове, и Егор слышал ее голос, тот голос, который всегда был самой надежной защитой: «Ну ничего, все пройдет, все успокоится, главное, что ты дома, слава Богу, все пройдет, малыш!»

Но ничего не проходило. Сначала под утро ему приснился кошмарный сон, который он тут же забыл, как только проснулся, а потом, когда он умывался, в ванной вдруг неожиданно погас свет, и Егор совершенно четко ощутил, что находится в комнате не один, что в этой темноте кто-то ищет его, пока еще полуслепой, но, как только темноты станет больше, Егору уже не спастись. Никогда не спастись. Егор закричал и мокрый выбежал из ванной. Отец с матерью тревожно переглянулись — нет, никакой школы, ему сегодня лучше побыть дома.

— Мама, — проговорил Егор, — это была не молния. Это был Денис. С ним что-то случилось...

— Мальчик, успокойся. — Мама взяла Егора за руки и посмотрела прямо в глаза. — Послушай меня — все в порядке. Тебе просто показалось. Ты сильно перепугался, и тебе это просто показалось. Но любой мальчик на твоем месте испугался бы еще больше. Так что ты молодец, и запомни — мы с папой гордимся тобой. А Денис звонил — он в школе. Иди отдохни, я приготовлю тебе чего-нибудь вкусенького...

— Что обычно подают после шаровых молний?! — попробовал пошутить Егор.

— Нет, что обычно готовят для смелых мальчиков те, кто их любит. Чего бы ты хотел на обед? А?

— Ну уж, конечно, не макароны. — И Егор улыбнулся. — Ладно, я действительно попробую поспать.

А потом, через пару часов, он вдруг услышал, что мама открывает входную дверь ключом.

— Мам, ты куда? — спросил сонный Егор.

— Ой, мальчик, ты проснулся? Я старалась не шуметь. Я спущусь в магазин. — И мама вышла в коридор. — Скоро буду. Кстати, тебе звонил Денис, он очень беспокоится, в школе уже все известно. Он придет тебя навестить минут через двадцать. Я как раз покормлю вас обедом.

Дверь захлопнулась. И тогда Егор понял, что надо бежать.

Куда? Куда можно бежать? Все, что он успел прихватить, — это сменный свитер, пара рубашек (зачем?) в рюкзаке «Фау-де» и немного денег. Совсем немного. Но куда, куда бежать? Где можно спрятаться от того, что он увидел? Что-то случилось с его другом, что-то произошло... Возможно, что его уже нет... Что он мертв. А то, что было вчера ночью, это, конечно, не Денис. Не могло быть Денисом... Хотя подожди, это все паника... Нужно постараться рассуждать спокойно. Ведь это вчера не тронуло Егора, оно пощадило его... Ты же помнишь, что закричал Денис или то, что когда-то было Денисом: «Егор, беги...», прежде чем загорелись его глаза, прежде чем... Но подожди, необходимо разобраться, и паника здесь не поможет... Ты очень напуган, и с любым было бы так, но надо разобраться, ты же не можешь вот так неизвестно куда бежать... день, месяц, год... всю жизнь. Ну а что делать?! Найти Дениса и выспросить его обо всем? О чем?! А если это уже не Денис?! Вчера какая-то часть его друга еще была, она сопротивлялась (чему? Господи, чему она сопротивлялась?!)... Ну хорошо, не важно, чему она сопротивлялась, пока и это можно отбросить, но она еще была... А если сегодня Дениса уже нет?! Если полчаса назад его собиралось навестить — и, следовательно, уже ищет по Москве — то, что Егор вчера видел? Что, что это могло быть?

Стоп! По-моему... Стоп. Ну конечно, вчера ты разговаривал только с Логиновым и не обратил внимания на одну фразу... Одну фразу, брошенную кем-то из логиновских дружков. А ведь фраза была! Перед тем как этот маленький гнусный провокатор, Лопоухий Толик, начал подначивать, мерзко подзадоривать Логинова,

кто-то обронил, что... Дружок-то твой, долговязый, уже огреб свое, валяется под мамкиным подъездом с мордой — распухшей сливой... Точно, именно так или почти так... Такая была фраза. Они сначала избили Дениса, а потом отправились за ним. И что-то такое уже было... Или это все фантазии? Или он только что все это выдумал? Ни черта, ни черта он не выдумал! Они сначала избили Дениса, потом нашли его, и все это уже было. И было вот где: тогда, на кухне у Дениса, в его день рождения! Что-то белое... И сейчас еще непонятно как, но эти вещи связываются...

Сердце Егора вдруг подпрыгнуло в груди, потому что он обнаружил, что их может связывать. Он отчетливо увидел эту связь. Суперкомпьютерные игры... вход платный... время работы... Егор обнаружил эту связь. «Старик, ты только не подумай, что у нас вся семейка немного чокнутая», — говорил тогда Денис. Конечно, Егор так и не думает, Егор помнит весь их разговор на кухне, слово в слово, и про кастет Логинова, и про дырочку в голове, и про опасения Дениса, но главное — про... Что-то белое... Так, значит, Дениска был прав, и все его опасения оказались верными, и никто не смог ему помочь. Никто не поверил и не понял его... Даже ты! Даже ты, Егор, не смог помочь своему другу. Даже ты считал все это глупостями (конечно, Денис же очень любит все фантастическое — просто начитался книг; конечно, конечно, так считать легче; именно поэтому тебя не оказалось с ним, когда ему было тяжело и он так нуждался в помощи; и, может быть, именно поэтому так все случилось... А, Егор?).

...Суперкомпьютерные игры. Вчера вечером Денис был там. И что-то с ним произошло. А потом он пришел мстить. А может быть, защитить Егора от Логинова. Его лучший друг, превратившийся в... Чудовище?! Вот черт! Егор сел на припорошенную снегом лавку. Он не знал, что ему делать.

Он не может всю жизнь бежать. И он не может всю жизнь бояться. Именно сейчас надо остановить маятник, пока тот не раскачался до неудержимой силы. И не стал тем, чего больше

всего бояться люди. Взрослые люди. Егор хорошо знал, чего они больше всего бояться. Больше всего на свете взрослые боялись Времени. А он еще сможет удержать маятник. Если сможет отнестись к этому спокойно. И рассуждать в этой новой, расширившейся системе координат здраво. Если... Слишком много «если»! Но он должен попробовать. Просто нет другого выхода. Потому что он не может всю жизнь бежать.

Друг, лучший друг, вчера пытался ему помочь, защитить от Логинова и, быть может, от самого себя. По крайней мере от того, что с ним стало. «Беги, Егор, и не смотри на меня...» А сегодня Денис, несчастный Дениска, возможно, перепуганный и сам не знающий, что с ним происходит, хотел прийти и попробовать объясниться, сделать попытку... И может быть, Денису сейчас просто необходима его помощь. А он лишил Дениса этого шанса... Потому что струсил и убежал. Разве может трус быть другом? Егор не раз думал, что многие люди просто бояться быть до конца искренними и верными друг другу. Они бояться быть самими собой, играя не поймешь кого. И в итоге обрекая себя на одиночество. Он так думал и вот сам оказался точно таким же. Да, то, что он вчера видел, может шокировать и испугать до полусмерти кого угодно. Но — «беги, Егор, и не смотри на меня» — разве может трус быть другом?! Тебя вчера пытались защитить, а сегодня кто-то сам нуждается в твоей защите. А ты — бежишь... У тебя есть только один шанс остановиться — сейчас. Иначе так и будешь бежать. Сейчас... И если ты мужчина — от слова «мужество», а не оттого, что писаешь стоя, — то сейчас. Ты сейчас должен вернуться к своему другу, и, как бы ни было страшно, ты обязан ему помочь. Он сделал шаг, теперь шаг должен сделать ты. Он... Это... не сможет уничтожить тебя, не сможет уничтожить вас, потому что Денис — твой друг и это... еще не сожрало его полностью. Понимаешь?! Ведь что-то подсказывает тебе, что это так... Что-то, чему только и можно верить, что только одно не ошибается... И надо попы-

таться рассуждать здраво. Быть может, сейчас Денис еще у него дома или мама сможет сообщить что-то важное. Давай рассуждать здраво: несколько дней назад в павильоне суперкомпьютерных игр что-то начало происходить с Денисом. И он пытался об этом сообщить. Уберем в сторону эмоциональные оценки черствости и глупости Егора — да, он этого тогда не понял. И по большому счету, без самобичевания, здесь нет ничего странного — очень уж все это смахивало на научно-фантастические романы. Книжке можно верить; предположить нечто подобное на самом деле — это уж увольте, таким невероятным вещам место в фильмах ужасов. Оказалось, что не всегда так... Еще оказалось, что это непосредственно касается тебя. Как говорится: хочешь — верь, хочешь — не верь. Это уж твои личные проблемы. Хорошо, идем дальше. Какое отношение ко всему этому имеет Логинов? Не ясно. Логинов нанес Денису травму... И что? Но вчера они избили Дениса и... с ним случилось это. И... Нет, просто необходимо немедленно встретиться с Денисом. Ведь что-то происходит, что-то происходит сейчас вокруг него, и, помогая своему другу, ты так или иначе помогаешь себе самому. Вот так — все очень просто. Действительно, нет другого выхода. Единственный, кто что-то знает, — это Денис. Уклониться не дано — либо безостановочно бежать, либо найти Дениса. Третий — лишний, помнишь такую детскую игру?

Егор поднялся с лавки — снег под ним растаял, и он почувствовал, что джинсы под коротким пуховиком промокли. Егор спустился в метро и купил в кассах телефонный жетончик. Потом набрал свой домашний номер. Он немедленно разыщет Дениса и прямо сейчас назначит ему встречу. Сейчас, пока еще... светло.

Трубку сняли. Сердце Егора бешено колотилось. Это была мама:

— Ну, где ты бегаешь? Обед на столе, пришел Денис...

Вот и хорошо. Значит, он его нашел, так будет лучше. Все решилось само собой.

— Я выходил за газетами и немного прошелся. — Егору пришлось соврать.

— Давай приходи, мы тебя ждем. Денис тебя ждет. Очень ждет.

Конечно же, это была мама, только... что-то странное было в ее голосе, какая-то... шальная веселость. И в следующую секунду этот голос проговорил то, от чего у Егора волосы встали дыбом и холодный озноб прошел по всему телу:

— Приходи-приходи, возможно, Денис тебя убьет... или спалит, как вчера этого дурака Логинова...

Дядя Витя поднял голову — большая стеклянная дверь, за ней охранник в камуфляже; странно, конечно, но все же лучше, чем милиционер-неряха в неказистом кителе; по бокам несколько табличек. На одной написано: «Норс. Операции с недвижимостью». Дядя Витя уже знал, что это не головной офис и своего вчерашнего знакомого ему здесь не найти. Но он ему был и не нужен. Каждый должен отвечать сам за себя. Вчера было весело, и забавный молодой богач не сделал ему ничего дурного. Скорее наоборот. Но вот эти симпатичные и чистенькие молодые люди лишили его дома. Своего дома. А у каждого человека должен быть свой дом. Иначе он может быть опасен. Для тех, у кого есть дом. Бомжи на вокзалах могут принести много заразных болезней. И это, конечно, очень опасно. Но если человека лишили дома, а он не стал бомжем? Что тогда?.. Тогда, ребята, вы согласились бы целовать бомжей в их гноящиеся язвы, лишь бы не узнать, что тогда... Поэтому лучше вернуть человеку его дом, лучше для всех, и, возможно, человек попытается сделать все от него зависящее, чтобы не быть опасным. Он попытается, он очень бы этого не хотел. Теперь Дядя Витя знал намного больше, чем пару часов назад. Потому что пару часов назад он в последний раз посетил павильон суперкомпьютерных игр и больше ему этого делать не надо. Но если только зайти побеседовать с одним своим знакомым, маленьким и коренастым, которого тоже когда-то, очень давно, так давно, что сквозь эту толщу Времени трудно что-либо

различить, лишили своего дома. И поэтому теперь он тоже очень опасен. Дядя Витя холодно усмехнулся, но потом улыбка сошла с его губ. Где-то в глубине души Дядя Витя надеялся, что если ему сейчас удастся вернуть свой дом, то, может быть, все, что с ним произошло пару часов назад, окажется просто сном... Сном, о котором потом он будет тосковать, но частью которого он быть не хочет. Нет, нет, очень не хочет.

Дядя Витя прошел мимо охранника. Потом остановился и поздоровался. Охранник ответил тем же. Он был вежлив. А Дядя Витя был богат. Охранник это видел. Вся проблема заключалась в том, что если Дяде Вите удастся вернуть свой дом, то он снова станет беден, если же нет... то понятия «богат», «беден» просто потеряют смысл.

— Мне нужно в «Норс», — сказал Дядя Витя.

— А, недвижимость... Три последние двери справа по коридору.

И двое симпатичных маклеров из «Норса», и даже усмехающийся нотариус были здесь — надо же, какое совпадение...

А я как раз проходил мимо и подумал, а не вернут ли мне ребята квартиру, мою захламленную квартиру алкаша, которую вы, конечно, можете отремонтировать и привести в порядок, а потом продать таким же чистеньким и симпатичным людям, как и сами. Только мне-то придется сдохнуть на вокзале. И возможно, в тот момент, когда я буду издыхать, закусанный вшами и прочей заразой, вы наведете в моем доме абсолютную, сияющую чистоту... Да, в интересные, ребята, мы играем шашки. Хорошая игра, славная и честная. Только надо разобраться, кто играет черными, а кто — белыми! Вы ничего не путаете?! Где у нас здесь чисто?..

Его не узнали. С ним поздоровались вежливо и приветливо. Пододвинули пепельницу, предложили курить.

— Что бы вы хотели?

Черт, а что бы он хотел?!

— Квартиру, — выговорил Дядя Витя. Он вдруг снова почувствовал себя растерянным и беспомощным. Алкаш, которого нарядили, как обезьяну, а что делать, не сказали. — Свою квартиру! Мне очень нужна моя квартира...

Милая улыбка. Понимание и сочувствие.

— Сейчас, одну секундочку... Вы нам скажете, что вас интересует, а мы покажем наш каталог...

— Так вы ж знаете! Вы прекрасно знаете, что мне нужно. Как вам не стыдно?

Некоторая растерянность, удивление — кто только с утра не заявится... Может, просто шутит?

— Мы действительно знаем, что надо нашим клиентам! Но, простите, вы слишком буквально поняли нашу рекламу. Мы же не экстрасенсы. Минуточку...

Во дед дает! Нет, такого еще никто не видел!..

— Так я вот...

Дядя Витя вдруг почувствовал себя зажатым в угол. Что за чепуха? Вошла очень милая девушка. Она одарила Дядю Витю улыбкой и таким же лучистым и добрым взглядом, каким на него смотрела Валери.

— Может, кофе? — поинтересовалась девушка.

— Нет, мне нужна квартира, — сказал Дядя Витя и беспокойно оглянулся.

Девушка еще более приветливо улыбнулась — клиент крупный, сразу видно, а ко всяким причудам мы люди привычные. Мужичонка-то скорее всего с приличного бодуна.

«Встань и немедленно уходи, — с трудом дошел до Дяди Вити ослабевший голос Стержня, — скажи, что ты ошибся, и уходи».

Дядя Витя посмотрел в большое зеркало напротив: только что были полный порядок, везение, уверенность в себе. Он опять выиграл много денег... И вдруг вся энергия покинула его. Черт, что же делать?! Беззащитен?! Это я-то?! Кто конкретно виноват? Покажите мне, и я сотру его в порошок! Кто мой друг? Ну не эта же милая девушка, предложившая кофе.

«Встань и уходи... Иди к Студенту, и постарайтесь вернуть свой дом, но не так... Не так, как тебя подталкивают... Ты же не хочешь быть частью этого сна...» — шептал Стержень.

«У тебя теперь здесь нет дома! — услышал Дядя Витя тот самый мощный новый голос. — Ты это прекрасно знаешь! У тебя его отобрали, и тебе, алкашу, его никто не вернет. Сила подчиняется только большей силе, тебе же это показали пару часов назад. Пора делать выбор...

Да-да-да, ему это показали. Два часа назад перед Дядей Витей стали открываться огромные пласты знаний, знаний о мире и о себе, скорее даже так: о Себе и о Мире... Но перед этим что-то белое завладело им, что-то белое открыло ему это новое зрение. И теперь с каждой минутой он ощущал себя все более знающим и более могущественным, но... он боялся этого. Он не хотел, он бежал от этого чарующего сна, потому что у него был Стержень. И каким-то странным образом это белое еще не убило Стержень, и он успел шепнуть Дяде Вите, что это все запретно... Нельзя, иначе уже ничего не вернуть. Иначе ты станешь таким же опасным, как и эта злая опухоль, расположившаяся в самом центре Москвы, где теперь сидит твой новый друг Робкоп и с очаровательной улыбкой раздает всем компакт-диски. Ты станешь гораздо опаснее, чем эти милые ребята из «Норса»...

«Ну да, конечно, так и будет, — насмешливо подтвердил новый голос. — Тебя учили в школе: «Минус на минус дает плюс»?! Тебе причинили зло. На него можно ответить только большим злом. В итоге получается добро. Или помойная яма. Выбирай...

— Вы меня узнаете? — спросил Дядя Витя сидящих перед ним маклеров.

— Нет! — Те улыбались хорошими открытыми улыбками.

Потом в глазах у одного мелькнула какая-то догадка, удивление, сомнение... Он потряс головой:

— Фу, мне показалось... вы мне напомнили одного...

— Вам правильно показалось.

— Ну вы же не...

— Да-да, именно — Дядя Витя...

16. Спираль раскручивается (продолжение)

А за несколько минут до этого Хотаб припарковал свой красный двухдверный «БМВ» 325-й модели к большому стеклянному входу, за дверьми которого чуть раньше скрылся Дядя Витя. Хотаб обладал легкой походкой и дерзким, насмешливым взглядом. Он был сух и подтянут, носил кашемировое пальто и красный пиджак. Никто не знал, сколько темных дел, связанных с недвижимостью, стояло за Хотабом. Юлик Ашкенази и слышать не хотел о судьбе многих бывших владельцев московских квартир, подобно Дяде Вите отдавшихся во власть Бахуса, а попавших в теплые объятия Хотаба. Для Юлика этой информации просто не существовало — дело Хотаба, и он прекрасно с ним справлялся. А Хотаб был честолюбив, неглуп и напорист. Он знал, что многим обязан Юлику, буквально нашедшему его на улице, и это Хотаба тяготило. Но не сильно. Он был весел, жесток и не лишен артистизма. Почти не употреблял алкоголь, предпочитая курить травку, ел мясо и зелень, игнорируя сладкое, и умел делать дорогие подарки. В каком-то смысле Хотаб являлся воплощением мечты пэтэушницы о рэкетире, но сам он относился к себе гораздо серьезнее. Из видеофильмов Хотаб знал, сколько рафинированных дочек благородных семейств торчали от крутых гангстеров, и из детских книжек помнил об аристократках, влюбленных в разбойников и корсаров. Так что такой романтический ореол: немного Аль Капоне, немного Робин Гуд. Видимо, с чувством юмора у Хотаба дела обстояли не очень. И это была первая его проблема. Но была и вторая. Гораздо более серьезная. Хотаб прилично подсел на игру в рулетку. И несмотря на шальную дерзость, с нарцисстической любовью наблюдаемую Хотабом в зеркале, на самом деле баловнем судьбы он не был. И фортуна чаще всего поворачивалась к нему спиной.

В те времена, когда совсем юный скрипач Юлик Ашкенази получал от сверстников по пальцам, Хотаб уже имел проблемы, связанные с его азартом. Он рос в залитом солнцем приморском городе, и кривая улочка, где Хотаб отделявал всякую малышню в «буру» и «очко», спускалась прямо к прибою. Под шум этого самого прибая на диком пляже, спрятанном за волноломами порта, Хотаба как-то усадили играть с пареньком постарше. У паренька были ласковые глаза, пышные усы и мощная загорелая шея. Дерзкий Хотаб несколько раз срывал банк. Паренек потребовал возможности отыграться. И отыгрался. К тому моменту, когда Хотаб почувствовал незнакомый кислый привкус во рту и ватную слабость во всем теле, он был должен годовую зарплату мамы и папы.

— Развели тебя, дружок, — шепнул ему кто-то. — Этот паренек вообще-то с зоны откинулся, так что теперь держись, вляпался ты...

С неподходящей компанией связался в тот день Хотаб. Пока он оттирал сопли и слезы, ему быстренько объяснили, что бывает с теми, кто вовремя не отдает долги. Это называлось пикало. Обычная отточенная велосипедная спица. В толпе — незаметно, ты даже не вскрикнешь, просто перехватит дыхание. Дырочка очень маленькая, и пока разберутся, что к чему, ищи-свищи! Соплей и слез стало больше. Но его пожалели — пацаненок совсем. Ладно, не ной, простим тебе долг. Нужно просто спалить будку армяшки-сапожника, что на площади, знаешь? Но сжечь напрочь, со всем инвентарем, чтоб и следа не осталось. Тоже человек вовремя платить не хочет... Хотаб работу выполнил. Ночью он тихонько выскользнул из постели и взял во дворе бутыл — четверть с керосином. Южные ночи действительно до густоты черные, хоть глаз выколи. Его никто не видел — ни когда он вылил больше чем полбутылки керосина на будку армяшки-сапожника, ни когда он пустил по земле керосиновую струйку метров на тридцать, а потом чиркнул спичкой... Он уже бежал домой, когда будка вспыхнула ярким пламенем. Любой другой мальчик оставил бы от страха бутыл с керосином на месте пожара. Хотабу тоже было страшно, очень страшно, но уже тогда

холодный расчет взял верх. А все потому, что семья их была бедная, но честная... Хотаб вернул бутыль с керосином на место, а потом столкнул на нее с крыши тяжелый булыжник, придерживающий шифер. Бутыль разбилась, сколько в ней было керосина, не ясно... Хотаб поступил верно — городок маленький, и уже наутро поползли слухи. Происшествием занялась милиция. Если бы обнаружили пропажу керосина, то патологически честный отец (Хотаб уверен) не пощадил бы своего сына, и сидеть бы ему в колонии для несовершеннолетних. Тем более что через два дня хозяин будки умер от разрыва сердца. Отец только покачал головой — озверели люди, такой грех на себя взяли — и почему-то поднялся осмотреть крышу, то место, откуда упал булыжник.

В те счастливые и безвозвратно ушедшие времена это еще считалось тяжким грехом. Армяшка-сапожник был первым, но, увы, не последним грехом Хотоба, частенько любовно поглядывающего в зеркало и видящего там только крутого парня, всего добившегося собственными руками. С тех пор он часто балансировал на краю пропасти, но чудовищная наглость, воспринимаемая многими как проявление характера и силы воли, а самим Хотабом как крутость, удерживала его от падения. Всегда... Но сейчас Хотаб перегнул палку. Он слишком подсел на рулетку, он слишком много проигрывал, и сейчас всяческими способами избегал очередной встречи с Юликом. Ситуация вышла из-под контроля, и скрыть некоторые траты просто не удастся. Хотаб шел по коридору и прикидывал, что он может сделать.

В каком-то смысле Хотабу опять повезло. По крайней мере в той части его взаимоотношений с миром, что касалась рулетки. Потому что именно в этот момент совершенно ошалевшие от теперешнего вида алкаша Дяди Вити маклеры успели выложить ему стандартную версию. Правда, теперь они в нее и сами не очень-то верили. Сбивающимися голосами они говорили, что в момент заключения сделки Дядя Витя был полностью дееспособен, а пьянство — его личная проблема («Теперь уже не только моя», — бросил

Дядя Витя), они показали ему все документы, подписи, расписку в получении всей причитающейся суммы денег (Студент оказался прав), они ссылались на постановления, называли даты и даже бормотали что-то об обжаловании в судебном порядке, и все меньше сами верили в то, что пытались объяснить.

— Ты еще получил от нас черный нал, — попробовал исправить ситуацию один из маклеров. — Чтоб налогов не платить! Может, ты его пропил и не помнишь... В смысле, я хотел сказать... вы... — Он осекся, встретившись с насмешливым взглядом Дяди Вити. Это была стандартная «телега», но в этой ситуации она не действовала — алкаш-то оказался абсолютно нестандартный.

Но все же у маклеров и Нотариуса Усмехающиеся Глаза еще был шанс избежать того страшного, что их ждало через несколько минут.

— Ребятки, — проговорил Дядя Витя, — я получил от вас пятьсот штук, меньше, чем отдал вчера за ужин. И это — все!

Потом он взял черный кожаный рюкзачок, купленный только что в рок-магазинчике на Петровке, и высыпал на стол несколько пачек денег. Потом большую часть убрал обратно.

— Вот ваши пятьсот и еще сто за водку, и давайте считать вопрос закрытым.

— Головная боль. — Нотариус показал глазами на комнату для совещаний.

Маклеры его поняли.

— Подождите секундочку, сейчас посмотрим, что можно для вас сделать.

И они удалились, оставив на время Дядю Витю одного.

— Это подстава, я уверен, — сказал один из маклеров, как только они закрыли за собой дверь.

— Чушь! — отрезал нотариус. — Кому это надо?

— А я уверен — подстава. Возможно — наезд... Сейчас он потребует квартиру, а потом объявит о моральной компенсации. Я говорю — это наезд, наверное, Хотаб с кем-то не договорился.

— Чушь... пусть Хотаб сам разбирается, но, по-моему, все это чушь собачья! Какой наезд, ты вспомни, с кем ты имеешь дело!

— У него полный рюкзак бабок! И посмотри на него внимательно, это что — алкаш Дядя Витя?

— Может, двойник?..

— Нет, ребята пинкертоны, — усмехнулся нотариус. — Вы точно в детстве начитались Конан Дойла, а потом вас мама уронила с шестнадцатого этажа! Конечно, это же двойник, а на «Норс» наезжает какая-то крутая замаскированная бригада, поэтому она разработала гениальный до идиотизма план... Вы вспомните его трехкомнатный клоповник! Да там больше трех минут нормальному человеку находиться-то нельзя... Наезд! Не смешите...

— Ну хорошо, а что за фрукт сейчас сидит в приемной, в штанах за сто баксов? Ты посмотри на него внимательно!

— А я и смотрел. Пока вы его вяло лечили, я внимательно смотрел. Понту он на себя напустил — отмарафетился, но иногда у него такая растерянная и жалкая рожа...

— Да нет, нужен Хотаб, пусть сам разбирается... Может, он выиграл деньги в лотерею?!

— Правильно, Хотаб нужен, и я скажу, для чего. Я вам скажу, кто там сейчас сидит. Наш алкаш — Дядя Витя! Наверное, родственники какие нашлись или знакомые пожалели, вот они скинулись, чтоб деньги вернул, и нарядили его, как мартышку... Все очень просто! Надо только додавить его. Поэтому нужен Хотаб, это его дело, но устраивать истерики... или детективные сюжеты плести...

— Ну, не знаю... Вон «трешка» Хотаба за окном, значит, сейчас явится. Пойду его встречу в коридоре, а вы пока к этому возвращайтесь, и пусть действительно Хотаб разбирается.

Хотаб сориентировался очень быстро. Он даже подумал, что было бы неплохо что-нибудь из этой ситуации выжать. Клиент пришел за своей хатой, а хата уплыла! Во ништяк, бывает же такое... Хотаб припас весь свой артистизм, а параллельно думал, что бы такое выкрутить. Сейчас он был готов на все, к при-

меру, подставить этих салажат-маклеров. Он вдруг понял, что боится Юлика как огня. Здесь не обойдется будкой армяшки-сапожника. Надо думать и все валить в кучу.

Хотаб предстал перед Дядей Витей — красивый, дерзкий и умный. Внутри головы Хотаба было испорченное зеркало, и в нем Хотаб всегда отражался только таким. Через несколько минут этому зеркалу суждено было разбиться на мелкие кусочки.

— Что, дяденька, — глаза Хотаба игриво блеснули, — квартиру продал, водочки купил, теперь головка бобо... денежки тютю?

Дядя Витя посмотрел на Хотаба с удивлением. По большому счету он даже не понял, что надо этому симпатичному пареньку. С него хватило троицы — нотариуса и маклеров, и он уже забыл о Хотабе.

— Хорошо у вас здесь, ребята, — почему-то вдруг печально проговорил Дядя Витя. — Чисто и красиво. Жаль... — Потом Дядя Витя облегченно вздохнул. Он с нежностью посмотрел на одного из маклеров и проговорил: — Ты прав, сынок, я действительно теперь потребую компенсации за моральный ущерб. И знаешь, что самое главное? Я заберу ее сам. Как и все, что мне принадлежит.

— Дяденька, — улыбался Хотаб, — я не расслышал, о чем это мы тут бакланам?

— Сынки, вы даже не представляете, сколько теперь мне здесь всего принадлежит. — Хотаба Дядя Витя игнорировал. Он по-прежнему имел дело с двумя симпатичными маклерами из «Норса» и Нотариусом Усмехающиеся Глаза. Потому что каждый должен отвечать сам за себя, а Хотаб еще не сделал ему ничего плохого.

— У-у-у? — наигранно изумился Хотаб. — Да я смотрю, дяденька слаб на голову!

Хотаб обожал играть подобные роли. Видимо, ему действительно чего-то не хватало. Наверное, все-таки чувства юмора.

Дядя Витя смотрел на сейф. На большой пузатый сейф фирмы «Centru», стоящий на полу. На его лицевой панели была круглая ручка с кодовым замком.

— Добро пожаловать в Легенду, — тихо проговорил Дядя Витя, и в следующую секунду ручка начала поворачиваться: двойка, семерка, пятерка...

— Черт, это же код, — прошептал один из маклеров. — Это наш код!

Капельки пота выступили на лице Дяди Вити, ручка продолжала поворачиваться...

— Прошу прощения, а дяденька — экстрасенс? — Хотаб несколько растерялся, но все еще пытался представить ситуацию комичной. — Круто, круто... на этом такие бабки можно варить...

Замок сработал, дверца сейфа открылась. Потом запахло горящей газетой. Дядя Витя поднялся и двинулся к сейфу. Какое-то время на него все смотрели словно замороженные. Потом оцепенение прошло. Горели бумаги, где стояла подпись Дяди Вити. Горели все его обязательства. Дядя Витя открыл дверцу сейфа. Там было полно наличности.

— А вот этого делать не надо! — завизжал Нотариус Усмехающиеся Глаза, сам удивляясь своему голосу. Он схватил Дядю Витю за плечо. Тот резко обернулся.

До конца своих дней нотариус не отделается от мысли, что какое-то мгновение, всего лишь короткий, незабываемый и роковой миг, на него смотрели глаза пылающего демона. Тем более что это стало последним, что ему суждено было увидеть. Потому что резкая, пронзающая глаза, мозг и черепную коробку боль чуть не взорвала изнутри его голову. Потом он услышал истощенный и полный безумия собственный крик, и еще перед тем как он упал в обморок, наступила полная, обжигающая темнота. Двое симпатичных маклеров из «Норса» бросились к Дяде Вите. Хотаб этого уже не видел. Он был в коридоре и кричал:

— Охранник, скорее, ограбление! Сюда! Скорее!.. — и почему-то смеялся.

Но мозг Хотоба продолжал лихорадочно работать. Нет, он не будет показывать здесь свою пушку, пошли они все... Он не знает, что там сейчас происходит, и не хочет знать. Он бы с удоволь-

ствием сбежал, если б... смог... Может, дяденька — экстрасенс, а может, еще кто... Мир сошел с ума, в мире все перевернулось, и то, что раньше показывали по телевизору, сейчас происходит на улице. Поэтому Хотабу абсолютно наплевать, что там сейчас с сейфом... Потому что если честно, если совсем честно, то у этого дяденьки лучше не появляться на пути.

— Скорее, мать вашу, ограбление!

А если ограбление удастся, то это вообще решит все проблемы. Хотаб ничего лишнего не брал, это все дяденька, но если вы увидите этого дяденьку, то вам поскорее захочется закопаться в землю... Хотаб был как-то странно возбужден. Черт... ну чего уж тут скрывать! Какую-то долю секунды, ну, конечно, гораздо меньше, чем бедняга нотариус или эти два педика-маклера, Хотаб видел... И какая-то хренотень сломалась у него внутри... Он видел этот пылающий взгляд. И сейчас, почувствовав что-то липкое у себя между ног, Хотаб сначала испугался: «Я что — умираю?!» Но потом он залез туда рукой, чем вызвал удивление смотревшего на него охранника. Тот был уверен, что это очередная идиотская шуточка. Хотаб начал смеяться, громко и радостно, пожалуй что слишком радостно:

— Господи, да это ж я просто обоссался... Просто обоссался, делов-то! О-б-о-с-с-а-л-с-я...

А потом что-то впечатало его в стену.

— Хватит ржать, идиот!

Мимо него прошел Дядя Витя. Видимо, все ценное, что было в сейфе, переключало в его разбухший рюкзак.

— А я — нет... Я просто молчу... я нем как рыбка, рыбка-бананка... — с радостью согласился Хотаб. Он хотел добавить еще что-то, но не смог и только глядел вслед удаляющемуся Дяде Вите, раскрывая рот и не произнося ни звука.

А потом начал гореть спирт. Десять коробок со спиртом «Роял», оставленным приятелем Хотоба на пару дней.

«Вот как я интересно выполняю просьбу сохранить пару дней товар», — подумал Хотаб и снова быстро хихикнул:

— Товар-деньги-товар, спирт-огонь-хрен-на-рыло...

Через минуту его истерика прошла. Потому что через минуту во всех трех больших помещениях «Норс. Операции с недвижимостью» полыхал самый настоящий пожар. Правда, вывело его из истерика другое. Он увидел нотариуса и двух маклеров, и это было ужасно. У всех троих оказались сожжены глаза. Но им еще повезло. Кому-то повезет меньше.

Спустя семнадцать часов с того момента, как Денис в последний раз отправился на поиски Белой Комнаты, и всего пару часов, как нечто подобное случилось с Дядей Витей, офис отделения корпорации «Норс», отделения, занимающегося недвижимостью и носящего это гордое имя, перестал существовать. Его поглотил огонь. Именно эту приятную новость спешил сообщить Хотаб, когда неприступная Блонди отказывалась соединить его с Юликом, но — «мать твою, дура белобрысая» — все же соединила. Хотаб рассказывал о пожаре, о маклерах с сожженными глазами, о пропаже денег и иногда смеялся. Юлик решил, что у него потекла крыша.

— Хорошо, успокойся, я приеду, — проговорил Юлик. — Я сейчас сам приеду! — А потом помолчал и добавил: — Хотаб, найди мне этого уroda! Понял?! Верни мне деньги. И спусти с него шкуру... живьем!

— Ладно, сделаю... — пообещал Хотаб и подумал: «Хрен тебе, мудило, сам ищи! Я что — идиот?! Найти этого дяденьку... Дай Бог, чтоб он сам меня не нашел...

Юлик повесил трубку. Он чувствовал, что что-то происходит. Со вчерашнего дня его собачье чутье не давало покоя. Станный разговор об убийстве, корриде... Не менее странный и не поддающийся никаким классификациям полубезумный дед, который ему очень понравился... Совсем уж долбанутый Хотаб, с истеричным смехом рассказывающий о пожаре, просто невозможном мгновенном пожаре среди бела дня, и о маклерах (прямо библейская история) с выжженными глазницами... Бред. О сюр-

реалистическом грабителе и с легким смешком о том, что... он обоссался... Понимаешь, старик, ха-ха, я обоссался... Что-то происходит. Разрыв. Вещи лишены логической связи, произошел какой-то разрыв... Если б это все только снилось...

Юлику вдруг показалось, что в его кабинете происходят какие-то изменения или, может, движения воздуха. Здесь появился кто-то? Кто-то посторонний, кого здесь быть не может и не должно!.. И звуки, странные, почти не слышимые звуки тамтамов... Он поднял голову и убедился, что находится в одиночестве, перед ним только мерцал монитор персонального компьютера. И сейчас там появилась некая фраза, и лучше всего это считать чьей-то нелепой, тупейшей шуткой. Со вчерашнего дня вокруг Юлика (а может быть, не только вокруг него) образовалось какое-то дурное поле, и центральной точкой этого поля был он сам. И вот круг безумия начал сжиматься. Поэтому лучше бы то, что сейчас высветил монитор, оказалось шуткой, чьей-то очень глупой шуткой, за которую надо здорово наказать. Снять штанишки и отшлепать, как когда-то, когда все было хорошо, когда мир был намного больше и целостнее, шлепала его любимая мама. Потому что на экране монитора была всего одна фраза: «А бананы могут начать гнить».

17. Бегите все, пока еще не поздно

Они были на кухне, а Валери спала. Наверное, она привыкла к такой жизни — ночью работа, а днем сон. Но это было не важно. Аристократичная (Студент улыбнулся — а что? Наверное, так и есть) и веселая умница Алка ничем не оскорбила Вале-

ри, а Валери действительно была очень милой — и Студент оценил это. Ни одной шпильки, несмотря на соблазнительную эффектность юной феи прошедшей ночи — ночи, после которой у всех у них что-то изменится, а может, уже начало меняться.

Студент оценил благородство своей подруги и сейчас осознал, что нельзя не согласиться с некоторыми ее доводами. Все было очень просто — либо плыть по течению, либо выбраться на берег и посмотреть, что же это такое мимо тебя пронесит. Алка предлагала последнее. Ее женская интуиция подсказывала, что это вовсе не веселая речка, где все так или иначе сложится хорошо, что это не их поток и, несмотря на радостный блеск воды, где-то там, в тягучей глубине, притаилось безумие. Поэтому надо срочно спасаться, надо срочно выбираться на берег, если, конечно, еще не поздно.

А вокруг них происходили весьма странные вещи, и если мы отмечаем такой подход: давай не задавать вопросов, давай принимать все как есть, и все само собой образуется, то вещи эти принимали весьма жуткие очертания.

Нет, милый, я вовсе не шучу, давай попробуем все же определить, что с нами происходит. Ты прекрасно понимаешь, что имеется в виду. Что я говорю о появлении в нашей жизни Дяди Вити. И я вовсе не драматизирую, я говорю не о спившемся и милом пенсионере, приютившем нас на ночь, а потом в знак благодарности и просто по-человечески ты... мы решили ему помочь. Я говорю не об этом. Но за неделю с Дядей Витей что-то произошло, он каким-то непостижимым образом изменился. А вчера... Понимаешь, он не просто сменил одежду. Обычно, как человека ни наряди, его все равно видно, а тут... Он даже на пенсионера-то не похож. Ты пойми — такое может сказать только женщина — он... стал обладать притягательной силой...

— Чего? — удивленно вскинул брови Студент. — Он... силой?

— Да, чем-то вроде... — Алка улыбнулась и показала глазами за стенку, где сейчас спала Валери. — Я не знаю, как тебе объяснить, но поверь мне, это не только из-за денег. Хотя и деньги у

него лишь... как бы подчеркивают эту странную притягательность. Странную, потому что в ней наполовину силы и... чего-то очень похожего на полную крейзуху. Поверь мне, бабы всегда клюют на такое...

Студент смотрел на Алку, широко раскрыв глаза.

— Алка, ты что такое говоришь?

— Ты пойми же наконец, что это все не шуточки. Это... эта метаморфоза... это уже не Дядя Витя, с которым мы познакомились неделю назад!

Студент рассмеялся. Потом он вздохнул и посмотрел в окно. На улице снова потеплело и начинался снег. Как хорошо все-таки, когда идет снег.

— Это что, лекция по началам психоанализа? — Студент улыбнулся, а сам подумал: «Ох эти бабы с их вечной претензией на сверхтонкое восприятие...» — Алка, извини, конечно, но ты прямо как маленькая девочка-сочинялка... И что значит — не тот Дядя Витя? — Студент попытался обнять ее за плечи. — Не выдумывай!

Она отстранилась:

— Хорошо, я не буду выдумывать. Только факты... Давай поговорим об этом.

— Не обижайся, Алка, это вовсе не в укор тебе, но ты... к счастью, ты никогда не знала нужды, его нужды... Понимаешь?

— И что? Только постарайся не сказать какой-нибудь глупости.

— Ну вот видишь, обиделась...

— Вовсе нет, и совершенно не хочу ссориться.

— Ну извини, я просто пробую разобраться, может, несколько неуклюже... Ты права — он действительно немного изменился.

— Немного?! Этот нью рашен вчера, по-моему, принял его просто за какого-то мафиози... Юная фея — тоже... А цыгане? Немного...

— Понимаешь, у человека впервые появились деньги, и они придали ему больше самоуверенности. Он — русский человек, лихой... Душа — шальная воля. Так пропивают деньги только в Рос-

сии! Помнишь песенку «Пропил Ваня»? У него впервые появились деньги. Пропивание денег — это как бы своеобразный бунт.

— Очень своеобразный... Деньги... Именно об этом я и хотела поговорить.

— И потом, ведь он нас очень любит.

— Что?! Что-что? Ты понял, что ты сейчас сказал? Да ты просто проговорился... Ты проговорился, что скрываешь те же самые опасения! Может, сам того не зная... Что значит «и потом»? Что значит «и потом, он нас любит»?

— Ну прекрати, прекрати...

— Да это значит, что что-то не так. Хочешь, я восстановлю недостающие звенья? Джинн выпущен из бутылки, но он, к счастью, пока нас любит. И заберет вместе с собой... Только вот куда? В лучшем случае мы все вместе прибудем в Кащенко. Поэтому я и предлагаю понять, что происходит, иначе он даже не спросит, хотим ли мы с ним. Мне надо кое-что тебе показать...

Зазвонил телефон. Внезапно и резко. Алка вздрогнула — что-то чувствовалось в этом сигнале, какая-то грубая настойчивость. Алка вдруг устало опустилась на табурет и проговорила:

— Это он. Снимай.

— Откуда ты знаешь?

— Снимай.

— А если это твои предки? С отдыха...

— Снимай... Снимай.

Через какое-то время Студент, убирая на место антенну радиотелефона, рассеянно сообщил:

— Он сказал, что уже идет к нам... Еще он сказал, что только что был в «Норсе» и им пришлось вернуть ему квартиру, так что все в порядке... У них просто не было другого выхода.

Алка поднялась с табурета и подошла к окну. Снег, над Москвой много снега... Она обернулась и попросила сигарету. Потом сказала:

— Нет, не надо... — После небольшой паузы: — Сначала человек получает пятьсот тысяч, пропивает их и теряет квартиру за

пятьдесят миллионов. Становится бомжем. Потом в течение нескольких дней ему безумно везет, но он даже и не думает о возврате квартиры, он как бы надеется на помощь, возможно, весьма симпатичной, но абсолютно случайной пары студентов. Которым самим еще надо помогать. Он не думает об экономии внезапных денег. Он небрежно производит такие огромные траты, как будто привык это делать каждый день. Но завтра он выигрывает снова, и его это не удивляет. У него что, союз с электронными игровыми автоматами? Нас тоже ничто не удивляет... А в довершение всего он один у каких-то криминалов, которым просто не понравится и то уже опасно, забирает свою квартиру. И все. Странствие Одиссея закончено. Улисс возвращается к родным берегам. Как мило!

— Алка... Ты понимаешь... он сейчас еще сказал, что им пришлось выдать ему очень крупный штраф... за моральный ущерб. У них просто не было другого выхода. И опять сказал, что половина моя...

— Вот как? Еще более мило... Он что — Рембо? Или Терминатор? Бандиты выплатили ему, безобидному пенсионеру, штраф... А теперь он идет сюда!

— Да, такого не бывает...

— Ну хорошо, ты можешь считать меня законченной идиоткой, но я хочу тебе кое-что показать. Еще с утра надо было это сделать.

Алка вышла в коридор и вернулась со своей вечерней сумочкой. Она порылась в ней, а потом извлекла какое-то странное колечко. Студент, вдруг усмехнувшись, подумал, что в этой скрученной ситуации он бы не удивился, если бы это был презерватив. И Алка сейчас, прямо на кухне, предложила бы ему заняться любовью. И черт с ним, с Дядей Витей, и черт с ней, с Валери, а еще лучше позвать их к себе. Во было бы здорово, а они тут голову ломают... Какая любовь — все в кучу, и полный трам-тарарам, пока все не рехнемся окончательно! Потому что кому-то, видимо, очень нужно, чтоб у нас отъехали крыши. Кого-то только это

и сможет... сможет освободить. Безумие сможет освободить... Вот тебе и вся шальная воля. Нет, бред... дыши-ка, дружок, глубже...

К счастью, это был не презерватив. Колечком оказался какой-то неправильный многоугольник, сделанный скорее всего из толстой соломки для коктейля.

— Гляди — как тебе? — проговорила Алка, держа колечко на ладони. — Вчера, около десяти вечера, с мирным пенсионером, выступившим сегодня в роли Рембо, произошло что-то странное. Если ты помнишь, мы говорили о Дяде Вите...

— Не ерничай!

— Хорошо, не буду... Уже появился этот немец, и вы смотрели нуднейшую программу и потешались, как будто там был живой Чарли Чаплин, и, конечно, ничего не заметили. А я кое-что видела и испугалась. Я подумала, что либо мне это кажется, либо я совсем рехнулась от сессии. Понимаешь, вчера Дядя Витя взял вот эту коктейльную трубочку и начал крутить ее пальцами. Затем он ее просто сжал в руке. Шла программа, я не знаю, сколько было времени, мне показалось — около десяти. У меня упала сумочка — вот эта. Я нагнулась, чтобы ее поднять... Дядя Витя держал руку на колене и сжимал пальцы в кулак так сильно, что рука даже немного дрожала. Ты понимаешь, его кулак был прямо передо мной, и мне показалось, что я почувствовала запах горячей пластмассы. Потом он отдернул руку, как будто обжегся, эта штука упала на пол. По-моему, он даже этого не заметил. Посмотри, ты видишь, что она вся оплавлена, а ее концы спаяны?

Студент недоверчиво поглядел на маленький неправильный пятиугольник в ее ладони и проговорил:

— Алка, но это уж совсем какие-то нелепые вещи...

— Я говорю правду. Это он сделал, он это сделал в своей руке.

— Ну, Алка, перестань, и так много всякой непонятки... Он мог просто спаять это огоньком, а потом выкинуть.

— Нет. Он, как ты выразился, «спаял» это в своей ладони. Я видела. — Она положила колечко на стол. — Потом, это вообще очень странная штука — ты видишь, между звеньями разные

уровни? И в то же время какая-то она... на нее очень приятно смотреть, да?! Что-то есть в ее форме...

Алка любовалась колечком, вовсе не догадываясь, что оно, линия в линию, изгиб в изгиб, повторяет Дорину корону. Ту самую, увиденную во сне, а потом вырезанную из резинового мяча. Что она просто уменьшенная копия великой короны, приведшей в такое волнение Профессора Кима.

— Поверь мне, я не знаю, почему и что с ним случилось, но я чувствую — он опасен. И мне кажется, очень...

Снова зазвонил телефон. Они переглянулись — та же грубая настойчивость. Алка вдруг стала очень бледной.

— Я сниму? — проговорил Студент.

Она пожала плечами и с опаской посмотрела на телефон. Студенту вдруг показалось, что он увидел выражение какой-то щемящей тоски в ее глазах. Что за глупости?! Он снял трубку.

— Алло?! — И в следующую секунду его лицо расплылось в улыбке.

Из дома отдыха звонили родители: в Подмоскowie полно снега, и вообще скоро в Европе — Рождество. А как там у вас дела? Конечно же, не скучаете... Студент поговорил еще какое-то время, затем протянул трубку Алке:

— Давай — твои. Это отец.

Студенту нравились отношения в их семье. Мама — булгаковская светлая королева. Отец, несмотря на внешнюю суровость, был всегда с Алкой очень ласков. Их связывала нежная и веселая дружба.

Алка взяла трубку:

— Папа?

Это был не папа. На какое-то мгновение Алке показалось, что на том конце провода кончился мир. Что с ней будут сейчас говорить из холодного могильного провала. Потом голос, незнакомый мужской голос, возможно, что и Дяди-Витин, — только казалось, что до него бесконечно далеко, что до него миллионы лет, что он принадлежит, а вернее, принадлежал кому-то, кого уже давно нет среди живых, — и вот этот голос, словно пришед-

ший с обратной стороны вселенной, с темной изнанки времен, произнес:

— Что, догадалась, сучка?.. Лучше бы тебе этого не делать. Надо было оставить эту штуку там, где нашла, под столом. Никогда не бери чужого. Но теперь уже поздно. Сейчас за ней придут.

И в следующую секунду раздался звонок в дверь.

В это же время мать Дениса Люси вдруг поняла, как она называет свою новую большую картину. Очень необычную, похожую на иллюстрацию к какой-то таинственной древней легенде. Чарующей и страшной одновременно... Ее идея родилась пару недель назад, и работа шла очень быстро, пока Люси вдруг не почувствовала, что движется в несколько необычном направлении.

«Безумие может освободить». Название странное, но, пожалуй, вполне подходит.

Люси вскрыла очередную бутылку пива и подумала, что обязана закончить эту работу как можно быстрее.

И в это же самое время Юлик Ашкенази находился на заднем сиденье своего лимузина-«стрейч» и двигался в сторону пожара. Несмотря на наличие в автомобиле телефона, на ремне Юлика, сбоку, все же был прикреплен пейджер. Он повсюду таскал его с собой. Сейчас это устройство завибрировало, давая понять, что для Юлика имеется некоторая информация. Юлик с ней ознакомился, и на секунду его губы растянулись в улыбке, и чем-то шальным и тревожным блеснули его глаза. И это хорошо. Очень хорошо, что в эту секунду водитель следил за дорогой, а больше никого в машине не было. Потому что Юлик взял себя в руки и темная молния ушла из его взгляда. И никто так и не узнал, что секунду назад Юлик Ашкенази сидел на заднем сиденье своего «линкольна», слушал все же прорвавшийся из глубин его мозга барабанный бой и улыбался и что это очень бы не понравилось его маме. Потому что секунду назад лицо президента огромной и весьма динамично развивающейся компании, большого умницы и отличного

парня Юлика Ашкенази, искажила улыбка самого настоящего сумасшедшего. Он еще раз отодвинул полу своего пиджака и посмотрел на экранчик пейджера: «А бананы могут начать гнить».

Юлик спокойно откинулся на спинку сиденья и прикрыл глаза. Нет никаких барабанов, обычное переутомление.

— Шутники хреновы, — проговорил он вслух и рассмеялся. — Вы сначала догоните меня.

Двумя часами раньше Андрюха вывел погулять Короля — за последние сутки от Дяди Вити не было ни ответа, ни привета... Хоть бы позвонил. Что там с ним, со старым корешком, екын его в тудын?! Облапошили деда, гады. Да, погуляли... От души погуляли, чего говорить... Какие же все-таки бывают люди сволочи! Это ж три комнаты... У кого — у деда отобрали, у старика! Да... Времена наступили... Еще моя дура: спущу и тебя, и Дядю Витю с лестницы со зверюгой вашей подзаборной взашей! Ишь! Дурабаба-стервь... Екын, вот люди все-таки... Не, ну как?!

Все это Андрюха хотел выложить тете Мане, торгующей в палатке на Уголке пивом в розлив, и все это уместилось у него во фразе:

— Да, б...л...и...н, его, в натуре, падлы... пивка налей.

— Сколько тебе, Андрюша? — участливо спросила тетя Маня. Она была полная, добрая и своя.

— Да, бл... баночка ноль восемь, на триста рублей-то плесни, чего ж там... Сколько получится?

— Только банку верни.

— Так я вот!

Андрюха еще никому не разболтал про Дядю Витю, по крайней мере по трезвяни. Однако опохмеляющийся вокруг народ глядел на Андрюху понимающими глазами и сочувственно вздыхал. Подошел Колян, слесарь, с утра глаза залил.

— Андрюх, ты того... У братана, ну того, младшой ж у меня, свадьба вечером. Так зайдешь, там костей для Короля, ну чего останется, сам понимаешь, соберу.

- Да ну, бли...н, вот падлы!
- Да не говори. Совсем срам люди потеряли. Так зайдешь?
- Спасибо, блин...

Постепенно вокруг них образовался кружок. По мелочи, конечно, но кто как мог предлагал посильную помощь. Колян угостил Андрюху пивком, у Пал Палыча, боцмана, нашлась рыбка, вобла с икоркой.

Да и с утра оттепель. В общем, все нормально, только Дядю Витю жаль. И тут уж ничего не поделаешь, против этих... Вот только Жириновского выбрали, двенадцатого-то... Может, найдет на них управу, ну жулье... Кто?! Да ладно, такое ж трепло, как остальные! Брехун... А чего? Преступность, говорит, стрелять надо на месте. Нам вот эта нужна, диктатура... Без нее у народа всю кровь высосут. Как Пиночет... Да тебя ж первого и посадят за бухню. А меня чего — я человек честный. За бухню не садют... А вот этих, вишь, с Дядей Витей как, их пришерстить давно пора... Оружием, говорит, торговать будем. Нам все страны должны миллиарды, а мы по миру с котомкой ходим. Каждому — по 400 долларов... Ну, ты высчитал!.. В газете написано, сам читал. Говорят, твой Вольфович — еврей... Да ладно, он водку с горла пьет, сам видел. Он мужик-то хоть ученый, но понятный... свой... он еще покажет...

И тогда вдруг Король завыл. И у впечатлительного Андрюхи от этого воя мурашки побежали по телу. Потому что по другой стороне улицы, мимо своего дома, шел Дядя Витя. Он как раз покинул павильон суперкомпьютерных игр и направлялся сейчас в «Норс», чтобы устроить там пожар. Естественно, его никто не узнал, кроме Короля. Но несчастная собака безумно испугалась своего хозяина. Воспоминание о тепле и ласке гнало Короля к Дяде Вите, но его звериное чутье сказало: «Нет! Нельзя». Бедный пес сначала не находит себе места и дрожал всем телом, а потом завыл.

— Чего это он, ошалел? — спросил кто-то.

А Король продолжал выть. И столько в его вое было горести и тоски, столько невыразимой боли, словно Король был древним волком, потерявшим свою подругу, а теперь воющим на луну,

окруженную серебряным ореолом и грозно вставшую над землей в ночном небе.

Король не умел говорить. Но его вечная звериная природа знала о многом, и сейчас она заставляла его выть.

Этот вой, оживший в небе над Великим Городом, плывущим сквозь зиму, сквозь предстоящую самую длинную ночь, по только ему одному ведомому потоку, услышал, а скорее почувствовал Егор. Мальчик, которому еще только предстояло стать большим, поднял голову и посмотрел на пушистое небо — Москву укрывал снег.

С его мамой, с его обожаемой мамой что-то случилось. Конечно, она жива, и это самое главное, но сейчас ее хотят отнять. Как уже отняли Дениса. Кто? Ну, это же прямо... Может, ты заболел? Может, тебе все это кажется и ты просто шандарахнулся?! Может, на самом деле ты сейчас лежишь дома и у тебя огромная температура?.. Приходи, мой любимый мальчик, и Денис тебя убьет... Малыш, все будет хорошо, и все пройдет... А может, и не пройдет. и тогда он тебя спалит, как этого дурака Логинова... Если бы хоть дома был отец, а он, несмотря на проведенную бессонную ночь, утром уехал. И его не будет целую неделю! И никто, никто не сможет помочь. Никто не сможет защитить его или хотя бы поддержать, вытащить из этого круга одиночества... и страха. Что ему сейчас делать, куда обратиться, к кому? Бежать, пока не вернулся отец? Или пока они (кто они?) его не поймают и не спалят, как курицу? Нет, все не так, дружок. Есть теперь кое-кто, еще больше нуждающийся в помощи и защите... И быть может, в твоей защите. Твоя мама и твой лучший друг. Люди, которые любят тебя больше всего на свете. Их отняли и хотят превратить в твоих злейших врагов. Какая утонченная пытка... Но, ребята, дудки, я не дам вам свести себя с ума! Да, Егор, ты еще только мальчик, обыкновенный мальчик, которому теперь придется стать большим. А помнишь, ты мечтал, чтоб это произошло поскорее? Как желал этого? Только ты хотел, чтоб все было красивенько, а не так... Ты накачан, как Шварценеггер, вокруг классные девочки, возможно,

у тебя есть красный «феррари», ну Бог с ним, просто нормальный «мерседес»... Что это за мужчина такой, который не заработал на «мерседес»? И ты абсолютно свободен! А сейчас... Мир вокруг сходит с ума, и ты можешь сойти вместе с ним, и тогда — пиши пропало... А можешь устоять, и, возможно, картинка со Шварценеггером тогда станет реальностью. Но перед этим тебе придется очень за многое начать отвечать. И прежде всего за свою маму и своего лучшего друга. Потому что если победят они (но все-таки — кто?), то все, что ты любишь, тебе придется ненавидеть и всего бояться. Вот, оказывается, какую цену надо платить, чтобы мальчик мог войти в картинку со Шварценеггером. И теперь, возможно, ты знаешь, кто они... И поэтому пока тебе придется бежать. Ведь тогда, в павильоне суперкомпьютерных игр, тебе очень не понравилось одно место, откуда вышел Робкоп. И ты заставил себя считать, что это все только показалось... Почему? А ну-ка постарайся вспомнить, откуда шел тогда Робкоп? Теперь ты понимаешь, кто они? Нет, знать ты этого не можешь, но ты ведь, как это иногда говорят, чувствуешь, правда? И теперь, Егор, тебе придется бежать, и не просто бежать от них... Теперь тебе придется двигаться быстрее ветра, ты обязан их опередить. Эта история началась с Дениса, а ты знаешь, что у Дениса есть одна страсть. Ко всему непознанному, фантастическому, магическому... К тому, что ты считал полной дребеденью. Конечно, ты дарил ему на праздники разные книжки и видеокассеты, но в душе потешался над его увлечениями — ты уже не маленький мальчик, чтобы верить в разные фантазии и волшебство. А теперь тебе придется бежать, но не просто бежать, а кое-кого искать... Раньше, чем они тебя поймут, ты обязан найти одного человека. И это твой единственный шанс. Дениса всегда интересовало необычное, и он собирал фильмы, книги, заметки из газет, журналов и прочую дребедень. И именно это сможет сейчас помочь! Ведь Денис тебе все это показывал... В том числе, помнишь, знаменитое интервью с одним человеком? С очень необычным человеком... А потом вы видели целую телепередачу, и там речь шла о вещах и в самом деле удивительных.

Конечно, этот человек — ученый, но как его называл Денис? Тебя тогда еще очень развеселила вся эта игра в белую магию. Ты предлагал Денису не принимать так буквально всю эту романтическую поэтику. Теперь эта романтическая поэтика здорово вмешалась в твою жизнь, и если тебе еще дано время, ты обязан найти этого человека. Надо вспомнить все, что рассказывал Денис о человеке с очень странным именем и удивительно светлыми глазами. А Денис говорил, исходя из своей несколько детской волшебной системы координат, что этот человек для него служит воплощением Вооруженного Добра! Воин-маг?! Тогда это было смешно. Сейчас это осталось единственной надеждой. Надо отыскать его, но если тебя опередят, если ты не успеешь найти... ну как же его звали... вот черт... ну конечно, вспомнил! Ты должен найти Профессора Кима...

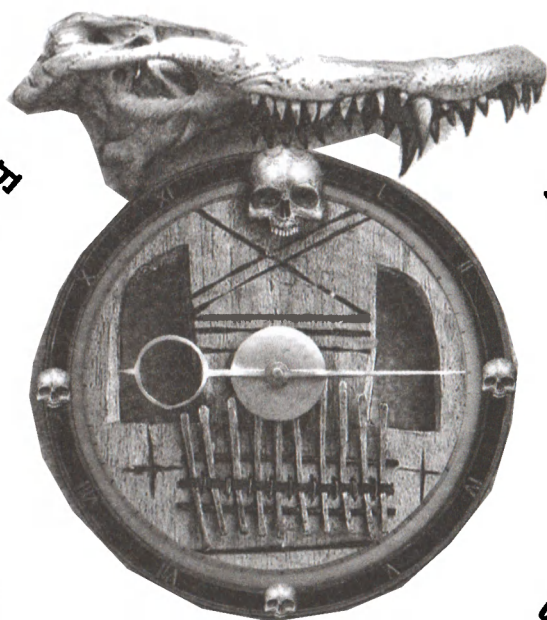
Что-то оборвало все его планы.

— Юноша! — услышал Егор голос, и прежде чем он узнал его, прежде чем он почувствовал слабость и спазм внизу живота, он понял, что надо бежать, лететь, скрываться, исчезнуть, пока цел... — Юноша, когда-то я обещал вам многое рассказать, а вы ушли, даже не попрощавшись...

Егор повернул голову. Перед ним стоял Робкоп. Робкоп улыбался, но ничего страшнее этой улыбки Егор еще не видел. И в следующую секунду Егор уже бежал, он неся, он летел быстрее ветра, и удивленные прохожие расступались в стороны перед бегущим в страхе мальчиком, за которым никто не гнался. Никто?... Что же, возможно, и так, только Егор чувствовал за собой леденящее дыхание погони, он чувствовал неровное, сбивающееся и хищное дыхание за своей спиной, и он был уверен, что это дыхание принадлежало не человеку...

А где-то на другом конце Москвы в это время выла собака. Собака, потерявшая сейчас единственное и самое любимое существо на свете. Король не умел говорить. Но его вечная звериная природа знала о многом. И сейчас она заставляла Короля выть.

Барабаны,
ули

дзвонят
пять

что случилось

III

Часть

18. Сэр Джонатан Урсуэл Льюис

В самом конце весны 1944 года недалеко от Йорка, Норт-Йоркшир, остров Великобритания, в старинном красивом и несколько причудливом доме раздался первый крик новорожденного, будущего сэра Джонатана Урсуэла Льюиса. Маленькому Урсу (так в детстве называли его близкие, а потом — друзья), как, впрочем, и всем йоркширским Льюисам, не суждено было появиться на свет в родовом замке, горделиво-мрачном свидетеле великих исторических драм, разыгрывающихся в самом сердце Йоркшира. Предок, бывший оруженосцем одного из великих английских королей, заложил грозный замок на болотах, что, возможно, было идеально с военной точки зрения, однако болотная сырость причиняла определенное беспокойство всем роженицам этой славной фамилии, пока, уже в посткрмовелевские времена, в эпоху Карла II, кто-то, обладающий весьма экзотической фантазией, не додумался построить этот причудливый дом. Дом располагался у старого хвойного леса; с полумраком, царящим в его чаще, было связано множество семейных легенд и преданий. И в то время как царственные особы Европы ездили рожать в напоенный нежной милостью солнца Мадрид, Льюисы для этой же цели проделывали путешествие всего в тридцать семь миль.

Отцу Урса не удалось услышать первый крик своего сына. В этот момент он находился в Лондоне, где занимал важный пост

в Форин Оффис, а для любого не потерявшего ориентиры в безумной истории XX века ясно, что в 1944 году на планете Земля уже пятый год шла великая война. Тогда на Британских островах было полно американцев, и войска все прибывали — готовилось открытие второго фронта. Островитяне относились к богатым янки неоднозначно: многие женщины — с любовью (конечно, не с таким безрассудством, с которым потом их будут любить женщины поверженных и освобожденных стран), другие — с холодным высокомерием; была нервозность и даже враждебность — говорили о нашествии молодых варваров... Но все же англичане мужественно встретили войну. Да, иногда Лондон бомбили, но в пабах было полно народу, в том числе и американцев, всегда имела возможность выпить пива, хорошего виски или айриш-кофе, и перебоев с цитрусовыми почти не наблюдалось. Большинство публики лишь добродушно иронизировало по поводу выражения несколько инфантильного оптимизма, не сходящего с мальчишески смазливых лиц янки. А в то время войска все прибывали и прибывали. В один из дней самого начала лета папа Урса, с чувством выполненного долга и хорошо проделанной работы, приехал взглянуть на своего второго сына. Переступая порог дома, он нежно обнял жену и сказал всего лишь одно слово: «Завтра».

На следующий день началась высадка союзных войск в Нормандии. До полного краха Третьему рейху оставалось одиннадцать месяцев.

Позже, когда война уже давно закончилась, отец повез маленького Урса в Йорк-Минстерский музей. Путешествию было суждено стать самым важным переживанием его детства. Отец любил это место. В зале йоркширских викингов он показал сыну копье с широким плоским наконечником и несколько старинных датских мечей. Маленький Урс как зачарованный смотрел на оружие. Что-то шепнули ему древние мечи, что-то, чего не слышали ни его отец, ни многие другие. Возможно, в тусклом блеске легендарной стали он почувствовал живое дыхание ве-

ков. Это событие определило всю его дальнейшую жизнь. Профессор сэр Джонатан Урсуэл Льюис знал восемнадцать языков, десять из них были языками ушедших эпох. К тому же профессор Льюис считался одним из крупнейших коллекционеров оружия и, уж абсолютно точно, крупнейшим авторитетом в области древних знаний и книг — от И-цзин и Вед на Востоке до Рапсодов (или все же загадочного Гомера) и песен Эдды на Западе.

Кстати, в тот день, когда маленький Урс любовался оружием викингов, произошло еще одно знаменательное событие. В Фултоне сэр Уинстон Черчилль прочитал свою впечатляющую речь. Между Коммунизмом и Западом началось изнуряющее, безумное и бездарное противостояние, затянувшееся на треть века. Его называли «холодной войной».

Маленький Урс рос очень подвижным мальчиком, обожающим играть в индейцев, рыцарей и любую другую войну. С 1955 года его отец выполнял очередную международную миссию и семья жила в Женеве. Урс очень полюбил южную старую часть города, где не было не только похожих улиц, но даже двух одинаковых домов. Он полюбил Рону, реку с быстрым ледяным течением, и мог часами наблюдать с одного из семи переброшенных через нее мостов за солнцем, отражающимся в зеленой воде. Мосты, как и все в этом городе, были не похожи друг на друга. Как-то в чудный солнечный денек Урс, купаясь с приятелями в Роне, начал тонуть. Холодная вода и течение быстро делали свое дело. Воспоминание о Сумраке, впервые пришедшем в этот день, Урс также пронесет через всю жизнь. Когда мальчика вытащили из воды, он был без сознания. Его спасли, но потом несколько дней Урс боялся подходить к реке. Быстрое течение Роны показало ему, как близко находятся двери Сумрачной страны. Впрочем, скоро все прошло. Он сделался по-прежнему жизнерадостным и веселым, но стал намного больше читать. Стивенсон, Марк Твен, Свифт, а также По, Кэрролл, Мелвилл, Уитмен и полная волшебства «1001 ночь» Бертон.

Через год Урс начал посещать Женевский колледж, где училось много иностранцев. Колледж этот был основан самим Жа-

ном Кальвином, и преподавание велось на французском. К тому времени и на французском, и на немецком Урс объяснялся уже свободно. Там же, в колледже, он начал самостоятельно изучать итальянский, чтобы читать «Божественную комедию», и русский (Достоевского и религиозных философов начала века), а чуть позже — англосаксонские и древнескандинавские языки. Урс влюбился в древний эпос — «Беовульфу» и «Илиаду»; скандинавские скальды, саги и кельтские предания он поглощал с той же жадностью, с какой его сверстники расправлялись с комиксами и звездными фантазиями. К тому времени, когда ему, по семейной традиции, пришла пора ехать учиться в Оксфорд, Урс мог прочитать все или почти все великие книги человечества на языке оригинала. Случилось это в 1963 году. Ирония чисел всегда преследовала Джона Урсуэла Льюиса. Именно в этом году выступлениями в Далласе закончилась земная жизнь Джи Эф Кей, президента Кеннеди, а также произошло множество других трагических и нелепых вещей.

Помимо древних легенд и преданий, духовных и физических путешествий в поисках следов ушедших цивилизаций, другой страстью Урса являлся рок-н-ролл. Урс был свидетелем зарождения битломании и грандиозного незабываемого Вудстока, живых соулов, Джимми Хендрикса и одного из последних концертов «Дорз» на острове Уайт. Великие новые шаманы тоже нащупывали мостки в прошлое, во времена, когда человек сознавал свою магическую связь со Вселенной, от мистицизма Джорджа Харрисона до всеобщего паломничества в буддизм и еще далее на Восток. Тогда казалось, что мир вот-вот обновится, что впереди всех ждут великие очищающие революции и остался всего лишь один прыжок. Однако позднее выяснилось, что только наивные люди думали, будто бы мир меняется. На самом деле в мире ничего не происходило. Только на рубеже десятилетий ушли в Сумеречную страну самые великие герои рока (пресса и дурной вкус назовут их рок-идолами), а то, что осталось, быст-

ро прибрал к рукам очухавшийся шоу-бизнес. Начиналось время покладистых жирных котов и свежих сливок.

Урс остался с теми немногими, кто продолжал поиск. И к тому времени, когда взошла звезда панк-культуры и советские танковые колонны вслед за командос вошли в Афганистан, о докторе Льюисе говорили как о молодом и очень одаренном ученом, не только прекрасно разбирающемся в культуре древних эпох, но и знающем толк в археологии, истории, философии, а также имеющем несколько весьма интересных богословских работ. Когда же советским войскам подошло время покидать Афганистан, а бывшему скрипачу Юлику Ашкенази еще только начинать печь нафельные трубочки на площади трех вокзалов, профессор Джон Урсуэл Льюис, потомственный аристократ и стопроцентный англичанин (культ чая, Шекспира, спорта и королевы), считался непрекрасимым авторитетом в своей области.

Именно в это время Урс начал почитать литературу о кибернетике, компьютерах и виртуальной реальности. Его чутье было, пожалуй, даже поострее чутья Юлика Ашкенази, и Урс подумал, что некоторые его знакомые, отметившиеся в разных эпохах и культурах под разными именами, не преминут воспользоваться открывающимися им компьютерными возможностями.

Профессор (еще только будущий) Ким в это время являлся одним из самых молодых докторов наук в Советском Союзе, очень одаренным, подающим надежды, перспективным и т.д. Вряд ли все эти характеристики говорили о нем что-либо всерьез. Ким еще не совершил ни одного из своих полубезумных путешествий и еще не сделал эпатазирующих заявлений, которые принесут ему впоследствии скандальную славу. Он был тогда лишь учеником, и учитель — самый настоящий гуру — у него имелся. В официальной жизни учитель проявлял себя весьма успешным, к тому же вхожим в советский истеблишмент ученым, но только немногие люди знали, что на самом деле волновало этого человека. Именно он подарил Профессору зажигалку «Zippo» (в те годы мало кто

в СССР, разве что какой-нибудь рокер или деятель культуры андеграунда, мог оценить «Zippro») с выгравированной надписью: «Ищите Истину на грани Наук и Преданий». И это было попаданием в десятку — именно легенды, древние мифы и сказочные предания, их соотнесенность с наукой и обратная связь всегда интересовали Кима. Свое первое путешествие в волшебную страну легенд Профессор Ким совершил в раннем детстве, когда обстоятельства сложились определенным образом и лишь случайно не стали трагедией, о чем будет рассказано дальше.

В 1989 году, когда Профессор Ким частично обнародовал свое кредо, опубликовав довольно странную статью «Следы Солнца» с подзаголовком «Современный мир и утраченные цивилизации», в городе Вене проходил некий научный конгресс. Там-то и состоялась первая встреча Профессора Кима и сэра Джонатана Урсуэла Льюиса. Разумеется, Ким много слышал об именитом британце и был знаком с его трудами. Но и «Следы Солнца» попали в поле зрения сэра Льюиса. Конгресс оказался не столь интересным, как обещал быть, и многим мероприятиям наши герои предпочитали уединенную беседу в каком-нибудь спокойном кафе. Они жили тогда в самом центре Вены, в уютной гостинице при Бенедиктинском монастыре, расположенном на тихой улочке недалеко от Хофплац. Вокруг располагалось множество знаменитых венских кафе, где за чашкой кофе или кружкой «Гессера» общались венские интеллектуалы, бизнесмены заключали сделки, а музыканты писали свои сочинения, разложив листы с партитурой прямо на столиках. В этих удивительных заведениях, где никто никому не мешал, наши герои проводили большую часть свободного времени. Урс, в отличие от своего русского коллеги, прекрасно знал Вену, и Профессор Ким был немало удивлен, узнав, что знаменитый Венский лес — это на самом деле виднеющиеся вдалеке горы, а одной из достопримечательностей величественного города наряду с Бельведером, Хофбургом, Чумной колонной и собором Святого Стефана является городской туалет в стиле модерн начала XX века.

Был чудесный звенящий апрель, Вена залита солнцем — двадцать градусов тепла, а где-то в Тироле, на высоте трех тысяч метров, на ледниках лежит пушистый, почти январский снег. Орлы парят в небе, горнолыжники, не желающие смириться с приближающейся жарой, — на склоне, а между ними — недавно появившиеся полусумасшедшие сноубордисты и парапланмены. И где-то внизу, вдалеке от снега, в барах, окруженных молодой зеленью, их подружки пьют пиво и говорят, говорят, говорят... Где находятся подружки орлов — неизвестно. А Вена залита солнцем.

Именно в такой солнечный и беззаботный день Урс пригласил Профессора Кима в свою любимую пивнуху с весьма экстравагантным названием «Бир-клиник». Они ели огромные, с хрустящей румяной корочкой, венские шницели и пили вкуснейшее, охлажденное до 8°C зальцбургское пиво. Они говорили о Тибете и о выродившихся, но явно космических культах папуасов Новой Гвинеи, смысла которых те давно не помнят, о мертвых городах центральной Мексики и развалинах в Андах, на берегах озера Титикака, развалинах, поражающих воображение своими размерами и говорящих о том, что когда-то хозяевами Земли были великаны, боги или люди, подобные богам. Пока какая-то неведомая космическая катастрофа не уничтожила этот удивительный век, оставивший после себя лишь руины и смутную догадку, шемящую тоску об ушедшей восхитительно-волнующей заре веков. Великий миф, сходный у всех народов, миф о том, что когда-то люди были посвящены богами. И о краже Огня или же Яблока с мирового древа, и о каре, следующей за этим. О наказании свободой и одиночеством. Первых людей изгоняют из Рая, боги приковывают Прометея к скале, но его освобождает герой, а потом следует Великий потоп, катастрофа. И за всем этим, обвив древо познания, наблюдает Змий-Искуситель, лукаво шурясь. Обвив то же самое мировое древо, в сущности яблоньку, из которого потом сделают крест и на нем распнут Христа. Еще один

великий миф, лежащий в основе всех созданных человечеством трагедий, — миф о самоубийстве Бога. И о следующем за этим непременно (светлый радостный хор в финале трагедии) воскрешении. Миф универсален, и везде мы находим его следы. И наши герои продолжают свой разговор.

— Еще одна любопытная точка на Земле, — проговорил сэр Джонатан Льюис, — Эфиопское нагорье в Африке и прилегающие земли. Одно из мест, откуда вышли древние цивилизации. А вы знаете, что там находилось раньше?

— Хм... Ну, я думаю, что речь идет о таинственной земле — королевстве Каффа, — ответил Профессор Ким. — Европейцы называли его африканским Тибетом. До конца девятнадцатого века страна была закрыта...

— Да, верно, — улыбнулся Урс, — а арабы вывезли оттуда кофе... Но это лишь средневековье, а если взглянуть дальше?

— Ну, чуть северней находилась еще более таинственная страна, взбудоражившая не одного поэта... Загадочное царство, о нем говорили как о священном царстве магов... Оно называлось Аксум.

— Ну разумеется, Аксум, а поэт — это ваш Николай Гумилев. — Урс продолжал улыбаться. — А еще раньше Мeroитское царство, Куш, завоевавшее Египет. Хотя, наверное, мы говорим уже о части нынешнего Судана. Но это все только три-четыре тысячи лет назад, все это лишь отблески. А еще раньше? До Египта и Шумера?

— Еще раньше?! — Профессор Ким недоверчиво посмотрел на собеседника: «еще раньше» наука заканчивалась, если только уважаемый британец не имеет в виду палеонтологию.

Да, здесь наука заканчивалась и начинались предания, древние мифы, которые и пытался связать вместе молодой Профессор, помня, как, основываясь лишь на вере в «Илиаду», и рискуя завоевать у своих научных собратьев репутацию шарлатана, дилетанту Шлиману удалось раскопать золото Трои. Потом Профессор Ким все же проговорил:

— Ну если это не шутка и вопрос ставится таким образом, то я отвечу. Быть может, вам покажется это научной ересью, но позволю себе сделать следующее предположение. Еще раньше, намного раньше, когда Земля была несколько иной... — Профессор Ким сделал паузу, но Урс и не собирался перебивать его. — Когда миры древних легенд были ближе и еще не были закрыты и забыты пути, соединяющие их... — Профессор Ким снова сделал паузу, но Урс смотрел на него с улыбкой и даже как-то одобрительно. — Когда вся Земля была, как Аксум, Землею магов и, возможно, общение с... иномирами являлось обычной практикой и еще не считалось колдовством, там находился один из великих мировых центров. Были еще и другие... Мы говорили о далеком прошлом, еще до начала истории, и мне кажется, что не было бы преувеличением назвать это прошлое — Атлантидой.

Теперь профессор Льюис широко улыбнулся, в его глазах играл озорной огонек. Потом он сказал:

— Совершенно верно. Центров было пять. И их соединял только великий океан. Из земли, о которой мы говорим, вышли потомки атлантов — библейские цари, египетские и античные боги и гиганты. Возможно, что первые жрецы были великими чародеями и первым фараонам действительно подчинялся Нил. Да, Центров было пять! И вы правы — эту великую цивилизацию действительно можно назвать Атлантидой. Блестящий расцвет третичной эпохи: люди и маги, великаны и причудливые обитатели древних легенд живут бок о бок на Земле, догадываясь, что и она, возможно, тоже живое существо, наделенное разумом. Потом наступает Время людей. Золотой век, век Сатурна, как называли его древние греки, подходит к своему концу. Великая Атлантида гибнет. И на Земле остается лишь самая беспощадная и закрытая голосу космоса раса. Мы — ее наследники. О страшной космической катастрофе, завершившей Третью Эпоху, я прочитал недавно в одной старинной, очень редкой книге монаха Иеронима из Толедо. Книга весьма необычная — похоже, наш монах был алхимиком, практиковал магию и знал что-то о древних

тайнах. Но это другой разговор... Дорогой мой, зовите меня Урсом и позвольте пожать вашу руку... Потому что я хочу пригласить вас в свою экспедицию...

— Экспедицию?.. — Профессор Ким ожидал чего угодно, но только не такого понимания и дружеского расположения. Он был явно растерян.

— Да. Я не хотел бы показаться вам чрезмерно эмоциональным, но, возможно, наша встреча — это некий знак. Видите ли, в чем дело... В означенных землях... Там сейчас происходит что-то очень странное.

Они стали друзьями, а через четыре месяца началась экспедиция в Африку, которой было суждено внести столько волнующих переживаний и изменений в их жизнь. Экспедиция, в которой они впервые услышали этот барабанный бой. Экспедиция, после которой одни коллеги Профессора Кима станут считать его шарлатаном, другие — гением, а третьи — сумасшедшим.

Кстати, в тот день, когда Профессор Ким и сэр Льюис беседовали в «Бир-клиник», потягивая зальцбургское пиво, случились еще две знаменательные вещи.

В Байрейте, в «Храме Рихарда Вагнера», была закончена очередная постановка его тетраоперы «Кольцо Нибелунгов». Так что в этот день не только наших собеседников интересовали великие мифы и вопросы взаимоотношений богов, героев и великанов, а также неизбежности Смерти, следующей за Любовью. Вагнеровский шедевр исполнялся около двенадцати часов. Но это еще не рекорд. Через пять лет, когда Денис отправится на поиски Белой Комнаты, Дядя Витя спалит офис корпорации «Норс», а бананы Юлика Ашкенази начнут гнить, в Байрейте осуществится еще одна постановка. На этот раз музыка великого Вагнера будет звучать пятнадцать часов тридцать семь минут.

Второе событие, случившееся в этот знаменательный день, было таким: к вечеру, далеко к востоку, совсем в других горах, в Тбилиси, городе не менее прекрасном, чем Вена, внутренние войска СССР откроют огонь по безоружной демонстрации. Будут раненные и убитые.

Ирония чисел.

19. Ошибка

Урс был уверен, что на доброй половине территории Восточной Африки, от Найроби до Хартума, от Эфиопского нагорья до снегов Килиманджаро, что-то происходит. Он не знал, идет ли речь о возрождении неизвестного культа в одном из кочующих африканских племен или же появилась какая-то опасная религиозная секта, но отовсюду поступали сведения о серии загадочных и очень похожих убийств. Некоторое время назад Урс решил «покопаться» в земле в районах, прилегающих к кенийскому озеру Рудольф, в палеоархеологической экспедиции, возглавляемой легендарным Луисом Лики, где и познакомился с Йоргеном Маклавски. Йорген был немецким поляком, влюбленным в Африку и уже много лет живущим в Кении. В Найроби Йорген слыл одним из самых модных охотников и проводников сафари, его услугами пользовались звезды и желающие встряхнуть финансовые мешки, но археология, а точнее, палеоантропология была его страстью. И если Йорген не выслеживал носорога, буйвола или льва, развлекая какую-нибудь заезжую знаменитость (Йорген никогда и ни с кем не делился сведениями о личных качествах своих клиентов; это было известно и это

ценилось), то его всегда можно было обнаружить у раскопок. Йоргену везло, его авторству принадлежало несколько удачных находок останков предков современного человека в танзанийской долине Олдовай и также в устье эфиопской реки Омо. И все же Йорген больше был веселым авантюристом, нежели рыцарем науки, иногда он продавал свои находки богатым коллекционерам, что приносило ему неплохие деньги.

Йоргена тоже не оставили равнодушным сообщения о серии загадочных преступлений, и когда некоторое время назад Урс связался с ним, он сказал буквально следующее:

— Слушай, Урс, действительно происходит что-то странное. Я готов поверить в легенду о Черном Ор-койоте... И ты абсолютно прав — подобных культов нет ни у масаев, ни у других нилотских племен, нет у банту, у суахили и нет у кушитов... Да этой хреновины, черт бы ее побрал, нет ни у кого из местных аборигенов... Это что-то абсолютно незнакомое. И ты ведь знаешь, мой бвана¹, я говорил об этом не только с белыми людьми... И то, что эти олухи из Найроби пытаются объяснить все стычками местных племен, конечно, откровенная чушь. Надо быть полнейшим идиотом, до сих пор предпочитающим детское питание «Хипп», чтобы поверить таким глупостям. Это либо кочующее племя, либо секта... Но явно нечто странное, незнакомое и перемещающееся. И опасное.

— Пожалуй, ты прав. — проговорил Урс, — это вовсе не местные ритуалы. Ведь кушиты и нилоты не только представители разных религий и культур, но даже разных человеческих рас. Но все так зловеще похоже...

— Послушай, Урс, мне кажется, было бы неплохо посмотреть на этих кровожадных плебоев. Ведь полиция, как всегда... да что о ней говорить! Словом, было бы неплохо организовать что-то вроде сафари.

— Я бы предпочел говорить об экспедиции.

¹ Бвана — господин (суахили).

— Да-да, конечно, научной экспедиции, оснащенной парой тяжелых пулеметов. Один из самых известных ученых и один из популярных охотников проводят совместную научную экспедицию... странный тандем, как считаешь?

— Я нашел еще одного странного человека, — сказал Урс. — Он русский, молодой профессор.

— Русский?! Очень мило, они там все странные... Неплохая подбирается компашка... Послушай, бвана, я согласен говорить об экспедиции, но, надеюсь, мы не станем давать объявление в газете?

— Ну разумеется...

— Потому что я прихвачу в нашу научную экспедицию папочку «М-16», а ты ведь знаешь наши законы...

— Тогда уж «СТЭН ган»¹, — усмехнулся Урс, — я патриот...

— Вот как?! Ладно. И один «калашников» для твоего русского друга. Надеюсь, он тоже патриот?

— Полагаю, что так, мой дорогой Йорген. И еще: официально тебя нанимает британско-кенийская экспедиция в качестве проводника для сбора этнографического материала.

— Бвана, тут спортивный интерес, ты же знаешь, что в таких случаях я работаю бесплатно. В конце концов, это и мое дело...

— Официально, Йорген. Экспедицию возглавляет мой давнишний знакомый Камил Коленкур, он как раз сейчас на озере Рудольф.

— Наслышан... Это тот экстравагантный француз, что летает на парашуте над плиоценовыми отложениями, нафаршированными доисторическими окаменелостями?

— Ты забыл добавить, что при этом он не расстается с галстук-бабочкой и является почетным членом, по-моему, десятка университетов. Так вот, в районе их лагеря произошло первое убийство, в общем-то Камил мне и сообщил, что дело странное. Видишь ли, он сказал мне, что дело очень странное...

¹ «СТЭН ган» — автоматическое оружие английского производства.

— Понимаю, иначе бы тебя и не вытащить в Африку. Иначе тебя не вытащить даже в соседнюю булочную.

— Ну да, я же председатель клуба домоседов... И еще: мне показалось, что Камил... ну... что ли, очень сильно встревожен, а он не относится к людям, которые пропустят завтрак только потому, что в доме пожар, а за окнами наводнение.

— Понимаю... Ты слышал о Черном Ор-койоте? Ходит в наших краях страшная сказочка...

— Кенийский вариант графа Дракулы? Дракула Йоргена Маклавски?!

— Зря смеешься — очень поучительная история. Когда я был бойскаутом...

— Ты не был бойскаутом. Ты сразу родился истребителем фауны, и вместо погремушки тебе всучили помповое ружье.

— И то верно, а ведь как могло все сложиться... Но с завтрашнего дня я накуплю сачков для ловли бабочек, увеличительное стекло с ручкой и вооружусь лишь улыбкой месье Паганеля... Чтобы не вызывать лишних вопросов. По-моему, ты имел в виду это, когда сказал, что мы едем собирать этнографический материал?

Основная часть британско-кенийской экспедиции работала в рифтовых долинах на загадочном, окруженном вулканами, труднодоступном озере Рудольф, где с заходом солнца вода меняла свой нефритовый цвет на непроницаемо-черный, превращая озеро в огромный зловещий провал, куда смотрелась головокружительно-звездная бездна африканского неба. Если и осталось в мире что-то первобытное, первозданное, жестокое и велико-лепное — так это африканская ночь. И в эту Ночь когда-то, настолько давно, что за толщей времен трудно что-либо различить, совсем под другой луной и под другими звездами из чрева дикого зверя, а может быть, из хаоса божественной глины вышел первый Человек. Рык золотогривого льва, предсмертный хрип его жертвы, трубный рев слонов и испуганное дыхание кареглазых

антилоп — все голоса ночи были еще его голосами. Он еще наполовину состоял из огня, как и эта пылающая Ночь, и ему было суждено угаснуть под утро, успокоиться в забытии облаканным божественным светом наступающего дня.

Ни сэр Джонатан Урсуэл Льюис, ни Профессор Ким, ни Йорген Маклавски и никто другой из тех, кто покинул в сентябре 1989 года Найроби и теперь двигался на север, к озеру Рудольф, не догадывался, что на самом деле они движутся навстречу этой Ночи, еще только слегка приоткрывшей свой грозный лик.

Больше чем через пять лет в самом центре Москвы откроется павильон суперкомпьютерных игр и маленький добродушный служащий извлечет на свет первый, еще совсем новенький компакт-диск с незнакомой и очень увлекательной игрой. Название — «Белая Комната». Потом еще и другие игры. Для каждого — своя игра. И везде будет присутствовать свет, льющийся свет... Так необходимый в Ночи, еще только слегка приоткрывшей свой лик... А еще через какое-то время маленького смешного человечка, рассказывающего им об игровых компьютерах «Амига» и о том, что «игрушки» в его салоне покруче, последний писк, ребята прозовут Робкопом. Так и поведется. И наверное, нет ничего удивительного в том, что никто, абсолютно никто не будет знать его настоящего имени.

Но это случится больше чем через пять лет. А когда они оказались в кенийской столице, наверное, первым, кто почувствовал, что дела обстоят несколько иначе, чем представлялось, был Профессор Ким.

Йорген хоть и отдавал себе отчет в том, что предстоящая экспедиция будет не совсем обычным приключением, некоторым образом отличающимся от его многочисленных сафари, думал скорее о трудной, быть может, довольно опасной, но все же волнующей работе. Он совершенно справедливо полагал, что шайка религиозных фанатиков или маньяков-преступников,творя-

щая здесь что-то вроде черной мессы, заслуживает наказания. Конечно, это дело полиции, и она уже в игре, но дружба Йоргена с профессором Джонатаном Урсуэлом Льюисом, попросту говоря — с Урсом, и собственная самозабвенная увлеченность Африкой заставляли думать, что они смогут отыскать некий код, ключ к происходящему. Все же Йорген Маклавски, быть может, был одним из последних настоящих авантюристов.

Урс же, прибывший в Найроби со своим секретарем мистером Моррисом Александером, гораздо более похожим на оксфордского профессора, чем сам сэр Льюис, вообще имел какое-то невообразимое видение ситуации. Еще в Вене, когда они наслаждались превосходным зальцбургским пивом в «Бир-клиник», он сказал Профессору Киму:

— Нет, действительно, наша встреча — некий знак. Уже хотя бы потому, что мы оба знаем о ней... Мы оба знаем об Атлантиде...

— Но ведь очень многие люди знают об Атлантиде, — улыбнулся Профессор Ким. — Еще древние греки знали о поглощенной морем Великой Земле за Геркулесовыми столбами...

— О нет, это совсем другое... И потом, я уверен, что Атлантида была мировой державой и находилась не там, где указывали античные авторы, по крайней мере не только в Атлантике. Но я понимаю, что вы имеете в виду... И я также понимаю, что для нас с вами это понятие вовсе не географическое и не историческое, а скорее духовное... Ведь правда? Когда вы рассказывали об Атлантиде, я внимательно наблюдал за вами и сказал себе: вот еще один человек, больной этой восхитительной болезнью! Атлантида — далекая сказочная прародина Человечества, связывающая его с временами, когда миры были значительно ближе. И печаль по утраченной космической Родине — нормальное состояние чуткой души... — Урс замолчал. Потом внимательно посмотрел на своего коллегу и проговорил: — Вы ведь знаете что-то... Ведь правда? И я вас не спрашиваю об источнике этого знания... Потому что я знаю, откуда оно...

Профессор Ким бросил быстрый взгляд на собеседника.

— Да-да, — улыбнулся Урс. — Я знаю, откуда оно... Но вы обладаете гораздо большей силой. Мои знания в основном почерпнуты из книг — это мой особый мир, — они результат многолетней упорной работы и опыта. Вы же можете читать книги, не всегда принадлежащие этому миру... Я прав? Если мы постараемся соединить мой опыт и вашу... силу, нам, наверное, удастся понять, что за зверь разгуливает сейчас по Восточной Африке.

Еще находясь в Лондоне, Урс попросил Йоргена Маклавски собрать некоторую информацию ко времени их встречи в Найроби. Йорген эту просьбу выполнил, и сейчас, разглядывая фотографии, сделанные полицией на месте преступлений, Урс лишь слегка качал головой. Потом он сказал:

— И этот нилотский старик в желтых одеждах, он ведь тоже, так сказать, священнослужитель? Шаман?.. Я хотел сказать — был... Он масаи?

— Жрец — ойибун, — подсказал Йорген. — Был...

— А вот пигмей — Король Пчел... Господи, несчастный...

— Он не пигмей, — сказал Йорген, — он ндоробо, это другой народ. Они живут в горах... Говорят, что Король был знахарем ндоробо и действительно повелевал пчелами. Видишь ли, Урс, пчелы в Африке очень ядовиты и агрессивны, и аборигены страшатся их пуще львов... По крайней мере, жившие вокруг эфиопы-кушиты побаивались старика. Когда-то он наслал на своих врагов пчелиный рой. Но теперь его нет, и пчелы ничем не помогли ему...

— А это что?

— Горы Купал, считающиеся священными. На их склонах туземцы-самбуру пасут стада. Ты прав, Урс: и этот был религиозным лидером... Но что это нам дает?..

— А тот старик, в желтом, тоже был убит, так сказать, в «священном месте»?

— Да, в Горах Ребенка... Для масаи это место то же самое, что Мекка для мусульман. Там у них проходят обряды инициации.

А нижняя фотография — это уже намного южнее, пик Кения. Там живут банту-кикуйю. Этот был местным колдуном. Как видишь, картина везде одинаковая... Кстати, на горе Кения обитает их божество Мвене-Ньяге...

— Война против «священников»?

— Вряд ли... Скорее совпадение, в Африке не убивают святых людей. А если б это были белые, мы бы знали, местные племена давно бы их выследили... Нет, действительно скорее совпадение, тем более что были еще и другие.

— Дорогой мой Йорген, должен тебя разочаровать, — проговорил Урс. — Это вовсе не совпадение... То, что собрал ты и что удалось разузнать мне, говорит о другом. Все несчастные были или религиозными лидерами, или колдунами, знахарями-посредниками, шаманами, или их учениками. И все убийства, может быть, жертвоприношения, явно «ритуальные», и потом... почему-то происходят в «священных местах»! Единственный белый также был миссионером...

— «Убийство миссионера», — задумчиво проговорил Йорген. — Помню, громкое дело... Но убийцы найдены и во всем сошлись. Миссионер заехал далеко на север, в засушливые земли, его попытались сначала ограбить. Но это были местные африканцы-степняки. Писали, что они находились в состоянии транса. Кстати, этот миссионер был не единственным белым...

— Дорогой мой Йорген, — печально улыбнулся Урс, — теперь я могу утверждать, что это не совсем так. О несчастном миссионере говорили и писали не без доли комизма, что известный и уважаемый человек в последнее время превратился в некое забавное подобие «свирепого» пророка. Какой-то шутник-писака даже вспомнил в этой связи фильм «Экзорцист»¹... Да, некоторые его заявления были странны, как, к примеру, последняя запись в дневнике накануне убийства: «Еду на север... они там. Я не дам Зверю восстать»...

¹ «Экзорцист» — «Изгоняющий дьявола» — на шумевший голливудский фильм ужасов.

Право, забавно — взрослый человек играет в персонаж дурацкого фильма ужасов. Если б на следующий день он не был убит..

— Но, Урс, не относишься же ты к этому всерьез? Я говорю о персонаже дурацкого фильма...

— Ну разумеется, разумеется... Однако вполне разумно предположить, что старик знал что-то о «нашей» секте или кочующем племени, словом, о «нашем» культе. Назовем это нечто, вслед за стариком, Зверем...

— А нашу экспедицию — охотой, — ухмыльнулся Йорген.

— Допустим... Допустим также, что старик писал не об абстрактном Зле, а о конкретной религиозной секте, группе людей, но в свойственной ему манере, возможно даже, что он их преследовал и был убит.

— Урс, мне кажется, ты увлекаешься. Преступники давно найдены, и суд состоялся.

— Йорген, это лишь предположение, и я вправе развивать его дальше. А что если кто-то просто не захотел раскалять страсти: в разгар туристского сезона какие-то зловещие секты и прочее... Легче осудить местных пастухов, даже не понимающих, в чем дело, — ведь они находились в состоянии транса. Это всего лишь предположение, но оно основывается кое на чем любопытном. Джентльмены, я могу утверждать совершенно точно: все эти события одного ряда. И все они восходят к одному очень древнему культу... Культу давно забытому, сохранившемуся лишь в некоторых редких книгах. Настолько древнему, что его спонтанное возрождение здесь практически исключено. Описание этого обряда можно найти лишь в нескольких библиотеках Европы, быть может, в паре университетов Северной Америки, да и то надо иметь специальную подготовку... Видишь ли, слишком незаурядные люди обнаруживают знакомство с нашим предметом.

— Незаурядные люди?! В каком смысле?

— Ну, к примеру, один британский герцог, основоположник современной философии, автор знаменитого «Нового органа» и других фундаментальных трудов... Я говорю о лорде Фрэнсисе

Бэкон; кстати, до сих пор не прекращаются споры о том, что именно этот человек стоял за бессмертными творениями Уильяма Шекспира. Также мы вправе вспомнить великого Леонардо...

— Леонардо?! Это какой такой Леонардо? — Йорген был слегка озадачен. — Уж не хочешь ли ты сказать...

— Да, мой дорогой Йорген, именно. Леонардо да Винчи! Любопытное соседство, не правда ли? Там же мы находим крупного государственного мужа — барона Бульвера Литтона, одного из самых блестящих эрудитов своего времени, автора знаменитого романа «Гибель Помпеи»... Позже это Бернارد Шоу, Анатоль Франс... Можно упомянуть множество крупных ученых, на чьих трудах держится современное научное знание. Можно упомянуть также Рудольфа Штейнера, известного своими открытиями в области биологии, медицины и педагогики и выступившего вдруг с рядом книг об Атлантиде и о странной науке, названной им тайноведением. И этот список можно продолжить... Всем этим людям не давали покоя звезды, и всем им не давала покоя луна. Наверное, они слышали магический зов Прошлого... Но в любом случае перед нами не один из многочисленных оккультных или теософских кружков — я говорю о ярчайших умах человечества...

— И что, они все практиковали этот... это?..

— Нет. Но они знали, что это существует. Они знали о древней магии и знали, чем была Атлантида...

— М-да!.. — Йорген еще раз посмотрел на разложенные перед ними фотографии. — Надеюсь, все эти великие умы не были тайными костоломами и скрытыми садистами?

— Разумеется, нет, — улыбнулся Урс. — На этот счет можешь быть спокоен. Мистер да Винчи не носился по ночной Флоренции с целью выкрасть новорожденного младенца...

— Бог его знает — мир всегда был сумасшедшим. Поэтому у нас в Африке вызывают подозрение люди, не пьющие виски... Ну и что ты думаешь по этому поводу?

— Увы, Йорген, я пью виски, поэтому у меня нет готового ответа...

— И как же вся эта хренотень могла сюда попасть?

— Вот это самое непонятное. Я бы хотел избежать крайностей, но все же придется признать, что мы видим проявление черного магического культа явно не местного производства. Я не знаю, почему именно здесь и сейчас, но был бы не прочь это выяснить. Надеюсь, как и ты, Йорген, как и наш молодой друг из России.

— Значит — Европа, — задумчиво проговорил Йорген, — европейское образование... Я всегда говорил, что цивилизация умирает, подходит к своему концу.

— Примерно так же рассуждал один господин, — улыбнулся Урс. — Звали его мистер Шпенглер...

— Возможно, все возможно... — Йорген еще раз посмотрел на фотографии. — Европа... Все же прав был Артюр Рембо, когда сбежал сюда, в Африку. Может, какой-нибудь местный царек, окончивший, скажем, Сорбонну, нахватался там всякой чушатины, завел дружбу с подозрительными типами... Знаешь, как бывает — начитался книг, ничего не понял, а теперь у него отъехала крыша?

— Может, и так, — согласился Урс. — Но, как ты выразился, нахватался в полной мере, всерьез, и крыша у него отъехала туда, откуда уже не вернется...

— В любом случае, — проговорил Йорген, — он заслуживает хорошую пулю, и здесь ему не поможет его магия.

— Не будем опережать события. — Урс посмотрел на Профессора Кима. Тот молча слушал их разговор и за все это время не проронил ни звука. — Зверь силен и опасен.

— Разумеется, — усмехнулся Йорген. — Но я еще не видел ни одного зверя, который бы устоял перед «М-16»...

Великолепный сероглазый охотник Йорген Маклавски ошибался. Сэр Джонатан Урсуэл Льюис открыл лишь первую страницу в истории, которая затянется на несколько лет, и вряд ли в тот момент он до конца осознал, что прочитал на этой странице. А Профессору Киму тогда вдруг показалось, что нечто подобное с ним уже было или должно случиться... И что дела обстоят не совсем так, как они предполагают.

20. Сумрак

Действительно, первым, кто понял, что дела обстоят «не совсем так», был Профессор Ким. Мадам всегда утверждала, что Профессор «чувствует неладное». В каком-то смысле она была права, и Профессор знал об этом — Мадам имела все основания для подобных утверждений.

Вечером, накануне отъезда из Найроби, этого респектабельного, даже чопорного европейского города, перенесенного в Экваториальную Африку, они решили заглянуть в «Сафари-клуб». Йорген объявил, что для скорейшей акклиматизации надо выпить джина. Он посоветовал Профессору Киму взять какой-то пестрый коктейль, напоминающий миниатюрный оазис в здоровенном широком стакане.

— «Пьяный марабу» — вещь, — похвалил Йорген, указывая на коктейль. — После первой порции вам захочется послать все к черту, после второй вы скорее всего обнаружите себя в полицейском участке, куда попали за дебош, и если вы закажете третью порцию, то я лучше прямо сейчас отправлюсь домой...

— Идите, Йорген, идите, — согласился Урс. — Мы с Профессором сразу закажем по третьей...

— Нет уж, я лучше приму контрмеры — «Пылающий бомбардировщик», или как там у них это называется...

И тогда Профессор Ким почувствовал легкий укол в висках, но очень быстро все прошло — его мозг отогнал давнее тревожное воспоминание. Однако...

— Послушайте, Урсуэл, и вы, Йорген, — проговорил Профессор Ким, — может, это все от длительного перелета, акклиматизации, но меня не покидает одно странное ощущение... Я впервые в Африке — так сказать, стране детских грез. И не мне учить вас, людей бывалых, искушенных и, как я сегодня убедился, в некотором роде — легендарных...

— Урс, — усмехнулся Йорген, — твой знакомый опять принимает меня за Нельсона Манделу?

— Увы! — Сэр Льюис вздохнул и пожал плечами.

— А вообще — это твой знакомый? — спросил Йорген.

— В первый раз вижу... Друзья зовут меня Урсом и не делают попыток выставить большим важным Архивным Червяком. — Урс обиженно вскинул голову и поинтересовался: — Может, это твой приятель, Йорген?

— Может, и так, — согласился Йорген, — только я об этом пока ничего не знаю.

— Выпей, может, вспомнишь... Говорят, помогает.

Профессор Ким улыбнулся. Потом окинул взглядом своих собеседников и произнес, еще более утрируя свой и без того довольно заметный акцент:

— Ай бэк е пардон. — Он читал и писал по-английски, но, наверное, ему всегда не хватало разговорной практики. — Приношу свои извинения... Дело в том, что я иностранец, проездом, так сказать, в поисках экзотики. Говорят, в этом баре можно найти парочку местных пропойц, один из которых выдает себя за известного охотника, а другой — нет, представьте! — за оксфордского профессора.

— Иностранец, а как осведомлен о наших делах, — похвалил Йорген. — Охотником стану я после пары рюмок этого пылающего коктейля...

— Слабак! — воскликнул Урс. — Я продержусь до пятой, прежде чем вспомню Оксфорд.

— А кстати, что это за штука? — Профессор Ким с удивлением смотрел на трехслойный коктейль в небольшой рюмке — верхний бесцветный слой горел голубым пламенем.

— Здесь это называется «Бэ пятьдесят два»... Так же зовется американский бомбардировщик. Допиваешь — и чувствуешь себя эскадрилей стратегической авиации, выходящей на цель...

— Точно, — обрадовался Урс, — шпагоглотатели, пожиратели огня... Нам надо заказать то же самое. Получится оксфордский бомбардировщик Маклавски — Ким.

— Тихо, осторожней. — Йорген опасливо озирался по сторонам. — Это — запрещенное оружие.

— Тогда по глотку и вперед! Заодно отловим наших колдунов-людоедов...

— Больших ценителей старины, — усмехнулся Йорген.

— Вобьем осиновый кол, — с театральной торжественностью произнес Ким.

— Отлично! Отпил — увидел — разбомбил!

— За Кесаря и его сечение!

— За харакири, за банзай, за «Панасоник»... Янки, гоу хоум!

— Все женщины равны! — произнес Урс.

— А мужчины — ровнее, — добавил Йорген.

— А Чарлз Дарвин — лучший друг обезьян, — сказал Профессор Ким. — И все же мы не совсем верно себе представляем, с чем столкнулись. У меня есть... — Профессор Ким на миг замолчал.

НЕ СОВСЕМ ТАК.

Рука непроизвольно потянулась к голове, чуть выше линии лба. Он понял, что может сейчас случиться, и очень бы хотел, чтобы этого не произошло. Вдруг незаметно большой теплой волной подкатило ощущение, что все это с ним уже было... Бар, наряженный, как рождественская елка-пальма, коктейль-бомбардировщик и дурашливый настрой вовсе не отменяют смутную невысказанную уверенность, что ЧТО-ТО не так, что, двигаясь по кругу, опять проходишь то место, где надо что-то исправить, и тебе опять не удастся... Такое острое ощущение дежавю обычно предшествовало падению ТУДА. Но Профессор Ким давно научился с этим справляться.

— У меня есть ощущение, что мы столкнулись с чем-то более странным, нежели фанатики, исповедующие какой-то древний жестокий культ. Мы, вполне возможно...

Профессор Ким не договорил. Потому что его взгляд упал на что-то... мгновение назад он понял, что должен сейчас увидеть... Нечто ОТТУДА опять находилось здесь. Станный, очень красивый темнокожий человек за стойкой сейчас наблюдал за ним.

Удивительные, быть может, прекрасные глаза, полные доброты, бесконечного понимания и печали. Утонченные, вызывающие воспоминания о Модильяни пальцы, древнее золото колец, люющее как ослепительный, освобождающий свет. Тихая лунная вода, уснувшая внутри камня, — ПЕРСТЕНЬ — бушующий огонь в объятиях морей смерти — перстень как знак, как напоминание... Дежа-вю и холодный пот под нарядной светлой рубашкой... Профессор Ким снова провалился ТУДА, но всего лишь на миг, он быстро овладел собой. За столько лет он научился с этим справляться, научился побеждать, и ЭТО боялось его. И если тому, что случилось больше тридцати лет назад, а потом ушло в подсознание вечным подстерегающим воспоминанием, удавалось подкрасться незаметно, пытаясь застать врасплох, то очень быстро Профессор Ким становился хозяином положения. Потому что он научился с этим справляться, он не боялся ЭТОГО. Он не боялся Сумрачной страны. Профессор Ким взял себя в руки. Он не боялся Сумрака, тревожен мог быть лишь переход, вызванный незапной ассоциацией или спровоцированный таким вот ощущением дежа-вю, когда нечто оттуда вторгалось в реальность. Но страха не было, потому что тогда, больше тридцати лет назад, он прошел дальше Сумрака и видел чудный сад, напоенный светом распустившихся цветов. И этот свет вошел в него, рассеяв сумрак почти без остатка, загнав его глубоко, сжав в маленькую пружинную точку. Тридцать лет назад...

...Морской город залит солнцем, пляж и большое белое здание с колоннами — СТАЛИНСКИЙ АМПИР — странное сооружение для пляжа. Перед колоннадой — большая серая гранитная лестница. Из того же тяжелого гранита с острыми выступающими краями сделано основание под белыми колоннами. Двоюродный брат — ему нет и семи — убегает вверх по лестнице. Ким — он младше почти на два года — догоняет. С боков, обхватывая лестницу, те же массивные белые колонны, от них в разные стороны расходятся балюстрады. Внизу асфальт размяк от зноя.

Ким слышит голос своего дяди:

— Эй вы, бандиты, осторожно там бегать!

Брат уже наверху, он скрывается за колонной, но хитрит, на балюстраду не выбегает, прячется там. Ким решает обойти колонну с другой стороны, шагнуть с лестницы прямо на балюстраду. Под ним — метров десять. Надо только обхватить эту дурацкую толстую колонну, и тогда нога дотянется. Обязательно дотянется. Ким делает шаг и сильнее прижимается к колонне. Она слишком толстая, ее нельзя обхватить. Под ним пустота, рука скользит по белому гипсу сталинского ампира. Он слышит чей-то чужой испуганный крик: «Ребенок!!!» — и срывается, падает вниз. Он ударяется головой о выступающее гранитное основание здания совсем рядом с размякшим асфальтом и продолжает падать дальше. В темноту.

...Сильно пахло эфиром в смеси с медицинским спиртом и чем-то еще — пугающие запахи больницы, запахи беспощадной стерильности стеклянно-металлических предметов (шприцы? бормашины?). Они умеют причинять боль, лишь только окажешься в их власти. Маленький Ким открыл глаза в отделении больницы КГБ (то ли она оказалась поблизости, то ли там работал кто-то знакомый — это все уже давно забылось). Склонившиеся над ним люди были в белом, и их шапочки почему-то показались огромными, невероятно высокими колпаками, как у звездочетов в книжке с картинками. Еще почему-то все они выглядели нереально, как будто снились. Чуть выше линии лба мальчику наложили множество швов. Этот шрам, скрываемый волосами (первая седина появится только в тридцать пять лет), остался до сих пор. Среди множества лиц он сразу увидел маму, но удивительно (разве мама — врач?), она тоже была в белом. Мальчик попросил пирожные — обычно в это время после пляжа они заходили полакомиться пирожными «картошка» с молочным коктейлем. Потом все лица растаяли, а мамино осталось. Улыбаясь этому лицу и любя его, он и уснул, и все тревоги рассеялись.

А тревоги были. Что-то очень странное случилось с ним, прежде чем запахло больницей. Он снова открыл глаза — что-то, оставшееся по ту сторону запаха эфира, еще было здесь, потом оно медленно растворилось в знакомых и понятных очертаниях окружающего. Ему принесли пирожные. Кто-то другой, не мама. Пирожные, которые он очень не любил. Это были большие крошачьи белые безе.

Позже, когда все прошло и страшное слово «кома» уже давно осталось позади, тревоги появились у родителей.

Сначала дом наполнился рисунками. Мама, мать — Анна-Благодать, как шутя называл ее отец, или Королева Фей (версия Кима), несколько месяцев пыталась делать вид, что ничего особенного не происходит. Потом она не выдержала. В их маленьком счастливом королевстве начали происходить весьма тревожные вещи, и не замечать их дальше она уже не могла. Все чаще на глаза попадался один и тот же рисунок: какая-то странная СПИРАЛЬНАЯ БАШНЯ на весь лист. Было видно, что малыш очень сильно давил на карандаш. Иногда башня была меньше, и тогда по краям пририсовывались какие-нибудь человечки, деревья, домики... Милые детские каракули, очень симпатично. Одна и та же башня в разных модификациях и по несколько раз в день, в течение всей последующей за травмой осени, и вот уже начало зимы. Можно считать это просто милым?! И тут она вспомнила еще кое-что (интересно, были уже тогда рисунки?).

Стояла чудная, прямо-таки болдинская осень, и все маленькое счастливое королевство, собственно, всего три его обитателя, решило отправиться в Царицынский парк. Столько солнца над Москвой бывало только в детстве — у каждого в своем, а сейчас все они были напоены детством маленького Кима. Словно зажженные осенним огнем, полыхали на ветру факелы-клены, и

зелеными ракетами устремлялись в синеву старые ели и раскидистые сосны. Царственные аллеи, пушкинские сны, императорская державная Россия...

Они давно с мужем не были в этом парке (хотя, помнится, именно здесь они кормили уток, говорили о новом итальянском кино, о молодом Федерико Феллини, а потом целовались до одури...), а малыш Ким не был ни разу. От дворца (он и тогда стоял весь в лесах, а сейчас она подумала, что дворец постоянно находится в состоянии вялотекущего ремонта или распада) через весь парк вела аллея, пересекающаяся с другими, так что можно было вернуться обратно, к железнодорожной станции. Они шли, собирая самые красивые опавшие листья, малыш Ким без конца задавал свои «почему», а аллея часто поворачивала, открывая то уютные скамеечки с целующимися парочками, то детские качели, то вырезанных из дерева медведей. И неожиданно появилась мысль, которую она столь успешно отгоняла все это время: что бы со всеми ними было, если б два месяца назад, когда малыш упал с этой лестницы, им не удалось... кома... Нет. Нет! Она больше думать об этом не собирается... Все — запрет!

— Нам туда поворачивать нельзя, — услышала она голос сына, — там большая хлюпающая лужа.

Малыш говорил об этом совершенно спокойным и уверенным голосом знающего человека. Она тогда улыбнулась — ну откуда он может это знать, маленький выдумщик?! Аллея перед ними делала очередной поворот, но прямо через лес убегала веселая петляющая тропинка.

— Пап, за поворотом — лужа... лучше по тропинке.

— Что-то не похоже, вроде бы сухо. — Отец нарочито поднес руку к глазам, всмотрелся вдаль, принюхался. — Духи леса говорят, что все в порядке. Идем, Маленький Фантазер, Смотрящий Сквозь Деревья.

Но там действительно была лужа. Большая и хлюпающая. Дорога шла вниз, и ее размыло. Они решили обойти лесом, но под золотым слоем опавшей листвы была влажная засасывающая

грязь. Большая хлюпающая лужа. Они прилично промочили ноги. Попали в самую грязюку, как потом Ким восторженно сообщал бабушкам. Но прогулка была испорчена, пришлось возвращаться.

— Ты оказался прав, — сказал отец печальным голосом. — Придется подавать в отставку... Акела промахнулся!

— Не, пап, не надо. — Малыш был очень доволен. — Я ж просто так сказал...

— Как теперь в глаза смотреть нашей мокрой маме? — продолжал отец печально. — Ты не знаешь? Как обычно поступают с промокшими мамами?

— Не, пап, не знаю...

— Ладно уж, Сусанин. — Она рассмеялась и слегка покраснела. — Так и быть, я тебя прощаю. Но обещай, что в будущем будешь слушать Великого Маленького Следопыта. Его имя Ким — Соколиный Глаз.

Казалось, малыш сейчас лопнет от переполнявшего его восторга. И это не страшно, что промокли ноги. Совсем не страшно. Бывают на свете вещи и пострашнее. Например, когда рисунков становится больше.

А рисунков действительно становилось больше, как и странных событий, сопровождающих их появление. Накануне защиты кандидатской диссертации отец — позже он защитил докторскую, но все же не стал по-настоящему крупным ученым, оставаясь в могучей тени деда, — вошел в свой кабинет и обнаружил на столе раскрытую на странице 185 книгу — сборник под общей редакцией профессора Бабаева. Бабаев хоть и слыл научным авторитетом, все же воспринимался молодежью как символ, осколок уходящей эпохи. На дворе стояла оттепель, над двором дули свежие ветры перемен. Однако его побаивались, он ценил лесть, был властолюбив и злопамятен. К счастью, на предстоящей защите Бабаева не должно было быть, и отец как-то забыл о существовании его книги. Зато прекрасно помнил, что не брал ее с полки. Однако пробежал глазами несколько абзацев...

На следующий день, уже обдумывая, кого приглашать на предстоящий банкет, он радостно сообщил жене:

— Нет, ты представляешь, этот старпер, пардон... Ким, малыш, это как раз одно из немногих папиных слов, которые запоминать не обязательно... Словом, Бабаев, наш восточный деспот, прикатил из Ленинграда именно в это утро и явился на защиту. Нет — ты представляешь?! И не лень... Говорят, у него на моего старика зуб... Все сразу притихли, а он давай гонять по монографиям. Но там все общие места — списано ж у великих... И тут он вспоминает свою самую бездарную книгу и свой самый бездарный посыл... Извини, тот, кто знает содержание страницы сто восемьдесят пять (большей ахинеи свет не видывал), тот — скрытый поклонник профессора Бабаева, проштудировавший все грандиозные труды автора Великого Учения. Как ты понимаешь — это все, что я из него знал. И это все, о чем он меня спросил! Далее маразмизирующий — Кимушка, закрой ушки — восточный деспот смотрел на меня как на единственного родного сына! Нет — ухочечься! И все же кто из вас проинтуичил достать эту книгу?

— Не я, — совершенно серьезно сказала мама.

Анна-Благодать разделяла радость отца, но все больше тревожилась за малыша Кима. Она не доставала эту книгу, не открывала ее на бездарной странице 185. И ей все труднее удавалось убедить себя, что это обычное совпадение.

Тогда, больше тридцати лет назад, малыш Ким ничего не знал о тревогах своей мамы. И он вовсе не догадывался, что с ним происходит нечто особенное. У него были дела поважнее. Правда, он немножко боялся, что эти дяди и тети в белых колпаках звездочетов снова придут к нему и сделают больно. Но они не приходили, когда маленький Ким играл в своей комнате или раскладывал цветные карандаши и бумагу, а комнату постепенно наполнял слабый запах эфира. Сначала он думал, что это их запах. Что они уже пришли и сейчас в коридоре договариваются с мамой, как забрать его в боль-ни-цу. Где так много стеклянно-

металлических предметов, которым очень нравится причинять боль. Но они не приходили, хоть запах эфира становился сильнее. А потом он чувствовал что-то странное. Что-то подкатывало большой теплой волной, ласково струилось вдоль тела, забирало его с собой, растворяло в теплом бархатном течении...

Сколько это продолжалось, малыш не знал. Для него еще не существовало осознания хода Времени, как у взрослого, но когда он возвращался, его рука, с силой сжимающая карандаш, описывала на листе бумаги спиральные круги. На чистом листе бумаги, начиная снизу и все более устремляясь вверх, росла спиральная башня. Потом он рисовал башню по памяти, и иногда возникали разные картинки.

Если смотреть на них достаточно долго, ну и, конечно, если в комнате никого нет, то могло произойти кое-что. И вот это кое-что и было самым интересным. Потому что иногда картинки... оживали.

21. Сумрак (продолжение), или Воспоминания у стойки бара

Профессор Ким быстро взял себя в руки. За столько лет он научился с этим справляться. Зрение Профессора сузилось и сначала отыскивало посреди огромной Африки, накинувшей мантию ночи, огни кенийской столицы, затем веселый бар в «Сафари-клуб», коктейль-бомбардировщик, божественное «Мама» Фредди Меркьюри, охотника из буша, чуть обеспокоенный взгляд Урса... Что-то было не так, очень сильно не так. Что-то оттуда опять находилось здесь. Только уже очень давно подобное вторжение не

было таким сильным. Уже давно грань, воспринимаемая в детстве как сгущающийся запах больницы, не была столь тонкой.

— Дорогой мой, что вы имеете в виду? — Урс улыбался, и голос звучал ободряюще, но Профессор Ким все же успел увидеть тревогу в его взгляде. — У вас есть ощущение, что мы столкнулись с чем-то более странным?..

Но действительно, что он имеет в виду?! Мы не совсем верно представляем себе, с чем столкнулись... С чем-то более странным, чем... Чем реальность?! Чем Евклидово пространство или здравый смысл?! Чем завтрашняя газета? Чем «я сначала тебя ущипну, а потом ты запишишь...»? А если когда-то ущипнули так сильно, что «запишишь» растворилось и осталось навсегда? И теперь начинает пищать еще до того, как твои пальцы потянутся к моей коже?.. Ну-ка попробуй теперь — ущипни! Не получается?! Так что же он имеет в виду?

А помнишь Ральфа, твоего чудного сенбернара? Тебе было два годика, когда его принесли, теплый пушистый комочек. А когда тебе исполнилось тринадцать, у Ральфа отнялись задние ноги, и полгода пес мучился, волоча за собой заднюю часть тела. И вся семья заливалась слезами, пока не приняла гуманное решение — пса усыпить. Только у тебя в голове это решение не укладывалось. Все равно ты считал это убийством. И в тот день, когда ОНИ (со стеклянно-металлическими предметами наперевес) приехали, пес это почувствовал. Странно, у вас в доме всегда было много разного народу, но пес почувствовал, что пришли за ним. И какая бесконечная печаль и мольба были в его преданных глазах. Но отец был непреклонен, а Королева Фей, обливаясь слезами, говорила, что он прав. А потом, когда стеклянно-металлические предметы уже жадно всосали смертоносную жидкость, пес завыл.

(Через пять лет завоюет другой пес, и этот вой, оживший над Москвой, услышит другой мальчик; только Профессор Ким об этом пока ничего не знает.)

Ты помнишь этот вой? Они сказали, что у мальчика истерика, а ты раскидал стеклянно-металлические предметы, обнял ста-

рого Ральфа — ты чувствовал, какой он был горячий и как стучало его усталое сердце, — и сказал, что пса не отдашь... И они ушли. Но перед этим они собирали свои пожитки, состоящие из запаха, стекла и металла, они прятали их с обрывками холодно-го звона в черной пасти саквояжа, и ты видел, как медленно и нехотя закрываются двери Сумрачной страны. Твои родители еще продолжали извиняться, провожая гостей у двери, а Ральф уже развеселился. Он даже попробовал подняться на все четыре лапы, и, честное слово, на мгновение, всего лишь на секунду, ему это удалось. Он сделал подарок тебе. Щенок, теплый пушистый комочек, с которым вы вместе росли, сделал тебе еще один подарок. А ночью, ближе к утру, Ральф умер. Ты никогда бы не сказал о своей собаке — издох. И ты плакал, но сердце твое было спокойно. Ты что-то знал, и от этого внутри тебя было светло. Когда твой пес, твой старый друг умирал, в этот момент его не жалели, его любили. В тот момент, когда уже безвозвратно повеяло холодом с долин Сумрачной страны и пришла последняя пора уходить, твой пес не был окружен жалостью, он был окружен любовью. Пес это знал — его любили. И ты это знал. И внутри твоих слез было светло.

Так что же все-таки ты имеешь в виду?! А то, что не получается. Ущипнуть не получается. С тех самых пор! И быть может, это и есть оставшийся подарок старого Ральфа. Далеко за Сумрачной страной ты видел Чудный Сад, напоенный светом распустившихся цветов. А потом с тобой начали происходить странные вещи. Сейчас ты знаешь, как это называется... И знаешь еще многое. Ты рисовал спиральную башню и другие картинки. А если иногда картинки оживали, они рассказывали разные истории. И это очень пугало маму. Потому что многие из этих историй сбывались. Пока однажды ты не нарисовал свой двор.

— Кимушка, но у тебя сначала идут гаражи, а потом детская площадка. — Мама держала в руках рисунок и смотрела в окно. — А на самом деле — наоборот. А что это внизу, красное?

— Мам, я это так, просто нарисовал...

А потом в дальнем крыле вашего дома, в квартире приятелей отца, произошел пожар. Они прилично пострадали, эти приятели отца (кстати, маме они очень не нравились), и то из вещей, что еще можно было восстановить, решили перенести к вам. Пока закончится ремонт. Отец и мама им помогали. Там, в погорелой квартире (ее запах еще долго жил в вашем доме), мама выглянула в окно. Она прислонилась к черной обугленной стене и тяжело вздохнула. Сначала шли гаражи, а потом детская площадка. Как на твоём рисунке. Только ни мама, ни ты здесь прежде не были. И еще мама поняла, что это за красное огненное было пририсовано внизу. Милый детский рисунок, яркий, с очень неожиданным сочетанием цветов. Чтобы нарисовать так, надо было находиться у этого окошка и в тот самый момент, когда в доме полыхал пожар.

После этого тебя снова начали таскать в больницу, но больно уже не делали. Как сказал папа — все это ерунда, просто надо провести комплексный анализ. Но все равно было мучительно и нудно. Особенно когда тебе задавали разные вопросы. Именно тогда ты пришел к выводу, что большинство взрослых скорее всего не вполне нормальные люди. А ты оказался полностью здоров. И тогда вмешался дед.

— Оставьте мальчика в покое, с ним все в порядке, — сказал дед.

— Но, папа, ведь эти рисунки... — попробовал возразить отец. — Это же не укладывается ни в какие...

— И никому ничего не рассказывайте... А с рисунками — разберемся. Это дело нашей семьи. Мальчишка здоров — и ладно. Со временем все пройдет.

С тех пор дед стал часто бывать у вас в доме и много времени уделять тебе. А в тот год, когда умер Ральф, ты уже точно знал, что пойдешь по стопам деда. Странно — не отца, хоть они оба были учеными, а деда.

И ты запомнил, что сказал тебе дед. Твой любимый и несколько строгий дед, бывший крупнейшим специалистом в стране в области изучения мозга. Он сказал тебе о твоём даре, который

мог стать проклятием. И он научил тебя не бояться дара. Он подвел тебя к барометру. На улице шел дождь, но стрелка уже показывала «ясно» — завтра будет хорошая погода. Давление сменилось — стрелка показывает «ясно», это уже произошло, хотя на улице идет мелкий бесконечный дождь. А скажи ты кому-нибудь: «Завтра будет солнце», — тебе либо не поверят, либо посчитают за предсказателя. Но ты вовсе не предсказываешь будущее, потому что уже все произошло, давление сменилось и стрелка показывает «ясно», ты просто подходишь к барометру и видишь. Что-то вроде такого барометра оказалось у тебя в голове. И когда ты рисуешь спиральные круги на листе, ты просто смотришь на этот барометр. И здесь нет ничего такого, что должно вызывать твоё беспокойство. Только лучше об этом особенно не рассказывать — не все смотрят на это, как твой дедушка. Но знаешь, человека, который изобрел первый телескоп, чуть не сожгли на костре. Конечно, таким мальчикам, как ты, это не грозит, но знай, что мир так устроен. Вырастешь — мы еще вернемся к этому разговору. Обещаю.

Но когда ты вырос, ты многое понял сам. Ты понял, что тогда тебе удалось сделать шаг, отделяющий твой дар от безумия.

Ну так все же, что ты имеешь в виду?! Сейчас, за одну секунду, пока еще звучит вопрос Урса и Фредди Меркьюри все еще поет вступительные такты «Богемской рапсодии», ты вспомнил чуть ли не всю свою жизнь. И что ты имеешь в виду?

В тот год, когда ушел Ральф, много всего случилось. Вы с Артуром начали создавать свой Орден Белых Рыцарей. А потом втянули туда Олежу и других ребят. Это было здорово и продолжалось довольно долго. Сейчас, наверное, все забыли эту детскую игру. Для многих она была вроде игры в индейцев. Для многих, но не для вас троих.

Что-то еще произошло в этом году. Тоже очень важное и каким-то образом связанное со всем остальным. Оля Осминкина... В классе ее звали Осмой. Она не была ни прелестной, ни просто

милой. С ней никак не могло быть связано понятие первой любви. Вы влюблялись тогда совсем в других девочек. Осма была крупная, с ярко выраженными формами, груди ее стояли торчком, как два тарана. Она уже в шестом классе начала нещадно краситься, за что вечно имела неприятности, кроме того, она якшалась со старшеклассниками. Но вас-то она не интересовала. Вы тогда писали трепетные подростковые стишки своим худеньким, восторженно оберегаемым дамам сердца, а веселая грубоватая Осма говорила такое, что у вас краснели уши. Пока внезапно не выяснилось, что Осма любит некоторые игры, вовсе не оставляющие вас равнодушными. Это называлось «зажимать». Осме нравилось, когда ее зажимали в раздевалке, в узком проходе, полном мягких зимних вещей. И вы начали караулить Осму после уроков, чтобы в дальнем закутке полутемной раздевалки прижаться к ее упругому крупному телу, имеющему почему-то терпкий запах ореха, и мучительно борясь с желанием рук коснуться ее запретных, невыносимо манящих мест. Она была тогда гораздо спокойнее вас; Осма немножко странно, будто бы не своим голосом, смеялась, и вы тоже делали вид, что вам весело, только иногда вас выдавало дыхание. И сладкие комки, подступающие к горлу. Это была критическая норма восторга, за которой все расплывалось, и серые брюки школьной формы с трудом сдерживали пылающий вулкан, но, как ни странно, вам помогала Осма. Ее чуть грубоватое хихиканье вытаскивало вас из млечной страны ваших фантазий. А потом вы шли к начинавшим проявлять удивленное беспокойство дамам сердца, чтобы нести их портфели и рассеянно слушать их казавшееся еще совсем недавно таким милым щебетание. Но щебетание не прекращалось, и терпкий запах ореха постепенно отступал, пока вы, облегченно вздохнув, не понимали, что ваши настоящие избранницы находятся подле вас. Однако весело пробегали часы, и на следующий день вы снова оказывались в дальнем полутемном закутке раздевалки и с наслаждением и благодарностью вдыхали щедрость терпкого аромата ореха. А однажды вы увидели, что ваше

место занято. Причем — по-настоящему. Именно так занимают подобные места. (Ральфу надо помочь умереть.)

Однажды, придя в раздевалку, вы увидели кое-что и сначала не могли ничего понять.

Неизвестно почему вы так долго задержались в тот день в школе. Был декабрь, и к четырем уже темнело. Вы с Артуром стояли у входа и беседовали с двумя новенькими девочками. Ваша школа была престижной, из самых известных в Москве. Именно здесь состоялся один из первых концертов легендарной «Машины времени». Новенькие девочки вам нравились, и вы вроде бы уже договорились куда-то сходить. Артур рассказывал очередную из своих бесчисленных историй, он вообще мог заморочить голову кому угодно, девочки смеялись, и тогда вы увидели, что по опустевшему школьному коридору идет Осма. Она шла в вашу дальнюю раздевалку (с некоторых пор вы стали оставлять свои вещи только там). Болтая с новенькими, вы обратили внимание, что Осма долго не возвращается. И опять терпкий запах ореха начал кружить вам голову. Ну конечно, Осма ждет, чтобы сделать вид, будто вы столкнулись случайно. Она желает продолжить игру. Придумав наскоро какую-то отговорку, вы на цыпочках, чтобы не было слышно шагов в гулком коридоре, вошли в полумрак раздевалки. Сначала не было ничего. Потом глаза привыкли. Вы поняли, что это был за силуэт, а глаза различали все больше. Старшеклассник стоял к вам спиной. Вы знали, КТО ЭТО, и очень бы не хотели, чтобы он обернулся. Именно так в тот день было занято ваше место (и на мгновение ты вспомнил Ральфа, которому хотели помочь умереть). Старшеклассник стоял к вам спиной. Осма почему-то была в шубе, голова запрокинута назад. Наверное, она сидела на батарее отопления, потому что ее раскинутые и блеснувшие голой плотью ноги выглядывали из-за спины старшеклассника. Ноги были голые от колен и выше. И это было кошмарно в сочетании с темным мехом шубы и с тем, что это «выше» было теперь где-то внизу и ритмично двигалось вместе с темным пятном старшеклассниковых брюк. Вы действи-

тельно некоторое время не могли понять, что происходит. Потом поняли и стояли, боясь шелохнуться, боясь перевести дух. Вы поняли, что это, и первым ощущением было удивленное разочарование — ведь это выглядело так некрасиво, так не похоже на восхитительный момент, ожидаемый вами. Неужели ваши престелные девочки, небесные создания, облаченные в невесомость ваших стихов, тоже будут выглядеть так? Так глупо в тот момент, когда их стройные ноги станут вдруг толще, бледнее и короче и будут нелепо, враскорячку торчать. И это все?! Это предвкушаемое великое таинство на самом деле так некрасиво, так грубо и так смешно?.. Но в следующий момент что-то произошло. Раз и навсегда вы поняли: это не так, как на некоторых картинах, где изображены изящно переплетенные тела и каждое — верх грации, нежного совершенства. Это не так. Совсем по-другому. Грубее, беспощаднее, испорченнее, и это намного лучше.

Поэт — это не страшно, поэт — это проходит.

Вы стояли как зачарованные и отдали бы все на свете, чтобы оказаться на месте старшеклассника. А потом бесшумно вышли. Прошли по молчаливому коридору, вышли на мороз. На крыльцо школы, без верхней одежды, где вас ждали новенькие. И начали смеяться. Ржать как сумасшедшие.

Боже, сколько же всего вы пережили в тот момент.

Так что же все-таки ты имеешь в виду? Почему ты стоишь здесь, у стойки бара, за тысячи километров от Москвы, по другую сторону экватора, и вспоминаешь о вещах столь давних? И какое отношение Оля Осминкина, прозванная Осмой, ее смех, терпкий ореховый аромат, необузданное лоно и щедрое тепло имеют ко всему этому? К наблюдающему за тобой темнокожему человеку, к блеснувшему острым лучом напоминания перстню? Напоминания о предстоящем? Профессор Ким этого не знал. Пока... Сталинский амбир и запах больницы, Оля Осминкина, Орден Белых Рыцарей, Спиральная Башня и старый Ральф... Мгновение назад он видел все это. И еще он видел какое-то яркое крыло, повисшее в небе.

Что-то было не так, очень сильно не так. Это не просто воспоминание. Мгновение назад он снова проваливался туда и брел по Спиральной Башне, где аллеи поворачивали, а впереди ждала лужа, большая и хлюпающая, где картинки имели обыкновение оживать, что так сильно пугало окружающих, и где он сумел сделать шаг, отделяющий его дар от безумия. В Мире до начала Колдовства... Но что-то ОТТУДА опять было здесь, и оно очень не хотело, чтобы барометр показывал «ясно», что-то пробудилось, почувствовав его, и готовилось к столкновению.

Поэтому что он может сказать? Что он может сказать, чтобы сероглазый охотник, с таким удовольствием пьющий свой ироничный коктейль, Йорген Маклавски и сэр Урсуэл, живая легенда, английский аристократ с ухоженными руками (перстень!) и рафинированный интеллект, не приняли его за сумасшедшего? Ведь вполне возможно, что странный темнокожий человек, наблюдавший за ним, просто забавляющийся курортный повеса. Вот он уже шутит со стайкой симпатичных туристов в ярких сверкающих нарядах; вполне возможно, что завтра он отобьет чью-то жену под лиловыми горами в вечеряющем золоте закончившегося сафари. А пока они пьют виски, и перстень он просто купил в ближайшей лавке. Но вот версия номер два: перстень принадлежал миру Спиральной Башни, и это точно. Там он его видел уже давно (МЫ КАК-ТО ВСТРЕЧАЛИСЬ), а сейчас узнал, воспоминание проггло его, ничего не сказав о том, что же все это значит. Вот так. Есть из чего выбрать. Поэтому что он может сказать?

— Вполне возможно, завтра мы начнем искать что-то очень необычное. — Профессор Ким улыбнулся. Уже все прошло, он чувствовал себя великолепно. — Это всего лишь ощущение, но вполне возможно, что завтра мы столкнемся с чем-то, выходящим за рамки рационального объяснения. — Он сделал глоток коктейля — действительно неплохо, по крайней мере любопытно, и продолжил: — У нас есть все, что необходимо для экспедиции по Африке, а благодаря стараниям Йоргена мы сможем отразить нападение целого каравана кочевников. Но может быть, мы не

учли какую-то мелочь и в определенный момент она окажется решающей... А может, ради этой мелочи мы сейчас находимся здесь.

Сэр Урсуэл Льюис смотрел на него совершенно серьезно, и тогда Йорген Маклавски, веселый авантюрист и модный охотник, сказал то, что поразило обоих его ученых спутников:

— Я предполагал что-то в подобном роде, вамзее¹. Поэтому по пути на север мы заедем в одну глухую деревушку. Прямо у экватора, на склонах горы Кения, живут люди банту, а мгангой там подвизается один мой знакомый. Кажется, именно это имеет в виду ваш русский друг?!

Профессор Ким посмотрел на него в растерянности:

— Кем подвизается? Что это значит?

— «Мганга» значит «колдун»...

На следующее утро три «лендровера», с полосками под зебру, покинули Найроби и по шоссе, уходящему на север, двинулись к эфиопской границе, где посреди засушливых земель рифтовых долин находилось великое озеро Рудольф. И где их ждало нечто, чему в течение ближайших нескольких лет так и не будет дано имя.

22. По Африке

Как и столица Найроби, гористая Центральная Кения оказалась меньше всего похожей на традиционные представления о тропической Африке. Оживленное шоссе с прекрасными развязками было проложено по плодородным вулканическим землям,

¹ Вамзее (мн. ч. от «мзее») — уважаемый, почтенный (суахили).

застроенным богатыми фермами, плантациями, ухоженно-самодовольными городками-курортами и чистенькими фабриками.

Воинственная дробь барабанов неслась на первых порах лишь из дорогих ресторанов и респектабельных туристских клубов, черные танцоры в венках из страусовых перьев, трясущие грозными копьями с длинными плоскими наконечниками, оказывались подрабатывающими актерами, а маску железа банту, ритуальную маску суахили или масаев проще всего было найти во множестве магазинчиков, торгующих местной экзотикой.

— Прямо фермерско-туристский рай, — проговорил Профессор Ким. — Я представлял себе все несколько по-другому.

— Еще будет «по-другому», — заверил Йорген, глядя на Профессора Кима из-под модных солнечных очков. Он сидел за рулем «лендровера», возглавлявшего маленькую колонну, и на голове его была повязана яркая бандана с черепами и перекрестьем костей. Следом на такой же «зебре» двигался сэр Джонатан Урсул Льюис, за рулем находился один из трех нанятых в Найроби аскари¹; и замыкал движение восседающий на заднем сиденье мистер Моррис Александер в пробковом шлеме колониальных времен.

— А здесь похозяйничал Британский Лев, — продолжал Йорген. — мы проезжаем самое сердце недавней колонизации. Эти ребята умеют вовремя спускать пар...

— Что вы имеете в виду?

— Они почти всегда уходили элегантно и не ждали прощальных пинков. Видимо, я говорю о распаде Британской империи. Как это называлось...

— Хорошая мина при плохой игре?

— Да нет, не совсем так... Почти все бывшие английские колонии процветают, и, по-моему, в пятидесяти странах пьют во здравие Ее Величества. Вот и здесь они, уходя, помогли с конституцией и с выборами в парламент. А знаете, какой официаль-

¹ Аскари — проводник.

ный лозунг появился в первые годы независимости? ХАРАМБЕ! Что на суахили значит «Потянем вместе!». Это касалось и африканцев, и европейцев, и азиатов. Как видите — результат налицо. Ладно, Бог с ним со всем... Вон смотрите — слева, с вашей стороны, начинается национальный парк Абердэр.

Профессор Ким поглядел, куда указывал Йорген. Великая Восточно-Африканская саванна, простирающаяся от границ Судана до предгорий Килиманджаро, была перед ними. Сочная зелено-оранжевая трава, густые острова-заросли буша, красная, почти терракотовая земля у дороги и далекие цепи лиловых гор. Профессор Ким никогда не видел в природе таких красок. Через некоторое время на закате разлитое солнечное золото превратит саванну в пылающий огненный океан. А потом на Африку обрушится такая же пылающая ночь. Но это случится позже. А сейчас Профессор Ким подумал, что находится в стране своих детских грез. Потому что совсем недалеко от дороги, за деревьями, угрожавшими планете Маленького Принца, он увидел семью жирафов, спокойно общипывающих зеленые листья высокого раскидистого кустарника.

— Смотрите, Йорген, — семь, нет, восемь жирафов! — Профессор Ким с трудом сдержался, чтобы не закричать от восторга.

— Одиннадцать, — усмехнулся Йорген.

— Как — одиннадцать?!

— Приглядитесь, они сливаются с почвой и кустарником. Видите, еще три... Всего — одиннадцать. Вон, где бегают страусы.

— Страусы?!

— Ну вон же, они гоняются друг за дружкой. Сейчас проедем зеленый островок, и вы тоже увидите.

— Вижу!

— А вон ориксы, смотрите, больше дюжины зебр... Ну вот, держите бинокль и смотрите.

— Черт, вижу... Точно!

— А эти маленькие, правее и дальше, — это антилопы дикдик. А детенышей видите?!

— Совсем малышня... Вот еще «изысканный бродит жираф». Одиночка.

— А вы знаете, что молодые жирафы поют?

— Поют?

— Еще как... Ангельскими голосами. Нет-нет, не смейтесь — это вовсе не одна из множества охотничьих баек. Молодые жирафы, скажем, доподросткового возраста, поют. Услышать это удается не многим, но те, кто слышал, говорят, что были зачарованы волшебством этой песни... Я-то слышал. И вы знаете, у них в этот период потрясающие глаза. Понимаете — такой удивленный восторг... Кажется, что они влюблены во что-то восхитительное, открытое в этом мире только им... Местные говорят, что поющие жирафы видят ангелов. А потом их взгляд потухает, и они перестают петь. И тогда говорят, что жирафы «прозревают». Кстати, отличить прозревшего жирафа от поющего несложно. Но все равно на жирафа не охотятся. Именно из-за его человеческих глаз.

Вскоре дорога начала подниматься. Йорген сказал, что они въезжают в зону прохладных, по африканским меркам, конечно, горных лесов. Шоссе огибало горную страну, в центре которой возвышался белоголовый пик Кения — вторая после Килиманджаро крупнейшая вершина Африки.

— Здесь действительно райский климат, — проговорил Йорген. — Так что наслаждайтесь. Там, куда мы едем, в саванне Самбуру, Африка еще покажет себя. Считается, что берега озера Рудольф — одно из самых жарких мест на земле.

Какое-то время шоссе тянулось вдоль веселой речушки, сбегавшей с гор, затем колонна из трех «лендроверов» вошла в городок Ньери. «Просто европейский курорт», — подумал Профессор Ким. А когда и он остался позади, речушка свернула в неширокую, заросшую тропическим лесом долину. Там, примерно в трех десятках километров от шоссе, рождалась эта речка, и там, ослепительно блестя на солнце, открывалась укрытая вечным снегом гора Кения. Йорген остановил автомобиль у обочины дороги и что-то

сказал на суахили двум другим водителям. Те закивали головами. Йорген посмотрел под колеса: от шоссе уходила широкая тропа, было видно, что не часто, но автомобиль все же на ней появлялся.

— Здесь нам придется покинуть этот хайвей, — улыбнулся Йорген. — Мы заедем к моим друзьям — банту-кикуйю, а на шоссе потом выберемся по другой долине, уже подальше Наньюки. Это небольшой городок. Потом нам придется проехать еще километров двести по асфальту и уже окончательно свернуть в саванну. Как видите, план до гениальности прост. Разработчик и стратег — Йорген Маклавски.

А Профессор Ким смотрел на пик Кения, очень сильно напоминавший ему очертания другой горы, находящейся далеко отсюда, на западном Кавказе. В самом центре Домбайской долины стоит красавица гора, названная живущими вокруг карачаевцами Белала-Кая. Профессор Ким частенько бывал в тех местах. И они действительно очень похожи — эти два белоглавых чуда. И конечно, именно поэтому, а не по какой-то другой причине Профессору Киму показалось, что он здесь уже был. Был на этом самом месте.

Деревня банту-кикуйю приютилась на северо-восточном склоне горы Кения, довольно пологом в нижней своей части и заросшем лесом. Чуть выше островерхих хижин лес был расчищен, и без всякого порядка или хотя бы намек на пространственное решение были нарезаны клочки земли. Вдоль дороги росли большие оранжевые тыквы. Йорген рассказал, что из таких тыкв африканцы делают сосуды для хранения различных масел, молока или медовых хмельных напитков. Такой сосуд, иногда украшенный орнаментом или оплетенный бечевой, смотрится довольно колоритно и называется калабашем. Ниже дороги вся долина была расчерчена чайными или арахисовыми плантациями, среди которых возвышались неприступными островками редкие, но явно соревнующиеся друг с другом в роскоши дома местных фермеров. По пути им попадались улыбающиеся чернокожие — как объяснил Йорген, многие местные кикуйю-земледельцы ведут не

только свое скромное хозяйство, но и подрабатывают, батрача на богатых фермах. На головах или за спиной они несли большие плетеные корзины, и их наряд был явно промышленного происхождения. Профессор Ким подумал, что Центральная Кения все же слишком цивилизованная страна, если при въезде в деревню чернокожих, на большой площади, имелись дома европейской постройки — как выяснилось, полицейское управление и миссионерская школа, а также пыльный, уставший от собственной ветхости щит с рекламой кока-колы. Йорген все это называл Британским Львом. И Профессор Ким вряд ли бы поверил, скажи ему кто, что уже через несколько часов экзотики будет больше чем достаточно.

Тот, кого Йорген назвал мгангой, имел имя Ольчемьири и сейчас был очень занят. Он колдовал над кусочками шлака за большим бунгало кузнеца, являющегося заодно местным старейшиной. Йорген обменялся крепкими рукопожатиями с полицейским сержантом, олицетворяющим здесь центральную власть и носящим звучное имя Соломон. При этом сержант вполне сносно говорил по-английски и не смог ничего поделать со своими широко округлившимися глазами и чуть было не отвисшей челюстью, когда ему представили Профессора Кима.

Потом он что-то вспомнил и, радостно хлопнув себя по бедру, сказал: «Горбачев...» — и, видимо, не совсем осознанно повторил жест из какого-то кинофильма. Жест был таким: сложенными в кружок большим и указательным пальцами он пощелкал себя по горлу.

— Да, Соломон, верно, — ухмыльнулся Йорген, — это Горбачев. Видишь, как помолодел?! Горбачев, водка, перестройка...

— Перестройка! — подхватил Соломон.

И они все рассмеялись.

Больше чем через пять лет, когда слово «перестройка» и ощущение близости перемен уже давно забудутся, оставив после себя лишь сломанные стены и пресный вкус несбывшихся надежд,

Профессор Ким вспомнит этот день. Когда один из офисов корпорации «Норс» будет сжирать огонь, а мальчик Егор будет бежать через морозную Москву, преследуемый грозным дыханием погони, когда в воздухе оживет вой Короля — собаки, потерявшей самое близкое существо на свете, Профессор Ким будет стоять у окна причудливого кабинета, ожидая Дору и двух своих лучших друзей. И перед тем как принять очень важные решения, он почему-то вспомнит удивленного чернокожего сержанта, щелкающего себя по горлу российским жестом и произносящего так и не ставшее заклинанием слово «перестройка».

Мганга Ольчемьири был сухоньким и бодрым старикашкой, в выцветшей рубаше без пуговиц, зеленых хлопковых шортах и плетеных сандалиях, завязываемых тесемками на икрах. На голову он водрузил меховую шапку из шкуры принесенного в жертву духам огня и духам железа козленка. Домна местного кузнеца и старейшины Аумбы представляла собой яму полуметровой глубины, обмазанную глиной. Яма была еще горячее, хотя мехи — кожаный мешок и две прикрепленные к нему палки — были отложены в сторону. Рядом с этой африканской домной находилась расчищенная площадка, а на ней начертан круг и еще какие-то знаки.

Внутри круга лежали несколько дымящихся кусочков шлака — по их форме Ольчемьири только что закончил гадать — и полусгоревший кусочек козлиной шкуры. Неподалеку подмастерья Аумбы — молодые и крепкие кикую, начинающие свою карьеру как помощники кузнеца и мечтающие стать в один из дней Великими мгангами, — уже ковали из выплавленного железа наконечник копья — длинный и плоский. Аумба молчал. Он ждал, что первым заговорит мганга. Соломон привел Йоргена, Урса и Профессора Кима к кузнице, расположившейся за бунгало Аумбы, на пересечении невидимых линий, соединяющих высокие деревянные шесты. На эти шесты был нанесен замысловатый орнамент, а сверху прикреплены жутковатые маски, символизирующие духов огня и железа.

— Они общаются с Невидимыми Силами, — пояснил Соломон, — до окончания ритуала их нельзя отвлекать.

Ольчемьири сидел на корточках, о чем-то беззвучно рассуждая, и качал головой. Потом он задумчиво поднялся, выдохнув слово «Кишарре», и, обернувшись, увидел гостей.

— А, мзее Йорген! — Тень сразу покинула лицо маленького мганги, Ольчемьири просиял и стукнул себя рукой по лбу. — Вот о чем говорили камни... Я знал, что ты придешь, — спроси Аумбу. Камни, отдавшие железо, мне рассказали. Мы думали — не получалось, кто-то должен был прийти. Но теперь я понял все их слова...

— Да, камни привели его сюда, — проговорил Аумба, не вынимая изо рта палочку дерева энтырь, и Профессор Ким вспомнил, что где-то читал о целебных свойствах энтыря — африканской зубной щетки. Вроде бы благодаря привычке жевать это дерево африканцам удастся сохранить такие здоровые и белые зубы. — Камни... Потому что мзее Йорген забыл дорогу к хижинам своих друзей, где его всегда рады видеть! — Так, несколько церемонно, приветствовал их Аумба, протягивая Йоргену руки.

— Совсем забыл, — подтвердил Ольчемьири.

— Здравствуй, Аумба, — дружески улыбаясь, сказал Йорген. — Тебя опять мучает бессонница и не с кем коротать время у костра или ты просто рад меня видеть?

— Он совсем не изменился, — рассмеялся Аумба, указывая на Йоргена, — у него все такой же детский язык.

— И память старика, — улыбался Ольчемьири. — Если бы не камни, он не нашел бы к нам дорогу...

— Конечно, ваши камни занесены в кенийский атлас автомобильных дорог, — согласился Йорген.

Потом он сделал то, что молодых помощников Аумбы чуть не повергло в шок, — они даже прекратили работу и теперь смотрели на пришельцев, широко раскрыв рты. Потому что со словами: «Тебя, старый колдун, я никогда не забуду!» — Йорген поднял уважаемого во всей долине мгангу, подбросил вверх, как пушинку, и

аккуратно поставил на землю. Старик заохал, но, оказавшись на земле, произнес:

— Я очень рад видеть тебя, мзее Йорген...

И они крепко обнялись.

— Ты пришел вовремя, мзее Йорген. — Ольчемьери вдруг по-мрачнел и, оглянувшись на гору Кения, чью островерхую ледяную шапку топило стоящее прямо над головой африканское солнце, пояснил: — Великий Мвене-Ньяге, живущий на горе, говорит, что старому мганге надо уходить. Кишарре...

Йорген представил Ольчемьери и Аумбе своих спутников, сказав, что у себя дома они такие же известные и уважаемые люди, как мганга, потом подумал и, усмехнувшись, добавил, что и занимаются они примерно тем же, поэтому есть большой и важный разговор. Кузнец и мганга кивали головами, бросая все более уважительные взгляды в сторону гостей, произнося большое количество цыкающих звуков, что, видимо, выражало одобрение.

Потом Аумба, указывая на сэра Льюиса и Профессора Кима, поинтересовался:

— Скажи, Йорген, а вамзее тоже говорят с камнями, отдающими железо, как и мганга Ольчемьери?

— Ну... я бы не взялся это утверждать, — улыбнулся Йорген, глядя на своих друзей, а Профессор Ким кивнул и сказал:

— К сожалению, нет. Но если вамзее сочли бы возможным, мы с удовольствием научились бы этому великому искусству...

Йорген отметил про себя, что за 24 часа Профессор Ким освоил азы африканского этикета, а Аумба и Ольчемьери одобрительно переглянулись, и кузнец-старейшина произнес:

— Йорген, в деревне кикую твои друзья всегда будут такими же уважаемыми гостями, как и ты. И в любое время для них найдутся калабаш с турчой¹ и место для ночлега.

После всех церемоний и обмена любезностями Аумба пригласил гостей в свою просторную и прохладную хижину, и вскоре на

¹ Турча — алкогольный медовый напиток.

столе появились молоко, испеченные на раскаленных камнях масляные лепешки и весьма своеобразный медово-перечный соус.

— Сегодня ночью в деревне праздник, мы приглашаем Йоргена и его друзей, — пояснил Аумба. — Жертвенный бык сожжен, и юноши, которым предстоит стать мужчинами, уже обмазаны его пеплом. Всю ночь будут гореть костры, и всю ночь будут бить тамтамы... Поэтому Аумба и предлагает лишь молоко да лепешки — перед обильным пиром вряд ли стоит набивать животы. Жаль, что Ольчемьери с нами не будет..

— Это почему же? — поинтересовался Йорген. В его планы вовсе не входило расставаться с мгангой.

— Прошлой ночью за Ольчемьери снова приходил Кишарре, — тихо сказал Аумба. — Умный мганга перехитрил его, но теперь Кишарре знает, где он, и этой ночью придет опять.

— И камни сказали то же, — печально подтвердил Ольчемьери. — Кишарре придет опять и уже точно найдет старого мгангу, хотя он пока не видит его сердца.

— Кишарре?! — переспросил Йорген. Только сейчас до него дошло, что уже не в первый раз сегодня он слышит это слово.

— О... Страшный демон, — пояснил Аумба.

Ольчемьери указал на видимый из хижины круг, где еще дымились кусочки шлака, и сказал:

— Великий Мвене-Ньяге, живущий на горе, не дал никаких знаков, что хочет забрать меня к себе, и предупредил, что надо уходить. Иначе придет Кишарре и уведет меня в Ночную страну.

Белый охотник и двое ученых мужей переглянулись. Потом Йорген спросил:

— А как выглядит этот Кишарре? Ты мне никогда о нем не рассказывал...

Аумба и Ольчемьери рассмеялись, потом мганга произнес:

— Кишарре можно увидеть только один раз, и, к счастью, я его пока не видел. Тот, кому в глаза посмотрит Кишарре, уже не возвращается из Ночной страны. Поэтому мганге надо уходить — Кишарре очень злится, уже два раза Ольчемьери перехитрил

злого духа. И когда Кишарре ночью придет, мганга будет уже далеко. Великий Мвене-Ньяге предупредил...

Йорген посмотрел на часы и пожал плечами:

— Уже пять. Через два часа станет темно. Уж не собираешься ли ты ночевать в буше?

— Конечно, ведь я не скажу ему, куда ухожу...

— Послушай, Ольчемьири... — Йорген был обеспокоен, он давно знал этого старика и иногда называл его «своим африканским отцом». В каком-то смысле так оно и было. — Со мной пятеро вооруженных людей, у сержанта Соломона еще двое полицейских.

— Нет-нет! — Ольчемьири замахал руками. — Ты что, собираешься воевать с Кишарре? Мганга уйдет... Даже льва не всегда останавливают ваши ружья, а львы разбегаются, как трусливые собаки, когда идет Кишарре... Но камни мне сказали, что придет друг, и ты пришел. Не волнуйся, Йорген, Ольчемьири уйдет ненадолго. До круглой луны, эта и следующая ночь.

— До круглой луны?! Что это значит?

Ольчемьири хитро улыбнулся и проговорил:

— А потом копье обретет силу...

— Ах вот как... — Йорген вздохнул. Он рассчитывал на помощь старика, но тот что-то вбил себе в голову, все более погружаясь в местный фольклор, а уж Йорген знал, что в таких случаях переубедить его невозможно.

И тогда сэр Урсуэл Льюис, тоже неплохо усвоивший уроки африканского этикета, решил как бы невзначай уточнить для себя иерархию местных богов.

— Мзее Ольчемьири, вы позволите задать вам один вопрос? Кто главнее — Мвене-Ньяге или страшный Кишарре?

— Ой-ой-ой, — мягко улыбнулся мганга и ударил себя пару раз ладонью по груди, а Аумба, казалось, не рассмеялся лишь из вежливости. — Такой большой белый бвана...

— Важный и архивный, — вставил Йорген.

— ...и не понимает таких простых вещей. Конечно, Великий Мвене-Ньяге — он живет на горе!

— Так, спасибо... — Урс с улыбкой оглядел собравшихся. — Но тогда я не понимаю такой простой вещи: как же Кишарре может послушаться Великого?! Ведь Ольчемьири говорил, что Мвене-Ньяге не собирается забирать его к себе?..

— Все верно, — кивнул старик, — ты все правильно понял. Поэтому Великий Мвене-Ньяге и подал мганге знаки. Семь дней и семь ночей назад я сам отнес несколько камней, отдающих железо, в горы...

— Руда... Мы называем эти камни рудой, — сказал Урсуэл.

— Пусть так, — согласился мганга. — Я посыпал эти камни пеплом сожженного барана и оставил на видном месте, чтобы Мвене-Ньяге вдохнул в них свою силу. И сегодня из этих и других камней Великий дал нам железо...

— Именно из этого железа сейчас куют копье? — начал догадываться Йорген. — Из этих самых камней?

— Да. Кишарре не боится наших копий и стрел, ему также не страшны гремящие ружья... Но завтра будет ночь круглой луны, и дыхание Мвене-Ньяге пробудится в подаренном им железе. Пройдет еще три дня и три ночи, оно окрепнет, и копье обретет силу. Силу Великого Мвене-Ньяге, живущего на горе. А вот ответ на твой вопрос! Кроме нас, его детей, у Мвене-Ньяге очень много дел на этой земле. И ему тоже нужен отдых. И вот когда Великий спит, Кишарре выходит из-под земли и все делает по-своему. Но Великий и во сне видит замыслы Кишарре. Вот почему он подал старому мганге знаки и подарил свое копье... Когда в нем пробудится Великий дух Мвене-Ньяге, создавший все, что ты видишь вокруг, им можно будет не только отогнать, но даже убить Кишарре. Но демон не так глуп: Кишарре узнает это копье и оставит старого мгангу в покое. Теперь ты знаешь, почему Ольчемьири надо уходить.

— Спасибо, мзее... Я теперь все понял, — проговорил Урс. Потом он взглянул на Йоргена.

— Хорошо, — кивнул Йорген. — Я тоже все понял. Старому мганге действительно надо уходить. И послушайте, что я скажу: в

моем автомобиле найдется место для Ольчемири, а полосатые «бродяги» смогут забраться дальше, чем ноги старого мганги.

— Да, но ведь вы только приехали, — удивился Ольчемири, — сегодня в деревне большой праздник, юноши станут мужчинами...

— И такая ночь теперь будет очень не скоро, — несколько обиделся Аумба.

— Я думаю, Аумба простит нас за быстрый отъезд, если мы пообещаем заехать на обратном пути.

— Впереди очень важное событие в жизни кикуйю, и будет неправильно, если его омрачат плохие вести, — вздохнул Аумба. — Йорген говорит верные слова: так мганга уйдет гораздо дальше, и Кишарре точно не найдет его. Жаль только, что друзья Йоргена не увидят Великий праздник... Такое бывает нечасто.

— Каждую весну появляется новое поколение девственниц, и каждую осень созревает новый виноград, — вдруг сказал Йорген.

— Что?! — изумились оба старейшины.

— Да так, вспомнил одну книжечку... Я желаю, чтоб в деревне банту выросли новые воины, и тогда мы обязательно придем на новое Великое Торжество. А сейчас нам надо ехать... Солнце к закату.

— Мганга, мзее Йорген прав, — сказал Аумба.

— Я согласен, — просиял Ольчемири. — Видишь — камни говорили... Мвене-Ньяге предупредил, что приедет друг.

Ночь не подкралась, она обрушилась на саванну густым мраком, потом под пологом бескрайнего неба зажглись гроздьи звезд и лениво поднялась, словно сбрасывая с себя пелену сна, почти полная луна.

Они находились уже на приличном расстоянии от деревни кикуйю. Еще до того как совсем стемнело, чуть в стороне от широкой тропы Йорген обнаружил расчищенную площадку — видимо, здесь периодически останавливались для ночлега — и решил, что место вполне подходящее. До нужного им шоссе, пересекающего

Кению и уходящего в глубь эфиопских пустынь, оставалось километров двадцать, но ночью в такое время года — это часа два ходу плюс пока они отыщут какой-нибудь мотель... Словом, Йорген решил отложить все перемещения до утра. Тем более что по пути он собирался заехать в городок Аргерс-Пост, побеседовать с человеком, известным в этих местах как Папаша Янг, и лучше все это было бы сделать с утра. Так же, наверное, как и рассказать мганге об истинной цели их визита. Старик напуган — это видно, и вполне возможно, что они уберегли его от крупных неприятностей. Это, конечно, весьма занимательная история, про демона Кишарре, и Йорген наслушался подобных историй по всей Африке, только сейчас он подумал, что за стариком приходил кто-то совсем другой. Гораздо более материальный.

«Да, надо срочно переговорить с этими профессорами-пове-сами, — раздумывал Йорген, — уж не наши ли ребята пожаловали?! Сектанты-людоеды?! Выходит, маленький мганга тоже стал предметом их охоты? Ну уж нет, ребята, вы все хорошо рассчитали, только забыли посоветоваться с нами! Из трех аскари, что мы наняли в Найроби, каждый выбивает десять из десяти. Яэтих ребят давно знаю. Так что идем на сближение: мы ищем их, а они хотят нашего мгангу. Можно, конечно, называться и Кишарре, только я давно интересовался, как реагируют духи на знакомство с «М-16». Черт, может, Урс и прав: война против священников (мганга — священник? Неплохо...), ритуальные убийства? Что-нибудь еще?! В любом случае — идем на сближение».

На самом деле Йорген вдруг впервые почувствовал, что все обстоит несколько не так, как он хотел бы об этом думать. То, что сейчас происходило в буше, было не просто охотой; больше подходило определение дуэли или взаимной охоты. И уж совершенно точно вопрос о том, кто охотник, а кто жертва, оставался открытым.

Ладно, по крайней мере пока Йорген знает, что надо делать, а уж в несколько чертовски умных, дурацких голов они решат, как быть дальше.

— Кстати, могу вам рассказать кое-что занятное, — проговорил он, — если вы, конечно, еще не потеряли интереса к окружающей действительности.

— Ценю вашу заботу, Йорген, — произнес Урс. — Скажите, мы очень вам напоминаем людей с атрофированным любопытством?

— Подойдите поближе... Сейчас я посвечу фонариком. Вроде нет! Но вы и не очень похожи на людей, которым каждый день выпадает ночевать на экваторе, да еще под открытым небом.

— Как на экваторе?!

— Ну если верить этой модной британской карте, а лучшей я не знаю, наш бивак находится ровно на линии экватора.

— Мы сейчас на пузе Земли? — удивился Урс.

— Совершенно верно, там, где у нее проходит тесемка для брюк, — подтвердил Йорген. — Жаль, что мы не в море, можно было бы выбросить вас за борт, следуя занятой традиции.

— Вот как, ну хоть в чем-то повезло...

— Да, все мы в душе моряки... Но по этому поводу я припас бутылочку настоящего французского шампанского. Йорген Маклавски чтит традиции.

— Надеюсь, мы ее выпьем, — поинтересовался Урс, — или вы, мистер Моряк, следуя вашим морским наклонностям, грохнете ее об один из «лендроверов»¹?

— На алкоголь мои морские традиции не распространяются, — сказал Йорген. — После ужина я расскажу вам пару легенд о Черном Ор-койоте.

— Пора рубить осиновые колья и лить серебряные пули, — сказал Урс. — Дежурный по традициям — сам Йорген Маклавски.

Аскари разожгли уже газовые горелки и готовили сейчас ужин. Чудный вечер из тех, что лишь грезятся миллионам городских жителей, наполненный голосами пробудившейся саванны и ни с чем не сравнимым пряным ароматом множества трав, проходил

¹ Дословный перевод марки английского автомобиля «лендровер» — «земной бродяга».

весьма уютно — за бутылочкой шампанского и неторопливой беседой. Постреливающий сухим кустарником костер давал круг света, который надежно защищал путников от тех, кто блуждает в темноте. От тех, кто, повинувшись своим древним инстинктам, вышел сейчас на тропу охоты. Каждый — на свою. Лишь только дерзкие гиены иногда прорывали круг в непрекращающихся попытках спереть что-нибудь съедобное.

Ночь прошла спокойно. Однако и дежуривший у костра Йорген, и сменившие его следом аскари не могли отделаться от гнетущего ощущения, что за ними наблюдают. Кто-то из темноты изучал их, кто-то, ставший (а может быть, и бывший всегда) хозяином этих мест, вдруг обнаружил подвох в трех мирных автомобилях, угрозу в этих кажущихся беззаботными то ли охотниках, то ли ученых. Буш не был таким, как всегда. Кто-то (вот бы разобраться) к кому-то вторгся. И те, кто был сейчас в темноте, и люди, дежурившие у костра, не поняли, а скорее лишь смутно почувствовали, что знают друг о друге... Пора присмотреться: львы порой играют с жертвой, часто весело и ласково, перед тем как вонзить клыки.

Иногда Йоргену казалось, что он различает силуэты, что огромное непроницаемое черное пятно приближается, а за ним нет ничего, лишь таящийся ужас, сковывающий сердце, но затем оно отступало, и все растворялось в ночи. И Йорген подумал, скорее, заставил себя подумать, что он, наверное, просто устал. Ну как еще можно было объяснить, что стихия, всегда бывшая домом, — африканский буш, чьи повадки он изучил до мелочей, чьи привычки и прихоти он уважал и поэтому считал себя здесь другом, — и вот эта стихия вдруг впервые стала играть с ним не по правилам. Устал? Черт, неужели он стареет?! Однако чуть позже в множестве ночных голосов Йорген отчетливо услышал шум автомобильного двигателя и успокоился. Что ж, по крайней мере все ясно, нет никаких черных пятен и силуэтов, а определенность всегда лучше.

Ночь прошла спокойно. А рано утром, когда они собирались двигаться дальше, к Йоргену подошел Самюэль — старший аскари, рослый, почти двухметровый нилот — лучший проводник, какого можно было найти в Найроби.

— Бвана. — Самюэль посмотрел в сторону зарослей, где несколько часов назад Йорген видел какие-то перемещающиеся тени. — Это был не лев сегодня ночью... Хотя он двигался кругами, как делают львы... Это был вообще не зверь.

— Знаю, Сэм, — тихо ответил Йорген, — знаю. За нами кто-то следит. Я слышал шум автомобильного двигателя. Но пока не будем об этом рассказывать. Предупреди своих, чтобы смотрели в оба, но пусть пока молчат.

— Бвана, я хотел сказать... Бвана. — И тут Йорген что-то заметил вдруг в глазах Сэма. Он заметил, что Сэм смертельно перепуган. — Это был не зверь.

— Я тебя понял.

— Но... бвана... это был и не человек.

Йорген почувствовал, как он невольно вздрогнул.

— Сэм... — Он посмотрел на чернокожего гиганта, сам не понимая, удивлен он или нет. — Сэм, ты что? Наслушался историй старого мганги о Кишарре?

— Я — масай, бвана. У нас нет Кишарре...

— Тем более... — Йорген вдруг подумал, что странно: мгангу без труда удалось уговорить спать в «лендровере» вместе с этим русским, что довольно необычно — Ольчемьири всегда предпочитал ночлег под открытым небом. Африканцы вообще с подозрением относятся к тому, что принято называть благами цивилизации. В засушливый год вашу машину могут остановить в буше и, смущаясь, попросить воды, но, даже умирая с голоду, житель саванны с очень большой неохотой притронется к консервированным в банках продуктам. — Я прошу тебя, Сэм, никому об этом не рассказывай. Что думают другие аскари?

— Они тоже думают так. Они думают, что надо заехать к Папаше Янгу. Он разговаривает с амулетами, он должен что-то знать.

Вот те на! Старый прохиндей и тут всплыл. Йорген и так собирался к нему заехать. Все равно — по дороге. А главное — Папаша Янг всегда был в курсе всех местных сплетен и имел потрясающе красивых дочерей. Но чтобы такое предложение исходило от аскари, нанятых для обслуживания обычной этнографической экспедиции (или какая мы, мать его так, экспедиция)... Они находились в двух шагах от Найроби, в местах, изобилующих туристами, но кое-какие детали (кто это, интересно, пялил на нас глаза всю прошедшую ночь?) довольно ясно показывали, что это сафари будет сильно отличаться от всех остальных.

— Хорошо Сэм, — просто сказал Йорген, — хочу тебя успокоить: мы к нему и едем. Только прошу тебя, Сэм, постарайся понять — не происходит ничего особенного. Какие-то сукины дети сели нам на хвост. Я уверен, мы скоро выясним, что им надо. Все в порядке! Договорились, Сэм?

— Хорошо, бвана... — согласился чернокожий гигант, но Йорген подумал, что вряд ли удалось его переубедить. Однако позже, когда тропа наконец вышла к Транскенийскому шоссе, он оставил автомобиль у обочины и сделал Сэму знак, чтобы тот подъехал вплотную.

— Гляди, Сэм, ты был прав — это не зверь. — И Йорген указал на дорогу, по которой они приехали. — Но прав только наполовину... Видишь — вон он, ночной Кишарре.

Не особо прячась за густыми кустарниками, по тропе двигались два автомобиля, и, видимо, их раскрашивал какой-то безумец. На таких автомобилях можно разъезжать по песчаным пляжам, обвешавшись разноцветными досками для серфинга.

— Наши гости. Полноприводники «мицубиси», японские штучки. Машина неплохая, но редкая в этих местах. Я думаю, что это развлекающиеся туристы. Если бы мы их интересовали, они забрали бы что-нибудь менее заметное.

— Может, стоит им указать, что океан в другой стороне? — пожал плечами Сэм.

— Вряд ли... Что есть лучше Страны Иллюзий, особенно если деньги позволяют не особо торопиться с обратным билетом?! А?

— Ты прав, бвана Йорген, — сказал Сэм. Казалось, что он полностью успокоился.

— Но к Папаше Янгу мы все равно заскочим, — пообещал Йорген.

23. Дочь Водопада

Папаша Янг жил на окраине небольшого городка Аргерс-Пост, расположившегося на полпути между Найроби и национальным парком Рудольф. В сорока километрах от его просторного, ухоженного дома находился водопад Чанлерс. Папаша Янг имел трех дочерей (стараниями которых дом не превратился в такую же развалину, как и он сам), помнил времена британского правления, любил религиозную музыку и был алкоголиком.

Папаша Янг знал о многом. Озеро Рудольф было открыто почти сто лет назад двумя венграми, назвавшими это бескрайнее море, раскинувшееся посреди жарких каменистых пустынь, в честь своего принца Рудольфа. Папаша Янг знал это. Уже много лет на берегах озера работали палеоархеологические экспедиции, делавшие одну сенсационную находку за другой. Если кое-что из этих находок продать, выступив посредником, то можно заработать неплохие деньги. Иногда это бывало не совсем законно, и Папаша Янг знал об этом. Когда-то он работал в полицейском управлении в Найроби, потом государственным инспектором и был замешан в каких-то махинациях. Подкопаться под него никто так и не смог. Папаша был достаточно осторожен, но

все же он решил не искушать судьбу и, отойдя от дел, двинулся на север. Аргерс-Пост оказался для него самым подходящим местом. Несколько севернее начинались территории, до сих пор заселенные свободными и воинственными племенами масаев и кушитов, а западнее, ближе к озеру, простирались горы Ндото, где в пещерах жил удивительный народ — ндоробо. Папаша Янг был, наверное, единственным белым, который испытывал к ндоробо такой же сложный комплекс чувств, как и живущие издревле в этих местах чернокожие африканцы.

— Маленький Народ, — говорил о них Папаша не без доли почтения в голосе.

Ндоробо практиковали пчеловодство, занятие в Африке весьма небезопасное, и слыли лучшими врачевателями, знахарями и колдунами. Папаша Янг знал это. Лечили они с помощью меда и заговоров.

Эмерсон Томас Янг, прозванный Папашей, а за глаза — Водопадом, был вдовцом. Рождение младшей и любимой дочери Зеделлы стоило жизни ее матери. Свою старшую девочку Папаша Янг назвал Стефанией, что являлось вполне естественным для потомка английских колонистов, среднюю — Зигги. Почему у двух его дочерей такие несколько необычные имена, Зигги и Зеделла, Папаша никому не раскрывал и на все вопросы лишь хитро и многозначительно улыбался. Правда, потом он делался печальным и напивался сильнее обычного, поэтому со временем подобные вопросы ему задавать перестали. Папаша Янг дружил со всеми знахарями ндоробо, живущими в этих местах. Низкорослые чернокожие колдуны — Маленький Народ — бывали у него частыми гостями, и иногда, закрывшись, они проводили вместе по нескольку дней. Папаша Янг был алкоголиком с тех самых пор, как потерял жену, и больше всего боялся Лиловой Зебры — «лиловая полоса», как он сам именовал время своего пьянства, становилась все шире. Лишь настойчивость дочерей и усердие знахарей ндоробо, выводящих Папашу из запоев с помощью меда и колдовства, заставляли его делать перерывы. Самое интересное,

что по окончании «лиловой полосы» Папаша становился совершенно адекватен и восприимчив к нормальному общению, и никто бы не заподозрил в этом почтенном пожилом мужчине, мыслящем, правда, несколько оригинально, беспробудного пьяницу. Уйдя в запой, Папаша разрушался за несколько часов, а потом, пройдя сеанс ндоробо, возрождался, как феникс. Он был убежден, что его поддерживает Маленький Народ.

Папаша Янг утверждал, что является родителем трех самых красивых женщин континента. И в общем, опровергнуть это было достаточно сложно. И Стефания, и Зигги разбили немало сердец, прежде чем вышли замуж. Как-то гостивший у Папаши бельгиец-этнограф сказал, что его девочки являются напоминанием циничному и постфрейдистскому веку той простой и забытой истины, что из-за женщин все же стоит стреляться. Ходили слухи, что было и такое. По правде говоря, местное общество не отвернулось от пропойцы и дебошира, якшающегося с маленькими колдунами, прежде всего из-за его дочерей.

Папаша Янг знал также, что он достаточно богат. Когда скандал с махинациями закончился, неглупый и осторожный Папаша оказался владельцем нескольких участков земли в Центральной Кении, приносящих неплохую ренту. Эти деньги плюс некоторые сбережения позволили Папаше дать девочкам отличное образование и обзавестись большой собачьей фермой. Ферма славилась на всю округу, и многие состоятельные люди предпочитали приобретать собак именно здесь. Правда, злые языки поговаривали, что к Папаше приезжают совсем за другим товаром, намекая на дочерей, и что многие, видевшие Зеделлу, становились просто больными и приезжали к Папаше, ведя какие-то переговоры и все покупая и покупая щенков лишь с одной целью — увидеть его младшую дочь. Но Папаша Янг отвергал подобные глупости, указывая на то, что его собаки уникальны сами по себе, ибо происходят от благородных, вывезенных еще из старой Европы предков.

— Вы не поверите, — говаривал Папаша, — но с далекой прабабкой этого долматина коротал свои одинокие вечера сам гер-

цог Веллингтон¹ Победитель! Вы понимаете, о чем я толкую? — Он хитро улыбался и, что самое невероятное, тут же извлекал документальные подтверждения.

Для охраны ферм Папаша держал натасканных ротвейлеров, коих сдавал в аренду. И вообще ему удалось пустить несколько удачных слухов относительно своих собак: вроде бы пара красавцев королевских пуделей привлекалась полицией для некоторых деликатных операций и действовала весьма успешно; симпатяга спаниель с шелковистыми ушами и умными добрыми глазами засадил за решетку немало торговцев наркотиками, когда работал в больших городах, перед тем как выйти на пенсию; а еще у Папаша есть пара такс, чувствующих золото и умеющих разыскивать алмазы. Так что роскошная холодность белокожей Стефании и хрупкое изящество Зигги, вызывающее мощное необоримое желание обладать ею, здесь абсолютно ни при чем. Равно как и неземная, запредельная красота Зеделлы: ведь даже женщины приезжали взглянуть на нее, делая высокомерные попытки отыскать следы искусственности в восхитительно тяжелой копне волос, в безупречном рисунке лица, излучающего нежный свет, в свободной упругости, словно у молодой львицы, невинного тела и в великолепной груди, не униженной чужим прикосновением, большой и крепкой груди, смотрящей сосками вверх и в стороны. И, не найдя ничего, женщины с грустью признавали, что хрустальный дом их высокомерия вдребезги разбит и что перед ними всего лишь тихое совершенство. Совершенство, чье равнодушие сделалось роком для многих, видевших Зеделлу: для сгорающих в безответной страсти мужчин и для женщин, вдруг изменивших своей природе и отдавшихся в руки тайной, неразделенной, стыдливой и печальной любви. И все же потомкам британских колонистов удавалось противостоять магнетизму Зеделлы, и женщины заново выстраивали свои хрусталь-

¹ Герцог Веллингтон командовал английской армией в битве при Ватерлоо, где были окончательно разбиты войска Наполеона.

ные темницы, мужчины погружались в пену дел, азарта и вечерней выпивки, и ферма Папаша Янга продолжала оставаться местом весьма оживленным.

Папаша Янг догадывался о кипящих вокруг его дома страстях, но воспринимал это как данность. Лиловая полоса на шкуре выдуманного Папашей фантастического животного — Лиловой Зебры — становилась все шире, но при помощи Маленького Народа ему все еще удавалось неплохо с этим справляться.

Каждый год, за две недели до дня рождения Королевы, любая «лиловая полоса», даже если она началась несколько часов назад, завершалась, и Папаша Янг превращался в добропорядочного и вполне благополучного пенсионера. Он ждал. И когда наступал великий и торжественный день, Папаша Янг, надев свежее белье и выходной костюм, отправлялся в Аргерс-Пост и посылал в Букингемский дворец телеграмму с поздравлениями Ее Величеству, где особо благодарил Королеву за то, что Ее Величество является Хранительницей Веры, после чего шел в одно тихое место и напивался вдрызг. Завершался великий и торжественный день всегда в баре Маккенроя, довольно веселом заведении, где клиенты делились на тех, кто вышел из буша, и тех, кто туда собирался. Искатели приключений и люди, обслуживающие эту непростую категорию лиц, всегда с радушием встречали Папашу, видимо, чувствуя в нем «своего», и с удовольствием выслушивали его истории. Так как благовоспитанные жители Аргерс-Пост относились к рассказам Папашы с некоторой холодностью, считая, что от них пахнет паранойей, бар Маккенроя стал единственным местом, где Папаша Янг отводил душу. Тем более что с благодарными слушателями проблем не возникало. В баре Маккенроя требовали все новых историй. Там, например, знали, что где-то в саванне бродит Лиловая Зебра, этот свершающийся Папашин рок, и пока на ее шкуре есть белые полосы или хотя бы различимы белые прожилки, все не так плохо — еще отведено время. В баре Маккенроя знали также, что ндоробо, Маленький Народ, берегут пчелы — этот коллективный разум, покровитель-

ствующий Великим Колдунам. Недаром и англичане, и туземцы побаивались заезжать в горы Ндото. «Не верите — можете попробовать, только я вам не советую: пчелиная атака безжалостна и предопределена. И вообще, в отличие от нас, белых идиотов, на ком, будем откровенны, давно пора поставить крест (последняя реплика всегда вызывала приступы бурного смеха, после чего, к восторгу собравшихся, Папашу уже начинали угощать), ндоробо, Великие Колдуны, сохранили связь с Мировыми Сущностями, и им открыт Божий Промысел. И если всех ндоробо обратить в христианство, то это бы спасло нашу цивилизацию, погрязшую во грехе (аплодисменты и пива всем!)».

В баре Маккенроя знали, что когда красавица Зеделла касалась воды, умывалась или принимала ванну, то все пространство вокруг наполнял аромат пряных трав или терпкий запах ореха, потому что на самом деле Зеделла — дочь водопада. Да-да, она дочь водопада Чанлерс (и как бы нелепо это ни звучало, ухмыляться продолжали лишь немногие приезжие — счастливики, еще не видевшие младшую мисс Янг и потому не потерявшие покой). Зеделла — дочь водопада, веселая речная нимфа, а Папаша Янг, выходит, и сам водопад (громкий смех: нет, ну сказанул, глядите — пьющий водопад! Нет, в каком-то смысле Папаша больше, чем водопад. Он перерабатывает проходящую через него жидкость, градусы оставляя себе). И еще в баре Маккенроя знали, что где-то в туманных северных горах, среди озер и множества сумрачных пещер, там, где рождается Великий Нил, где в вечной колыбели спят все Колена Израилевы и где спят Авторы Великих Книг, в которых не существует дат, где-то там, на древней земле, не поддавшейся ветрам увядания, в час самой сильной луны пробудилось что-то, очень напоминающее лиловое Папашино видение, но уже касающееся не его одного. И зря вы скалите зубы, зря ржете, как идиоты, — это ваша Лиловая Зебра проснулась в горах на Севере и начала свой круговой Путь. Смейтесь, смейтесь... Только она уже прошла по саванне и теперь приближается. Так говорят Великие Черные Колдуны (Апофеоз! Шам-

панского! Папаша, а вы не пробовали писать для Голливуда?!). В баре Маккенроя знали все Папашины истории и жаждали новых. Конечно, вряд ли кто относился к этим выдумкам всерьез, но у Папаши были верные слушатели, съедавшие его параноидальные ток-шоу, как гамбургеры, и запивавшие их пивом. Самым верным среди них являлся Папашин любимчик, один заезжий выпивоха, каждый вечер проводящий за стойкой. Папаша проникся уважением к этому парню: он жил в Аргерс-Пост уже почти полгода, и его совершенно не интересовала Зеделла, в отличие от всех этих страдающих сопляков.

Он был родом откуда-то из Европы, но жил в Америке (или наоборот!), говорил, что не покинет Черный континент, пока не женится на самой высокой женщине планеты, и вроде бы писал роман об Африке. Папаша был уверен, что все это рассказы, — какой роман в баре Маккенроя? Скорее всего богатенький повеса проматывает родительское состояние в поисках острых ощущений. Хотя капитал можно запросто проматывать, считая, что пишешь роман. Но человеком он был милым, веселым и в выпивке крепким. Пару раз Папаша видел, как он летал на парашуте в окрестностях Аргерс-Пост, как он, весь в красной пыли, возвращался с сафари, что окончательно убеждало в отсутствии каких-либо литературных занятий. Все остальные их встречи происходили в веселом заведении Маккенроя. Пока не появился этот несчастный литературный агент. Папашу в то время уже начали мучить предчувствия случившейся через полгода страшной драмы, но тогда он свалил все это на несколько затянувшуюся «лиловую полосу». Было уже за полдень, Папаша находился в приличном подпитии, и когда ввалился в еще пустынный бар Маккенроя, его приятель Евроамериканец (или наоборот!) сидел, как всегда, на своем любимом табурете у стойки. Перед ним лежала пухлая рукопись и стояла чашка крепкого кофе (как обычно, без сахара — Папаша это помнил). Он заявил, что только что закончил работу над первой книгой своего романа и по этому поводу готов вечером немного выпить.

— Зачем же откладывать на вечер то, что лучше сделать сейчас? — оживился Папаша.

— Зачем же делать сейчас то, что можно отложить на потом? — возразил писатель. — А я смотрю, вы уже давно не сухонький, Папаша Янг?

— В том-то и дело, сынок, — вздохнул Папаша, — в том-то и дело. «Лиловка»...

Черт, конечно, он уже давно не сухонький, и ему сейчас просто необходима компания, неужели не ясно? С этим чертовым Маккенроем не поговоришь — даст выпивки, уйдет в подсобку и будет слушать свои дурацкие блюзы. Папаша с грустью раздумывал, заказать ли ему какой-нибудь холодный слабоалкогольный дринк или махнуть крепкого, и заодно жалел себя: конечно, всем на человека плевать. Ну, в общем-то и ему на всех плевать. Он запросто может выпить в одиночестве.

Однако в этот день Папаше крупно повезло с компанией. Дело в том, что, помимо выпивки, собак и колдунов ндоробо, у Папаши Янг была еще одна страсть — он часами мог смотреть видео. Ему доставляли кассеты с новыми фильмами со всех четырех сторон света, он выписывал все известные киножурналы, а во времена «лиловки» часто полемизировал с известными режиссерами и кинокритиками.

Когда весело звякнул дверной колокольчик, Папаша, все еще не выбравший себе напиток, подумал, кого это там принесло на голову среди бела дня и сулит ли это какую-нибудь выгоду. Он повернулся на звон... В следующую минуту он увидел, «кого это принесло на голову», и у него перехватило дыхание. В баре Маккенроя, в захолустном городишке Аргерс-Пост, Восточная Африка, в трехстах километрах от Найроби и в десяти тысячах от Голливуда, словно вышедшая из пьяного Папашиного бреда, стояла его любимая актриса. Звезда, сорвавшаяся с небес и упавшая в ладони Папаши. Чудное видение сопровождали два франта, как бы подчеркивая нереальность происходящего, и Папаша с грустью подумал, что у него начались галлюцинации. Он хотел по-

делиться своими соображениями с европисателем-американцем, но тот ухмыльнулся, затем, равнодушно осмотрев вошедших, отвернулся к стойке бара и принялся рассматривать витрину бутылок. Папаша решил взять себя в руки: собственно говоря, ничего особенного не происходило. Просто эта прелестная молодая женщина была как две капли воды похожа на божественную Мишель (Папаша всегда называл ее только по имени, иногда напевая это сладкое слово на первые такты знаменитой песенки «Битлз») и, зная это, безжалостно эксплуатировала образ. И ее можно понять: любая бы на ее месте поступила точно так же — такие, как Мишель, рождаются раз в столетие. Папаша принял решение: виски — бурбон со льдом — будет самым подходящим лекарством.

Вошедшие вежливо поздоровались, поинтересовавшись, это ли заведение зовется баром Маккенроя, ибо на вывеске написано что-то совсем другое. Так как здесь никого, кроме Папаши и писателя — прожигателя семейных капиталов, не было — Маккенрой в огромных наушниках, из которых трещал блюз, возился в подсобке, и оттуда доносилось его гнусавое мурлыканье, — Папаша взял на себя труд ответить. Он сказал, что так оно и есть, провалиться ему на этом самом месте.

Один из франтов оглядел помещение, пожал плечами и сказал, что, по его мнению, проваливаться не стоит даже ради отеля «Плаза». Папаша посмотрел на его абсолютно лысый череп, аккуратные бакенбарды (это при лысой-то голове!), проницательные и жесткие глаза, казалось, с трудом скрывавшиеся за тонкими линзами доброжелательной улыбки, посмотрел на пестрый дорогой наряд и подумал, что парень крут. Перед ним был тип, похожий на одного из тех сумасшедших, что рекламируют тропическую моду для крутых ребят в роскошных магазинах усталых северных столиц. Самодостаточный псих, по иронии судьбы действительно попавший в тропики. В следующую секунду Папаша забыл о нем. Он смотрел на Мишель, пытаясь оценить степень ее реальности, и все более разочаровывался — не она, теперь уже ясно наверняка. Неплохая копия, но так далека от

оригинала... Ей не хватало чего-то неуловимого, что свойственно лишь подлинникам.

— Хотя один мой знакомый провалился ради этого самого места, — заявил второй франт, неспешно двигаясь к стойке.

— Вот как? — оживился лысый. — Я тоже знал восходящую звезду литературы с похожей судьбой.

— «Унесенные ветром», «Моби Дик», «Война и мир» — это не он?

— Совершенно верно... Но особенно ценятся его диалоги для подпольных порнофильмов — блестяще удаются кульминации и развязки... Все эти «ох», «а-а-а», «у-у-ф-ф-ф»...

— Да-да, виден большой знаток жизни, удивительная личность... Похоже, мы говорим об одном человеке?

— Более того, похоже, мы встречаемся в близких кругах...

«Придурки», — подумал Папаша и шепнул писателю о сходстве милой молодой женщины и несравненной Мишель. Но тот лишь улыбнулся и сказал, что мало ли по свету бродит двойников и двойняшек.

Потом оба шоумена подошли ближе, и лысый обладатель бакенбардов заинтересовался у писателя:

— Вы знаете, мы никак не можем решить, что бы нам выпить. Может быть, бросить монету, как считаете?

— Вопрос важный, — усмехнулся писатель, — я б не стал доверяться случаю...

— Вот именно, я всегда так говорю! Но все же что стоит выпить людям, проторчавшим последние двадцать четыре часа в креслах паршивых самолетов и впервые в жизни оказавшихся в Африке? Как вы поняли, лишь с одной целью — как следует выпить!

Папаша смотрел на ту, которая могла быть божественной Мишель — она осталась у резных белых дверей с веселым колокольчиком, — и чувствовал напор юной энергии, исходящей от нее. Это Мишель! Это невозможно, но именно поэтому — это так! Потом он перевел взгляд на второго франта и подумал, что если бы он не входил в состав этой сногшибательной компании, то его

личность не вызывала бы никаких вопросов — он был похож на странствующего ботаника, или как там зовутся эти сукины дети, перекопавшие всю Кению в поисках доисторических костей.

— Что-то не похоже, — пробурчал Папаша, — что вы прибыли в наши края лишь с целью выпить.

— А мы маскируемся под добропорядочных граждан, — заявил лысый, — у нас большая практика. Особенно у дамы, за ее плечами опыт анонимных алкоголиков.

Папаша почувствовал по отношению к этому типу что-то вроде тихой ненависти.

— Какие из нас советчики! — грустно вздохнул писатель и указал на Папашу. — Мы с приятелем уже давно пьем чистый тростниковый спирт и закусываем хвостом крокодила. В этой стране так принято.

— Какой ужас! — впервые прозвучал голос божественной Мишель. — Ничего не меняется...

(Голос! Ведь голос нельзя подделать?!)

— Не говорите, мадам, — подтвердил писатель, — вот и мой друг часто сетует, что все течет, но ничего не меняется. Ну ни хренашеньки...

— Послушай, приятель, — довольно грубо оборвал его лысый, — если встретишь этого типа, — он бесцеремонно отодвинул писателя плечом, расчищая себе место, и выложил на стойку довольно объемную книгу, блеснувшую гляncем превосходного переплета, — то передай ему, что уже три недели эта дешевая книжонка, четырнадцать долларов девяносто центов, не сходит с первых мест рейтинга. И некоторые не самые проницательные критики, непонятно за что получающие свои деньги, снова сулят ей судьбу мирового бестселлера.

— Ладно, сделаю, — пообещал писатель и улыбнулся.

Папаша посмотрел на книгу — половину обложки занимала цветная фотография. Папаша почувствовал странный вкус во рту, и ему захотелось выпить прямо сейчас — где там этот треклятый Маккенрой?!

— Уж если вы настолько любезны, что беретесь что-либо передать, — этот голос принадлежал Мишель. Совершенно точно. Она сейчас подошла к ним и коснулась своей волшебной рукой плеча Папашиного знакомого, — то скажите ему, — рука описала полукруг, заставив воздух весело задрожать, и легла на книгу, — что одна дама с большой практикой выслушивания одних и тех же глупых шуточек направляется сейчас в Йоханнесбург. Ей с трудом удалось выкроить двадцать свободных часов, и десять минут этого времени уже прошли...

— Какого же черта вы мне сразу об этом не сказали?! — вскричал писатель-гуляка и, подхватив смеющееся и отбивающееся Мисс Совершенство на руки, направился к выходу. По дороге он весело проговорил: — Папаша Янг — мой лучший приятель в этом городе... Знакомьтесь: мистер Томас Райдер, месье Гастон Ажамбур — мои друзья... Зрелище то еще, но, как сами понимаете, люди рассудительные со мной знаться не станут.

Он уже поставил Мишель на ноги, задержавшись у дверей.

— А похищаемую сейчас даму мы зовем просто Кей...

И дверь за ними закрылась.

Папаша Янг, казалось, в эту минуту переживал состояние шока. Такое же, как через несколько лет будет переживать бедолага Андрюха, когда в зимнем московском кафе щедрый, как индийский раджа, Дядя Витя — Дядя Витя, ожидающий чудесных перемен, — извлечет на свет пачку новеньких купюр и закажет самой дорогой водки и черной икры.

Потом Папаша Янг, взяв в руки увесистую книгу, указал на пустой табурет, где только что сидел самый верный его слушатель, и спросил:

— Это он?

— А что, — усмехнулся лысый мистер Райдер, — старый пропойца выдавал себя за охотника на гиппопотамов?

— Да еще скрывающегося от правосудия за растление малолетней дочери судьи? — добавил Гастон Ажамбур.

— Вы уж нас извините, — добродушно проговорил мистер Рай-

дер, — нам просто известно кое-что о книге, над которой он здесь работает... Ну не знаю, кто как, а я не прочь чего-нибудь выпить. Говорят — неплохо для акклиматизации. Выпить и поспать — это все, что меня интересует в ближайшие двадцать часов.

Папаша вдруг почувствовал, что все негативное по отношению к этому человеку улетучилось:

— А простите... Эта молодая леди, Кей... Это мисс Мишель?..

— Умоляю, не продолжайте, — прошептал странствующий ботаник, — к счастью, в этом городке вы пока единственный, кто ее узнал...

Через пару часов оставшаяся в баре троица была уже слегка пьяна, а Папаша Янг думал, насколько ошибочным может быть первое впечатление. Эти двое оказались великолепными ребятами: лысый повеса — крупный литературный агент и, несмотря на внешность богемствующего людоеда, милейший человек, а ботаник, месье Ажамбур, — бельгиец-этнограф. У всех троих нашелся повод выпить по стаканчику вина. Папаше Янгу, собственно, никаких поводов и не требовалось. Но тот факт, что несколько минут назад рядом с Папашей, сотканная из вещества реальности, находилась Повелительница его грез, вырывал этот день из череды лиловых будней. Литературный агент рассказывал, что всего пару лет назад писатель-гуляка влачил жалкое существование, раздавленный равнодушием больших городов, а теперь уже третья книга становится бестселлером, в чем немалая заслуга его — Лысого Черепа (кстати, присмотришь, какая на голове татуировочка!). Месье Ажамбур заявил, что его профессиональными интересами в Африке являются воинственные красавцы: в красных тогах — масаи и народ-загадка, вызывающий столько споров, — ндоробо. И уж если он нашел брата по духу, Папашу, столь серьезно и тесно связанного с проблемой, то не выпить по стаканчику белого вина представляется просто кощунством. Папаша Янг признал этот довод убедительным, тем более что в ближайшие двадцать часов платит за все писатель —

автор бестселлеров, празднующий таким образом успех своей книги, писатель-гуляка, удалившийся со смеющейся богиней на руках в свой шалаш из пальмовых листьев и солнечных зеркал, где наивно отражается счастье, никогда не существовавшее на этой земле.

Посиделки удались. И когда бар Маккенроя начал превращаться в то, чем он был обычно — веселое шумное заведение, Папаша приступил к своим историям. И литературный агент, привыкший к сумасшедшим вечеринкам, и гораздо менее эксцентричный месье Ажамбур, не тратящий свою жизнь на подобные развлечения, были захвачены безудержным магнетизмом Папаши, вовсе не догадываясь, куда ведет дорога, на которую они ступили. А Папаша Янг рассказывал, что он — водопад и в голове его живет рев падающей воды, стирающей в песок воспоминания и несбывшиеся надежды, а дочь его — быстроногая речная нимфа. Бельгиец-этнограф спросил, к какому народу, на его взгляд, ближе ндоробо — к пигмеям или бушменам, вопрос, до сих пор не решенный этнографами, и Папаша Янг на полном серьезе ответил, что они происходят от карликов Сумрачной страны, от гномов-чародеев, развлекавших еще фараона Неахо... А потом начал рассказывать о лиловом видении, предупреждении ндоробо, всеобщей Зебре, пробудившейся в туманных северных горах и приближающейся с роковой неотвратимостью. Затем последовали охотничьи байки и истории про Черного Ор-койота, и все заведение Маккенроя потешалось над очередным ток-шоу.

А позже к ним присоединились писатель и несравненная Мишель, и Папаша почувствовал, что его состояние близко к критической точке восторга. Звезды не сходят со своих путей, это опасно для их жизни, и в Мишель, забредшей в Аргерс-Пост в безнадежных поисках любви, так, к счастью, никто и не признал сексапильную красотку, вызывающую желание пройти сквозь киноэкран. А если и возникали какие-то подозрения, то дежурное объяснение было готово: ну подумайте сами, разве звезда,

окруженная броней «секьюрити», девушка, которой добиваются самые известные плейбои, финансовые мешки и президенты, будет развлекаться здесь, в берлоге Маккенроя, с кучей полусумасшедших охотников из буша?

Через несколько часов Мишель подумает, что сейчас закончился один из счастливейших дней в ее жизни, и самое ценное в нем — невозможность и ненужность его повторного воспроизведения. Прощаясь с Маккенроем, она оставит свой автограф на декоративной тарелке: она напишет свое настоящее имя и несколько теплых слов — синяя надпись на белом блюде...

— Спасибо, мадам, — скажет Маккенрой. — А я узнал вас. Я узнал бы вас, даже если б вы загримировались мужчиной. Я считаю вас самой лучшей актрисой и самой красивой женщиной на обоих полушариях — к востоку и западу от Гринвича...

— Спасибо вам, — рассмеется беспечная богиня. — Пожалуй-ста, не меняйте ваших мыслей в течение ближайших шестидесяти лет.

— О'кей, мадам. Я вам это обещаю.

И она отвернется, чтобы выйти из заведения Маккенроя и уже больше никогда сюда не вернуться. А месье Ажамбур и литературный агент продолжат вечеринку в большом и гостеприимном доме Папаши Янга.

— Давайте никогда не умирать! — бросит клич Папаша. — На этом свете так чертовски весело...

Потом для них перестанет существовать чувство реальности. А когда на следующее утро литературный агент попробует разомкнуть ставшие словно свинцовыми веки, он решит, что в его голове и во рту прошла маленькая война. Но он справится со своими болями — многолетняя привычка к быстрой мобилизации сил. И когда он откроет глаза, то увидит Зеделлу, заботливо склонившуюся над ним с влажным полотенцем.

— Вы стонали во сне, вам было очень плохо, — просто скажет девушка. — Если б вы знали, что творили там внизу с моим папочкой. Я всю ночь не могла уснуть.

А литературный агент не сможет вымолвить ни звука, потому что внутри его образуется огромная полость и ее будет медленно наполнять нежный свет, струящийся из склонившегося к нему лица. И он поймет, что увидел самую красивую женщину на земле и теперь ему не будет покоя. Он захочет что-то сказать, и окажется, что он попал в мир, где еще не придумано слов. Этот циничный, жесткий человек не просто влюбится и не просто потеряет голову. Он заболевает Любовью, и любовная лихорадка будет сжигать его изнутри, как огромный червь, пожирающий реальность и оставляющий больному лишь зыбкий, ускользающий мир несбывающихся грез. Он удивит и писателя, и Мишель, и Гастона Ажамбура, когда на следующий день прервет поездку и останется в Аргерс-Пост, он удивит благоволящего к нему Папашу Янга, но больше всего он удивит Зеделлу, когда страстно и горячо откроется ей.

— Ну что ты, папочка, — скажет Зеделла в ответ на слабые и бесполезные попытки Папаши Янга описать достоинства литературного агента и попросить дочь быть к нему снисходительнее. — Томас Райдер, конечно, хороший человек, но он абсолютно не интересует меня. Нас разделяет не меньше двадцати лет, и потом, ты же знаешь, у меня есть друг в университете. Преследования мистера Райдера утомляют, и я вовсе не хочу так усложнять свою жизнь. Я пыталась ему объяснить, что хочу завершить образование, что буду работать осенью в археологической экспедиции на севере Кении, но он предлагал мне уехать с ним на Амазонку или на острова Полинезии, и, папочка... мне показалось, что мистер Райдер несколько не в себе.

Да, мистер Райдер был несколько не в себе, и, поняв, сколь унижительно его дальнейшее пребывание здесь, он уехал в Мадрид, где у него был пустой белый дом с голубым бассейном. Но и там он не нашел покоя. В самом центре Испании, где даже зимой не бывает зимы, где щедрые солнечные ветры овевают белые города и лица гордых людей, умеющих смеяться, мистер Райдер не нашел себе покоя, и его лихорадку не отогрело высокое мадридс-

кое солнце. Он бродил по огромному дому, завернутый в плед, и его глаза горели странным светом, и любому было ясно, что так могут гореть лишь глаза сумасшедшего, но мистер Райдер знал, что это свет сжигающей его любви.

Через пару месяцев Папаша выполнил свое обещание и повез младшую дочь в Европу. Конечно, Зеделла проводила каникулы со своими друзьями, путешествуя по вековым столицам, а Папаша Янг навещал своих старых друзей, но они часто встречались и держали друг друга в курсе дальнейших перемещений.

В Мадриде их разыскал писатель, приезжавший в Европу по делам. Конечно, их встреча не была случайной. Писатель, влюбленный в Испанию, предложил свои услуги в качестве гида и рассказывал много интересного о маврах, иудеях и христианах, создавших неповторимый облик этой страны, о временах Реконкисты и о династиях великих испанских королей, владевших половиной мира, о Гойе, Эль-Греко и Веласкесе, о кастильской кухне, о славных иберийских окороках, о красном вине в бутылках, покрытых вековой пылью, о висячих домах в Куэнке и о народном любимце — Его Величестве Хуане Карлосе, то сбегавшем из дворца со своей женушкой покататься на лыжах, то разъезжающем на мотоцикле, переодевшись в рокерскую куртку, словно новый Гарун Аль-Рашид. Он рассказывал о вишенках на неповторимых усах Сальвадора Дали и о прогулках с муравьем, о корриде и о фиесте, о солнечной стране и солнечных людях, сделавших свою жизнь самым великим произведением искусства. Зеделла, словно чувствуя подвох в этом повышенном внимании, была вежлива, но подчеркнуто холодна, а писатель не мог понять, что они все нашли в этой милой, но абсолютно обычной девчонке. Папаша Янг, напротив, после истории с Мишель стал относиться к писателю как к ближайшему и любимейшему родственнику, и когда тот наконец попросил навестить Томаса Райдера, совсем больного и жаждущего лишь увидеть Зеделлу, Папаша сразу же согласился и сам уговорил дочь.

На окраине Мадрида, на длинной улице Кардинала Херейры Ойры, где город внезапно обрывался, а дальше начиналась сухая желтая степь и вдалеке виднелись горы Гвадаррамы, находился дом несчастного литературного агента.

Писатель рассказал Папаше Янгу, что Томас каждый день садится у окна в плетенное из прутьев кресло, завернувшись в плед, и ждет; он уверен, что Зеделла когда-нибудь появится, и тогда все у него будет хорошо. Выглядит он при этом кошмарно, но и слышать не хочет о помощи психиатра или какого-либо иного доктора.

— Но это ужасно! — воскликнул Папаша.

Они все понимали, каким тяжелым окажется предстоящий визит. И когда переступали порог роскошного белого пустынного дома, из черной глубины которого повеяло холодом, словно там жило привидение, настроение у всех было подавленным. Но в следующие несколько минут произойдет одно из самых странных событий, они окажутся свидетелями необычного преображения, и мистер Райдер полностью излечится. Потому что, когда несчастный литературный агент увидит Зеделлу, милую студентку в шортиках по колено — они целыми толпами слоняются летом по центру Мадрида, без конца фотографируются и пьют кока-колу, — что-то случится с ним, что потушит сумасшедший огонь в его глазах. Он, словно мгновенно избавившись от наваждения, от безумия несуществующей любви, вдруг поймет, что нет чарующей копны волос, нет колдовского льющегося света, нет завораживающего запаха хищных лунных растений, а есть только это — милая студентка в шортиках из центра Мадрида.

— Почему они столько фотографируются? — пробубнит Томас Райдер. И если начинал эту фразу сумасшедший, то закончит ее уже выздоравливающий человек.

«Бог мой, — подумает Томас Райдер, — я предлагал ей уехать на Амазонку или на Полинезийский атолл, а надо было ехать в Аквапарк в десятке километров от столицы, где тоже есть паль-

мы, шум штормового моря в бассейне, вечером дискотека и легкий, симпатичный и ни к чему не обязывающий трах в машине, в мотеле или в парке «Ретиро» в центре Мадрида».

Мистер Райдер посмотрит на них растерянно.

— Слушайте, давайте поедem в Аквапарк, — вдруг скажет он, — в моем микробусе места всем хватит!

И он начнет смеяться. Так громко, что писатель испугается, не лишился ли его бедный друг рассудка. Но Томас Райдер скинет свой плед, похожий на саван, и будет смеяться, и смех окажется лучшим лекарством и извлечет из его израненной души древнюю стрелу любви, посланную рукой Смерти.

Томас Райдер полностью излечится и, радостно улыбаясь, скажет:

— Господи, Зеделла, простите меня, пожалуйста, я... не знаю, что на меня нашло... Там, в Африке. — И он снова начнет смеяться, Папаша Янг уставится в недоумении на писателя, а Зеделлу впервые прожжет черная волна уязвленной гордости. — Фу, — выдохнет Томас Райдер, — ваша Африка — действительно земля колдунов! — И он опять разразится хохотом.

— Если вы затеяли все это, чтобы посмеяться надо мной, — скажет Зеделла, чувствуя, какими сухими и жаркими стали ее губы, — то это очень глупо, мистер Райдер!

— Ну что вы, милая девушка, — остановит ее Томас Райдер, — я бесконечно благодарен вам, и я один виноват в этой истории. Я не знаю, как называется это затмение, причинившее беспокойство вам и чуть не доведшее меня до сумасшествия... Простите меня ради Бога. Может быть, мы с вашим папочкой выпили какое-то любовное зелье накануне, но я... бесконечно благодарен вам за... за все, что произошло. Еще раз простите, я счел бы за честь... называть себя вашим другом.

И потом они действительно отправились в Аквапарк, где резвились, как дети, на водяных горках, а позже мистер литературный агент пригласил всех отпраздновать свое «возвращение». Они ужинали в милом ресторанчике, где за высокими окнами

переливались разноцветными огнями фонтаны Пуэрта-дель-Соль, и мистер Райдер, за несколько часов превратившийся вдруг в светского льва, рассказывал о тайнах каталонской кухни и настоящего шотландского виски и делал это так остроумно, что все они покатывались со смеху. Зеделла смотрела на Томаса Райдера, на его крупный, чисто выбритый затылок, всего несколько часов назад заросший сорной травой неведомой болезни, на мощный и ухоженный торс, покрытый золотыми волосами благополучия и пестрой летней рубашкой, смотрела в его циничные, равнодушные глаза и вдруг поняла, как нелеп и смешон ее университетский друг и что больше всех на свете она желает этого сорвавшегося с аркана свободного жеребца, только что отвергнувшего ее. Зеделла испугалась собственных мыслей, решив, что в ней заговорила обиженная женщина и хорошо, что все так благополучно завершилось.

Через несколько дней они возвращались втроем в Африку, а мистер Райдер провожал их. За время этого путешествия писатель заметил, что происходит нечто странное. Он так и не понял смысла происходящего, только подумал, что столь любопытную метаморфозу можно описать в новом романе. Это действительно было бы неплохо и любопытно. А увидел он вот что: за время длительного путешествия Зеделла из милой и смешной девчонки вновь превращалась в красавицу, похищающую сердца. В Мадридском аэропорту ни один мужчина не обернулся, чтобы поглядеть ей вслед. Но по мере приближения к Африке что-то непостижимым образом изменялось в Зеделле. Писатель обратил внимание, как вдруг, словно очнувшись, на нее начал пялиться сосед по креслу. Как на нее глядели рослый улыбающийся стюард и девушки, разносившие еду. К концу рейса все пассажиры первого класса знали, что с ними путешествует юная красавица. Писателя и удивила, и заинтересовала эта метаморфоза. В аэропорту Найроби почти каждый мужчина мечтательно смотрел ей вслед, и когда писатель увидел, как дрожали пальцы и печальны были глаза у чернокожего кенийского

пограничника, проверяющего их документы, он подумал, что сделает все возможное, но Томас Райдер больше никогда не увидит эту девушку.

В это же время черная молния уязвленной гордости вновь прожжет сердце Зеделлы, и она подумает, что больше никому не позволит поступить с собой так, как поступил с ней Томас Райдер. Она еще не поняла, что это значит, но, повинуясь внутреннему инстинкту, кокетливо и обнадеживающе улыбнулась пограничнику и удовлетворенно отметила, что счет открыт. Писатель же не видел никаких перемен, перед ним по-прежнему была милая девчонка в шортиках по колено, но по поведению окружающих он понял, что что-то происходит. К Зеделле вновь возвращалась ее колдовская сила.

Через некоторое время писатель действительно опишет этот эпизод в новой книге. У него получится романтическая и полная трагизма история. Он многое выдумает, но истинный смысл происходящего останется для него скрыт. И здесь мы простимся с ним.

В Аргерс-Пост возвращалась дочь Водопада. Поездка в Европу сыграла с ней печальную шутку. Зеделла была уязвлена, она осознала себя и перестала противиться уже давно пробуждающимся в ней силам. Она возвращалась домой, хотя ей бы следовало бежать — бежать как можно дальше от этого места.

Папаша Янг же очень обрадовался возвращению домой. Через несколько дней он закатил пирушку и пару часов протанцевал с чернокожими колдунами, а потом полночи рассказывал в заведении Маккенроя, как мимо него на мотоцикле проехал король Испании.

Именно к этому человеку собирался заехать Йорген Маклавски по пути на Север, где на труднодоступном озере Рудольф работала британско-кенийская экспедиция и где, Йорген знал, он может получить информацию о том, что же сейчас происходит в Восточной Африке.

24. Приближение

Йорген Маклавски давно знал Папашу Янга. И очень надеялся, что на шкуре выдуманного им причудливого зверя сейчас окажется белая полоса. Он бы очень этого хотел. Йорген Маклавски не знал, обладает ли он шестым чувством. Он вообще не думал на эти темы, хотя нередко в его скитальческой жизни приходилось принимать очень важные решения за доли секунды. Как правило, эти решения оказывались верными и весьма просчитанными. А как же иначе — он профессионал! И порой просто не имел права на ошибку. Но как это называется — интуиция, шестое чувство или опыт, — Йоргена не особо интересовало. Нет, его никогда не занимали подобные вопросы. Самым глупым да, пожалуй, единственным по масштабам глупости и погубленного времени решением была Петра Кнауэр. Бог мой, каким надо было быть идиотом, чтобы сделать предложение этой мюнхенской фрейлейн, стройной и крупной белокурой девице с милыми веснушками на пышущем здоровьем лице! Петра могла бы неплохо заработать на своих веснушках, рекламируя дорогие сорта сыра, если бы не родилась чертовски богатой ненасытной самкой. О, в первое время доверчивый и мечтательный, как любой сильный мужчина, Йорген Маклавски принял некоторую чрезмерную необузданность юной жены за любовную страсть. Он был польщен постоянным желанием Петры. Он был влюблен, и страсть жены вызывала не меньшее ответное влечение, и до самого утра они превращались в стонущую, ревущую, страдающую и кипящую плоть, пока дом их не наполнялся густым запахом бесконечного оргазма. Это могло происходить в машине на обочине дороги или в лифте, остановленном между этажами, в ванной комнате, на обеденном столе, в воде ночного озера и под опорами канатной дороги, это могло происходить повсюду и всегда, а если обстоятельства не позволяли ударить из всех орудий,

Петра Кнауэр опускала свою белокурую головку и впивалась в безотказное тело мужа страждущими губами. Когда же в опере все представление Петра продержала руку в расстегнутом тепле Йоргеновых брюк и пространство над ними стал наполнять тот самый густой запах бесконечного оргазма, Йорген Маклавски понял, что его жена не жрица любви, а просто какой-то испорченный механизм. Йорген хотел показать Петру психиатру, но она назвала его свиньей; когда же он стал настаивать, Петра устроила скандал, объявив мужа бездарной, найденной на улице и ни на что не годной дешевкой. После этого в их жизни было достаточно дерьма, и Петра отправилась в свое бесконечное путешествие по чужим постелям, но Йоргену Маклавски хватало выдержки, чтобы не наделать глупостей. И когда атака адвокатов, нанятых одной из богатейших семей Мюнхена, закончилась, выжатый, усталый, но счастливый Йорген понял, что страшное наваждение прошло и он наконец свободен. Он купил билет в один конец и оказался в Кении. Нет, человек, имевший такую жену, явно не обладал шестым чувством. Если только оно не досталось ему в наследство от Петры.

Но Йорген Маклавски теперь уже знал наверняка — в буше что-то происходит. Не совсем привычное для этих мест.

Уже перед самым городком Аргерс-Пост их настигла ревущая музыка, и потом колонну из трех «лендроверов» обогнали разрисованные ярко-пляжные «мицубиси». На какое-то время автомобили поравнялись, и Йорген не обнаружил никого, кроме лихо веселящейся компании. Потом «мицубиси» оторвались и ушли вперед.

Профессор Ким находился на заднем сиденье головного «лендровера», а рядом с Йоргеном сидел улыбчивый маленький мганга Ольчемьири. До появления этих развлекающихся плейбоев Профессор Ким беседовал с мгангой. Оказалось, что Ольчемьири — не банту, он как бы пришлый колдун и относится к народу ндоробо. Профессор Ким задавал вопросы, мганга отвечал, а Йорген переводил эту забавную смесь английского и суахили.

Сейчас Профессор Ким закурил сигарету «Кэмел» (его трубка была с ним, но почему-то здесь, в Африке, он так ни разу до нее и не дотронулся) и задумчиво посмотрел вслед удаляющимся «мицубиси». Он раздумывал, стоит ли прямо сейчас поговорить с Йоргеном или все это обычное совпадение. Стоило ли говорить Йоргену, что он опять встретился взглядом с тем самым красивым темнокожим человеком (перстень!) из «Сафари-клуб»? И что черты его лица стали еще утонченнее, а глаза, исполненные доброты и печали, задали вопрос: неужели ты не узнаешь меня, неужели мы не встречались на спиральных кругах Вечности с другой Стороны Мира? Неужели — ведь память НАВСЕГДА?.. Но Профессор Ким уже вспомнил запахи Сумеречной страны, и пару дней назад он уже шел по Спиральной Башне, где за поворотом ждала большая хлопающая лужа, а картинки имели обыкновение оживать, и сейчас он ЗАСТАВИЛ перстень ответить ему. Древнее золото кольца блеснуло лунным огнем, и так же блеснули глаза темнокожего красавца. Только в них больше не было доброты и бесконечного понимания: в какой-то миг в них появился оттенок сумасшествия, словно устойчивый мир вокруг вдруг начал разрушаться, а потом... потом Профессор Ким понял, что смотрит в глаза хищной ночной птицы. Он не отвел спокойного взгляда, и тогда «мицубиси» резко ушли вперед.

А через какое-то время маленький мганга начал что-то тихо говорить. Профессор Ким не понимал его, видимо, мганга говорил на суахили. Но одно слово он все же понял. Это было слово «Кишарре».

В это же время чисто выбритый и абсолютно трезвый Папаша Янг принимал двух очень непохожих гостей: настоятеля миссии патера Стоуна и чернокожего знахаря Мукембу. Папаша потчевал гостей отменной домашней наливкой, но сам воздерживался. Он вел светскую беседу и был немало удивлен, когда Зеделла появилась в роскошном платье, купленном пару месяцев назад в городе розового воздуха, в Париже, и стоившем Папаше немалых денег. Платье настолько подчеркивало несравненные достоинства

Зеделлы, что патер Стоун испуганно опустил глаза. И даже Папаша подумал, как же все-таки хороша его дочь.

— Что это ты вырядилась, Делл? — в шутку нахмурился Папаша.

Обычно Зеделла болталась по дому в шортах или широких джинсах, но никак не в платье для коктейля.

— Папочка, я просто решила порадовать наших гостей...

Папаша Янг расхохотался, патер Стоун, все не решаясь поднять глаза, благодарно закивал, а Зеделла посмотрела в окно, на еще пустынную дорогу, ведущую из Аргерс-Пост.

— Йорген, это были они, — сказал Профессор Ким.

— Знаю, — спокойно ответил сероглазый охотник. — Они наблюдали за нами прошедшей ночью. Странные сукины дети.

— Йорген, я не могу этого объяснить... Но мне кажется, нет, я уверен — они знают о нас...

— Не надо ничего объяснять, — проговорил Йорген и подумал, что странное дело, но уже второй раз за сегодняшнее утро он вспоминает о Петре Кнауэр. — Именно поэтому мы едем к одному человеку. Его здесь зовут Папаша Янг.

Профессор Ким поднял голову. На дорожном указателе была надпись: «Аргерс-Пост».

25. Маккенрой

Два автомобиля марки «мицубиси», яркие, словно их раскрашивал какой-то беспечный пляжный повеса, появились в тихом городке Аргерс-Пост. Они свернули с главной «авеню» и остановились у тенистого дворика, где росла старая гефена —

ветвистая пальма, а в центре располагался бассейн-аквариум с голубой водой. В аквариуме расправляли жаркие плавники медлительные тропические рыбы, никогда не видевшие моря. Небольшое, выложенное ракушечником пространство между аквариумом и зданием занимали несколько старых столиков, окруженных низким частоколом из бамбука, и причудливая черная статуя, вырезанная стариком Маконде, иногда помогающим Маккенрою. Прямо напротив бассейна находилась широкая резная белая дверь, а над ней навес в виде половины крыши африканской хижины. Тень от навеса ближе к закату удлинялась, касаясь воды аквариума. Старик Маконде пил у Маккенроя бесплатно. Он был единственным резчиком в этих местах и, возможно, единственным Маконде, забравшимся так далеко.

Маккенрою все же пришлось переступить через старое семейное суеверие — не давать никаким предметам и мероприятиям свои имена.

— Имя принадлежит человеку. Если же ты отделишь свое имя, злые люди смогут использовать это и наслать на тебя порчу! — так говорила бабка Маккенроя, известная гадалка, а с ее мнением считались все соседи.

Когда же Маккенрой начал свое дело, он не забыл о давнем наставлении. Также он не стал срубать старую гефену, пальмудум, хранящую его заведение от нашествия змей и насекомых. Когда выпадала свободная минута, Маккенрой вырезал из крупных, величиной с куриное яйцо и очень напоминающих слоновую кость, плодов гефены различные украшения. Старик Маконде добродушно посмеивался, глядя на увлечение Маккенроя. В свои восемьдесят лет старик все еще был вдохновенным резчиком и снабжал подлинными произведениями искусства любопытных туристов, всегда делающих фотографии и всегда спешащих в свои города, где время сжималось до размеров маленьких шариков, стоящих целые состояния и передаваемых по наследству.

Маккенрой сменил не одну табличку у дверей своего заведения. Какие только названия он не выдумывал. Все оказалось бес-

полезно: посетители упрямо продолжали именовать это место «баром Маккенроя». Последняя его попытка была означить свой бар как «Райское место». Маккенрой от чистого сердца надеялся, что название вполне подходящее. Тем более что на суахили оно звучало неплохо: «Пепони».

В первый же свой визит Папаша Янг обратился к собравшимся:

— «Пепони»... Вы не знаете, кто написал эту глупость у дверей бара Маккенроя?

Маккенрой молча вышел из-за стойки и сорвал табличку. На следующий день на ее месте появилась новая. На ней было написано: «Бар Маккенроя».

— Вот это другое дело! — похвалил Папаша. — Давно пора.

Примерно в том же духе высказались и остальные посетители.

«Черт с ними со всеми», — подумал Маккенрой.

Сейчас было еще рано, Маккенрой в одиночестве стоял за стойкой и протирал высокие стаканы белым полотенцем. Он насвистывал старый блюз и поглядывал на экран телевизора. Маккенрой не пропускал ни одной телеигры, с азартом заполнял карточки телевизионных лотерей, а однажды даже прошел конкурс на участие в телешоу, ездил в Найроби и выиграл там телевизор.

— Мак, ну ты был хорош! Мы все гордимся тобой, — говорили ему в Аргерс-Пост, когда он вернулся со своим призом.

Маккенрой смущенно улыбался, но в глубине души тоже очень гордился собой. Да, это был прекрасный день. Один из лучших. Все эти ребята из Аргерс-Пост видели его на экране, и он помахал им рукой. Но за восемь лет крупнее этого выигрыша у Маккенроя не было, хотя он заполнял карточки каждую неделю.

Еще перед тем как звякнул колокольчик и открылась входная дверь, Маккенрой почувствовал мгновенный приступ тоски, сковавшей его сердце. Он понял, кого сейчас увидит, и подумал, уж не старая ли бабка-гадалка пытается достучаться до него, оградив от опасности. Потом он решил, что скорее всего надо просто показаться врачу, ведь он очень много ра-

ботаает и вынужден экономить, потому что мечтает наконец провести ремонт, расширить свое заведение и много чего здесь обновить.

— Планы несколько изменились, мистер Маккенрой, — сказал вошедший.

Да, здесь давно пора сделать ремонт, и это действительно правда, как правда и то, что три дня назад, когда этот человек появился впервые, у него так же сковало сердце глухим ощущением тоски. Тогда, подняв голову и оторвавшись от своего занятия — он протирал высокие стаканы белым полотенцем, — Маккенрой невольно улыбнулся, потому что вошедший был очень красив.

«Эфиоп или индус? — мелькнуло в голове у Маккенроя. — Может быть, с побережья? Не похоже, скорее всего он приехал издалека. Может ли так загореть европеец?»

Темнокожий человек не спеша подошел к стойке и с улыбкой посмотрел на Маккенроя. Маккенрой улыбнулся в ответ, слегка смутившись: еще никогда незнакомый человек не смотрел на него такими глазами, полными доброты и какого-то бесконечного понимания.

Я ЗНАЮ, О ЧЕМ ТЫ ГРЕЗИШЬ. УСПОКОЙСЯ, ВСЕ БУДЕТ ХОРОШО — ЭТО ПУСТЯК.

— Единица, семерка, девятнадцать, — проговорил темнокожий незнакомец, — наверное, двойка, пятерка и скорее всего тройка.

— Что это вы, мистер? — усмехнулся Маккенрой, чувствуя, как забилося его сердце.

(А что, Маккенрой, ты не знаешь?)

— Я думаю, такой будет выигрышная комбинация в сегодняшнем «телелотто». И опять будет «джекпот» — выигрыши ждут только своих героев, — мягко проговорил незнакомец.

— Понятно, — сказал Маккенрой. — Вы что, хозяин «телелотто»?

— О нет! — рассмеялся темнокожий красавец. — По крайней мере я так не думаю.

— Что будете пить, мистер?

— Джин.

— Джин... Ясно. С чем-нибудь смешать? Добавить тоник?

— Чистый английский джин. Никогда не надо смешивать напитки, мистер Маккенрой. И уж тем более разбавлять их ради сиюминутного удовольствия.

— Интересная точка зрения... «Бифитер» подойдет?

— Вполне.

— А откуда вы знаете, что я играю в «телелотто»?

— Я думаю, это не является секретом. Тем более что любой приличный человек мечтает выиграть миллион в «лотто»... — Он огляделся по сторонам и сочувственно улыбнулся. Маккенрой снова ощутил, как у него забилося сердце.

— Здесь, конечно, не мешает сделать ремонт, мистер...

— Совсем не мешает.

Незнакомец взял довольно большую порцию джина и выпил ее одним изящным глотком. Маккенрой ждал, когда он поморщится, но этого не произошло.

— Вообще-то у меня есть к вам дело, мистер Маккенрой, но поговорим позже, когда вы будете готовы. Так не забудьте: единица, семерка, девятнадцать, двойка, пятерка и потом выпадет тройка.

— Чудно... — Маккенрой рассмеялся. Он с удовольствием бы продолжил этот разговор, и он прекрасно понимал, что два незнакомых НОРМАЛЬНЫХ человека на подобные темы говорить не станут.

— Пустяк...

— Я думаю, мистер, вам лучше сказать, чего вы хотите...

— Конечно... Когда вы будете готовы.

И темнокожий красавец еще раз осмотрел помещение, потом, бросив взгляд на работающий телевизор, добродушно кивнул Маккенрою и направился к выходу.

— Еще один вопрос, мистер: откуда вы знаете мое имя?

Он обернулся и, рассмеявшись, проговорил:

— Прочитал. На двери табличка...

А через четыре часа Маккенрой почувствовал, что его состояние близко к сумасшествию и что больше всего на свете он хочет снова поговорить с этим темнокожим человеком. За разговор с ним Маккенрой отдал бы сейчас все что угодно.

— Сукин сын, — говорил Маккенрой. — Сукин он сын!

Пять минут назад под музыку, аплодисменты и шутки ведущего закончился очередной розыгрыш «телевизионного лотто», и Маккенрой как замороженный смотрел на яркий экран старенького «Сони». Цифры выпадали одна за другой, сердце Маккенроя готово было вырваться из груди.

— Сукин сын! Ну почему он не пришел хотя бы вчера! Я бы успел заполнить карточку.

На экране телевизора горели цифры: 1,7,19,2,5,3. Цифры были обведены цветной рамочкой, но на какое-то мгновение Маккенрою вдруг показалось, что это свернувшаяся в клубок спящая змея.

— Ну где же он ходит, сукин сын?!

Те самые цифры, выпавшие в той самой последовательности!

— Сукин сын...

И опять был «джекпот». О сумме выигрыша даже страшно было говорить.

Незнакомый темнокожий человек появился только около полуночи, когда Маккенрой уже потерял надежду и почти убедил себя, что происшедшее с ним было галлюцинацией, временным помутнением разума. И бесконечно красивый, наверное, прекрасный, темнокожий человек никогда не придет, потому что его не существует.

Но он появился. Прошел мимо смуглых охотников с обветренными лицами, мимо симпатичных туристов, забравшихся сюда в поисках экзотических наслаждений, мимо чернокожих аскари и остановился у стойки.

— Ну что, мистер Маккенрой, пора закругляться?

— Я думаю, вы правы, мистер...

Через четверть часа заведение Маккенроя было пусто.

— Вам, конечно, чистый джин? — спросил Маккенрой, проводив последнего посетителя и возвращаясь за стойку.

— Не сейчас. Похоже, вы уже готовы?

— Я не знаю, что вам сказать, мистер...

— Норберт, — проговорил тот неожиданно быстро.

— Очень рад, мистер Норберт.

— Мне тоже приятно знакомство с вами...

Он положил руку на стойку, и Маккенрой увидел, какие у него длинные пальцы, узкие холеные ногти и как хорош тяжелый перстень: золотая змея, свернувшаяся вокруг большого зеленого камня, камня чистейшей воды... Маккенрой посмотрел на другие кольца, и снова его взгляд вернулся к перстню.

— Старинная, должно быть, вещица, — сказал Маккенрой.

— Достаточно старинная... Как вы понимаете, я пришел поговорить с вами о цифрах. О выигрышных цифрах.

— Надеюсь, что так...

— И как вы убедились, некоторые вещи для меня не являются секретом, мистер Маккенрой.

— Еще как убедился.

— Хорошо. Наверное, вам интересно, как я это делаю, и больше всего на свете вы хотели бы узнать выигрышную комбинацию следующей недели.

Маккенрой вдруг почувствовал, что у него пересохло во рту.

— Это так, мистер...

— Вы боялись, что я вам привиделся. — Он посмотрел на Маккенроя. — Вы думали, что уже никогда меня не увидите?

Я ЗНАЮ, О ЧЕМ ТЫ ГРЕЗИШЬ. ЭТО ПУСТЯК.

Маккенрой промолчал. Он с опаской взглянул на своего гостя, но не увидел в его глазах ничего, кроме доброты и бесконечного понимания.

Я ЗНАЮ, О ЧЕМ...

— Да, мистер Норберт, я испугался, что вас... как бы не существует. Что такого не бывает. Я вдруг решил, что настолько сильно хочу выиграть и так давно себя изматываю, что просто выдумал вас...

— Именно так люди начинают сходить с ума. — Он улыбнулся. — Но я здесь для того, чтобы вы прекратили себя изматывать. Наверное, если бы я сегодня не появился, вам бы пришлось выдумать меня, и это было бы не очень хорошо, как вы считаете?..

— Боюсь, что это правда...

— Вам ведь даже не с кем было поделиться, рассказать, насколько велика ваша страсть... Ведь так? Множество людей хлопали вас по плечу, а вы смешивали им коктейли... Они называли себя друзьями, а сами заставили все же поменять табличку, хотя ваша бабка предупреждала, что делать этого нельзя. Я прав?

— Мистер Норберт... Я смотрю, вам многое известно, но...

— Я понимаю — это тяжело, потому что вы сами знаете, что это правда.

— Да, мистер Норберт, только...

— И вам сейчас просто необходим успех, и вовсе не потому, что нужны деньги на ремонт. Вам необходимо взять ситуацию под контроль, вы должны выиграть!

— Прошу вас...

— Нет, мы должны быть откровенны до конца, и тогда вы сможете оказать услугу мне, а я смогу помочь вам. Вы наконец должны выиграть...

— Мы ведь совсем не знакомы, мистер Норберт.

— Вряд ли у нас есть время, чтобы позволить себе такую роскошь. Я знаю вашу проблему и могу помочь... Мне надо кое-что от вас — это деловые отношения.

— Моя проблема лежит за рамками просто деловых отношений, — смущенно проговорил Маккенрой. — Она требует слишком большой откровенности.

— Разумно. Но, согласитесь, и моя помощь тоже будет лежать за определенными рамками... Маккенрой, услуги, о которых я вас попрошу, стоят немного, но я даже не предлагаю вам денег, я предлагаю вам стать победителем! А уж сорвете вы «джекпот», заделавшись самым богатым человеком в Аргерс-Пост, или будете потом выигрывать всю жизнь — это ваше дело. Все, что мне надо от вас, — ваша искренность и верность.

Маккенрой быстро посмотрел на своего гостя. У этого разговора очень странный привкус... Но, быть может, именно так начинаются перемены в жизни: тот самый, один-единственный шанс. Ведь ему известны выигрышные цифры, он это показал, и он имеет право сформулировать свое предложение именно так. А ты имеешь право отказаться...

— Откуда вы знаете о моей бабке? — спросил Маккенрой. — Откуда вы знаете, что она известная гадалка?

— Вы же сами отметили, что некоторые вещи не являются для меня секретом. — Мистер Норберт мягко улыбнулся и снова посмотрел на Маккенроя с каким-то особенным сочувствием. — Маккенрой, за те деньги, что вы выиграете, я смог бы нанять весь ваш город, тем более что услуги потребуются незначительные. Но я пришел к вам, потому что очень хорошо понимаю вас... Да-да, мистер Маккенрой, потому что когда-то так же несправедливо ПОСТУПИЛИ и со мной. Точно так, как сейчас поступают с вами...

«Кто поступает?» — хотел было спросить Маккенрой, но он ничего не сказал, потому что понял, что мистер Норберт прав.

— Это война, мистер Маккенрой, а в войнах бывают либо победы, либо поражения. Я не сгущаю краски, посмотрите на вашу новую табличку, что там написано? Ведь вас заставили. Чем их не устроило такое невинное название, как «Райское место»? Нет, мистер Маккенрой, вам просто необходимо взять ситуацию в свои руки, иначе так и будете всю жизнь заполнять карточки «лотто» и менять таблички на потеху пьяным дебоширам типа Папаши Янга...

«Что он со мной делает?» — промелькнуло в голове у Маккенроя.

— Глядите, вы узнаете, что это? — спросил мистер Норберт. В руках он держал какой-то осколок размером не больше ладони.

— Это же моя старая табличка, — прошептал Маккенрой, — мне пришлось ее выкинуть.

— Совершенно верно. Вам пришлось ее выкинуть, а я ее нашел. Но это была ваша симпатичная зеркальная табличка с надписью: «Бар «Пепони». Очень милое название. Однако вас заставили от него отказаться и разбить табличку вдребезги. Я ничего не путаю?

Мистер Норберт покрутил осколок в руках, и Маккенрой понял, что золотое напыление в углу — это, видимо, то, что осталось от буквы А.

— Но ничего, — усмехнулся мистер Норберт, — мы все вернем на свои места. Некоторые вещи подлежат восстановлению, мистер Маккенрой. Более того, потом они приобретают совсем особую ценность.

Я ЗНАЮ, О ЧЕМ ТЫ ГРЕЗИШЬ.

ЭТО ПУСТЯК.

А МОЖЕТ БЫТЬ, И НЕ ТАКОЙ ПУСТЯК?

— То, что можно вернуть, обладает иногда совсем особенной силой, мистер Маккенрой. Вы разбили табличку вдребезги, вас заставили, но я ее вернул, и теперь она моя. Вы согласны?

— Конечно. Только я не понимаю...

— Я могу вам дать мою табличку, этот зеркальный осколок, и научить, как можно узнать кое-что о цифрах, мистер Маккенрой. Выигрышных цифрах.

На какое-то мгновение Маккенрою показалось, что ему становится плохо. Потому что все вдруг перед глазами поплыло и...

ПЕРСТЕНЬ... золотая змейка, свернувшаяся вокруг большого зеленого камня, вдруг ожила... Маккенрой чуть заметно потряс головой, и все прошло — перстень тускло отливал золотом.

(Боже, что это такое?..)

Потом Маккенрой спросил:

— Как?! Просто с помощью этого кусочка, обычной стекляшки?

— Мистер Маккенрой! Я прошу вас понять, что в моих руках не бывает обычных предметов. И я не говорю ничего просто так. Вы имели возможность в этом убедиться. И если сейчас намерены думать по-другому, то лучше считать наш разговор недоразумением и я уйду. Так как?

Маккенрой почувствовал, какими горячими и сухими стали его губы.

— Ни в коем случае, мистер Норберт. Простите меня...

— Вы хотите, чтобы я остался, и хотите иметь со мной дело?

— Больше всего на свете...

— Хорошо, Маккенрой. Запомним это. Я остаюсь, но только по вашей личной просьбе.

Я ЗНАЮ, О ЧЕМ ТЫ ГРЕЗИШЬ.

ВСЕ БУДЕТ ХОРОШО?

— В наших отношениях необходимо соблюсти некоторые принципы, мистер Маккенрой. Добровольность, но прежде всего доверие... Можете считать — веру друг в друга, постоянное чувство плеча, на которое всегда можно опереться. Я в вас верю, Мак... Поэтому и пришел именно к вам! Вы понимаете меня?

— Да.

— Вас устраивают мои принципы? Если да, то не будем больше к этому возвращаться. Но не спешите — ваш положительный ответ будет означать, что мы пришли к согласию.

— Но вы не сказали, что надо будет делать, что потребуется от меня...

— Сказал — разные мелочи... Вы будете представлять мои интересы в этом городе. Мне нужен здесь человек, знающий, что к чему. Но это не потребует бурной деятельности. Например, первая просьба — продать этот так заинтересовавший вас перстень Папаше Янгу.

— Перстень... Янгу?!

— Да, но только ему! И не забывайте о наших принципах. Необходимо, чтобы Папаша Янг сам, добровольно захотел получить его.

— Но это же такой пустяк!

ПУСТЯК.

— Конечно.

— Но зачем вам я?!

— У каждого есть свой жизненный план, мистер Маккенрой. Ваш строится на цифрах, мой — на таких вот пустяках.

Я ВЕДЬ ГОВОРИЛ, КОГДА-ТО СО МНОЙ ПОСТУПИЛИ НЕ-СПРАВЕДЛИВО.

— Вы за что-то мстите Папаше Янгу? — вдруг спросил Маккенрой.

— Папаше?! — Мистер Норберт совершенно искренне рассмеялся. — Никто не сможет причинить Папаше вреда, кроме него самого. Вы же это знаете. По сколько дней он не выходит из вашего заведения! А эти сумасшедшие истории о Лиловой Зебре?... А?

— Это точно.

— Я жду, мистер Маккенрой. И достаточно вопросов — в конце концов, вспомните, из-за кого вы разбили табличку.

Маккенрой посмотрел на несколько статуэток, подаренных стариком Маконде, и вспомнил, как они спорили с ним, установить ли их по углам заведения или на равном расстоянии вдоль стойки, посмотрел на крупный зеркальный осколок, длинные пальцы мистера Норберта, и у него мелькнула шальная мысль, что ожившая змея ему вовсе не привиделась, что этот необычный перстень обладает тревожной, таинственной силой, но пока спит. Потом он посмотрел на яркий экран старенького «Сони» — там транслировали какое-то очередное шоу, — посмотрел в глубокие глаза мистера Норберта, и на какое-то мгновение все его мысли вытеснило одно жгучее воспоминание — он вдребезги разбивает чудесную новенькую табличку со словом «Пепони». ОН РАЗБИВАЕТ ЗЕРКАЛО... И только тогда он осознал, сколь велико его унижение, сколь оскорбительно с ним поступили только потому, что он всегда стремился угодить своим клиентам. В него плюнули, а он даже не оттер со своей души этот грязный плевок сты-

да. Вот, оказывается, какие подлинные отношения у него с этими людьми, ради которых он был готов рассыпаться на части и которые забавлялись им на свою потеху. И мистер Норберт совершенно прав...

— Я даже не предлагаю вам денег, Маккенрой, — повторил мистер Норберт. — Я предлагаю стать победителем. Надо только один раз решиться. Маккенрой, слишком много всего прижало вас к стенке, вы в плену, друг мой, пора рвать путы... Но такая возможность будет не всегда — только один раз в жизни. Сегодня, в эту самую минуту.

Перстень-змея снова ожил: скользящее чешуйчатое тело, шевелящиеся спиральные круги...

— Вы и не представляете, как легко быть победителем, Маккенрой. Но мало кому это дается... Для многих эта дверь так и остается непреодолимой стеной, запретом...

— Мистер Норберт, я согласен, — быстро проговорил Маккенрой, — и... я... действительно верю в вас... в смысле чувства плеча...

— Не надо ничего объяснять, — усмехнулся мистер Норберт.

Маккенрой поднял голову, ему сейчас очень нужны были помощь, сочувствие, понимание... Но в глазах мистера Норберта не было ничего подобного. Нет, его глаза вдруг показались непроницаемыми и совершенно плоскими, как экран телевизора, и в двух маленьких зрачках мистера Норберта продолжало отражаться телешоу. Маккенроя это озадачило и удивило — в двух маленьких зрачках он мог отчетливо различить ведущего, публику, быстро, пожалуй что очень быстро, сменяющиеся рекламные заставки. Экран старенького «Сони» переместился сейчас в глаза мистера Норберта, и там шла какая-то сумасшедшая лотерея. Обычное еженедельное телешоу, только микрофон ведущего вдруг превратился в свернувшуюся спиральными кольцами живую змею. И что-то очень странное происходило с публикой... Что-то белое стекало по лицам, смывая привычный облик, а за ним пряталось...

«Бог мой, я схожу с ума! — подумал Маккенрой. Его мозг начал лихорадочно искать спасения. — Я просто схожу с ума!.. Я придумал мистера Норберта, выигрышные цифры... а на самом деле со мной сейчас ничего не происходит! Господи...»

— Что ж, Маккенрой, — сухо проговорил мистер Норберт, — это даже хорошо, что вы продолжаете сомневаться. Я посмотрю, как вы будете сомневаться, когда сорвете «джекпот» на следующей неделе. Мистера Норберта не существует... Ну надо же! Однако надеюсь, что вы не сойдете с ума от раздражающих вас противоречий так быстро и мы еще неплохо повеселимся... А?

В его глазах больше не отражалось сумасшедшее телешоу, и Маккенрой с облегчением уловил там оттенки прежнего понимания.

— Мистер Маккенрой, вы сейчас столкнулись с тем фактом, что мир устроен несколько интереснее, чем можно было бы предположить, смешивая за стойкой коктейли. И смею надеяться, что этот факт не лишит вас рассудка.

— Да, мистер Норберт...

— Иначе наши отношения просто потеряют для меня всякий интерес. Тем более что сейчас вам придется столкнуться еще с одним любопытным фактом. Вы же хотите узнать кое-что о выигрышных цифрах?!

Маккенрой робко промолчал.

— Или вы передумали?

— Хочу, мистер Норберт...

— Вот и прекрасно. Я научу вас, как пользоваться зеркальным осколком, и тем самым мы окончательно оформим наши отношения. А сейчас мне нужна вода.

— Вода?..

— Да, вода из реки. Запомните, Маккенрой, воду можно брать из водопровода, но только там, где рядом протекают реки. Также можно пользоваться озером и любой лужей, имеющей сток... Как вы понимаете, вон та бутылочка перье для наших целей не годится.

— Я запомню, — проговорил Маккенрой. Вдруг все сомнения оставили его, он почувствовал себя гораздо увереннее. — Вода из-под крана подойдет?..

— Улавливаете, — усмехнулся мистер Норберт, забирая протянутый Маккенроем высокий стакан. Он плеснул небольшое количество воды на осколок маккенроевской таблички, и она разлилась, заполняя собой всю зеркальную поверхность. — А теперь мне нужна ваша кровь...

— Что?!

— Мне нужна капелька вашей крови, — холодно проговорил мистер Норберт. — Если бы вопросы к табличке были у меня, я бы пожертвовал капельку своей крови, мистер Маккенрой. Но цифры интересуют вас, и кровь нужна ваша...

— Это колдовство, мистер Норберт? — неуверенно прошептал Маккенрой.

— Можете считать и так... Хотя вам, внуку известной гадалки, не пристало задавать подобные вопросы. Каждый раз, когда вы будете обращаться к табличке, вам придется жертвовать капельку крови. Наверное, ваша бабка рассказывала, что эта красная жидкость несколько больше, чем просто жидкость, а, Маккенрой? Вряд ли это колдовство, друг мой, я бы не стал обращаться к подобным терминам. Просто мир устроен несколько интереснее... А теперь слушайте, мы и так потеряли слишком много времени на пустую болтовню. После того как капля вашей крови попадет на зеркальную поверхность таблички и круги по воде перестанут бежать, вы должны забыть, что существует что-то, кроме вас и этого зеркала. Вы должны полностью сосредоточиться на отражении собственных глаз и повторять одну и ту же фразу: «Зеркало зеркал, далекий сияющий змей». Тридцать семь раз, Маккенрой, и ничего не перепутайте... И когда убедитесь, что из глубин зеркала за вами наблюдают не ваши глаза, — и тут мистер Норберт усмехнулся, — скажите одно слово: «Цифры». Только одно это слово, ничего больше, для вас это может быть опасно. Получите ответ. А теперь не тратьте време-

ни, а то опять решите, что все это шарлатанство или, чего доброго, галлюцинации, с вас станется... Запомните, Маккенрой: достаточно небольшого сомнения, и цифры останутся навсегда скрытыми.

Мистер Норберт вежливо улыбнулся и протянул Маккенрою большую медную булавку.

— Пальчик...

— Что?! — Маккенрой в растерянности уставился на английскую булавку, словно возникшую из романов XIX века.

— Прокалывайте пальчик, мистер Маккенрой. Как в детстве на приеме у врача. Помните?

— Бог мой, оно... они... мне ответили, — прошептал Маккенрой, — цифра «девять».

— В самом деле?! Я ничего не слышал. Видно, это предназначено только вам. — Мистер Норберт с интересом смотрел на Маккенрою и потягивал джин. Чистый английский джин.

— Скажите, что это? — Маккенрой со смешанным чувством страха и благоговения смотрел на своего гостя. — Чьи это глаза?! Сначала мое отражение, а потом это... Но они мне ответили!

— С моей стороны было бы невежливо, если б я вас обманул... Чего же вы хотите — все прекрасно!

— Что это?.. Что это смотрело на меня оттуда? Мне показалось... — Маккенрой запнулся. Он не стал этого говорить. Он не стал говорить, как ему показалось, что он видел свою могилу.

— Я могу ответить, мистер Маккенрой. Но вряд ли это поможет. Нет, лишь вызовет новые вопросы, и так до бесконечности. Я же говорил вам, что мир устроен интереснее... Постарайтесь это принять. Постарайтесь принять некоторые вещи как данность и пользуйтесь ими. Вас же не волнует устройство телевизора при просмотре всяких там шоу... Возможно, позже многие сегодняшние вопросы покажутся вам просто нелепыми... Вот тогда и потолкуем. А пока примите вещи в готовом виде.

— Я попробую. Но... — Маккенрой посмотрел на зеркальный осколок. Вода на его поверхности начала вдруг мутнеть. — Они... Оно... мне назвало только одну цифру...

— Можете считать это авансом.

— А как же остальные?

— Теперь ваш ход, Маккенрой. Перстень надо продать Папаше Янгу, да так, чтобы он остался очень доволен сделкой. Полагаю, что чем выше будет качество ваших услуг, Маккенрой, тем больше откроется выигрышных цифр. Так что никакой халтуры, друг мой, иначе табличка замолчит.

— Я вас понял, мистер Норберт. И я сделаю все, что вы скажете.

— Вот и отлично. — Мистер Норберт покосился на зеркальную табличку. — В ближайшее время будут еще поручения.

Маккенрой повел носом, затем посмотрел на свой зеркальный осколок — вода на его поверхности стала вязкой и белой, как густое молоко. И это белое обладало резким и все более усиливающимся запахом.

— Что это, мистер Норберт? — прошептал Маккенрой. — Запах... Просто вонь. От нее кидает в дрожь...

— Все в порядке, Маккенрой, — рассмеялся мистер Норберт, и снова его глаза стали плоскими, равнодушными и пустыми. — Вода сыграла свою роль, ваша кровь принята. Выигрывайте бешеные деньги и принимайте вещи такими, как они есть. И не забывайте, что выигрышные цифры дано заслужить не многим.

— Я понял... Но что с этим делать? Все помещение пропахло... холодом...

— Я же говорю — все в порядке. Только не выливайте это в раковину. Выйдите во двор, срежьте тонкий слой почвы и вылейте это в землю. Иначе никогда не избавитесь от запаха.

За эти три дня Маккенрой получил несколько поручений от мистера Норберта, и теперь ему открылись еще две выигрышные цифры. Сегодня вечером он собирался выполнить еще одно поручение, но (глухое ощущение тоски сковало сердце) звякнул ко-

локольчик, затем открылась белая резная дверь, и мистер Норберт прямо с порога объявил:

— Планы несколько изменились, мистер Маккенрой...

Маккенрой посмотрел на своего нового партнера по странному бизнесу и с удивлением обнаружил, что мистер Норберт несколько изменился. Да-да, он выглядел, мягко говоря, не очень свежо. Даже Папаша Янг после недельного запоя выглядит лучше...

«Может, он перебрал вчера чистого английского джина?» — подумал Маккенрой.

26. Стрела пущена

В сентябрьский день 1989 года, спустя два часа после появления изменившегося мистера Норберта в заведении Маккенроя, один из двух ярко раскрашенных «мицубиси» покинул городок Аргерс-Пост. Он промчался на большой скорости мимо фермы Папаши Янга и взял курс на север. В это же время на ферме Йорген Маклавски, Урсуэл Льюис и Профессор Ким заканчивали рассказывать Папаше о цели своего визита. Да, Папаша Янг кое-что знает о том, что происходит сейчас в буше, он говорил об этом с чернокожими колдунами, и он слышал о ритуальных убийствах.

— Это она, ее шаги, — произнес Папаша, — она существует, теперь эти болваны из бара Маккенроя смогут в этом убедиться. А ведь я предупреждал всех, пока она была слаба, но надо мной только потешались...

Профессор Ким и Урсуэл Льюис переглянулись, а Йорген, улыбнувшись, откинул с лица прядь волос и покачал головой:

— Вы имеете в виду ваше полосатое чудовище, мистер Янг? Лиловую Зебру?!

— Не мое, сынок... Не только мое. Это касается всех. — Папаша покрутил в руках тяжелый, с металлическими шипами собачий ошейник, затем положил его на полированный деревянный стул. — У каждого свой конец... Моя Лиловая Зебра придет в один из дней, и тогда скажут, что алкоголь сгубил старого Папашу Янга. Но это касается всех... Понимаете — это всеобщая Лиловая Зебра! Она поднялась из темных пещер в Северных горах и теперь приближается... Вот в чем дело...

Папаша Янг посмотрел в окно. По дороге, проложенной недалеко от его фермы, двигался ярко раскрашенный автомобиль. В начинающемся золотом пожаре заката он был особенно эффектен. Как с рекламной картинки. Он двигался на север.

— В том-то и дело, — вздохнул Папаша. — Жертвенная кровь этих убийств зовет ее, и чудовище приближается. А мне никто не верил... Ведь эти убийства просто так не объяснить — это магический ритуал. Кто-то зовет ее, возможно, ваши ночные гости. Быть может, она уже поднялась на поверхность, и тогда вряд ли у вас есть шансы. — Папаша вдруг усмехнулся. — Охотники за привидениями...

Урс снова посмотрел на Профессора Кима, тот пожал плечами. «Черт побери, — подумал он, — да Йорген привез нас просто к сумасшедшему! Он еще и издевается над нами».

— Ведь чернокожий мганга, что приехал с вами, принадлежит к Маленькому Народу? — неожиданно спросил Папаша.

— Маленький Народ?! — удивился Йорген. — Ольчемьери — ндоробо.

— Я об этом же... — кивнул Папаша. — А знаете, что утверждает Маленький Народ, ндоробо? — Папаша Янг вдруг заговорил тише. Он почти перешел на шепот: — Что наступают времена, когда Духи вернутся. И не только заклинатели и Великие Колдуны смогут говорить с ними, а также обычные люди...

— Ну, подобные предания есть во всех атавистических культурах, — сказал Йорген.

— И не только в атавистических, — улыбнулся Урс.

— Верно, и добрые христиане ждут Пришествия Спасителя и Страшного Суда... Но это вопрос, так сказать, состояния души, так надо жить, чтоб оставаться христианином... Здесь же другое. Маленький Народ утверждает, что это уже происходит. Сейчас. Что мир меняется, он входит в новое состояние, и демоны поднимаются из пещер! Те самые демоны, что мешали Великому Духу творить этот мир...

— Что-то ничего подобного Ольчемьири не говорил. — Йорген покачал головой и с улыбкой посмотрел на Папашу.

— А может, вы просто его об этом не спрашивали? — обиделся Папаша. — Потом, они вообще по-другому говорят об этом, ты же знаешь, Йорген. Это мой собственный перевод! — Папаша громко рассмеялся. — Так сказать, авторизованный перевод на европейские языки. Ну хорошо, ответьте мне на такой вопрос: каким образом о вас узнали? Эти ребята на японских машинах? Вы, возможно, единственные люди, кому взбрело в голову проделать путешествие в несколько тысяч миль из-за каких-то ритуальных убийств...

— Ну, это не совсем так, — проговорил Урс. — Мы почувствовали ключи к некоторой тайне, интересующей нас.

— Профессор намекает, что прибыл сюда не из нравственных соображений, а лишь из эгоистичного любопытства, — усмехнулся Йорген.

— Допустим, — сказал Папаша. — Но еще прямо в Найроби каким-то непостижимым образом узнали именно вас и теперь следуют по пятам...

— Это так...

— Поймите, — продолжал Папаша, — может, это и не Зебра, может, это называется по-другому — вы люди ученые. Но дело не в словах. Какая разница, как назвать, если ЭТО приближается?

— Вы что же, — произнес Урсуэл, — действительно полагаете, будто мы имеем дело... так сказать, не с людьми?

— Может, и с людьми, — ответил Папаша, — но приказы они выполняют явно с другой Стороны Мира. Только не подумайте ради Бога, что у мистера Янга не все в порядке с головой. — Папаша Янг снова посмотрел в окно и неожиданно сказал: — А вы знаете, что сейчас за дни? Знаете?! В это время ровно пятьдесят лет назад войска Третьего рейха маршировали по Польше и Со-единенное Королевство вступило в войну. Так начался их закат, я говорю о наци... Я был тогда совсем мальчишкой, но мне все же удалось повоевать на Севере. Мы им тогда здорово наподдали. — Он посмотрел на Профессора Кима и мягко добавил: — И ваши тоже. Сталинград... Да, этим бронированным чернокнижникам тогда порядком досталось. Это были дни Славы, сынок... — Папаша взял бутылку с густой янтарной жидкостью и проговорил: — Моего приготовления. Попробуйте... А я действительно в первый раз вижу русского в наших краях. Ладно уж, извините старого Папашу Янга. Когда человек доживает до моего возраста и его девочки вырастают и разлетаются по своим гнездышкам, ему ничего не остается, кроме воспоминаний... Кстати, не поверите — в каком-то смысле я тоже русский. — Папаша Янг вдруг громко рассмеялся. — Я был в России, правда, в необычной ситуации и совсем недолго... В животе у своей мамы!

— Ну уж вы, мистер Янг, наговариваете на себя, — улыбнулся Йорген. — Не все ваши девочки разлетелись по своим гнездышкам. Насколько я понимаю, главная чаровница находится сейчас дома.

— Это верно, — кивнул головой Папаша. — Зеделла помогает с обедом. Дом Папаши Янга всегда славился гостеприимством! Кстати, Йорген, а ты предупредил своих друзей, что я являюсь отцом трех самых прекрасных женщин в мире?

Вряд ли отец «трех самых прекрасных женщин в мире» предполагал, насколько его шутка близка к правде. Йоргену Маклавски действительно стоило предупредить своих друзей. Потому что стрела, чуть не разбившая сердце мистера Райдера, литературного агента, уже лежала на тетиве древнего лука. И цель уже была выбрана.

Дом Папаши Янга славился своим гостеприимством. На много миль вокруг другого такого дома не было. Во время «лиловой полосы» Папашина общительность принимала самые неожиданные формы: у него гостили охотники и чернокожие колдуны, туристы и старые сослуживцы-полицейские, браконьеры, бизнесмены и экстравагантные прожигатели жизни, и Папашу совершенно не беспокоило, что при других обстоятельствах эти люди никогда бы не встретились. А как-то раз Папаша и патер Стоун принимали на этой сумасшедшей ферме сорок мальчиков — учеников католического колледжа вместе с сопровождающими их преподавателями богословия. За время короткой остановки юные католики перевернули всю ферму вверх дном, они травили нескольких Папашиных собак и разбили огромное керамическое панно, изображавшее битву при Ватерлоо; подложили несколько петард под дверь, когда от Папаши выходил патер Стоун, и сожгли небольшой шалаш во дворе, где обычно останавливались чернокожие мганги. Но когда они уехали, Папаша Янг загрустил.

Обычно только возвращение на каникулы девочек несколько остужало Папашино радушие. Как-то патер Стоун назвал его Фальстафом. Папаша только пожал плечами. Он был знаком с классикой. В баре Маккенроя случались оценки и порезче. Но именно этому человеку был открыт язык чернокожих магов, именно его они посвящали в свои нехитрые тайны.

— Большой ребенок, — говорила о нем старшая дочь, белокурая красавица Стефания.

Летние каникулы закончились, и через пару дней Зеделле надо было ехать на озеро Рудольф, где уже несколько лет работала экспедиция, организованная Институтом палеонтологии Кении. Профессор говорил Зеделле, что она подает большие надежды и может вырасти в неплохого ученого. К счастью, университет находился далеко от этого места, и профессор мог быть объективным.

Папаша Янг очень обрадовался, что для дочери нашлись попутчики. Он попросил своих гостей остаться до утра, с тем чтобы Зеделла успела собраться.

Папаша Янг давно знал Йоргена Маклавски и был рад его друзьям. Он закатил грандиозный обед, на который пригласил также всех аскари, мгангу Ольчемири и гостивших у него патера Стоуна с заклинателем дождя Мукембой. Папаша Янг заявил, что ему необходимо переговорить с обоими мгангами. Да-да, именно об этом, о Зебре... А уж потом потолкуем.

Появление Зеделлы в роскошном платье из города розового воздуха вызвало за столом замешательство. Мужчины, не видевшие до этого дня младшую мисс Янг, даже не были ослеплены красотой, они ощутили нечто большее и неизмеримо печальное, они ощутили, как бархатные струи Любви увлекают их к первобытной полыхающей бездне, и любое живое существо на свете желало бы сгореть в этом огне, пожирающем сердца и оставляющем лишь пепел. И даже сэр Джонатан Урсуэл Льюис, чьи предки в течение семи веков учили язык, позволяющий скрывать чувства, обнаружил странное волнение в обществе этой девочки, наделенной беспечной Природой тем, что мужчины ищут и не находят всю свою жизнь. Замешательство сменилось веселой и оживленной, пожалуй, слишком оживленной болтовней, и Зеделла с восторгом слушала перебивавших друг друга мужчин, очаровательно шутила, а потом просто отпустила руку с тетивы. Стрела была пущена.

Папаша Янг давно не помнил такого веселого застолья в своем доме. Где-то в глубине души он понимал, что это связано с его дочерью. Возможно, он даже чувствовал, как Любовь спустилась к ним на звенящих крыльях. И только маленький мганга Ольчемири, верный сын своих лесных богов, разбирающий голоса сонных деревьев, отчетливо видел контуры поднявшейся над ними грозной тени.

27. Ночь полной Луны

Маккенрой на бешеной скорости вел «мицубиси» на север. Несколько часов назад он свернул с шоссе и теперь, не снижая оборотов, двигался по саванне Самбуру к каменистой пустыне, где раскинуло свои бескрайние воды нефритовое озеро Рудольф. Этот псих мистер Норберт изменил все в последнюю минуту, и теперь Маккенрой вынужден был спешить. Его не удивляло, что, свернув с шоссе, «мицубиси» не утратил скорости, словно не было изломанной тропы, трещин и огромных булыжников, безвестных речушек и полупересохших луж с хлюпающей тягучей грязью. Словно колеса «мицубиси-паджеро» каким-то неведомым образом изменились в размерах, превратившись в большие невесомые валки, вовсе не реагирующие на изломы земной поверхности.

— Но ведь это невозможно, мистер Норберт, мне не хватит времени...

— Маккенрой, я дам вам лучшую в этом мире машину, и вы успеете. К счастью, я не ошибся — вы действительно хотите выиграть плюс лучший автомобиль... Этого достаточно.

«Мицубиси-паджеро» на сумасшедшей скорости летел по ночной земле как нечто, не подчиняющееся законам этого мира, как какой-то сказочный ковер-самолет, пробивая мощными фарами себе тоннель в сгустившемся мраке. Впереди на тропу выскочило несколько страусов, и, оказавшись в световой ловушке, испуганные птицы бросились бежать, а Маккенрой превратился в их невольного преследователя. Он несколько раз просигналил, желая, чтобы страусы убрались прочь. Маккенрой очень спешил: он не мог останавливаться или снижать скорость. Мощный удар, машину тряхнуло, и одну из птиц сожрали ревущие колеса. Глотая ночной воздух, она осталась умирать на дороге. Маккенрой выжал акселератор до отказа.

— Кишарре знает, где мы, — проговорил маленький мганга Ольчемьири. — Мне кажется, он уже здесь.

Йорген Маклавски с беспокойством посмотрел на старика.

— Ничего, Ольчемьири, думаю, ничего страшного пока нет. Я видел этих ребят. Может, они выполняют приказы Кишарре, Папашиной Зебры или кого еще, но они люди, такие же, как и мы с тобой. И у нас найдется способ их остановить. — Йорген улыбнулся — он любил старого мгангу, — потом тихо добавил: — Сукины дети...

— Нет, Йорген, — покачал головой Ольчемьири, — ты не понимаешь... Ты можешь победить людей из красивых автомобилей. Можно остановить того, в кого вселился Кишарре, но он войдет в другого или сразу во многих... А теперь ответь: разве стал бы Йорген воевать с ножами, пулями и ружьями своих врагов? Разве стал бы он ломать их копыя?

— Нет, не стал бы, — согласился Йорген. — Потому что они возьмут себе другие копыя.

Ольчемьири кивнул и потом тихо спросил:

— И скажи — разве могут ружья и копыя прийти сами, без тех, кто их принесет?

— Конечно, нет.

— Поэтому они и придут не одни. Кишарре придет с ними. А может быть, даже... он придет и без них.

— Я хочу вам кое-что рассказать, — произнес Профессор Ким, когда веселый обед уже давно закончился и Папаша Янг удалился с Ольчемьири и Мукембой в свою комнату для длительного разговора.

Урс и Ким вышли на террасу Папашиного дома выкурить по сигарете и посмотреть на кровавый закат, после которого почти мгновенно на саванну обрушилась ночь.

— Послушайте, мы ведь все чувствуем, что происходит что-то странное, только не решаемся об этом заговорить. Я ведь прав?!

Поэтому я хочу вам кое-что рассказать... О Спиральной Башне. Понимаете, это не повторялось уже очень давно. Не знаю, быть может, это некоторое ясновидение. Вряд ли я могу это контролировать, может быть, совсем немного... Но в Найроби это случилось снова... Я видел этот перстень там и узнал его... И этого человека... Это не просто развлекающаяся компания в нарядных джипах. Но... и они узнали меня. И я знаю еще кое-что! Возможно, я смогу теперь... пользоваться этим. Вы понимаете?! Я сейчас попытаюсь...

— Профессор, дорогой мой, — проговорил Урс, — я прошу вас, перестаньте волноваться и расскажите нам все, что вы хотите рассказать. Я понимаю — это будет звучать необычно, может быть, невероятно, но вспомните: мы все здесь находимся по весьма необычным причинам...

— Хорошо. — Профессор Ким сделал глубокую затяжку и подумал, что сигареты «Кэмел» все же отличная штука. Потом его голос стал совершенно ровным: — Спиральная Башня... Это случилось почти тридцать лет назад...

Йорген прислонился к деревянной колонне, поддерживающей террасу, слушал невероятную историю Профессора Кима и вспоминал о Петре Кнауэр. Уже в который раз за сегодняшний день он вспоминал Петру. Нет, он не хотел бы к ней вернуться, конечно, нет. Но почему-то его губы разошлись в чуть грустной улыбке.

Последнюю птицу сожрали ревушие колеса «мицубиси». Маккенрой потряхнул головой — оцепенение прошло.

— Боже мой, — проговорил Маккенрой, — я только что угрожал четырех страусов. Зачем?! — Он вдруг резко ударил по тормозам. Мистер Норберт прав (что за наваждение?! — это отличная машина. Сработало антиблокировочное устройство, и автомобиль даже не занесло. (Боже мой! Я только что угрожал четырех страусов... Наваждение?..)

«Мицубиси» стоял на середине тропы. Маккенрой вышел из машины — его тошнило, и ему надо было помочиться. Сразу же

со всех сторон Маккенроя обступила ночь. Какого черта он здесь делает? Сумасшедшая гонка, выигрышные цифры, раздавленные страусы... Наваждение? Абсолютно мирный и улыбчивый бармен Маккенрой, мечтающий лишь расширить свое заведение и заполняющий карточки телевизионных лотерей... Какого черта! Маккенрой пошевелил согнутыми пальцами — ладони были непривычно влажными. Но ведь они заставили разбить табличку, а мистер Норберт ее вернул. А то, что можно вернуть, иногда обладает особенной силой... Вот в чем дело.

Маккенрой повернул голову, и в следующее мгновение волна ужаса прошла по его телу — в нескольких метрах от тропы стоял огромный лев и разглядывал Маккенроя своими золотистыми глазами. Лев был удивлен. Чутье подсказывало ему, что двуногий боится, что он безопасен. Но лев был довольно стар, хотя по-прежнему мощен. Никто из подрастающего молодняка еще не посмел бросить ему вызов. А странствующим одиночкам лев задал хорошую трепку. Он все еще оставался главой прайда. И поэтому лев понимал, что обстоятельства появления здесь двуногого весьма необычны. За свой немалый век ничего подобного он не видел. Лев принялся. Маккенрой почувствовал ватную слабость во всем теле — ведь у него не было даже ружья, у него не было с собой ничего, кроме маленького зеркального осколка. И самого лучшего в мире автомобиля. Вот в чем дело! Вот что оставливает льва — постоянное чувство плеча, на которое можно опереться. Мистер Норберт был здесь, сейчас... И древний инстинкт подсказал льву, что он больше не является единственным повелителем этой ночи. Черное лицо Маккенроя расплылось в улыбке, и эту улыбку нельзя было спутать ни с чем: именно так будет улыбаться скрипач и президент Юлик Ашкенази, когда небольшое устройство — пейджер сообщит ему, что бананы могут начать гнить. Лев повернул свою косматую голову и не спеша удалился в буш.

Маккенрой вспомнил, что он собирался помочиться. Потом он подошел к автомобилю и взялся рукой за дверцу. Что-то зас-

тавило его повернуться. Прямо над ним, заливая Землю своим грозным светом, стояла полная луна.

Маккенрой сел за руль и включил зажигание.

Мганге Ольчемьери и Йоргену Маклавски была отведена для сна маленькая комнатка на втором этаже Папашиного дома. Чуть большую комнату по соседству занимали патер Стоун и Профессор Ким, и совсем крохотную комнатку — сэр Урсуэл Льюис. Морриса Александера и остальных Папаша Янг разместил в небольшом домике для гостей, расположенном напротив входа в основное здание. Главного аскари Сэма почему-то не удивило, что Йорген предложил на эту ночь выставить охрану.

«Нет, Папаша точно не в себе, — подумал Йорген, отдавая Сэму последние распоряжения. — После беседы с мгангами он наговорил нам уже какой-то полной ерунды...

Сэр Джонатан Урсуэл Льюис проснулся среди ночи с ощущением того, что он умирает от любви. Липкий пот и подступающее удушье вывели сэра Льюиса из сказочного сна в безнадежную реальность, где существовало множество рациональных запретов и наложенных цивилизацией табу и где была единственная на земле женщина, годящаяся ему в дочери, за которой он был готов последовать даже в Страну Мертвых.

— Бог мой, я что — влюбленный мальчишка?! — К счастью, к сэру Льюису стала возвращаться его привычная ирония. — Что за нелепое наваждение?

Он промокнул платком лоб. Ему показалось, что он совсем проснулся.

Да, мой дорогой Урс, вам следует быть осторожнее... В вашем возрасте вредны столь острые блюда.

Сэр Льюис снова лег и, как только его голова коснулась подушки, тут же уснул. И снова провалился в сон, где остался терпкий дурман наготы ее тела. Он был счастлив в этом сне под белыми потоками пенящейся воды. В этом сне он был веселым

молодым богом, превращающим виноград в вино, и страстно и радостно любил юную девственницу Зеделлу под бурными брызгами пенящегося водопада. Он почти физически ощущал, как слилась их плоть и как потоки любви заставляют пульсировать и сладостно дрожать их стонущие тела. Он занимался любовью с Зеделлой, юной речной нимфой, и от их соития повсюду стали распускаться белые цветы.

Сэр Льюис снова открыл глаза в комнатке, освещенной лишь плывущей за окнами полной луной. Он так и не понял, явь это или все еще продолжение сна. Потому что к нему склонилась дрожащая Зеделла, и когда она скинула невесомую ткань ночной рубашки, он почувствовал, что сейчас, в лунном свете, ему откроется тело самой прекрасной женщины на земле.

Демон был уже близко. Ольчемьири знал это. Он лежал с открытыми глазами и ждал, потому что бежать было бесполезно — демон его нашел. Странно, но мзее Йорген так и не понял слов старого мганги, хотя Ольчемьири выучил его языку буша. Мзее Йорген надеялся на силу большого ружья, поставленного у изголовья кровати, и не понимал, что демон идет совсем не теми дорогами, которые привели их в Аргерс-Пост. Его дороги начинались в другой стране и заканчиваются у вашего сердца. И поэтому именно оно, сердце, в состоянии почувствовать его приближение. Ольчемьири просто лежал и ждал, кто успеет первым: демон ночной страны Кишарре или Великий Дух Мвене-Ньяге, имеющий столько же имен, сколько языков он дал людям — своим детям. И скрывающий лишь одно-единственное до тех пор, пока он не позволит взглянуть в свои животворящие глаза.

Папаше Янгу не спалось в эту ночь. Удивительно, но оба чернокожих колдуна заявили, что один из людей, пришедших издалека, тоже великий мганга, только не знающий об этом. Приятель охотника Йоргена Маклавски и английского аристократа и мировой знаменитости Джонатана Урсуэла Льюиса, молодой профес-

сор из Москвы — великий МГАНГА? Смешно... Вещи порой складываются странным образом. Папаша Янг уже сталкивался с подобным. Иногда человек об этом ничего не знает и счастливо проживает всю свою жизнь. Разумеется, его что-то мучает, случаются приступы необъяснимого волнения или безосновательной тоски, живет что-то внутри, не дающее покоя, но если Бог пошлет такому человеку хорошую семью и постоянный кусок хлеба, он проживет спокойную жизнь, так ничего об этом и не узнав. И по большому счету эта раскладка — самая удачная. По большому счету, может, это и есть жизнь: вспахать поле, вырастить и собрать урожай и уйти на покой. Потому что люди, одержимые этим звездным огнем, редко приносят счастье себе и другим. Редко получают... ну, скажем так, удовлетворение. Лишь только тогда, когда доходят до полюсов — одни до белого, другие до черного...

Сейчас в буше действовали те, кто дошел до черного. Папаша Янг так прямо об этом и заявил. Теперь они имели три оценки происходящего: Кишарре — страшного демона Маленького Народа, Папашиной Лиловой Зебры и странной истории, построенной на древних мифах и преданиях о великой стране людей-богов, находящейся когда-то в северных горах. Папаша Янг про себя назвал ее «ВУУ № 3». Версия Ученых Умников номер три. Наверное, ни одна из них не была единственно верной, и все три описывали в общем-то одно и то же. Авторы «ВУУ № 3» с этим согласились. А молодому профессору все же не удастся прожить спокойную жизнь. Может, он еще и не знает, что он белый мганга, но уже это, живущее внутри и не дающее покоя, привело его в центр африканского буша и еще не известно, куда заведет дальше.

Продолжая размышлять так, Папаша начал погружаться в сон, но снова послышался странный и неприятный звук, словно кто-то водил металлом по стеклу, и теперь уже Папаша Янг подумал, что это не могло просто показаться. Он подождал какое-то время — звук не повторился — и закрыл глаза. И тогда перстень, так удачно выменянный у Маккенроя, великолепный и, бесспор-

но, очень старинный перстень, приобретенный за бесценок и лежащий теперь на стеклянном блюде, потому что Папаша любовался им на ночь, пошевелился...

...Он снова брел по Спиральной Башне. Скорее всего, это был сон, потому как он догадывался, что сейчас спит. Но он опять шел там, где аллеи поворачивали, а за поворотом ждала лужа, большая и хлюпающая, он брел по ту сторону запахов больницы, сталинского ампира, залитого вечным солнцем детства, по стране, опутанной Сумраком, и ему пришла пора вспомнить о перстне.

Но что-то еще тревожило его. Ощущение тщетности попытки, от которой он все еще не хочет отказаться: с помощью логики бодрствования ответить на некий вопрос, хотя он прекрасно знает, что во сне это сделать невозможно! Тогда какого же черта? Провокация сознания? Несколько уровней сна? Когда в одном, как кинофильм, просматриваешь другой?.. Все это не важно сейчас. Просто вопрос остается, вернее — вопросы. Его личные вопросы. Он снова провалился туда или ему только снится, что он бредет по Сумрачной стране? Одно ли это и то же? Если он из сна оказался в Сумрачной стране, что из них реальнее и куда он вернется, в сон? И если это одно и то же, значит, они взаимоперетекают друг в друга? Стишок, прочитанный в любознательной юности, про то, что сон — брат смерти...

Но потом все это отхлынуло... Что-то, достаточно миролюбивое и спокойное и вроде бы даже покровительствующее ему, объяснило, что рациональные вопросы остаются для пробуждения, а для сна — перстень. Все надо принимать таким, как есть, потому что если побеспокоить его, то сон изменится и перстень так и останется скрытым. Этот особенный сон, когда за окнами поднялась полная луна.

Неистовый грозный свет поднявшейся над Землей полной луны заливал комнату на втором этаже Папашиного дома; для всех влюбленных в ночь наступило их время, все древние пророчества готовы были сбыться, и где-то по ту сторону сна брел Про-

фессор Ким. Он, как странный оракул, ведомый волей лишь своей собственной судьбы, брел по Спиральной Башне и должен был что-то узнать о перстне. Сейчас, в этом сне, все стало спокойным и даже деловитым, и слово «оракул» оказалось перегруженным излишней романтикой.

Башня была как свернутая лента времени, и ему никогда не удавалось увидеть ее полностью, никогда не удавалось охватить ее взглядом. Он не знал, как выглядит Спиральная Башня, так, только отдельные фрагменты, и скорее всего он этого никогда не узнает. Но было другое.

Когда он в первый раз, еще совсем малышом, оказался на Спиральной Башне, он вдруг обнаружил, что можно отходить от этой свернутой ленты в сторону и видеть себя как бы со стороны. Это его заинтересовало, показалось очень даже забавным. Он начал всматриваться. Позже, когда это случалось, он мог отыскать себя на каменных лестницах, галереях или балконах в любом месте башни. Он мог отыскать себя в темных комнатах, бывших днями болезни, или в больших светлых залах, напоенных радостью лета и запахом моря; башня будто приближалась какой-то своей частью, когда он смотрел на нее со стороны, она приближалась, окружала его, пока мальчик не оказывался внутри, и тогда ему что-то открывалось. То, что заставляло картинки оживать. Он видел книгу, раскрытую на бездарной странице 185, он понятия не имел, что это за книга, но знал: так будет нужно его папе. Он видел большую хлюпающую лужу и пожар в дальнем крыле их дома, и еще многое он сумел рассмотреть. Но были и закрытые комнаты, в которые он не мог пройти. А может быть, просто забывал то, что там видел...

Впрочем, к счастью для себя, он забывал большую часть увиденного, если только ожившие картинки не напоминали ему об этом. Своим умением гадать по каракулям он удивил немало цыган, часто бродящих по солнечным, пропахшим морской солью и высушенным ветром улицам городка, где их семья проводила лето. Цыгане тоже были мастаками на различные фокусы и иног-

да выдавали себя за рассеянных по свету потомков египетских жрецов, знакомых с древней магией. Мальчик смеялся. Лишь много позже Ким понял разницу между фокусами и тем, что дед назвал даром и что несколько отличало его от многих других людей.

Иногда кое-что из оставшегося там коварно поджидало его за поворотом событий. Это было странное ощущение — дежавю, сопровождающееся непонятными приливами, и оно могло снова спровоцировать падение ТУДА. Лишь на мгновение, потому что он действительно научился с этим справляться.

А однажды он увидел этого красивого темнокожего человека (мы где-то встречались? неужели ты не узнаешь меня... ведь память навсегда?), только в этом видении он был вовсе не красив и вовсе не темнокож. Ким лишь мгновение видел его лицо, а потом он отвернулся, и полы его длинного плаща захлопали, как крылья огромной ночной птицы. Он скрылся за одной из тайных дверей, и Ким понял, что именно он является хозяином запертых комнат, в которые Ким не мог пройти, и ключи находятся у него. И тогда мальчик понял еще кое-что: в этих запертых комнатах скрывались вовсе не большие хлюпающие лужи и раскрытые книги и, наверное, не пожары в дальнем крыле дома, оживающие затем в рисунках или всплывающие в памяти. Даже темнота комнат его возможных болезней и таящихся угроз была ярким полднем в сравнении с чернотой кошмарного провала, лишь на миг открывшегося мальчику. Все прорицатели и гадалки мира, предсказывающие роковые удары Судьбы, доходили лишь до этих запертых дверей. Дальше, в находящейся за ними тьме, они уже не могли ничего различить. Они пугались и откладывали карты. Это невозможно было знать и нельзя предотвратить, даже обладая ясновидящим взором; лишь грозный стук Судьбы открывал эти двери. Возможно, что это было не так, и мальчик видел что-то за дверьми запертых комнат, но зияющая тьма ослепляла его память. И тогда мальчик кричал и возвращался оттуда изможденный, бледный и перепуганный, словно зажатый в угол ма-

ленький зверек, и это очень беспокоило его родителей, и тогда снова были запахи больницы, обследования, анализы и врачи, но он оказывался полностью здоров. А потом все надолго прекратилось.

Но не навсегда.

Оказалось, что он видел ПЕРСТЕНЬ, и это было лишь первым шагом, лишь одной из множества закрытых комнат. И сегодня туда, во Тьму, проникли льющие потоки лунного света. Сегодня предстояло вспомнить что-то, на что в детстве была наложена древняя печать, спасающая от безумия.

...Красивый темнокожий человек смотрел на перстень. Смотрел в глубь переливающегося зеленым светом лунных морей камня, охраняемого объятиями золотой змеи, и видел их. Ким неведомым образом, как это бывает во сне, знал, что здесь, в доме Папаши Янга, находится его Глаз. И этот Глаз сейчас показал что-то очень не понравившееся красивому темнокожему человеку: в синеве неба на мгновение раскрылось какое-то яркое крыло. Он повернул перстень — свет неба погас, и тот самый оттенок сумасшествия, который Профессор Ким уже видел, покинул его глаза, чуть было снова не ставшие глазами хищной ночной птицы. Внезапно Профессор Ким понял, что красивый темнокожий человек всего лишь слуга или один из множества слуг повелителя, находящегося в самой дальней из запертых комнат, в последней запертой комнате. Или он его частица, как и то, что появилось сейчас в комнате Папаши Янга. Какая-то быстрая тень, направляющаяся к перстню-Глазу... И тогда сон Кима вдруг начал изменяться. За окнами появилась Луна, но, боги, что это была за Луна... Ее орбита изменилась; ночное светило, во много раз больше привычной луны, плыло в черном небе, заливая землю грозным золотым светом. Луна сошла с орбиты и теперь приближалась! Можно было различить кратеры на ее поверхности, каналы, складывающиеся в причудливые рисунки... Это была Луна, атакующая Землю.

Весь мир Профессора Кима, начинавшийся с яблока Адама и яблока Ньютона, сжался сейчас до размеров маленького дома Папашинной фермы. А за окнами был мир чужой. Профессор Ким видел людей-гигантов, опустившихся на колени вокруг горящих золотым огнем великих пирамид, и в следующее мгновение понял, что ряды людей-великанов повторяют причудливые рисунки на падающей Луне. Они были очень красивы, быть может, прекрасны, эти гиганты, которым предстояло скоро погибнуть, и у них была золотистая кожа. Но самым удивительным была их песнь. Низкие, скорее, воспринимаемые беспокойной душой, нежели ухом, звуки, чистая музыка еще до начала времен, музыка, еще не отделенная от цифр. Гармония, не нуждающаяся ни в каких поверках и сама являющаяся мирозданием, великая мировая симфония, собирающая Вселенную... Они пели, эти люди-великаны, им была известна песнь Бога.

«Они маги, — понял Профессор Ким или услышал голос внутри себя. — Они поддерживают Луну на орбите, отодвигая время ее падения. Но это чужой мир, и в твоей реальности он давно погиб».

Золотокожие великаны продолжали свою песнь. Это был тот мир, о котором говорил Урс, когда люди влюблялись в русалок и похищали дочерей богов, и Профессор Ким видел приближение великой трагедии, космической катастрофы, он видел закат этого мира.

Луна плыла уже над ними, и тогда с вершин великих пирамид в ночное небо ударили молнии. Цифры, симфония, молнии... Энергия людей-гигантов, открытых зову Вселенной, энергия магов-творцов поддерживала слабеющую орбиту Луны.

— Но она все равно упадет, — услышал Профессор Ким тот же голос, исполненный печали.

— Это тот, из последней запертой комнаты?.. — прошептали во сне его губы.

— Она упадет, и по всей Земле останутся лишь воспомина-ния о великих неразгаданных пирамидах, слышавших музыку

первых времен, и вечное предчувствие неизбежности катастрофы...

— Это тот, из последней запертой комнаты? — настаивал Ким, чувствуя, что в этом сне он остается упрямым ребенком, ступившим в первый раз на Спиральную Башню.

— Они погибнут, став героями древних легенд и первых мифов. — Голос не слышал его. — Но кто-то из них донесет в темную ночь осиротевшей Земли древнее посвящение богов...

— Это тот? — повторил Ким. — Он уничтожил их мир?

— Возможно, просто кончилось его время, мирам тоже положен предел. Но он чужой, мир за окнами. — Голос какое-то время молчал, потом продолжил: — Земля получит новую Луну. Луну новой цивилизации. Приливная волна... Случится Великий потоп, и начнется ваша история... История ваших книг, история одиночества людей, грезящих о Боге... Но вещи не возвращаются — это чужой мир за окнами, и сейчас он хочет вторгнуться в твой, там, в коридоре...

Профессор Ким вдруг понял, что за окнами начало происходить что-то, какая-то тень накрывала Землю. За окнами начала приоткрываться последняя запертая дверь.

— Возвращение невозможно — это значит двигать башню...

— Кто ты?! — прокричал во сне Профессор Ким.

— Там, в коридоре... — прошептал голос.

И тогда панически необъяснимый страх завладел Профессором Кимом, он хотел вырваться из этого сна, бежать от того, что происходило за окнами, он хотел, чтобы его разбудили, чтобы сон отпустил свои объятия, ведь если дверь приоткроется...

— Они уже здесь, — сказал голос, вырывающий его из сна, — там, в коридоре...

Потом все звуки смолкли.

Кроме тихого шелеста.

Так могла биться крыльями в темноте ночная бабочка. Но это была не бабочка. Профессор Ким открыл глаза и вспомнил, где он находится, — страшное видение отпустило его, и Луна успокои-

лась. Он посмотрел на спящего патера Стоуна и на тени высоких деревьев за окнами, потом повернул голову к входной двери. И скорее всего, это был все еще сон, скорее всего, ему только снилось, что он открыл глаза в одной из спаленок на втором этаже Папашино дома. Потому что сейчас, в размазанном свете успокоившейся Луны, что-то странное появилось у двери. Сейчас в их комнату, в белой кружевной ночной рубашке, так похожей на саван, вошла старуха, бережно прижимающая к груди какой-то сверток. Профессор Ким почувствовал, как на его спине зашевелились крохотные волоски: в размазанном бледно-зеленом лунном свете стояла старуха с белым восковым лицом, тонкие бескровные губы оскалились в улыбке, обнажившей давно высохший тлен рта, но... Кошмарно было другое. То, в руках... Ведь это вовсе не сверток. В руках старуха сжимала гипсовую копию его головы.

— Это всего лишь предупреждение, малыш, ведь память — навсегда... — услышал Ким.

Он узнал эту старуху, и от этого его состояние стало близко к помешательству. Он узнал... Только ее уже давно не было на этой земле. Наверное, лет двадцать пять.

В тот год Ральф был уже взрослым псом-красавцем, получающим медали на выставках, а она постоянно жаловалась, что Ральф разоряет ее кормушки для птиц. Ну скажите на милость, зачем чудному сенбернару Ральфу ее кормушки? Ральф всегда был любителем поесть. Но не ее же зерно! Наверное, Ральф все же играючи гонял ее пичуг, и, наверное, стоило тогда приостановить конфликт в зародыше. Но она была вредной бабкой, наговаривающей на веселого молодчину Ральфа, а Ральф в ее глазах был мерзким чудовищем, гоняющим птичек. Они все вместе упустили время. А в один из дней она бросила перед самой их дверью большой кусок вареной колбасы с крысиным ядом. Пес тогда выжил, и никто не смог ничего доказать. Но позже она подошла к семилетнему Киму, ласково потрепала его по щеке и проговорила:

— Это всего лишь предупреждение, малыш. В следующий раз я отравлю эту тварь.

Сейчас эта милая женщина, любящая птиц и уже двадцать пять лет как покинувшая эту землю, стояла в их спальне, и что-то странное происходило с гипсовой головой в ее руках. Она уже больше не казалась такой гипсовой.

Профессор Ким вдруг понял, что обязан быть сейчас в коридоре: там происходит что-то, что еще, наверное, возможно предотвратить. Но старуха стояла на его пути. Красивый темнокожий человек со знанием дела смотрит в свой перстень: конечно, ты боялся старухи, боялся ее безнаказанности, ты знал, что она отравила твою собаку, и ничего не мог поделать, даже папа считал, что ты наговариваешь на милую, хоть и с причудами, пожилую женщину. Ты не мог ничего поделать и боялся, что эта маленькая, тщедушная старушонка, так ловко все устроившая, когда-нибудь отнимет у тебя Ральфа. Вот зачем она явилась. Послание Сумрачной страны было там, в коридоре, и ты опять ничего не мог поделать.

— Ральф, — тихо позвал Профессор Ким.

Старуха посмотрела на него с удивленным снисхождением — так добрые бабушки смотрят на расшалившихся деток. Но... Конечно, он уже видел все это, когда брел по Спиральной Башне, и сейчас пришло время вспоминать.

— Ральф, — позвал Профессор Ким.

Ему необходимо быть сейчас там, в коридоре.

Каким-то образом он понял, что перстень находится уже внутри их дома; тот, чужой мир пришел сегодня за маленьким чернокожим мгангой. Тихий шелест. Так могла биться крыльями бабочка. Но такой же тихий металлический звон. Добродушный бармен Маккенрой понял бы, что сейчас происходит в коридоре. Он уже видел, во что иногда превращаются перстни. Слепая голова ожившей змеи ползла сейчас по циновкам, разбросанным в коридоре большим ценителем экзотики Папашей Янгом. Змея еще не избавилась от раковины-перстня, но все более освобождалась от золотого плена, как от отслужившей кожи. Черный ужас ночи следовал за ней. Черный ужас бесшумно прокрался в дом Папаши Янга.

— Ральф, — позвал Профессор Ким.

В глазах старухи появилось выражение озабоченности.

— Всего лишь предупреждение...

Старуха подняла свою страшную ношу, как бы прикрываясь ею, и Профессор Ким понял, что так не понравилось ему в этой нелепой копии. Белая гипсовая голова начала оживать: глаза, полные бессилия и ненависти, налились кровью, треснувшие губы пытались растянуться в ухмылке, сквозь гипс пробивалась плоть, но еще до рождения она была мертва.

— Предупреждение, — прошипела старуха.

— Ральф... Ральф!

И сначала сквозь сонный бархат ночи, с другой стороны Вселенной, послышалось то, что нельзя было спутать, — дыхание собаки, для которой ты когда-то был самым любимым существом на свете...

— Ральф!

...а потом все более приближающееся грозное рычание пса.

В глазах старухи появился испуг.

— ...всего лишь предупреждение...

Профессор Ким сделал шаг к призраку, Ральф был уже здесь, он был за спиной. Теплая волна Любви была рядом. Неподдельный ужас отразился в глазах призрака. Гипсовая голова вдруг начала превращаться в нелепо огромный кусок отравленной колбасы, и (ты помнишь, малыш?) им старуха пыталась сейчас прикрыться. Грозное рычание Ральфа нарастало.

— Здесь тебе не поможет это, — проговорил Профессор Ким.

Призрак заметался взглядом по комнате, ища укрытия, Профессор Ким сделал еще один шаг вперед. И тогда в глазах старухи впервые появилось то, что можно было бы принять за бесконечное страдание, и в следующий миг призрак растаял. Сердце сковало тоской — вместе со старухой уходил надежный старый друг Ральф...

Профессор Ким был уже в коридоре, но поздно — дверь в комнату Йоргена и маленького мганги Ольчембири была открыта, змея

находилась там. И тогда Профессор Ким увидел, что кровать, где лежал маленький мганга, превратилась в алтарь жертвенника. Какие-то темные силуэты стояли вокруг него, и огромное лиловое чудовище, и беспощадный демон ночи Кишарре, а змея, повиснув в воздухе, стала золотым клинком, нацеленным прямо в сердце. Невидимые руки взяли клинок, и он устремился вниз.

— Н-е-е-е-т! — закричал Профессор Ким, чувствуя, что просыпается. Но еще до того как сон полностью отпустил его, он увидел сияние. Он увидел, как вокруг сшитой из разноцветных кусочков сумки, в которой маленький мганга хранил какие-то корни, высушенные пучки трав и разные тотемные предметы и где сейчас находился наконечник копья, появилось яркое сияние. — Нет! Змея... — И сияние залило всю комнату, но...

...Кричал он, видимо, негромко, потому что патер Стоун продолжал безмятежно спать, и за окнами забрезжило раннее африканское утро.

— Сияние...

Профессор Ким, еще не до конца осознавая, что он делает, поднялся на ноги, и в следующую секунду он уже раскрыл дверь в комнату мганги.

— Ольчемьири, змея!

Йорген Маклавски был настоящим охотником, он действовал с быстротой молнии. Черная ледяная бездна — ствол «М-16» был направлен на Профессора Кима, палец Йоргена находился на спусковом крючке.

Потом он потряс головой:

— Господи, Ким, я чуть не всадил в тебя пулю... Что происходит?

— Йорген... Ольчемьири... где он?!

— Как это «где он»?! В своей постели. — Йорген посмотрел на стоящую напротив кровать и пожал плечами. — В такое время все приличные люди находятся в постели, даже если они днем и подрабатывают шаманами. А зачем он тебе понадобился в такую рань?

— Посмотри, что с его левой грудью...

— В каком смысле «с левой грудью»? — недоверчиво переспросил Йорген. Потом он усмехнулся: — Ким, ты что, подрабатываешь в «Плейбое» и решил сделать сенсацию на груди маленького мганги или тебе все это только приснилось?

— Я... — Профессор Ким смотрел на Йоргена в растерянности. — Может, я не так выразился... Черт, Йорген!.. — Он вдруг понял, как все это нелепо должно выглядеть, и тоже рассмеялся. Но потом пришло время удивляться Йоргену.

Маленький мганга Ольчемири лежал с открытыми глазами, и Профессору Киму показалось, что он различил на его лице тихую светлую улыбку. Потом Ольчемири проговорил что-то на непонятном языке. Йорген перевел удивленный взгляд с мганги на Профессора Кима.

— Он говорит, что все в порядке. Чтобы ты не беспокоился... Он говорит, что копье обрело силу. — Потом Йорген еще раз посмотрел на них обоих. — Что вообще происходит, черт побери?..

А Профессор Ким пытался понять, что же он увидел в тот короткий промежуток времени, когда бежал к комнате Йоргена и мганги. Быть может, конечно, это померещилось со сна, но Профессор Ким был уверен: в слабом сумрачном освещении только начавшегося утра в глубине коридора действительно промелькнула фигура в той самой белой ночной рубашке, так похожей на саван.

— Не знаю, Йорген. Мне приснился кошмар. Об этом даже не хотелось бы вспоминать. Я видел сияние вокруг этой сум...

Профессор Ким не договорил. Оплетенная бечевой кожаная сумка лежала на гладко отполированном деревянном стуле. На том самом месте, где он видел ее во сне. «Ну и что? — спросил сам себя Профессор Ким. — Я ведь заходил к ним перед сном. Наверное, видел эту сумку. Спокойнее...» И тогда на своей забавной смеси английского и суахили заговорил маленький мганга Ольчемири:

— Сюда приходил Кишарре... Но копье обрело силу. Он знает это, и он ушел. — Потом он посмотрел на Йоргена, и губы его

растянулись в какой-то застенчивой детской улыбке. — Он больше не придет так... И теперь мзее Йорген сможет остановить его с помощью длинного ружья.

И Ольчембири с опаской посмотрел на винтовку.

Йорген плавно спустил затвор и поставил оружие на предохранитель.

— Я что, пропустил сеанс спиритизма?! Здесь был полный дом лесных духов?

И мганга, и Профессор Ким молчали.

— Нет, ну обалдеть можно, — усмехнулся Йорген. — Ладно. Успокаивает уже то, что теперь мы переходим на мою территорию...

Но никто из находящихся сейчас в этой маленькой комнате не обратил внимания на одну деталь: перстень, так удачно выменянный Папашей Янгом у добродушного бармена Маккенроя, перстень, приснившийся Профессору Киму и ставший его ночным кошмаром, лежал сейчас в темноте. Прямо под деревянной полированной кроватью, где когда-то, еще до замужества, спала старшая Папашина дочь Стефания. Потом эту кровать перенесли сюда, и прошедшую ночь на ней провел маленький чернокожий мганга.

К семи часам утра они уже закончили завтрак и были готовы тронуться в путь.

В принципе не произошло ничего экстраординарного. Если смотреть на вещи трезво, то вообще ничего не произошло. Ким видел во сне кошмар... Ну и что, это бывает с каждым. По большому счету вчерашний обед у Папаши Янга был чересчур плотным. Мганга уже давно утверждал, что в ночь полнолуния копьё обретет силу. В эту ночь светила полная луна. Но что там на самом деле случилось с копьем и случилось ли вообще, одному Богу известно! Так рассуждал Йорген, и все же он спросил у Профессора Кима:

— Послушай, то, что ты видел во сне...

— Если бы мне знать, что я видел во сне...

— Ты говорил о сиянии и о змее... А потом вы с мгангой меня порядком удивили.

— Йорген, то, что прошедшей ночью что-то произошло, — это наверняка. Но образы из сна, символы, фантомы... вряд ли они опасны. Скорее они лишь оформляют предчувствие, ощущение каких-то сдвигов. Но вот если за этими ощущениями был кто-то гораздо более реальный...

— Что ты имеешь в виду?

— Возможно, что у нас действительно были гости и их намерения в ряду символов могли пересекаться с моим сном...

— Гости?! И ни я, ни Сэм об этом ничего не знаем?

— Йорген, у меня есть некоторые соображения, но... Мне нужно еще время. Ведь ни тебя, ни меня не устроят объяснения в духе дурацкого фильма ужасов...

Что ж, время так время. А пока Йорген будет смотреть на вещи тревожно. У него такая возможность есть.

Пока.

А к ним уже шел Папаша Янг. У старого гуляки по утрам всегда было чудесное настроение.

— Значит, на озеро Рудольф, к Камилу Коленкуру, — проговорил Папаша. — Удивительный человек... Я с ним не очень-то знаком, но месье Ажамбур, друг мистера Райдера... — Здесь Папаша оборвал себя и, спохватившись, посмотрел на дочь. Но Зеделла не обратила никакого внимания на его слова. Она уже давно упаковала свои вещи, и теперь они были сложены в один из «лендроверов». Мистер Райдер остался в прошлом. Зеделла улыбалась и как-то странно смотрела на профессора Льюиса. Папаше это не понравилось. — Так вот, месье Ажамбур мне о нем много рассказывал. Ну да вы, наверное, знаете о нем не меньше моего...

Камил Коленкур был одним из столпов современной палеонтологии и, безусловно, самой колоритной фигурой из тех, кто

работал сейчас в окрестностях озера Рудольф. Его научная слава почти не уступала славе легендарного доктора Луиса Лики, а по экстравагантности поведения он порой превосходил некоторых эпатаж-мастеров мирового авангарда. В свои семьдесят пять лет он летал на парашуте и, говорят, даже на озеро Рудольф, кишасщее крокодилами, прихватил доску для виндсерфинга, класс «Фанатик». Иногда по утрам над озером проносятся страшные ветры, называемые живущими здесь нилотами сирата-сабук. Так вот, профессор (а также почетный член десятка университетов) грозился оседлать ураган. Где бы он ни был, в пустынях или в болотах экваториальных лесов, в стенах европейских университетов или в небе, управляя стропами парашюта, его безупречно чистую рубашку всегда украшал галстук-бабочка. Когда же речь заходила о местном фольклоре, то здесь он не уступал Папаше Янгу, только без галлюцинозно-алкоголических видений последнего.

— Я знаком с месье Коленкуром, мы старые друзья, — проговорил сэр Льюис. — Я высоко ценю его труды.

Профессор Ким посмотрел на сэра Джонатана Урсуэла Льюиса и понял, что и с ним в эту лунную ночь что-то произошло.

«Хорошая нам выпала ночка, — подумал Ким и почему-то вспомнил историю о поющих жирафах и о том, что рано или поздно они прозревают. — Уж не влюбился ли он в эту девчонку? Это, конечно, не мое дело, но... у старины Урса вид, будто его приворожили».

Папаша Янг пожал им по очереди руки и подошел к дочери.

— Я буду скучать, Делл...

— Я тоже, папочка. Но это всего пара месяцев...

— Рука болит?

— Ерунда. — Зеделла улыбнулась, и Профессор Ким увидел, что на ее левой кисти наложена тугая повязка.

Вчера, когда она поразила всех, спустившись к ужину в этом платье, ее руки были обнажены. Наверное, это все ерунда, только никаких повязок не было.

Папаша Янг вздохнул:

— Ну что ж, счастливо... Береги себя и помни, что, помимо этих доисторических костей всяких питекантропов, есть немало живых людей, заслуживающих твоего внимания. И один из них — твой старый папаша, который будет скучать.

Зеделла поцеловала отца в висок:

— Я люблю тебя, папочка...

— Я тоже тебя люблю, Делл... Пора.

Зеделла повернулась и пошла к «лендроверу». Папаша, глядя ей вслед, усмехнулся и подумал, что именно в этих свободных шортах по колено она была тогда в Мадриде у несчастного мистера Райдера. Именно в таких шортах ходят стайки студенток, разглядывая застывшую каменную музыку усталых северных столиц.

Потом автомобили тронулись в путь. Папаша поднял руку в прощальном приветствии. В это чудное солнечное утро ни Зеделла, ни Папаша Янг вовсе не могли предположить, что они видятся в последний раз.

28. Черный Ор-койот

Еще до восхода, когда колеса «мицубиси» неслись по хрустящей соленой корке пустыни Чалби, а впереди, еле различимые в свете уходящей луны, показались черные силуэты далеких гор, Маккенрой понял, что его путешествие заканчивается. Никогда в своей жизни он не испытывал ничего подобного. За ночь он покрыл расстояние более чем в четыреста километров, оставив позади горные долины, саванну и соленую пустыню, и вот сей-

час его машина, словно по гладкому асфальту, уверенно бежит по нагромождению туфа, по местности, вовсе лишенной понятия «дорога», по местности, где лучшим транспортом был верблюд кочевника и где даже бывалые путешественники радовались, если им удавалось перемещаться со скоростью три мили в час. Но поражало даже не это. Впервые в своей жизни Маккенрой остался один на один с этой пылающей ночью. Здесь, в пустыне, он впервые заглянул в бездну звездного неба и ощутил себя странником. Он понимал, что в его путешествии, попирающем законы земного тяготения, было нечто противоестественное. Какая-то рассудочная часть его сознания подсказывала, что такой полет (а как еще можно назвать эту безумную езду?!) невозможен, и он испытывал два противоположных чувства: безудержную, шальную радость и страх... быть может, даже благоговейный ужас перед тем, что с ним сейчас происходило. Улыбчивый, добродушный бармен Маккенрой, смешивающий коктейли и заполняющий карточки телевизионных лотерей, вдруг сейчас, благодаря мистеру Норберту, ощутил себя не только сыном Земли, но и сыном этой бесконечной, разверзнувшейся над головой звездной пропасти. Поэтому что здесь такого — выигрышные цифры? Выигрышные цифры — это всего лишь шаг за столь близкий горизонт, что в сравнении с этой бездной до него, кажется, можно достать рукой. Маккенрой теперь верил в мистера Норберта безоговорочно, и единственное, чего он желал, это как можно более правильно выполнить возложенное на него поручение. И когда над краем бесконечной соленой пустыни, оставшейся за спиной, поднялось солнце, разгоняющее остатки мрака, задержавшегося у западной кромки земли, Маккенрой понял, что в новый день он входит совсем другим человеком. Странником, видящим цель, и выигрышные цифры — всего лишь первый и незначительный шаг на пути к этой цели. Он вошел в мир, наполненный другими голосами, и бесконечные блюзы, звучавшие в его баре, — всего лишь далекое воспоминание о вдохновенной, открывшейся ему Музыке, пронизывающей все Мироздание.

— Мистер Норберт, вы не понимаете... Черный Ор-койот — всего лишь фольклор, местная легенда. Его не существует.

— Что ж, Маккенрой, вполне возможно. Значит, через несколько часов вам предстоит встретиться с этой легендой.

До лежащих впереди невысоких гор с плоскими вершинами оставалось не более десятка километров, и Маккенрой знал, что росший по склонам лес — единственный оазис в этих местах. А дальше, за горами, в огромной чаще, протянувшейся с севера на юг более чем на двести километров, посреди каменистых пустынь лежит великое озеро Рудольф.

Интересное получалось дело. Пересекать Национальные парки можно только по проложенным через них автомобильным дорогам. Не то что сворачивать с дороги, на некоторых участках нельзя даже останавливаться. Если, конечно, вы не имеете специального разрешения. Если, к примеру, Одно Государственное Учреждение не засвидетельствует, что вы Большой Друг Природы, изучающий жизнь животных. Или Другое Государственное Учреждение не выдаст вам лицензию для отстрела этих самых животных. Во всех остальных случаях посещение Национального парка считается незаконным. И власти могут поступить с вами так, как поступают обычно с браконьерами. А если еще, не дай Бог, при вас будет огнестрельное оружие, то вполне возможно схлопотать пулю без предупреждения. Маккенрой все это знал, и все это его совершенно не волновало. Он пересек самые знаменитые Национальные парки. Никто из тех, кто отвечает за безопасность кенийской природы, не оказался у него на пути. Так уж вышло в один из сентябрьских дней 1989 года.

Интересное получалось дело.

Маккенрой не знал языка людей, живущих в этих горах. Масаи, а точнее, обособившийся от них клан Самбуру, были воинственными скотоводами-кочевниками, до сих пор не расстающимися с копьем, до сих пор угоняющими скот у своих соседей и ведущими из-за этого жестокие войны. Немногочисленная полиция опасалась вмешиваться в местные дела — к счастью, в

Кении действуют законы, запрещающие огнестрельное оружие, — и обитатели этого засушливого, Богом забытого края, предоставленные самим себе, живут по законам предков, а полиция занята тем, что регистрирует, причем с соблюдением всех формальностей, приезжающих в эти места иностранцев.

Маккенрою надо было отыскать моранов, причем тех из них, кто узнает перстень и приведет его к Черному Ор-койоту. В существовании последнего Маккенрой теперь не сомневался.

Масайское общество делится на четыре возрастные группы, причем границы между ними настолько жесткие, что перейти из низшей группы в высшую можно, только пройдя специальный обряд посвящения.

В семь лет мальчики становятся олайони — пастухами и целыми днями гоняют скот по пастбищам, вооружившись лишь луком со стрелами или копьем. Этим мальчуганам их мамы не читают на ночь книжки с веселыми картинками, и к Рождеству они не получают подарки от взрослых, напротив, любой взрослый может бесцеремонно заставить олайони выполнить любой свой каприз, порой даже самый нелепый, и олайони обязан подчиниться. Таков уж закон. Поэтому олайони не очень жалуют свое счастливое детство и не дождутся дня, когда что-то там произойдет со звездами или с фазами Луны и этот многозначительный шаман, следящий за небом или за муравьями, сожравшими так неудачно спрятанную накануне тушу антилопы, не соизволит объявить, что время пришло. Пришло время им стать моранами.

В том возрасте, когда юноши менее экзотических стран готовятся поступать в высшие учебные заведения, напичкивая свои головы светом знания, древний закон масаев готовит своим паренькам некую процедуру, связанную с другой частью тела. Им делают джандо. На суахили это означает обрезание. Их половой член остается без крайней плоти. Джандо предшествует церемонии инициации, длящаяся более суток. Вдоль рядов копеечников проходят наставники, трубящие в рог. Приносится кровь жертвенного вола. По решению верховных жрецов — ойибунов выби-

рается мганга, который с помощью лишь ножа делает джандо. Не только крика, но даже гримасы боли достаточно, чтобы олайони прослыл недостойным быть воином, и тогда «счастливое детство» продлится до конца жизни. Так что лишь мастерство мганги, делающего джандо, может быть союзником в этом испытании. Правда, закон следит за тем, чтобы мганга не был слеп и находился в своем уме.

Прошедшие инициацию становятся моранами, переходят в касту воинов. Они получают красную тогу, защитную униформу на этих красных латеритных землях, и великолепное копье с длинным плоским наконечником. Они уходят жить в специальный военный лагерь, сплетенный из ветвей колючей акации. Лагерь называется маньяттой. Дом же из кизяка, где живут все остальные масаи и так любимый ими скот, называется екангой. Звездными пылающими ночами в маньюту приходят потрясающе красивые масайские девушки. Их грациозные шеи спрятаны под безумным количеством бисерных ожерелий, тяжеленные, в несколько килограммов, связки спадают на плечи, на руках и ногах — множество металлических браслетов. Они не знают ничего о существовании фотомоделей. К счастью, топ-модели тоже о них не догадываются. Масаям в ближайшие десять — пятнадцать лет запрещено жениться. Свой дом им можно будет завести, лишь став младшими старейшинами. Но свободная любовь освящена законом. Кстати, моранам много чего запрещено. Им нельзя есть растительную пищу и никакую другую пищу, кроме молока, смешанного пополам с кровью, и кусочков непрожаренного мяса. Им нельзя заниматься физической работой и жить вне маньятты. Зато им можно воевать, угонять у соседей скот, целыми днями слоняться без дела, забавляясь чем придется, по ночам плясать у костра, заниматься любовью и заплетать себе множество косичек. Они очень красивы, эти изящные, длинноногие, несколько женственные юноши. Их средний рост приближается к двум метрам, и настоящим мораном в былые времена считался тот, чье копье омоет кровь работоторговца. Говорят, сей-

час достаточно укокошить льва. Эти несколько сомнамбулические юноши-красавцы обмазывают себя суриком, смешанным с жиром или сливками, становясь такими же красными, как и земля вокруг, и хотят лишь одного — как можно дольше оставаться моранами! Моранами, имеющими лишь одну специальность и один долг — быть воинами. Они нехотя расстаются со своей вольницей, становясь сначала младшими, а затем и старшими старейшинами. Из среды последних выходят военные и религиозные лидеры масаев. Когда-то у них существовал институт Ор-койота, Верховного масая, соединяющего в себе военного и религиозного главу. Эта безупречная военная машина, которую заклинило где-то в первобытном веке, досталась масаям от предков. И они не хотят ничего менять. Другое дело англичане, особенно в тот период своей истории, когда оплот западной свободы и гуманистической цивилизации — Великобритания владела в качестве колоний чуть ли не половиной мира. Британские колонизаторы, видя, как успешно сопротивляются масаи, сделали все возможное, чтобы уничтожить институт Ор-койота. И правильно. Уровень жизни в Кении не слишком отличается от уровня жизни где-нибудь в Европе. Если вы, конечно, не живете по законам предков. Если же вам начхать на уровень жизни и всякие парламентские штучки, начхать на образование (европейское) и на бизнес, то вы можете жить в буше, охотиться на львов, делать джандо и отбивать скот у соседей. И не участвовать в массовых голодовках и гражданских войнах, уносящих сотни тысяч жизней.

Маккенрой был из тех, кому не начхать на образование, бизнес и уровень жизни. Он чтит предков, но в остальном был вполне современным человеком. Раньше. Сейчас ему надо было найти моранов и предъявить им перстень мистера Норберта в надежде на то, что его узнают.

Маккенрой давно слышал старую легенду про то, что англичанам их фокус с Ор-койотом удался не до конца. Будто бы где-то существовала личность, вошедшая в отношения с духами ночи

и ставшая Черным Ор-койотом. Носящая черные одежды. Это при том, что, кроме красной тоги, масаи мог надеть лишь желтое, будучи мудрым старцем, жрецом-ойибунум, или — голубое, будучи женщиной на седьмом месяце беременности. Голубой — цвет неба, цвет, в «который нельзя бросать копье»...

Черный Ор-койот — герой местного фольклора. Герой веселых анекдотов за кружкой пива или страшных историй, рассказываемых на ночь.

Очень милая легенда.

Сейчас Маккенрою предстояла встреча с этой милой легендой.

Маккенроя уже несколько раз останавливали (или он их останавливал) группы краснотогих юношей, произносящих: «Маджи, маджи». Маккенрой понимал, что они просят воды, и показывал им перстень мистера Норберта. Юноши удивленно переглядывались и пожимали плечами. Это были мораны. Они хотели пить. И они не понимали, что надо Маккенрою. Мистер Норберт говорил, что перстень узнают те, кто должен узнать. Маккенрой искал их весь день. К вечеру он устроился на ночлег. И это было большой удачей для Профессора Кима и его друзей. Потому что на путешествие, занявшее у Маккенроя несколько часов, они потратили два дня. И еще один день, чтобы преодолеть совсем уж смешное расстояние, пересекая сначала лавовые поля, нагромождения туфа и белого кварца, а потом неширокую, поросшую лесом горную гряду, отделяющую край пустыни Чалби от экспедиционного лагеря, находящегося на песчаном берегу озера Рудольф.

Но к тому времени Маккенрой уже все успел.

Маккенрой нашел в багажнике «мицубиси» газовую горелку и еще раз удивился предусмотрительности мистера Норберта. Ну конечно, постоянное чувство плеча... Он вытащил из нагрудного кармана свободной хлопковой рубашки бумажную коробку спичек с приглашением посетить Аргерс-Пост, разжег горелку и

поставил на огонь банку бобов со свининой. Маккенрой любил свинину; честно говоря, он не понимал мусульман с побережья, отказывающихся от этого мяса. Хотя, конечно, вера есть вера. Маккенрой вдруг подумал, что, запрети ему сейчас мистер Норберт предвкушаемый ужин, он бы, наверное, послушался. Маккенрою эта мысль не понравилась, и он отогнал ее прочь. В багажнике также нашлось несколько полулитровых бутылок пива «Скол». Пиво было местное, но, в общем, неплохое.

— Маккенрой, времени на сборы нет, в машине вы найдете все необходимое...

Да, мистер Норберт умеет заботиться о своих друзьях. По непонятной причине пиво все еще оставалось холодным. Несколько часов назад Маккенрой решил больше ничему не удивляться. Банка на огне вздыбилась — черт бы ее побрал, он забыл проткнуть в крышке отверстие. Хотя, с другой стороны, на запах сбежались бы гиены. Маккенрой не боялся гиен, после встречи со львом об этом даже смешно было думать, но гиены известны своей наглостью. Утянули бы бобы вместе с банкой. Удивительно, но у некоторых народов, например у кушитов, живущих к северу от озера, гиены почитаются за мудрость и отвагу. Нет, Маккенрою гиены не нравились, он считал их наглыми и несимпатичными созданиями.

Маккенрой взял кусочек асбестовой ткани (он входил в комплект с газовой горелкой), снял банку с огня и с помощью складного швейцарского ножа открыл ее. Сразу же стал распространяться божественный аромат бобов в чили с крупными кусочками бекона. Нож с трехдюймовым лезвием — вот и все его оружие. Складной швейцарский нож и мистер Норберт. И этого больше чем достаточно. Маккенрой вдруг вспомнил, что со вчерашнего вечера ничего не ел. За весь день безостановочного поиска он выпил лишь бутылку холодного пива. Но он так и не нашел тех, кто бы узнал перстень. И это, конечно, не очень хорошо. Ведь он так спешил, провел за рулем всю ночь и весь день, не останавливался, исколесив всю округу и не пропустив ни одного одиноко

стоящего шатра или любого другого жилища. А ведь возможно, что это очень важно для мистера Норберта, возможно даже, его ухудшившееся состояние как-то связано с тем, что Маккенрой должен был сделать. Но он выполнит порученное, даже если сейчас придется вставать и снова садиться за руль, даже если придется колесить вторую ночь подряд.

Но ему не пришлось этого делать.

В нескольких десятках километров к юго-востоку от этого места укладывались в спальные мешки пассажиры трехполосатых «лендроверов». Йорген распорядился поставить палатку для Зеделлы, но девушка пожелала некоторое время побыть у огня и спать под открытым небом. Ночевать в палатку отправился мистер Моррис Александер; все остальные предпочли спальные мешки.

В эту ночь Йорген также велел Сэму выставить охрану.

Двухметровый гигант кивнул головой:

— Я об этом уже позаботился, бвана...

Весь прошедший день Профессор Ким наблюдал за Урсом. Ничего утешительного эти наблюдения не принесли. Сэр Джонатан Урсуэл Льюис, профессор и почетный член полутора десятка университетов, потомственный аристократ, человек безупречного воспитания, вкуса и эрудиции, давно уже выбравший Науку как путь к Истине и Свободе, в конце концов, человек, имеющий немалый жизненный опыт, влюбился в девчонку, годящуюся ему в дочери.

Вот те на! Что-то здесь не так. Это, конечно, не его дело, не его чертово дело, но что-то здесь не так. Хотя, собственно говоря, что тут такого? Все титулы Урса, которые он сейчас потрудились вспомнить, разлетались в пух и прах перед этой юной, обворожительной, неземной (да, именно это слово!) красавицей. Но эти титулы вовсе не являлись защитным панцирем от... (от чего? От стрел Амура?! Господи, какая банальность...) Он вдруг понял, что, черт бы его побрал, совсем не умеет рассуждать на эти темы. Он не может говорить о простых человеческих вещах.

К счастью, он не вписывается в карикатурный образ ученого типа месье Паганеля, потому что его приучили держать удар, любить женщин и не косеть от крепкого, но, пожалуй, любая студентка-первокурсница дала бы более квалифицированную оценку тому, что происходит сейчас с Урсом. Профессор впервые пожалел о том, что наверняка не смог бы стать автором мелодрам или «мыльных опер». Потому что в этих простых человеческих вещах заложена, вероятно, высшая Мудрость, которую ему неплохо было бы постичь. Урс тоже не смог бы стать автором «мыльных опер». Поэтому вчера вечером «мыльная опера», мелодрама избрала его своим героем. Так вот бывает с горой и Магометом. Убедняги Урса, натурально, вид человека, которому в кофе подмешали любовного зелья...

Потом он подумал, что нет причины бить тревогу. Ничего особенного не происходит. Просто оксфордский профессор, как пылкий юноша, влюбился в девчонку где-то в сердце Африки. Но он же, черт побери, не вскрывает вены из-за неразделенной страсти и не молит Йоргена Маклавски пристрелить его из «винчестера»...

Профессор Ким улыбнулся и начал засыпать.

Но заснул он с ощущением того, что студентка-первокурсница скорее всего ошибалась и что-то здесь не так.

Мораны подошли бесшумно, когда Маккенрой уже съел свои бобы со свининой и выпил бутылку холодного пива «Скол». Их было четверо. Маккенрой все же разложил костер, отгонявший не в меру любопытных животных. Мораны замерли, оперевшись на копыя, в нелепо величественных позах. Они что-то говорили. Маккенрой не понял ни слова. Он показал им перстень. Это были веселые юноши, они улыбались. Потом они узнали перстень и властным жестом приказали Маккенрою следовать за ними. Маккенрой, конечно, не ожидал, что они падут перед перстнем ниц, но такая бесцеремонность по отношению к человеку, обладающему предметом мистера Норберта, заставила вспомнить о гигиенах.

Маккенрой знаками предложил им сесть в машину. Они усмехнулись, сплюнули сквозь зубы и, не поворачиваясь, скрылись в темноте. Маккенрой поплелся к «мицубиси», включил фары и медленно двинулся за ними.

Они шли не оборачиваясь три часа. Маккенрой даже подумал, что они движутся по кругу. Маньяту, прячущуюся среди нагромождений невысоких скал, было незаметно, пока они буквально не уперлись в плетенную из колючей акации изгородь. Эту акацию масаи зовут маньярой.

Когда Маккенрой вышел из автомобиля, его окружили несколько десятков моранов. Ему показалось, что их, наверное, не меньше сотни. Мораны оживленно переговаривались, потрясая копьями. Маккенрой старался, но так и не уловил абсолютно никакой интонации в этой громкой переключке. Маккенрой усмехнулся: казалось, мораны, просто не слушая друг друга, произносили громкие звуки, не внося в свою речь никаких явно обозначенных эмоций. Потом он вспомнил все, что говорил ему мистер Норберт. Когда появился огромного роста юноша в черном пышном венке из страусовых перьев, шум сразу стих. Видимо, это был кто-то из старших. Маккенрой отдал ему перстень. Он долгое время изучающе смотрел на золотую змею и исподлобья холодным, ничего не выражающим взглядом — на Маккенроя. Тишина была мучительной, и казалось, что конца ей не будет. На какое-то мгновение в испуганное сердце Маккенроя прокралось сомнение — а вдруг все это ошибка? Нет, хуже того — вдруг это просто самообман, непростительное заблуждение? Он вовсе не ожидал здесь такого приема. Ему вдруг показалось, что сотня пар враждебных глаз смотрит на него. Он не понимал языка этого народа, но был прекрасно осведомлен о нравах моранов. Чужаков здесь не жаловали. И по какой-то причине не понравиться им сейчас было равносильно самоубийству. Маккенрой почувствовал себя так, как в первые секунды встречи со львом. Он нащупал в правом кармане широкой хлопковой рубашки осколок, чтобы убедиться, что тот на месте. Потом опять вспом-

нил льва, и его губы растянулись в улыбке. Оперенный юноша теперь смотрел на него совсем по-другому. Нет, конечно, Маккенрой выдумал позже, будто увидел в его глазах испуг, но уважение и нечто большее, чем интерес, он в этом взгляде уловил.

Гигант кивнул головой и сказал на языке, понятном Маккенрою:

— Подождите, пожалуйста. — Потом добавил: — Бвана... —

И, повернувшись, скрылся в стоящей в глубине лагеря хижине.

Маккенрой вспомнил все, что говорил ему мистер Норберт.

Как только юноша в страусовых перьях кивнул головой, по толпе моранов сразу же пронесся вполне дружелюбный гул. Еще не друг, но уже и не враг, Маккенрой включил автомобильный магнитофон «Сони». Это было то, что надо. Луи Армстронг, мистер Сэчмо, пел блюз Вест-Энда. Толпа моранов пришла в восторг. Видимо, после мистера Норберта здесь появился второй волшебник. Маккенрой, конечно, имеет в виду старину Луи... Но он помнил все. Он не должен был жалеть пива и сигарет. Этого добра в машине было навалом. Моранам запрещено прикасаться к хмельным напиткам. Но у каждого из них была избранница, а у той семья. Плюс своя сканга. Да и пиво в этих местах являлось самой твердой валютой. Мораны дружелюбно улыбались и хлопали Маккенроя по плечу. Он стал другом. По крайней мере так им казалось. Они считали этот день очень удачным. И они сильно ошибались.

Потом вернулся юноша в черном венке и произнес:

— Он ждет.

«Кто он?» — чуть было не выпалил Маккенрой.

Потом он понял кто.

Если Черный Ор-койот и являлся легендой, то эта легенда была сейчас перед ним. В темной глубине хижины, освещаемой лишь небольшими коптящими факелами, среди нагромождений шкур полулежал коротко остриженный человек. Он был стар и вовсе не похож на призрак в черном плаще или на страшного ночного демона. Маккенрой почувствовал, как к его горлу подступил большой комок слюны. Он его слотнул — к счастью, это был человек, обычный человек; слава Богу, Маккенрой был из-

бавлен от созерцания, оказывается, ожидаемого кошмарного зрелища. Это был сухой и крепкий старик, поверх желтых одежд — черная длинная накидка. Необычным было лишь то, что по его плечам лениво ползла крупная змея. Вот и все! Но не совсем. Все-таки было в нем что-то величественное и неуловимо грозное. Как только Маккенрой переступил порог этой хижины, он почувствовал неизъяснимый страх, почти детскую незащищенность той поры, когда бабка-гадалка пугала его своими историями. Но тогда она была рядом. Сейчас Маккенрой был один. Он не боялся темноты и не был трусом. Но его психика вдруг ощутила вторжение чего-то подавляющего, грозного и чужого и ответила... о нет, не страхом, а паническим, неконтролируемым ужасом, чьим завершением могло быть лишь безумие. Но Черный Ор-койот отвел свой взгляд, и Маккенрой почему-то с благодарностью почувствовал облегчение. Да, это был величественный старец. Легенда, облаченная в плоть. Перед ним был Ор-койот, прозванный Черным. Потом эти огромные, пронизывающие насквозь глаза снова обратились к перстню, и кольцо, задрожав, повернулось камнем к Ор-койоту.

«Да-а-а! — мелькнуло в голове Маккенроя. — Старина Луи и мистер Норберт, оказывается, не единственные волшебники в этих местах...»

Черный Ор-койот посмотрел на Маккенроя, и тот отпрянул, словно ожидая удара. Но ничего не последовало.

— Хорошо. Я сделаю то, что он просит, — прозвучал голос.

Комок снова подступил к горлу.

— Я сделаю, что он просит, и мы будем в расчете. Окончательно! Ни ты и никто другой от него больше не придут! Мы в расчете.

От этого голоса на какой-то миг опять повеяло холодом, ледяным дыханием черного могильного провала. Да, у мистера Норберта достойный партнер по бизнесу. И этот партнер сейчас желает прекратить с ним дальнейшие деловые отношения. Но пока они не прекращены. И Маккенрой представляет здесь интересы

мистера Норберта. Поэтому он должен выполнить все, что ему поручено.

— Я сделаю то, что он просит, хотя мне это будет дорого стоить.

Теперь Маккенрой не уловил в его голосе ничего, кроме тихой печали.

Черный Ор-койот посмотрел на перстень, на зеленый камень в объятиях змеи, словно он что-то видел в его глубине, и сказал:

— Но в день, когда мораны пойдут умирать, прежде чем принесут первых погибших, ты должен будешь забрать перстень и оказаться далеко отсюда. А пока ты наш гость.

Маккенрой кивнул. Все происходило так, как ему говорил мистер Норберт. Он начал успокаиваться. И он произнес, опасаясь собственного голоса:

— Но я должен буду дать вам еще что-то.

В глазах Черного Ор-койота вдруг появилась усмешка:

— Да, отдашь, перед последней общей трапезой... Я не хочу, чтобы это дерьмо находилось здесь лишнее время.

Он поднял ладонь, и из темноты выступил высокий юноша в черном страусовом оперении.

— Иди, — проговорил Черный Ор-койот. — Мораны тебе дадут сды и укажут место для ночлега. Сегодня ты наш гость, здравствуй.

На слове «здравствуй» разговор Маккенроя и Черного Ор-койота закончился.

Весь следующий день Маккенрой провел в маньяте и ее окрестностях. Он наблюдал за физическими упражнениями моранов и был приглашен на состязание по метанию копья. У него сначала ничего не получалось, но мораны быстро поставили ему руку, и он, к радости своей и собравшихся, несколько раз в пух и прах разносил мишень — голову, сделанную из пустой разрисованной тыквы. Ему нравились мораны. И ему очень понравился Черный Ор-койот. Он хотел что-то объяснить ему: мол, он не просто выменял у мистера Норберта выигрышные числа и ему понятно мужество масайских воинов, но... он не знал, что ему нужно объяс-

нять. А мораны хлопали его по плечу, смеялись, что-то пытались сказать на своем непонятном языке. И никто из них не догадывался, что визит Маккенроя, этого улыбчивого и похожего на них человека, пришедшего из мира каменных городов, для многих моранов явился знаком их скорой смерти.

А Черного Ор-койота Маккенрой увидит еще только раз. В тот самый день, когда он принесет Ор-койоту «это дерьмо», которому не стоит находиться «здесь лишнее время».

В тот самый день, когда Черный Ор-койот начнет свою молитву, или заклинание, темное заклинание, иногда становящееся молитвой. В тот самый день, когда в десятке километров отсюда в голубизне неба раскроется яркое крыло и когда масайские юноши, надев красные тоги и вооружившись боевыми копьями, уйдут в свой последний путь.

29. Яркое крыло Камила Коленкура

Камил Коленкур родился в рубашке. Повивальная бабка, принимающая роды, сказала, что вот так в дом приходит счастье... Может быть, она оказалась права. Потому что в этот день страшный генерал Фон Клюк, разъезжающий по Европе в августе 1914 года в черном кожаном плаще с одним из первых автоматов в руках и командующий столь успешной атакой германских войск на запад, принял решение «повернуть». Этот «поворот», завершившийся в конечном счете битвой на Марне, спас Францию от сокрушительного и молниеносного разгрома и, так или иначе, сказался на ходе всей Первой мировой войны.

Камил Коленкур был зачат в пять часов утра, в маленькой квартирке, расположенной под крышей дома, стоящего на слиянии двух славных рек — упоминавшейся выше Марны и Сены. До этого момента его будущие родители уже несколько часов занимались любовью, с одним лишь коротким перерывом для еды, впрочем, оборвавшимся, едва начавшись. Они были совсем юными, их отношения продолжались уже больше года, и в тот день священный брак узаконил их союз. Они были бедны, имели много друзей и больше всего на свете любили друг друга. В эту ночь они почувствовали, как струи нежности пронизывают все окружающее пространство, растворяя влюбленных друг в друга, а в пять часов утра Анри Коленкуру и его юной жене показалось, что их коснулись ангелы.

А потом пришел один из самых красивых и солнечных дней, какие только могут быть в декабре в Париже, в городе, где воздух иногда делается розовым. И когда уже прошли все мыслимые сроки, а месячные у юной жены Анри все не начинались, они поняли, что теперь их стало трое.

— Это будет мальчик, — говорил Анри, осыпая жену поцелуями, хотя еще даже не было результата анализов. — Мы назовем его Камил.

А потом наступил август 1914 года, и патриотический порыв французов достиг апогея. Анри и множество его молодых, влюбленных в родину сверстников оказались на войне. Но надежды на порыв, магический элан, который принесет победу, не оправдались. Стальной немецкий кулак разбил их в пух и прах. Оказалось, что это совсем не та война, где нет ничего прекраснее смерти с национальным знаменем в руках. Она подвела черту под развитием гуманистической цивилизации. Она вызвала к жизни совсем другие силы. В это же время в Вене будущий отец психоанализа Зигмунд Фрейд уже начал описывать эти силы. Мно-

гое из того, что он понаписал, весьма пригодится людям в ближайшую сотню лет. И это очень хорошо. Хорошо, когда человеку удается послужить людям.

Это была первая война, использовавшая людей как материал. И номер у нее был первый. Поэты и хлебопашцы перемалывались в кровотокающий фарш, принимаемый землей и небом. Потом война войдет во вкус и уже не закончится до конца века, то ожесточаясь еще больше, то делая короткие передышки, чтобы перевести дух и не подохнуть от обжорства. Жители гуманистической цивилизации, бывшие добрые христиане, ведомые мудрыми мужами, всегда знающими, что надо делать, прольют столько кровушки, что все языческие жертвоприношения окажутся в сравнении с ними невинными детскими забавами.

Отец Камил Коленкура явился одним из первых солдат на этой войне. И как любой солдат, еще не ставший генералом, он был честен и сражался во благо своей Родины. По крайней мере, он так считал.

Камил Коленкур был дитя счастливой любви, и, когда он родился, жена написала Анри на фронт: «Храни тебя Господь! У нас теперь есть маленький Камил, и с тобой ничего не случится».

Анри Коленкур вернулся с фронта живым и невредимым, когда уже многих его друзей из счастливой довоенной жизни не было на этом свете.

Он писал жене почти каждый день. Она исправно отвечала, давая предварительно маленькому Камилу поцеловать письмо, уходящее на войну. Она верила, что это хранит ее мужа. Трудно сказать, помогло ли такое суеверие, но Анри Коленкур не получил ни одного серьезного ранения, не считая пули, прошившей ему левую грудь в двух сантиметрах выше сердца и не задевшей ни одного жизненно важного центра. Случилось это на Ипре, в окопах, когда война уже давно приняла позиционный характер. Он был доставлен в госпиталь, расположенный в глубоком

тылу, а на следующий день германская армия впервые в истории человечества применила газовую атаку, давшую неплохой результат.

Внезапно их нищенской жизни пришел конец. Оказалось, что множество художественных работ Анри, десятки написанных маслом полотен, которыми был завален весь чердак, могут нравиться не только любимой жене и друзьям, но и неплохо продаваться в этом новом времени. Его потом назовут эпохой Просперити, Бель Эпок...

В Париж нахлынет множество художников, литераторов, музыкантов и прочей богемствующей братии. Анри Коленкур внезапно окажется в центре общественного внимания, но деньги вовсе не погубят веселый дух этой семьи, они будут тратиться с легкостью и без особых разрушительных последствий, столь свойственных поколению, названному «потерянным». Камилу особенно запомнится дядя Эрни — любящий выпить и по малейшему поводу предлагающий бокс как способ выяснения отношений между мужчинами, здоровенный весельчак. Позже дядя Эрни получит Нобелевскую премию по литературе за книжку «Старик и море». Правда, тогда его уже будут звать папа Хэм.

Как-то, еще до Краха, они гуляли по Парижу, и дядя Эрни — папа Хэм — отдал листки мелко исписанной бумаги Камилу (он всегда работал по утрам в одном из близлежащих кафе), а сам забрался на парапет перекинутого через Сену моста. Мама и папа смеялись, а дядя Эрни сказал, что если сильно поверить, то могут вырасти крылья за спиной. Он подмигнул Камилу и сказал, что тогда это будет самый счастливый день в жизни. И чуть не сделал шаг вперед. Может быть, он шутил, но папе пришлось ухватить его за спину. Камил этого не забыл. Он не забыл, что у дяди Эрни были очень хорошие глаза и в тот момент он совершенно не походил на человека, собирающегося глупо пошутить.

Мальчишеские годы Камила проходили в Алжире, в Макао, во Французской Полинезии и в Тунисе — отец перемещался по всему земному шару. Он что-то искал; быть может, вдохновения или чего-то совсем другого, но потом всегда возвращался в Париж. Камилу исполнилось восемь лет, когда его родителям впервые удалось сытно пообедать, не думая о том, что продукты было бы лучше приберечь для малыша Камила. А уже через год они сели на пароход, пересекающий Средиземное море, в каюту первого класса, и отправились в Тунис. Время, проведенное в Тунисе, окажется самым лучшим в жизни Камила. И там останется скала, научившая его летать. Двадцатиметровая отвесная скала над морем, имеющая три уступа.

На самом низком забавлялась всякая малышня, для ребят постарше предназначался восьмиметровый уступ. Прыжки ногами в воду не считались. Камил не умел нырять — в Европе тогда только привыкали к купанию в море, и здесь ему не мог помочь отец. Когда он подошел к краю уступа и посмотрел вниз на пенящуюся воду, у него чуть не закружилась голова. Кто-то из ребят сказал, что прыгать надо с первого подхода, а иначе так и будешь всю жизнь стоять на краю. Камил понял, что страх надо побеждать сразу, пока он не превратится в огромного, повелевающего вами великана. Камил смотрел, как красиво входят в воду его сверстники. К краю уступа подошла хрупкая смуглая девочка — прыжки со скалы были для нее обычным делом, она дружила с морем. Над ним уже начали посмеиваться. Камил понял, что ждать нечего. Он разбежался, но у самого края страх все-таки одолел его. Но было поздно. Силой инерции он оказался в воздухе. Прыжок получился ужасным, его ноги занесло назад, и он вошел в воду плашмя. Ему обожгло плечи, поясницу и ноги, дыхание перехватило. Он прилично отбил спину. Видимо, получилось то еще зрелище, все взгляды были устремлены на него.

— Цел? — спросил кто-то.

Озабоченность его состоянием длилась всего несколько секунд. Потом уже все вокруг смеялись, обсуждая подробности. Но хрупкая смуглая девочка подошла к Камилу и сказала одну очень простую вещь:

— Ничего, получится. Но повторить надо сразу, сейчас. Иначе уже никогда не прыгнешь.

Это обычное для детства происшествие окажется очень важным для Камил Коленкура. Он будет поставлен перед весьма жестким выбором. И он его сделает. Насмешки все не прекращались, а тело продолжало болеть, когда он, беззвучно постанывая, двинулся к скале.

У самого края смуглая девочка сказала:

— Послушай, все будет хорошо. Поддай тело вперед и, когда почувствуешь, что уже падаешь, просто оттолкнись ногами... Немножко вверх, по дуге. И главное — держи ноги вместе, тогда легче управлять телом...

Камил прыгнул, и это был один из самых красивых прыжков — он вошел в воду ровно, почти не произведя брызг, и пятки его были сведены вместе.

Он вынырнул и, повернувшись к скале, радостно закричал:

— Я прыгнул!

— Красиво, — сказал кто-то рядом.

Девочка на скале улыбалась. Потом она помахала ему рукой и прыгнула вниз. Камил подумал, что это самая лучшая девочка на свете. Когда она появилась на поверхности, он понял, что под водой она не зажмуривается, несмотря на почти горькую соль, режущую глаза. Поэтому, выныривая, она не стала морщиться или отплеиваться, а просто убрала со лба прядь волос. А потом подплыла к Камилу и поцеловала его в щеку. Краска залила лицо Камил, он смотрел на нее со смесью удивления, застенчивости и восторга, и, наверное, все вокруг сейчас наблюдали за ними. И тогда Камил, поддавшись порыву и в то же время отдавая себе полный отчет в том, что он сейчас скажет, произнес:

— Я прыгну с самого верха, обещаю! Оттуда — с двадцати метров!

И он сдержал обещание.

Он готовился к своему прыжку ровно месяц и объявил день. Сначала над ним подсмеивались, но день приближался, и его начали отговаривать. Ведь такого не делал никто. Перестань, разобьешься. Э, тебя никто не считает трусом и не будет считать. Мы же сами отговариваем.

Были и такие, кто смеялся и говорил что-то насчет легкомысленных заявлений! Но день приближался, и Камил чувствовал, что этот прыжок теперь нужен прежде всего ему, да, прыжок стал Необходимым Делом, Которое Он Осилит. Единственное, о чем он сожалел, — это что объявил день; надо было прыгать без свидетелей, рано утром, когда огромное красное и еще не обжигающее солнце только встает над морем.

Когда он оказался на краю скалы, то не стал смотреть вниз. Он прекрасно представлял, какое расстояние отделяет его от моря, и отключил сейчас все мысли, кроме одной: если ноги начнет заносить, он должен будет сгруппироваться и войти в воду ногами. Как только он почувствует, что не все получается, надо будет сделать сальто; он тренировался ровно месяц, и он сумеет. Затем Камил отключил и эту мысль. У него все получится. Ровно, плавно и собранно.

Потом Камил посмотрел далеко вперед и вдруг удивился: он никогда не ожидал, что море может быть таким синим. Позже он увидит очень много морей, но нигде не будет такой бесконечной синевы, как здесь, на двадцатиметровой скале, которой заканчивается Африка. Да, он никогда не ожидал, что море может иметь такой цвет. Он все еще глядел вперед, когда начал падать, а потом оттолкнулся ногами. Просто оттолкнулся ногами от обветренной голой скалы... И на какой-то миг повис в воздухе, а вокруг не осталось ничего, кроме бесконечной синевы моря и синевы бесконечного неба. Он летел... Он не падал с неба — это иллюзия тех, кто не умеет летать. Потом этот миг закончился, а

ощущение полета осталось. Камил Коленкур вошел в воду ровно и собранно. Он поднял руки и голову, чтобы не погружаться слишком глубоко, и оказался на поверхности.

В жизни Камил Коленкура будет много женщин, но ни одна из них никогда не посмотрит на него так, как эта хрупкая смуглая девочка в тот миг, когда он показался над поверхностью воды. Она станет его самым большим другом, и все те бесконечно долгие, волшебные и пролетевшие мгновенно десять месяцев, пока их семья жила в Тунисе, они будут вместе. Они будут прыгать со скалы. А потом их семья уедет и увезет Камилу в другую часть мира. И он напишет ей забавное детское письмо, где расскажет о том, как проходит путешествие. Она ответит. Она напишет то, что сам Камил никогда бы не посмел написать. С непосредственностью, свойственной возрасту, девочка закончит письмо словами: «Я тебя л...» А потом их семья поедет дальше, письма будут идти долго, и их адресаты затеряются. Камил Коленкур и смуглая хрупкая девочка больше никогда не встретятся. Но он будет вспоминать ее всю свою жизнь. И когда он поймет, что до конца этой жизни остался лишь миг, Камил успеет улыбнуться и снова подумать о девочке, благодаря которой он научился летать.

Наверное, ему следовало заделаться авиатором — ведь перед глазами было столько великих летчиков, но Камил Коленкур выбрал палеонтологию. Каждый летает в своем небе, и, хотя он не забросил увлечение аэропланами, наука о прошлом Земли вскоре стала главным делом его жизни. Камил Коленкур был одним из первых палеоархеологов, кто решил попытаться счастья в Африке. Еще в тридцатых он высадился в Южной Эфиопии на берега великой реки Омо. Вдвоем с приятелем, мечтающим создать трансафриканскую авиационную почту (ему удастся осуществить свою мечту, так же как удастся связать Африку с Южной Америкой), они летели над владениями абиссинского негуса¹, вдоль

¹ Негусами называли эфиопских королей.

извивающегося русла реки, и им открылась удивительная картина. Безжизненную песчаную пустыню прорезала красная лента реки, заросшая густыми галерейными лесами, встающими прямо из воды, за их узкой полосой — бурая саванна, а еще дальше — бесконечные, выжженные солнцем пески. Река Омо вдыхает жизнь не только в озеро Рудольф, куда она несет свои воды, спасая озеро от высыхания под этим безжалостным солнцем, но и в окружающую русло пустыню. В долине Омо, в тропических лесах и в саванне, встречается почти вся живность, обитающая в Африке; а сама река, к красным водам которой пальмы нежно склоняют свои изумрудно-мохнатые головы, скрывающие заводы с коврами белых лилий, буквально кишит гиппопотамами и огромными крокодилами, отдыхающими на отмелях, раскрыв пасти. Несколько шагов от реки, и попадаешь в полумрак тропического леса, наполненного голосами множества птиц, потом — саванна и полупустыня. Но в нескольких километрах от живой воды реки лишь безмолвие песков и опаленные солнцем лица кочевников, почитающих Аллаха и пересекающих пески на своих белых дромадерах.

Чуть позже они оказались над дельтой реки, где Омо распадалась на множество потоков, бегущих к озеру Рудольф, и обнаружили небольшую площадку, на которую можно было посадить аэроплан. Их первый визит не принес особенных результатов. Но красная живая вода реки Омо и скала, научившая его летать, навсегда привязали Камила Коленкура к Африке и заставили много позже, когда он уже сделался ученым с мировым именем, вернуться в эти места. Но сначала произошли некоторые события, и научная карьера Камила оказалась на несколько лет отложенной.

— Тот, кто развязывает войну, в любом случае свинья, — сказал как-то дядя Эрни.

Камил не знал, кто развязал эту войну. Но в 1940 году его Родина пала. Когда в сердце Парижа на красном полотнище появилась арийская свастика, когда по Елисейским Полям начали

вышагивать люди в черной форме с древними рунами в петлицах, когда мешанская романтика опозитизированных масс, ведо-
мых черными колдунами, поставила себе на службу все достиже-
ния XX века, Камил Коленкур оказался в Сопротивлении. Не
только над его Родиной, над его Миром, над его Свободой навис-
ла смертельная угроза. Он действовал в диверсионной группе, и
для него не существовало трудностей, связанных с головокружи-
тельной высотой моста, который следовало взорвать, не суще-
ствовало непроходимых альпийских перевалов.

А в то время, когда сэр Джонатан Урсуэл Льюис еще аппетитно
почмокивал своей соской, Камил и дядя Эрни встретились в толь-
ко что освобожденном Париже. В этот город вернулся розовый
воздух. Вряд ли эти вдохновленные легендами черные легионы,
которых попросили отсюда убраться, знали, что это такое. Они
вдвоем пошли на середину моста, перекинутого через Сену. Они
уже оба знали о гибели военного летчика, основавшего трансф-
риканскую почту, о гибели многих своих друзей, и они оба вспо-
нили тот день пятнадцатилетней давности. А потом Камил уви-
дел, что к мосту спешат отец и с трудом поспевающая за ним мама.

Покрупневший дядя Эрни снова забрался на парапет, потом
поглядел по сторонам и развел руками:

— Смотри, Камил. — В чуть влажных глазах его больше не
было печали, он улыбался, и что-то в этой улыбке заставило Ка-
мила вспомнить о смуглой девочке, оставшейся в Тунисе. — Этот
город я люблю больше всего на свете. Видите крылья? Ну конечно,
видите... Это они перенесли меня сюда.

Устье реки Омо и озеро Рудольф стали археологическим раем
Камила Коленкура. Долина реки и озеро находятся в зоне Вос-
точно-Африканского рифта, гигантского разлома земной коры,
протянувшегося через всю Африку, от Красного моря до Замбе-
зи. На севере огромное Эфиопское нагорье с мифической древ-
ней страной сэра Джонатана Урсуэла Льюиса, южнее, в Кении,
Танзании, множество находок — кости ископаемых гоминидов,

кости вымерших гигантских животных и опять ископаемые останки нашего предка: он был и гигантом и карликом.

Река Омо и озеро Рудольф стали археологическим раем Камилла Коленкура. Сенсационные находки следовали одна за другой. Возраст человечества увеличивался на миллионы лет. Камил Коленкур выдвинул версию африканской прародины. Недостающее звено между обезьяной и человеком будет найдено здесь, в Кении. Радиоактивный метод, изотопы позволяют датировать находки уже миллионами лет.

Как-то в его экспедиции работали молодые ученые. Один из них был англичанин, талантливый и, что немаловажно, везучий. Камил с удивлением узнал, что основная специализация этого парня — лингвистика. Они сошлись ближе, и позже их связали дружеские отношения. Иногда это были отношения ученика и Учителя. Британец мог бы стать выдающимся палеоантропологом. Но казалось, он ищет здесь что-то совсем другое. А потом он рассказал Камилу какую-то удивительную, просто волшебную сказку. Он ничего не утверждал. Только предложил сделать некоторые предположения. Что никакого промежуточного звена не существует. И прародина человечества не находится в Кении. Мы несем ее с собой. И люди значительно старше, чем они в состоянии вспомнить. До начала Истории существовали полусказочные цивилизации, и не только людей, и память о них сохранилась лишь в древних преданиях, так схожих у всего человечества. А в этих местах еще живут легенды, и, быть может, где-то еще остались следы этих цивилизаций.

— Это похоже на проповедь о том, что Санта-Клаус существует, — удивился Камил.

— В каком-то смысле так оно и есть, — ответил с улыбкой британец.

Его звали Джонатан Урсуэл Льюис. Если бы он не был толковым парнем, прекрасно разбирающимся в координатах современной науки, Камил принял бы его в лучшем случае за неуча шарлатана или в худшем — за сумасшедшего.

В этом году Камил Коленкур проводил на озере Рудольф уже седьмой полевой сезон. За время своих долгих выездов в Африку он увлекся бытом и фольклором местных народов, но вовсе не собирался соглашаться с фантастическими теориями Урса. Он, конечно, знал, что на севере Эфиопского нагорья, в древнем Аксуме, находится множество гигантских каменных стел-монолитов. Двадцатичетырехметровые громадины, сделанные из одного цельного камня. Они были такой же загадкой, как и египетские пирамиды. Местные легенды утверждают, что задолго до появления здесь людей Эфиопское нагорье населяли гиганты, люди-циклопы, умеющие плавить камень. Они и научили аксумских мастеров возводить каменные стелы, которые гиганты переносили на своих плечах как пушинки. Интересно, что когда итальянская армия все же завоевала Эфиопию, Муссолини приказал перевезти в Рим самую большую из стел Аксума. Но техника образца 1938 года не справилась с этой задачей. В Рим попала одна из самых скромных по размерам стел. Она и сейчас находится там. На площади Порта Капена.

Знал Камил и о «дороге великанов», древней, вырубленной в скалах дороге шириной в... пятнадцать метров. Дорога для слонов, танков или великанов. Интересно, какого роста должен был быть странник, если его предохранял от падения парашют высотой в два метра?

Знал он и о плотине, сложенной из каменных глыб кубической формы, подогнанных друг к другу так, что не только лезвие бритвы, а даже вода не может найти себе выхода. Плотина завершалась грандиозным, сейчас полуразрушенным храмом. Вдоль «дороги великанов» стояли гигантские статуи древних богов, изображения Сириуса.

Камил Коленкур, как образованный человек, знал и о других следах титанической работы на земле. И не только о египетских пирамидах, скульптурах острова Пасхи и развалинах на озере

метрах камень находились на одной линии. Смотрящий Глаз и ноги жертвы были обращены в одну сторону. Ну и что? Случайность. Тень вроде бы отступила...

И все же, не зная, зачем ему это будет надо, а скорее подчиняясь интуиции, Камил мысленно продолжил линию до небольшой искривленной скалы, находящейся в паре сотен метров отсюда. Можно было бы подыскать какой-нибудь более серьезный ориентир, но в принципе для определения направления этого достаточно.

Полицейский-кениец подписывал на обороте полароидной карточки время фотографирования. Потом он пожал плечами и, вздохнув, повторил:

— Плохи дела.

Но ни Камил Коленкур, ни полицейский сержант и никто другой почему-то не обратили внимания на одну деталь. Убийство, вероятно, произошло несколько часов назад. В любом случае до появления нашедших его студентов труп некоторое время был здесь. И его не тронули хищники. Он даже не был облеплен мухами и сжирающими в этих краях все подчистую муравьями. И лишь значительно позже Камил вспомнил, что видел вдалеке нескольких гиен, и они запросто могли разделаться с телом несчастного, прежде чем его найдут. Но они не сделали этого. Вокруг трупа была какая-то странная, пугающая стерильность.

Через некоторое время, и, как выяснилось позже, вполне определенное, в окрестностях лагеря случилось еще одно убийство. Потом, уже значительно южнее, в саванне Самбуру, — третье. Камил Коленкур все же решил побывать на местах преступления. Картина в обоих случаях была похожей — с невиданной жестокостью вырванное сердце и Глаз, указывающий на север. Камил решил побеседовать кое с кем из местных жителей. Никто из них о подобных знаках ничего не слышал. Камил почувствовал, что столкнулся со страшным культом. Но о нем не хотели или боялись рассказывать. А может быть, действительно ничего не знали.

После первого преступления прошло уже больше месяца, и похожее убийство было совершено на севере Эфиопии. На сей раз имелись репортаж и фотография в журнале «Штерн» — только что в соседний лагерь прибыл его коллега из Германии. Репортаж касался общих социальных и политических проблем. Камил смотрел на большое, в разворот, профессионально выполненное красочное фото, и какая-то тревожная догадка снова промелькнула у него в голове. Но, черт побери, он же не Шерлок Холмс... Потом он увидел камень, и на нем, если пользоваться лупой, вполне можно было различить рисунок... Или это он уже выдумывает? Может быть, он хотел бы там его увидеть? Черт, изображение слишком размытое. Он закрыл журнал. И тень снова отступила.

Прошло чуть больше недели — сообщение с юга, из одного из самых густонаселенных районов Кении, не заставило себя ждать.

Это — ритуальные убийства. И где-то он уже видел этот знак.

Камил Коленкур понял, что происходит что-то странное. И связался с Урсом.

И начал вести свой дневник.

Все подробности он сообщал Урсу, а потом каждый раз исправно делал записи в дневнике. Через какое-то время он решил проанализировать, что получается. Он так и поступил. Затем отложил свои записи в сторону.

Складывающиеся закономерности его очень испугали.

ИХ НЕ ТРОГАЛИ ЖИВОТНЫЕ.

Их не трогали животные, по крайней мере первые несколько часов после убийства. Их не сжирали хищники, к ним не подходили даже гиены и не слетались падальщики. Камил вспомнил, как ему рассказывали, что в одном случае полицейская собака буквально упиралась ногами, не желая приближаться к труп, пока вдруг не завывала. Это произошло в двух шагах от столицы. На этот раз — христианский миссионер.

Камил Коленкур был хорошо известен в Кении. И имел много друзей. Он попросил пересылать ему всю информацию о подобных случаях. Друзья восприняли это как причуды старика, но в просьбе не отказали.

И он продолжал вести дневник.

А потом пришло сообщение от Урса. Профессор Льюис (как все-таки летит время! Этот молодой британец со сказочными фантазиями уже профессор) собирался приехать. И все встало на свои места: Камил Коленкур вспомнил, что таинственное изображение — знак Глаза — он видел в книге какого-то испанского монаха. Книга была гордостью библиотеки сэра Льюиса. Там Камил и видел этот знак, когда принял приглашение Урса навесить его в Йоркшире.

Камил Коленкур вел дневник и ждал Урса.

Но Урс приехал лишь через четыре месяца.

Их не трогали животные.

Эта страшная фраза и далекий барабанный бой звучали в голове Камилла, когда он проснулся в середине одной из самых жарких ночей лета 1989 года. Сначала он испугался, решив, что, возможно, началась бессонница. Что так заявляет о себе старость. Потом он понял, что ему нужны карты. Хорошие географические карты этой местности. Британский атлас и карты очень крупного масштаба. И старость здесь абсолютно ни при чем.

Их не трогали животные... Почему?

«Мы их запеленгуем», — подумал Камил и усмехнулся. Какая-то ассоциация из военной молодости, и дядя Эрни, стоящий на мосту. Дяди Эрни уже почти тридцать лет как нет. Но мы их запеленгуем...

Камил Коленкур взял карту самого крупного масштаба и открыл свои заметки. В районе, прилегающем к озеру Рудольф, он отыскивал место первого преступления. Первым был шаман. А потом нашел ту самую небольшую искривленную скалу. На ее вершине были какие-то рисунки, сделанные первобытными художни-

ками, таких скал имелось немало на берегах озера Рудольф. И на этой прекрасной британской карте все они были изображены. Глаз — убитый шаман — скала... Камил Коленкур определил направление и прочертил линию до северной границы листа, потом он перенес линию на карту меньшего масштаба. Здесь уже озеро выглядело лишь пятисантиметровой закорючкой, напоминавшей человеческий зародыш. Он решил провести прямую до северных границ Эфиопии. То самое чувство, помогающее делать невероятные догадки в науке, сейчас подсказало, что этого достаточно. Вполне. Камил Коленкур на правильном пути.

Затем он нашел на карте место еще одного преступления, наиболее удаленное от первого. Он проделал ту же операцию. Вторая прямая линия пересеклась с первой в центре высокого Эфиопского нагорья, посреди заснеженных вершин и озер, дающих начало Великому Нилу. Именно так во время Второй мировой войны оккупационные немецкие власти пеленговали их передатчики. Определяли направление до источника излучения радиосигнала, потом отъезжали на некоторое расстояние и снова определяли направление. На месте пересечения прямых линий находился передатчик. Бери его тепленьким. Насколько Камил знал, с тех самых пор эта процедура не особенно изменилась. Но Камилу Коленкуру требовались доказательства. Его природа ученого жадно требовала подтверждений. И они были. Фотография в «Штерне». Тревожащая и тогда непонятая. Камил Коленкур бывал в тех местах, осматривая древние стелы Аксума. И он обладал великолепной памятью. Он прекрасно помнил, где находилась одна из самых высоких стел Аксума, виднеющаяся на фотографии вдали, и где находятся развалины древних ворот, у которых нашли тело эфиопского монаха. Да-да, это был настоящий фотограф-профессионал, и он выбрал великолепную композицию... Камил Коленкур любил профессионалов. Это были ребята, на которых всегда можно положиться. Несчастный монах, почитающий, как и большинство эфиопских христиан, Деву Марию, Божью Матерь, лежал ногами к стеле, освещенной лучами заходящего солнца. Солнце было за спиной фотографа... И вот что волновало, не давало

покоя... Он узнал это место; и тогда, еще даже не осознав, он уже кое-что понял. От смутной догадки осталось лишь ощущение тревоги. Направление было изменено. Знак Глаза, ноги убитого и далекая стела, залитая вечеряющим солнцем, указывали прямо на юг... Север — Юг, Запад — Восток, что может быть проще? Вот так, или почти так, они пеленговали наши радиопередатчики... Кольцо поиска сжималось. Потом он взял крупномасштабную карту Северной Эфиопии, Аксума, нашел развалины древних ворот и далекую стелу. Как все-таки хорошо, что между ними было приличное расстояние, на карте оно превратилось всего лишь в половину сантиметра, но этого достаточно. Вполне достаточно, чтобы определить направление...

«Возможно, стоило бы учесть незначительную кривизну Земли», — думал Камил, опуская линию с севера на юг.

Но ему не пришлось ничего учитывать. Третья линия встретила с двумя предыдущими как раз в точке их пересечения. Они соединились в одной точке.

— Я запеленговал передатчик, — усмехнулся Камил.

Их не трогали животные. Совершенно верно. И Глаз, нарисованный кровью убитых, отыскивал одну, только ему известную точку. Теперь не только ему одному... Однако каким надо обладать зрением (или чутьем?), чтобы за тысячи километров разворачивать свои жертвы именно к этой кровожадной точке, где пересекаются все линии! Это действительно были ритуальные убийства, и они были цикличны, возможно, как-то связаны с фазами Луны, но дело заключалось не совсем в этом... Потому что ритуальные циклические убийства были адресованы кому-то...

Их не трогали животные, по крайней мере первые несколько часов...

И может, конечно, это все вздор, может, на старости лет известный палеоантрополог Камил Коленкур впал в детство и с удовольствием погружается в пьянящую стихию страшных сказок, но вполне возможно предположить, что в первые несколько часов ими питался кто-то совсем другой...

И конечно, было бы лучше, если б нашлись иные объяснения. Маньяк, племенная вражда, неизвестные яды, отпугивающие зверье...

Только интересное получалось дело: все убитые — служители культа. Так или иначе. И у белых, и у черных людей есть свои служители культа, разговаривающие с их богами. Но еще нигде это не было поводом, чтобы вырезать им сердца и рисовать их кровью Глаз, видящий что-то там, за горизонтом.

Нет, было бы очень хорошо, если бы полиция кого-то поймала. Нужны другие объяснения. Было бы лучше, если б Урс не оказался прав... Мир давно расколдован, и не нужно никаких выдумок. Но...

Их не трогали животные.

Потому что в первые несколько часов ими питался кто-то совсем другой. Кто-то, находящийся в точке, где пересекались линии.

Камил Коленкур продолжал делать записи и ждал Урса. Он старался больше не думать о происходящем. Он ждал.

Профессор Льюис, конечно, не был доктором магии, но все, чем бы ни занимался этот незаурядный человек, постоянно забрасывало его в пограничные территории. Сейчас он сообщил, что у него собирается довольно неплохая группа и что он откопал кого-то, еще более сумасшедшего, чем он сам.

И это очень хорошо, если, конечно, такое бывает.

Камил Коленкур не станет на старости лет задумываться на эти темы — у него полно работы, и ему еще очень многое хотелось бы успеть. Поэтому он не будет думать об этом, по крайней мере до появления Урса.

Нечего отвлекаться.

Он будет только все фиксировать в своем дневнике. И ждать Урса.

А Урс был уже близко. Хотя, как выяснилось, недостаточно близко.

А потом наступил день, когда Камил Коленкур почувствовал первый укол в сердце.

За семь часов до этого, без трех минут полночь, улыбчивый бармен Маккенрой в последний раз обратился к своему зеркальному осколку. Именно в это время он получил шестую недостающую цифру — мистер Норберт не обманул его. Ему даже не приходило в голову усомниться в истинности выигрышных цифр, он стал смотреть на это совсем по-другому. Они с мистером Норбертом ничего не отгадывали, они создавали будущие выигрышные цифры, а отгадывать их будут другие. Но уж мистер Норберт постарается, он обещал, чтобы ответ их загадки знал только Маккенрой. Никогда еще сумма предстоящего выигрышного фонда не была так астрономически велика. Еще ни разу.

Когда вода на поверхности зеркального осколка загустела, превращаясь во что-то белое, вязкое и обладающее нестерпимым запахом, Маккенрой понял, что пора отдать «это дерьмо» Черному Ор-койоту. Маккенрой уже два дня проторчал в маньяте (сроки назначил Ор-койот), и его волновало только одно: успеть к предстоящему розыгрышу. Успеть завершить порученное дело и спокойно заполнить карточки. Нет, карточку. Хватит одной, потому что Маккенрой будет единственным победителем. Ему только надо все правильно сделать.

Уже шесть раз Маккенрой обращался к осколку таблички, шесть раз вода на поверхности зеркала становилась чем-то белым, но он никак не мог привыкнуть к запаху. Его сердце начало вдруг бешено колотиться, запах проникал в организм через все поры, приводя Маккенроя в предобморочное состояние, а однажды ему показалось, что это белое пыталось овладеть им.

— Это опасно, сынок, — услышал он голос, — пойдем отсюда.

Потом он понял, что голос принадлежит его бабке-гадалке, и это было лишь мгновенное воспоминание. Много лет назад, когда Маккенрой был просто маленьким чернокожим мальчиком,

они с бабкой видели, как огромные рыжие муравьи пожирали труп собаки. Их, наверное, было не меньше миллиона — живая, копошащаяся, агрессивная плоть. Существо, раздробленное на миллион частиц, обладающих общим разумом.

— Это опасно, сынок, пойдем отсюда, — сказала тогда бабка.

Он вылил это белое в готовую ямку и засыпал свежей землей. Это была пятая выигрышная цифра.

То, что осталось после шестой, он принес сейчас Черному Оркойоту.

Когда с прибрежных гор спустился утренний ветер, разгоняя остатки облаков, цепляющихся за плоские вершины, где еще бродили сновидения, когда он пронесся по лощинам, создавая в районе экспедиционного лагеря что-то вроде ежедневной микрокатастрофы, когда его рев в горах заставил действительно поверить, что это дыхание грозного божества Акуджа, пробуждающего таким образом озеро и превращающего дымную густоту глубин в зеркальную радостную гладь воды, Камил Коленкур почувствовал первый укол в сердце. Вряд ли это встревожило или озадачило его. От отца Камил унаследовал великолепное здоровье, и если он и имел какие-либо болячки, то все они были результатами прошлых травм, телесных повреждений, но вовсе не свидетельствовали о том, что в безупречном организме Камилла произошли какие-то сбои. Так продолжалось семьдесят пять лет. О существовании понятия «забота о здоровье» Камил узнал лишь в тридцатилетнем возрасте. Ему пришлось достаточно долго лечить запущенные во время войны зубы. А так, кроме детских простуд, ссадин, растяжений и переломов, Камил не сталкивался ни с какими болезнями.

Поэтому он совершенно не представлял, что может значить укол в сердце, и мгновенный страх сменился ощущением какой-то необъяснимой грусти.

Было еще совсем рано, и Камил Коленкур раскладывал параван на плоской вершине невысокого холма, имеющего с одной

стороны довольно крутой обрыв. Солнце уже поднялось полностью, но до наступления настоящей жары оставалось еще часа два. Камил периодически использовал эти утренние часы для полетов на парашуте. Сирата Сабук — шквальный ветер, разбудивший озеро, — уже успокоился, и Камил знал, что сюрпризов быть не должно. Был хороший, достаточно свежий встречный поток. Как раз то, что надо. Он подтащил руками стропы и начал разбегаться. Высокое круглое облако, в принципе сулившее неприятности, если под ним оказаться, было далеко в стороне, слева, но Камил вовсе не собирался выполнять левый вираж. Он почувствовал, как парашут за спиной ожил, потянул на себя, значит, сейчас он поднимется. Камил подтянул ноги, давая возможность куполу раскрыться самостоятельно, еще раз коснулся ногами земли и оказался над обрывом. Расстояние между ним и поверхностью холма начало быстро увеличиваться — три метра, семь, десять... Камил выполнил небольшой правый вираж и поймал ветер. Холм резко оборвался. Камил потянул стропы на себя — великолепный встречный поток, — и в следующую секунду расстояние между ним и землей было уже не меньше сорока метров.

В небе раскрылось яркое крыло Камилы Коленкура.

А несколько ранее Черный Ор-койот начал свое заклинание...

В это же время три полосатых «лендровера» находились не более чем в семи часах перехода от экспедиционного лагеря на берегу озера Рудольф.

Когда последовал второй укол в сердце, Камил Коленкур находился высоко в небе. Он думал о том, насколько же красив и пьяняще-загадочен мир, простирающийся под ним, и наслаждался тишиной. Обычно парашут, серфинг или горные лыжи полностью отключали ту вечно не спящую часть мозга, где рождались мысли о работе. В такие минуты Камил отдыхал, думая лишь о том, как правильно выполнить вираж или уколиться палкой, разгружая лыжи, и довести до конца дугу поворота. Но сей-

час отключиться не удавалось. Его преследовала мысль об этой точке. О точке, где сходятся все линии.

Если верить великолепной британской карте, то там могли находиться пещеры или пещера. Обычно эта карта не ошибалась. В ней не был учтен только временной фактор, когда высохшие и пригодные для передвижения на автомобиле русла рек оказывались заваленными или прошедшие дожди изменяли местность до неузнаваемости. В случае с пещерой временной фактор не играл роли. Однако карта ничего не утверждала. Эти внутренние районы Эфиопского нагорья были плохо исследованы, и пещеры там только могли быть.

Камил смотрел, как по земле в сторону озера двигалась его тень. Потом тень заскользила по ровной глади воды. Там, за северным берегом озера, за горизонтом, в туманных горах, находилась точка, где пересекались все линии.

Их не трогали животные.

Жертвоприношения?! Кому? Кого это безумие должно пробудить?

И тогда Камил Коленкур что-то увидел. Но еще прежде укол повторился, и его сердце, сначала достаточно нежно, обхватили мощные металлические тиски. Мир перед глазами Камилы задрожал и начал расплываться, он зажмурился и потрянул головой. Потом открыл глаза. И то ли это был оптический обман, то ли предобморочное видение, только к его тени, скользящей по зеркальной поверхности озера в направлении берега, что-то приближалось. Камил еще раз покачал головой и обернулся — ничего не было. Да и кто может гнаться за ним в небе? Он посмотрел вниз: расстояние между двумя тенями сократилось. Он попытался сделать глубокий вдох и схватился руками за сердце. Тиски начали сжиматься.

Маккенрою надо было забрать свою зеркальную табличку и перстень мистера Норберта. Он прекрасно понял, что имел в виду Черный Ор-койот, когда говорил о дне, когда Маккенрою следует быть уже далеко. Как можно дальше от этой маньяты. Сейчас

наступил именно такой день. Черный Ор-койот выполнит свое обещание, и их отношения с мистером Норбертом закончатся, и поэтому ему уже давно пора убраться. Он не знал, почему мораны должны были идти умирать и почему должны были приносить первых убитых. Но он и не собирался этого узнавать. Это не его дело. Маккенрой лишь выполнил поручение. Доставил перстень и то... что стало с водой после шестой выигрышной цифры. А сколь опасными могут быть его вчерашние друзья, Маккенрой уже убедился. И сейчас ему только надо было забрать перстень и зеркальную табличку. Он должен думать об этом, потому что его, как и моранов, гипнотизировало заклинание Черного Ор-койота. Он тоже периодически впадал в транс и прыгал на одном месте под аккомпанемент этой гипнотической, волнующе-страстной и восхитительной песни. Быть может, она и была темным заклинанием, но иногда становилась тихой, сокровенной молитвой. И Маккенрой находил в себе силы, чтобы услышать эту трепетную просьбу защиты, просьбу, исполненную печали и сострадания. Это была странная песня, и никакой другой колдун в Африке ее бы не исполнил. Род Маккенроя был христианским уже достаточно давно благодаря стараниям миссионеров конца прошлого века. Конечно, это было христианство с примесью Африки, где святые мученики неплохо ладили с лесными духами, принимающими невинные жертвы. Но все же Маккенрой смог почувствовать, что это очень странная песня. В Африке другое отношение к вопросам Жизни и Смерти. В заклинании Черного Ор-койота было что-то от песни матери, молящей о своих детях... Где было место и для скорби, и для сострадания. А потом накатывали воинственные волны, Африка била в барабаны, соединяя несуществующие миры, волны следовали с четким ритмом одна за другой, и Маккенрой погружался в гипнотический транс. Но он был здесь чужой. Поэтому он должен противостоять заклинанию. И в тот миг, когда он возвращался, в короткий миг перед пробуждением, он видел, что происходило с моранами. Он видел, что в их глазах не было зрачков, но в них плеска-

лось что-то белое... И Маккенрой знал, что это. Он знал, во что превращалась вода на зеркальной поверхности... А потом наваждение прошло. И заклинание Черного Ор-койота прекратилось. Зрачки в глазах моранов были на месте. Но и закончилось все очень странно. Черный Ор-койот вышел из хижины, и Маккенрой в полуопьянении услышал обращенные к нему слова:

— Забирай то, что должен забрать, и уходи. Торопись, твое время может закончиться.

А потом он поднес ползущую по его плечам змею к глазам, и Маккенрой услышал мучительный крик. Стон пронесся по рядам моранов, Маккенрою показалось, что он тоже застонал. Черный Ор-койот быстрым движением оторвал змее голову. И оцепенение прошло.

В это же мгновение Камил Коленкур увидел, как две тени внизу соединились, и тиски, наполняющие сердце бесконечной печалью, сжались еще больше. А потом из холодной темноты показалась рука и повернула металлическую ручку тисков до отказа. Этот мир перестал существовать.

Но все же небо, где раскрылось яркое крыло, послало Камилу Коленкуру другую смерть. Он умел летать. И умереть он должен был так же. Порыв ветра, пришедший со спины, начал схлопывать крыло парашюта. Круглое, высокое, сулящее опасность облако сейчас стояло прямо над головой. Камил уже не мог исправить ситуацию. Еще один порыв ветра, и парашют встал, под его хлопающим куполом боролись разные потоки, но исход уже был предрешен. В следующую секунду парашют сложился. Яркое крыло Камил Коленкура покинуло это небо. Он падал, и ветер бил ему в лицо. Но здоровое сердце Камил отогнало тень заклинания, и тиски разжались. Камил глотнул воздуха и начал приходить в себя. Он открыл глаза, не понимая, где он и что происходит. Потом он вспомнил, что находится в небе, а еще через мгновение понял, что падает. Он взялся ослабевшими руками за стропы и попытался расправить купол. Расстояние до земли со-

кращалось с бешеной скоростью. Руки обрели уверенность, и голова ясно поняла, что надо делать. Он взялся за стропы, а потом посмотрел вниз... И тогда Камил понял, что уже поздно — земля неслась навстречу, он ПОЧТИ (или УЖЕ?) упал с неба. Двадцать метров, не больше двенадцати, один миг...

И тогда он с улыбкой вспомнил глаза дяди Эрни, стоящего на мосту и готового сделать шаг, он вспомнил всех, кого любил, и еще до того, как этот миг закончился, он увидел хрупкую смуглую девочку, машущую ему рукой и прыгающую вслед... Они умели летать, и это было здорово...

А потом наступил мрак.

30. Вопросы, отложенные на потом

«Зеделла, Зеделла, Зеделла», — это слово звучало в его воспаленном мозгу, и от сердца расходились волны, растворяющие его в терпком дурмане наготы ее тела, в могучей первобытной пене, из которой он вышел и куда он был готов упасть, чтобы соединиться с ней навсегда... Зеделла...

Никогда с сэром Джонатаном Урсуэлом Льюисом не происходило ничего подобного. В его жизни были женщины, заставлявшие взволнованно стучать его сердце, были и те, которых, как ему казалось, он по-настоящему любил, но ни одна из них не вывела его из равновесия. Он искал свою судьбу совсем на других путях, и если они и сворачивали к женщинам, отдающим ему свое тепло, то наутро он садился на коня и без особого сожаления следовал дальше. Потому что профессор Льюис был Рыцарем совсем другой

Дамы. Ее он искал в старинных преданиях и в молчаливых библиотеках, она смеялась и ускользала, и он следовал за ней.

В своей жизни Урс многое откладывал на потом — поиски его Дамы не оставляли времени для земных женщин. Пока он с удивлением не обнаружил, что в свои сорок пять лет все еще холостяк. Теперь уже стареющий холостяк. У него была подруга. Экстравагантная женщина из семьи не менее славной и древней, чем род Льюисов. В юности они были вместе, совершали рок-н-рольные паломничества, даже участвовали в одном из множества молодежных движений. Ее интересовали Сэлинджер и Толкиен. Потом ее увлекли буддизм и свободная любовь, чуть позже — рок-революция, мистический ислам и гашиш. Урс вернулся в библиотеки, она отправилась на Восток строить Город Братства и Любви. Потом, в потертых джинсах и с котомкой из джинсовой ткани, перекинутой через плечо, и в кепке с невообразимо длинным козырьком, она вернулась в семейное гнездо и три дня провела в ванне, взбивая пену, пахнущую весенними ландышами. Из пены вышла английская аристократка, и вся семья облегченно вздохнула. Она отправилась на ипподром. Там она встретила молодого офицера Королевских военно-морских сил и через месяц стала его женой. Наверное, она была феминисткой, потому что мужа, командующего грозным фрегатом, она держала на коротком поводке, управляла двухместным спортивным автомобилем и выучилась играть в гольф. Девять лет назад ее муж погиб при нелепых обстоятельствах, снимая команду с либерийского сухогруза, затонувшего в штормовом северном море. От их брака остался годовалый мальчик. Она не любила своего мужа. Но когда его не стало, она надела траур и носила его значительно дольше, чем требовали простые приличия. Муж боготворил ее. Она не смогла ответить тем же. Быть может, она винила себя в его гибели. Все это время Урс поддерживал с ней дружеские отношения, испытывая что-то вроде старой привязанности или старой любви. А четыре года назад у них снова был секс, впервые после столь длительного перерыва, в который могла уместиться

целая жизнь, и Урс обнаружил, что она совсем не изменилась. Она так же кричала и говорила невообразимые глупости, и ее нестареющее тело было по-прежнему упругим и полным соков. Но в глазах вместо дерзости шального одиночества появились нежность и спокойное умиротворение. И Урс понял, что прибыл в свою гавань. Но он долго не решался, с одной стороны, боясь разрушить свою устоявшуюся жизнь, а с другой — просто не зная, как это сделать: необходимые в таких случаях слова были как-то нелепы после всего, что они пережили. И только перед отъездом в Африку Урс собрался с духом и сделал ей предложение. Ее ответ Урса шокировал.

— Конечно, нет, — сказала она, — я ждала этого девятнадцать лет, и теперь ты хочешь, чтоб я так просто согласилась?

Урс не знал, что ему делать.

Но потом она рассмеялась:

— Ну наверное, ты сможешь просто меня украсть. Надеюсь, в роду Льюисов еще не забыли, как это делается?!

Она совсем не изменилась. Урс даже испугался, не сбежит ли она снова на Восток. Но потом он вспомнил, что видел в ее глазах лишь ожидание любви, нежность материнства и верность старого друга. Быть может, она и готова была снова бунтовать, но теперь только вместе с сэром Льюисом.

Да, Урс имел постоянную женщину, уже четыре года у него был с ней секс, но гораздо сильнее их связывали дружеские отношения, и скоро она станет его женой.

Здесь, в Африке, случилось то, что могло перечеркнуть все его планы. Впервые в жизни Урс встретил любовь, и она оказалась сильнее его дамы. Это была любовь, быть может, первая, настоящая и последняя. Для нее не существовало неприступных бастионов и рациональных слов. Эта любовь говорила на древнем языке тех времен, когда из-за смеха красавицы народы сходились в войнах и разрушались великие города, когда из-за возлюбленных люди бросали вызов богам и спускались в Ад.

«Зеделла» — было слово этого языка.

Но любовь сэра Льюиса была тайной, потому что он не знал, приходила ли к нему Зеделла или это было лишь сновидением. После ночи, проведенной у Папаши Янга, он проснулся с ощущением дурмана в голове, и Зеделлы рядом не было. Он закрыл глаза, и снова все внутри его наполнилось светом, и ее запахом, и шумом падающей воды... Бог мой, неужели лишь сон?.. Он сел на кровати, постепенно дурман в голове рассеивался. Его обступила реальность, и он понял, что в реальности такого быть не может. Разве могла бы совсем юная девочка, находясь в доме своего отца, прийти в постель незнакомого взрослого, пожалуй, для нее слишком взрослого мужчины по той простой причине, что он может умереть без нее? И разве сэр Джонатан Урсуэл Льюис мог бы так воспользоваться гостеприимством?! Конечно же, это был лишь сон (но разве может сон быть таким реальным?), и он настолько безнадежно влюблен, что милосердное воображение сжалилось над ним и дало то, чего никогда бы не произошло на самом деле.

...Весь следующий день он мучительно ловил ее взгляды, искал хоть намек на их тайную связь, но... у Зеделлы не было с ним общей тайны. Она была весела и приветлива со всеми, она вдыхала в окружающее жизнь, приводя видавших виды мужчин в забавное беспокойство. Она шутила с сэром Льюисом, и тогда по его телу проходила электрическая дрожь, и даже пару раз удивленно ловила его взгляды, словно имел место какой-то невинный розыгрыш, только результат превзошел все мыслимые ожидания. У них не было общей тайны... В глубине ее чистых, светящихся юностью глаз он мог уловить лишь невинное игривое лукавство, но там не было и намека на что-то большее, в глубине ее глаз не было быстрых прячущихся теней. Она не приходила к нему этой ночью. Более того, Зеделле льстило его внимание. Урс был живой легендой, по его книгам выучилось уже не одно поколение, и лучшего собеседника перед новым учебным годом было не найти. Урс с горечью понимал причины подчеркнутой вежливости Зеделлы. Она с увлеченностью задавала свои вопросы, он отвечал... Зеделла не знала ничего о том, что про-

изошло с сэром Льюисом. Эта девочка, чей запах заставлял его сердце выскакивать из груди, чье случайное прикосновение вызывало у него спазмы подступающего удушья и чей беспечный смех опрокидывал его в головокружительную бездну, где бродили фантазии, превращающие мальчиков в мужчин, смогла похитить весь остальной мир, оставив Урсу лишь безумие пленительного сновидения и еле теплящуюся надежду. Она оказалась сильнее его дамы, которой он служил столько лет без страха и упрека, и ничего не знала об этом. Она лишь задавала свои вопросы, он отвечал... И он хотел открыться ей, но слова превращались в огромные, гладко отполированные ветрами камни, застревавшие у него в горле и мешающие ему говорить.

В какой-то момент он понял, что находится на грани катастрофы, но потом его мысли превратились в воздух, играющий ее волосами, и он готов был сделать и последний шаг, за грань, отделяющую реальность от безумия.

Ему надо было открыться ей не откладывая, но... где-то еще жило легкое дыхание надежды, что все это был не сон. И что она все же приходила к нему той ночью. И пусть это будет убийственной иллюзией, в ярком сиянии которой воспоминания испаряются и Время перестает существовать, но он уже не мог лишиться своих ночей. И он ждал, что предстоящей ночью все повторится и ему снова откроется тело самой прекрасной женщины на земле.

Профессор Ким видел, что происходит с Урсом, и это вызывало все большее беспокойство. Он видел, что для Урса перестало существовать Время, возвращаясь лишь тогда, когда Зеделла была рядом, и он теперь понимал, что сэр Льюис не просто влюблен — он околдован. Профессор Ким даже подумывал поговорить об этом с мгангой Ольчемьери, с которым так неожиданно сблизился за эти три дня, но без помощи Йоргена он не смог бы этого сделать. Он, конечно, с удовольствием поговорил бы об этом с Йоргеном, но тот вырос в западной половине мира, и Профессор Ким не знал, можно ли говорить с ним на столь деликатные темы. Тем более что они знакомы всего несколько дней... Он симпатизировал Йор-

гену и думал: чем они могли быть похожи? Чем молодой профессор, лишь после тридцати лет впервые покинувший пределы огромной России, и его сверстник, беспечный охотник, обшаривший половину мира бродяга, могли быть похожи? Наверное, тем, что для них обоих Зеделла была лишь потрясающе сексапильной юной особой (ибо они имели глаза, и эти глаза привыкли видеть женщин), но они совершенно не поддавались плену ее чар. И они понимали это и иногда даже иронично переглядывались. Поэтому Профессор Ким решил подождать с обсуждением этой темы. Быть может, Йорген заговорит первым...

А потом он обратил внимание на то, что Зеделла каждое утро меняет повязку. Она говорила, что это пустяк, но уже третий день меняла повязку на левой руке. И вполне возможно, что все это ерунда. Но Профессор Ким думал, что утолщение на ее перебинтованном безымянном пальце вовсе не обязательно ушиб, вывих или глубокий порез, давший припухлость. Почему-то он думал, что под такой повязкой вполне можно было скрыть кольцо или, например, массивный перстень, если не желаешь, чтобы его видели.

До экспедиционного лагеря на берегу озера Рудольф оставалось два часа ходу.

31. Заклинание и просьба о помощи

Еще утром, когда они оказались в священных для местных племен горах, отделяющих соленую пустыню Чалби от черных лавовых полей, обрамляющих озеро Рудольф, их поразила злобующая тишина этих мест. Тропа петляла по узким ущельям, иног-

да забираясь на вершины холмов, и тогда уже можно было увидеть синеющую вдаль полосу озера, горные пастбища, расположенные выше уровня густых лесов, и голые скалы, висящие над обрывами. Йорген рассказывал, что, когда наступает засуха и пастбища на склонах выгорают, местные пастухи — самбуру — покидают эти невысокие горы, сгоняют свой скот вниз, к озеру, и пасут его прямо в воде. Он поведал, что в этих горах еще остались львы. Правительство запретило уничтожать их. Но здесь нет полиции, и, быть может, это единственное место в Кении, где масаи могут доказать свою отвагу. На льва выходят один на один (это не убийство — это поединок равных), вооружившись лишь копьем и легким щитом. Ожерелье из когтей поверженного льва — вожаденное украшение любого морана. Так что масаю, чтобы стать настоящим мужчиной, вовсе недостаточно сделать лишь джандо.

— Говорят, — Йорген улыбнулся, и множество веселых морщинок разбежалось от уголков его серо-голубых глаз, — что жил в этих местах легендарный лев Хайи, выходящий победителем из кровавых поединков с моранами и забравший жизнь не одного юноши. Убить Хайи стало мечтой всякого молодого масая. Но однажды льва укусила змея. Юноша, вышедший на поединок, нашел Хайи в зарослях высокой травы. Лев был неподвижен, полуслеп и истекал пенной слюной. Юноша мог одержать легкую победу и прославиться как «моран, убивший Хайи». Вместо этого он принес льву воды.

— Ты победил Хайи? — недоверчиво спросили мораны. — Тогда где его когти?

— Нет, — ответил юноша.

— Но ты вернулся живой, значит, ты испугался?

— Нет, — повторил юноша, — я не нашел Хайи, он ушел из наших гор.

Прошло несколько лет, и была великая засуха. С севера в поисках пастбищ пришло сильное воинственное племя. Юноша храбро сражался, но силы были неравными. И тогда из джунглей

вышел лев. Его клыки были ужасны, он убивал лишь ударом лапы, он рвал пришельцев на части. Это был Хайи.

— Когда жрецам рассказали о поступке юноши, они узнали в Хайи священного льва, а юноша стал последним Ор-койотом масаев, — закончил Йорген свою историю. — Говорят, правда, что живет в этих горах Черный Ор-койот.

— Я уже слышан, — проговорил Профессор Ким. — Великий Африканский Колдун, а заодно — персонаж местного фольклора...

— Да, что-то вроде того... Но, знаете, я встречал нескольких серьезных охотников, и в их числе даже знаменитого «убийцу слонов» Боба Фостера, которые не только пугают байками своих богатых клиентов, но всерьез верят в существование Черного Ор-койота... Хотя, — Йорген усмехнулся, — скорее всего это просто легенда...

Вряд ли он догадывался, что множество воинов этой самой легенды сейчас наблюдало за ними своими зоркими глазами.

Потом тишина стала гнетущей, ощущаемой почти физически. Ни львов, ни пастухов, перегоняющих стада овец, никаких других признаков жизни. Остановка для обеда была короткой. Ели молча. Йорген Маклавски и чернокожие аскари молча переглядывались. Не слышно было даже голосов птиц.

— Господи, что здесь произошло? — прошептала Зеделла. Ей никто не ответил, потому что ответа не было.

Йорген лишь произнес:

— Это действительно странно... Я не слышал ни о каких эпидемиях и тому подобном, но лучше ни к чему здесь не прикасаться. Надо скорее проехать это место.

Тишину не слышал лишь сэр Джонатан Урсуэл Льюис, потому что в его ставшем больным мозгу без конца повторялось одно и то же слово: «Зеделла».

Йорген Маклавски, Сэм и Профессор Ким склонились над расстеленной на капоте «лендровера» картой побережья. Получалось, что экспедиционный лагерь был совсем близко. Радио Найроби

и местное радио «Лодвар» не передавали ни о каких аномалиях в этих местах. Даже межплеменных столкновений в первые дни сентября отмечено не было.

— Надеюсь, это не карта Бермудского треугольника? — поинтересовался мистер Моррис Александер. Голос его был достаточно мрачным. — Такое впечатление, что кто-то просто выключил звук. Вся эта фауна, она что — онемела?

Он поглядел на профессора Льюиса, затем на Йоргена:

— Мистер Маклавски, я просил бы уделить мне несколько минут... Это довольно конфиденциальный разговор, я знаю, что вы — джентльмен.

Йорген кивнул, тон Морриса Александра его веселил.

— Благодарю вас... Я освобожусь через одну минуту.

— Нет, не сейчас и не в этом месте. — Моррис Александер сухо улыбнулся. — Даже для конфиденциального разговора здесь слишком малоллюдно... Я бы просил уделить мне пару минут, когда мы доберемся до лагеря, если, конечно, такое все же произойдет.

— О'кей, — сказал Йорген, — как только доберемся до лагеря...

Однако когда они доберутся до лагеря, им придется заняться совсем другими вещами.

К этой все сгущающейся тишине теперь добавилось отчетливое чувство, что за ними наблюдают. Они уже больше не разговаривали, пока «лендроверы» пробирались сквозь узкое ущелье, лишь молча озирались по сторонам. Ощущение опасности двигалось вместе с ними. Йорген даже подумывал, не расчехлить ли ему автоматическое оружие. У него было разрешение на «М-16» и на мощный двуствольный «винчестер» 1977 года выпуска. В одном стволе имелась нарезка под пулю, а другой ствол был гладким, предназначенным для дробы и картечи. У троих аскари также было оружие. Итого пять стволов. Многовато для страны, где запрещено огнестрельное оружие. И довольно нелепо для научной экспедиции. Да, любопытная компания приедет к Камилу Коленкуру. Его ученые коллеги,

вооруженные до зубов, полутораметровый африканский колдун с огромным копьем и какое-то гиперсексипильное юное существо, которое уже свело всех с ума и еще неизвестно, что натворит в лагере.

Да, любопытная компашка едет к Камилу Коленкуру. Он будет рад. Еще эта паршивая тишина...

И Йорген решил, что все же стоит расчехлить оружие.

Но Камила Коленкура уже вряд ли могло что-либо радовать или печалить. Как раз в это время в экспедиционном лагере стало известно, что Камил Коленкур только что погиб, потому что его параплан закрылся.

Ольчемьири не сомневался в существовании Черного Ор-койота и знал причину молчания, пришедшего в эти места. О да, Ольчемьири прекрасно понял происхождение крадущейся за ними тишины. Но эти белые люди, испорченные отравой далеких городов, вставших между ними и всем остальным миром, вряд ли бы его поняли. Вряд ли бы они поняли, что сюда пришел Кишарре и все живое в страхе покинуло эти места; он слышал испуганный шепот деревьев, чувствовал, как сжались их дрожащие корни, привязывавшие их к матери-земле, видел мольбу в их зеленых глазах, мольбу о защите, потому что они не могли отсюда убежать. Кишарре вошел во множество людей, таящихся сейчас по горным склонам. Заклинание Черного Ор-койота позволило ему сделать это. Заклинание Черного Ор-койота повисло сейчас над горными долинами, и оно привело сюда Кишарре. Их очень много, воинов, в которых вселился демон, и когда Кишарре начнет бить в барабаны — а сердце старого мганги уже слышит их — и мораны, ведомые демоном, нападут, мзее Йорген и его длинное ружье вряд ли смогут с ними справиться. Поэтому Ольчемьири решил просить о помощи. Он сидел на переднем сиденье «лендровера» с закрытыми глазами и просил о помощи своих Грозных Друзей. И они услышали. Его просьба вывела их из сна повседневных забот, и они уже покидали свои дома на

деревьях. Они соединялись в единую смертоносную силу, и Ольчемьери очень надеялся, что они успеют.

А эти белые люди... Ольчемьери любил их. И он знал, что утренний туман, выпавший в их глазах, скоро рассеется и они тоже смогут видеть.

32. Что можно увидеть через стекло автомобиля

В то же время радостный Маккенрой гнал «мицубиси-пад-жеро» прочь от маньяты гордых масайских воинов, прочь от этих зловещих и таинственных гор, навстречу огромному солнцу, поднявшемуся над восточным краем соленой пустыни Чалби.

Все, точка! Маккенрой закончил свои дела в буше, он выполнил возложенные на него поручения и теперь возвращался в Мир Городов. В мир консервированных продуктов, каменных улиц и электронных средств коммуникации, в мир, где бы по достоинству оценили проделанную им работу и где только выигрышные цифры и могли иметь смысл. Все — точка. Шесть выигрышных цифр были у него в кармане, и ему следовало поспешить. До сегодняшнего вечера он должен был успеть заполнить карточку «телелотто». Он должен попасть в любой ближайший город, где имелись бы эти самые электронные средства коммуникации, и заполнить карточку. Маккенрой знал, что автомобиль мистера Норберта довольно быстро доставит его до Транскенийского шоссе и там он уже может добраться до какого-нибудь более или менее приличного городка, где принимают карточки предстоящей телеигры. Все же шоу — это прекрасная вещь. Это то, что досталось

цивилизации в наследство от древних времен в наиболее чистом виде. И нет ничего лучше телевизионного шоу, особенно когда предстоящий результат ты создал сам. Маккенрой вдруг подумал, что он чувствует себя режиссером Очень Большого Шоу, за которым он будет с улыбкой наблюдать, а потом просто закончит спектакль, соберет игральные фишки и бросит их себе в карман.

Маккенрой, все еще продолжая улыбаться, сладко потянулся за рулем... И тогда он это увидел.

Мганга Ольчемьери ничего не знал о черной волне уязвленной гордости, впервые прожегшей сердце Зеделлы пару месяцев назад. И он ничего не знал о мистере Райдере, закованном в броню цинизма и равнодушия и преподавшем Зеделле неплохой урок. Он знал лишь об огромном страшном чудовище — Заклинании Черного Ор-койота, повисшем сейчас над горными долинами. Но совсем не это должны были увидеть белые люди, когда рассеется утренний туман, выпавший в их глазах. Совсем не это. Прелестная белая мемсаиб, носящая имя, которое предки Ольчемьери давали своим дочерям, продолжала похищать сердца. Но она была обманута. Быть может, она даже не знала, что с ней происходит. Она не знала, что демон ночи Кишарре уже положил руку на ее глаза и сейчас рука демона тянется к ее сердцу.

Если бы Ольчемьери был сыном каменных городов, он бы понял, кем иногда становятся прелестные молодые девушки, когда их сильно обидают. Если судьба преподносит им жестокие и несправедливые шутки. Люди каменных городов называли таких девушек стервами. Люди каменных городов были уверены, что такие красавицы играли в беспощадные игры, никогда не приносящие им удовлетворения и покоя, и в итоге сами погибали под обломками созданных ими катастроф. Да, быть может, красавицы иногда становятся стервами. А быть может, их окружает слишком много трусов. Люди каменных городов не понимали, что единственное, что нужно таким девушкам, — это самая обычная любовь.

Но Ольчемьири был сыном буша. Он видел, что Зеделла могла похищать сердца и что каким-то странным образом ее сила увеличивалась. Он ничего не знал о черной волне уязвленной гордости. Но сразу же, как только увидел Зеделлу, он почувствовал ее силу и понял, что они чем-то похожи. Ольчемьири был мгангой и тоже мог забирать сердца, но он приводил их на горящую ослепительными снегами вершину горы Кения, в Дом Мвене-Ньяге, и только так его соплеменники могли общаться со своим Великим Божеством. Зеделла же уже похитила множество сердец, но она хранила у себя их обломки. И это было очень опасно для нее и очень хорошо для демона. Своими смотрящими сквозь ночь глазами Кишарре мог видеть дорогу к ее сердцу.

Ольчемьири был в замешательстве. Ее отец сказал, что Зеделла — дочь водопада, и мганга верил ему. Он чувствовал дикую силу воды, но не знал, что за духи направляют эти падающие потоки. Вода в буше давала жизнь, но вода могла и забирать жизнь. Ольчемьири был в замешательстве. Он видел, что прелестная мемсаиб отличается от других белых девушек. Но в первую же встречу, когда она появилась в одежде, так поразившей мужчин, готовых из-за нее сражаться со львом и друг с другом, мганга почувствовал, что Зеделла открыта для Кишарре. Зеделла уже похитила множество сердец, и расплатой за это могло стать лишь ее собственное. И Ольчемьири видел, как к этому трепетному и изнывающему в безнадежных поисках любви сердцу уже протянулась черная рука демона ночи. Зеделла была открыта для Кишарре, и, не зная того, она вела к нему все похищенные ею сердца.

Так думал он в день, когда в первый раз увидел Зеделлу. Но с тех пор уже многое изменилось. Потому что Ольчемьири знал: под тугой повязкой из бинтов на левой руке девушки нет никакой раны. Если только не говорить о ее раненом сердце. Мганга Ольчемьири знал, что скрывается под тугой повязкой из бинтов.

Йорген Маклавски снова думал о Петре Кнауэр, благодаря которой он оказался в Кении. Он вспоминал, как поразил известных кенийских охотников, высокомерно поглядывающих на новичка, когда с первого же выстрела снял стремительного эфиопского бекаса. Да, Йорген Маклавски умел стрелять и довольно скоро заделался одним из самых модных и высокооплачиваемых проводников сафари. Потому что еще он умел ладить с людьми и хранить их секреты. Он неоднократно оказывался невольным свидетелем вещей, которые лучше бы сохранить в тайне. И некоторые из его клиентов готовы были платить за это любые деньги. Но Йорген Маклавски мог увеличить сумму, оговоренную контрактом, только в случае непредвиденных расходов. А неожиданная трусость кого-нибудь из клиентов, их тайные страсти и страхи, их холеные красавицы жены, каждодневно разрушающие собственными руками эти зачастую и без того довольно хрупкие и нервные семьи, к подобным расходам не относились. И Йорген весьма корректно, а порой и дружелюбно, если оказавшийся в двойственном положении был в общем-то неплохим парнем, давал понять, что он не репортер светской хроники и что проблема исчерпана. И ему были благодарны, и многие хотели воспользоваться его услугами снова, быть может, чтобы доказать сероглазому охотнику и самим себе, что с поры неудачи все изменилось и теперь ситуация под контролем. Йоргена рекомендовали друзьям как великолепного профессионала, умеющего держать язык за зубами. И вряд ли кто-нибудь догадывался, что его просто не интересовали чужие тайны и после сафари он выбрасывал их, как отстрелянные гильзы.

А эфиопский бекас, эта маленькая и быстрая птичка, был его первой добычей в Африке, первым живым существом, чье стремительное движение он прервал в этой новой для него части мира. Йорген не знал, обладает ли он шестым чувством, но поче-

му-то всегда в минуту опасности как предостережение приходило воспоминание о Петре Кнауэр и о маленьком эфиопском бекасе, чья простреленная и еще теплая грудка стала его своеобразным пропуском в буш. Поэтому Йорген не очень удивился, услышав тихий голос Ольчемири:

— Мзее Йорген, надо приготовить ваши ружья. На нас хотят напасть.

— Этот чертов Папаша Янг! — громко выругался Маккенрой.

Несколько минут назад он не особо следил за дорогой: на автомобиле мистера Норберта можно было, не опасаясь, ехать в любом направлении, а Мир Городов звал его. Потом, сладко потянувшись за рулем, он увидел... Боковым зрением в оставленных им лиловых горах, где пряталась маньята и где сейчас молодые масайские воины должны были идти умирать, Маккенрой увидел... Сначала он решил, что это зрительный обман, мираж, вызванный игрой раскаленного воздуха. Откинувшись на спинку сиденья, он выглянул в открытое окно с правой стороны и ничего не обнаружил. Маккенрой решил следить за дорогой, но через несколько секунд опять в зеркале заднего обзора увидел то же самое. Он резко повернул вправо и смотрел теперь в открытое окно: нет, видения не было, над зловещими и таинственными горами, где жили люди, облаченные в красные тоги, и где Маккенрой провел последние, самые странные в своей жизни тридцать шесть часов, ничего не висело. Да и что за глупость, что могло висеть над горами, кроме темного грозового облака? Однако... Маккенрой снова откинулся на сиденье и посмотрел на цепь лиловых гор. Какая гроза?! Бездонная синева неба, и всего лишь одно круглое и очень высокое белоснежное облачко.

Маккенрой не знал природы миражей, но помнил, что подобные картины бывают объективными — множество разных людей могут видеть одно и то же. Он читал об этом в какой-то бульварной газете. Вроде бы множество людей в Сахаре или еще где

наблюдали битву при Ватерлоо. Что-то в этом роде. Он читал невнимательно — Маккенрой не собирался становиться путешественником или героем пустынных горизонтов. А это видение было каким-то очень личным, и от этого ему стало тревожно. Надо отгородиться от игры раскаленного воздуха. Палец Маккенроя лег на кнопку электрических стеклоподъемников, и окна плотно закрылись. Через пару минут от жары не останется и следа — в автомобиле имелся кондиционер, в машине мистера Норберта был свой микроклимат. Маккенрой снова повернул голову вправо, и что-то с силой вдавило его в спинку сиденья. Потом бросило на руль. Холодная волна ужаса поднялась по его спине. Автомобиль остановился, Маккенрой сам не понял, как его нога оказалась на педали тормоза. Теперь это был уже не мираж. Теперь через стекло правой дверцы он четко, как кинофильм на экране телевизора, видел это, и дрожь, гораздо более сильная, чем при встрече со львом, прошла по его телу.

— Бог мой, что это? — прошептали сухие губы Маккенроя. — Она пришла...

Только что через стекло правой дверцы Маккенрой увидел нечто невообразимое. Касаясь брюхом вершин, над лиловыми горами стояло огромное чудовище и гневно било копытами землю. Это была Лиловая Зебра Папаши Янга, страшная кобылица, вырвавшаяся из Ада. Она совершенно не походила на милых африканских лошадок, и вряд ли где-нибудь бродили львы, способные на нее охотиться, и только такой законченный псих и алкоголик, как Папаша Янг, мог назвать это Зеброй. Но Маккенрой все же видел узкие белые полосы, прожилки на разбухших лиловых боках, видел, как из широких свирепых ноздрей исходит дым, поднявшийся из Бездны. Но даже не это заставило Маккенроя ощутить холодные липкие пальцы страха на своей спине. Еще недавно он не знал, чьи это глаза, два кошмарных провала, горящие неземной ненавистью, смотрели на него из зеркального осколка, когда он получал свои выигрышные цифры. Сейчас обладатель этих глаз был перед ним.

«В машине мистера Норберта свой микроклимат», — мелькнуло в голове у Маккенроя, и ему показалось, что этот голос принадлежит его старой бабке, — это колдовство...

Маккенрой как замороженный смотрел в глаза чудовища, и сейчас что-то белое выступило из этих глаз, и — Бог мой! — он знал, что это... В следующее мгновение, подчиняясь интуиции, а может быть, голосу бабки, Маккенрой раскрыл дверцу и покинул автомобиль. Его сердце бешено колотилось, но он сразу же почувствовал облегчение. Спазмы страха отпускали его. Маккенрой огляделся: вокруг плыло лишь чудесное, напоенное солнцем утро, еще только готовящееся стать бесконечно жарким днем в одном из самых засушливых мест на земле, но ничего страшного над лиловыми горами не было. Никаких Всеобщих Зебр этого идиота Папаши! Лишь чистое бездонное небо и огромное благословенное солнце.

Потом какая-то догадка посетила Маккенроя, и тихий улыбчивый чернокожий бармен с испугом посмотрел на автомобиль мистера Норберта.

— Это опасно, сынок, пойдем отсюда... — дошел до него тихий голос бабки-гадалки.

Хорошо, пойдем... Конечно, пойдем! Только вот куда? Куда мы пойдем отсюда? И как?

Первой его мыслью было вернуться к масаям. Но он ее тут же отбросил — Маккенрой прекрасно знал, какой прием ждет его у моранов Черного Ор-койота. Там его время закончилось. Потом он подумал, что стоит попробовать идти пешком... И понял, как нелепа была мысль вернуться еще по одной причине: ему не надо бежать, его ждет Мир Городов; как бы там ни было, он выполнил свою работу и теперь должен получить вознаграждение. Но идти пешком, через пустыню... Меньше чем через пару часов день войдет в свои права, и окрепшее солнце превратит здесь все в сущий ад. Но еще раньше им с удовольствием позавтракает кто-нибудь из хозяев этих мест.

Маккенрой обернулся. Самый лучший в мире автомобиль,

ярко и радостно раскрашенный, сейчас дружелюбно блестел на солнышке.

— Это колдовство, мистер Норберт? — вспомнил он свой собственный вопрос.

— Вряд ли... — ответил тогда мистер Норберт. — Просто мир устроен несколько сложнее, чем можно предположить, смешивая за стойкой коктейли...

Маккенрой пощупал осколок своей зеркальной таблички.

— Как же так? — тихо проговорил он. — За что? За что со мной это делают?

Он вытащил осколок, сразу поймав солнце, ослепившее его. Маккенрой грустно усмехнулся — «Бар «Пепони»... Вот как иногда случается, Мак...

— Черт, но неужели я всегда буду проигрывать? — процедил он сквозь зубы уже значительно громче.

Он снова посмотрел на автомобиль. Перед его глазами две картинки быстро сменили одна другую: раздавленные в ночи, очумевшие от ужаса погони страусы и труп собаки, облепленный миллионом рыжих муравьев.

— Это опасно, сынок, пойдем отсюда...

Ну хорошо. А куда мы пойдем отсюда?! Куда мы пойдем из этой пустыни и каким образом? И даже если мы когда-нибудь выберемся, к чему мы вернемся? Выигрышные цифры даются только раз, сегодня, в эту самую минуту. А дальше — все... Ветшающий бар, бесконечный дымно-пьяный шум и нелепые шуточки разных дебоширов... В его жизни остался всего один шанс.

Маккенрой еще раз посмотрел на автомобиль. Над передней фарой были нарисованы заливчатое веко и длинные ресницы, и сейчас этот шальной глаз весело уставился на Маккенроя.

Куда мы поедем?!

— Этот чертов Папаша Янг! — громко выругался Маккенрой. Он не знал, что ему делать.

33. Грозные друзья

Йорген Маклавски еще продолжал думать о быстром эфипском бекасе, когда понял, что они находятся в самом узком месте темного ущелья и что дорога впереди завалена.

«Свежая работа, — мелькнуло в голове у Йоргена, — это для нас...

Он быстро перевел взгляд на мгангу: Ольчемьири сидел с опущенной головой и закрытыми глазами, губы его беззвучно шевелились.

«Нашел время для магических ритуалов. — с улыбкой подумал Йорген. — Но все же интересно, кому мы так сильно мешаем. Кого ищут эти два сумасшедших профессора, да и я вместе с ними?»

— Йорген, там, впереди, — услышал он голос Профессора Кима, — это они...

— Вижу... — проговорил Йорген. — Случалось пользоваться этим? — Он протянул Профессору Киму «винчестер». Тусклая сталь и гладко отполированное дерево приклада.

— Нет... Но, думаю, справлюсь.

— Первый курок — пуля, второй — дробовик... Предохранитель — внизу казенной части. Заряжено. Вот еще патроны, распахайте по карманам. Рыжие гильзы — дробь...

— Йорген, я не смогу стрелять в человека.

— Мне этого делать тоже не приходилось... Центровка — «под яблочко». Стрелять — на выдохе, остановив дыхание...

— Знаю...

— Удачи. Смотрите за Урсом, мне кажется — он не в себе...

— Я хотел поговорить с вами об этом.

— Теперь уже позже. Сейчас нам придется заработать такую возможность. Сэм...

Йорген хотел сказать еще что-то, но смог вымолвить только: «О Боже...

Потому что все ущелье ожило. Множество воинов в красных тогах с нанесенной на кожу боевой раскраской и с копьями наперевес начали спускаться к тропе. Йорген подумал, что у них какой-то маскарадный вид — расписанные щиты, страшные маски, луки и копья... Это же нелепо, ведь у него «М-16» и еще четыре ствола. Достаточно одной очереди, пущенной поверх голов, чтобы они все разбежались. Какому идиоту взбрело в голову натравить на них масаев? Но... Что-то жуткое все же было в этом странном нападении. И в следующую секунду Йорген понял что... Мораны шли абсолютно молча, они не бросили боевого клича, они не улюлюкали, подзадоривая друг друга, они шли в страшной молчаливой тишине, от которой в жилах стыла кровь. Сэм, сидящий за рулем третьего «лендровера», поднялся на ноги и начал что-то говорить, обращаясь к нападающим. Йорген почти не знал этого языка: Сэм обращался к ним на маа, и Йорген понял только несколько слов. Сэм пытался объяснить, что они прибыли сюда с добрыми намерениями, и выяснить причину нападения. Йорген обернулся — вся тропа позади них была перекрыта моранами. Они оказались в ловушке. И в следующее мгновение Йорген понял, что это маскарадное нападение гораздо серьезнее, чем можно было предположить с первого взгляда. Тропа позади них делала крутой поворот, а над ней висели каменные уступы. За их прикрытием несколько масайских воинов могли бы сдерживать движение целой армии. И Йорген подумал, что, решив они пробиться назад, это было бы самым глупым поступком: дождь из камней, метательных копий и стрел быстро пресек бы подобную попытку — и все было бы кончено за несколько минут. Одну глупость они уже совершили — с двух «лендроверов» был снят верх... Йорген почувствовал сухость в горле, и на долю секунды вокруг него сгустился запах Петры Кнауэр — да, это маскарадное шествие вовсе не так безобидно, они в ловушке. Правда, если мораны вдруг все же решатся атаковать (Йорген считал, что это исключено, скорее всего они просто выдвинут какие-либо требования), то можно поставить

автомобили по кругу и под их прикрытием вести эффективный огонь — вряд ли кто-нибудь решится променять на них сотню (да, их здесь не меньше сотни!) жизней молодых масайских воинов. Лагерь близко, сигнальные ракеты, шум выстрелов... Рация, частота полицейской волны...

На все эти размышления Йоргену потребовалось не более одной секунды, ровно столько, сколько ушло на то, чтобы вспомнить фразу Профессора Кима, оброненную им в «Сафари-клуб» в первый день их знакомства:

— Мы не совсем представляем себе, с чем столкнулись...

С ЧЕМ-ТО БОЛЕЕ СТРАННЫМ.

Да, было что-то странное в этом маскарадном нападении. Йорген вдруг с удивлением обнаружил, что считает, сколько у них патронов, — вряд ли у аскари больше чем по два боекомплекта, по крайней мере у него два магазина... Он еще не понял, зачем ему это надо, когда все вокруг изменилось. Потому что Йорген увидел, как огромный юноша в черном страусовом оперении (Йорген знал, что такие венки носят только Оль-Ачгуэ-нани — выбранные предводители моранов) отпустил руку с тетины. И тогда зазвучали барабаны. Быстрая короткая стрела вошла в основание горла Сэма, вторая стрела ударила ему в грудь. Стоящий чернокожий гигант был для моранов великолепной мишенью. И это стало сигналом. В следующее мгновение в них полетели камни — смертоносный дождь из камней, стрел и метательных копий обрушился на дорогу. Сэм в недоумении посмотрел на окружающий его мир, а потом мутнеющим взглядом на Йоргена.

— Это был не лев, бвана... Это был... — И тело огромного нилота осело.

— Сэм, о Господи, нет...

Йорген услышал свой собственный стон, но уже в следующее мгновение мир стал для Йоргена таким, каким его можно наблюдать лишь через прицел винтовки. Он вскинул «М-16», и Профессор Ким увидел, какими холодными стали его серые глаза. Две

пули с сухим обрывающимся и непререкаемым треском последовали одна за другой, и еще до того момента, как вторая стрела покинула лук юноши в черном страусовом венке, его лицо превратилось в кровавое месиво.

— Ты был хорошим стрелком. — Губы Йоргена сузились. — Я — хороший стрелок.

Следующая пуля сразила насмерть морана, одарившего Сэма второй стрелой. Потом еще одного лучника.

— Прошу вас, Профессор, — проговорил Йорген, и это прозвучало как зловещее приглашение, — не тратьте время... У нас много гостей.

Огромный камень угодил Профессору Киму в левое плечо, чуть не выбив ключицу. Он понял, что ему повезло, — камень пролетел в миллиметре от виска. Это вывело Кима из оцепенения.

— Профессор, просыпайтесь, — проговорил Йорген, — эти ребята уже встали, правда, не с той ноги.

Послышались еще выстрелы — аскари открыли огонь из ружей. Несколько моранов были от них на расстоянии полета метательного копья. Одно из них на излете ударило в крышу автомобиля, не причинив ей никакого вреда. Йорген нажал спусковой крючок — моран, метнувший копье, упал. Профессор Ким видел, как он подтянул ноги, сворачиваясь калачиком, и замер. Но на остальных это не произвело никакого впечатления. Они приближались неумолимо, словно не зная страха смерти. И тогда Йорген проговорил:

— Бог мой, да они камикадзе... Ольчемьери, что происходит? Они что — одурманены? Зомби?..

Маленький мганга продолжал сидеть с закрытыми глазами, словно на них никто и не нападал, но теперь уже были слышны монотонные стонущие звуки, срывающиеся с его губ.

Нападающие мораны — великолепные воины, их атака была искусной, и они выбрали самое подходящее место. Моранов прикрывали господствующая высота, каменные уступы и густые заросли, а три «лендровера», зажатые каменным завалом и узкой

петляющей тропой, находились перед ними как на ладони. Все это Йорген успел оценить за доли секунды. Но было еще что-то... Автоматной очереди, пущенной поверх голов, оказалось недостаточно, чтоб они все разбежались. Было еще что-то...

Ближайший воин приготовился бросить копье, Йорген вскинул автоматическую винтовку. Страшный сорванный крик «стоять!» сопровождал этот жест. Йорген кричал на суахили, масаи знали этот язык. Но на бросавшего это не произвело никакого впечатления. Йорген спустил курок. Воин вскинул руки от страшного удара в грудь, остановившего его стремительный бег, и упал. Копье не долетело, вспахав землю перед капотом «лендровера».

— Немедленно разворачивайтесь! — прокричал Йорген. — Под прикрытие той скалы, за третьей машиной... — Он сделал резкий задний разворот, пряча автомобиль под нависшим уступом, и, переключая скорость, успел проговорить: — С ними творится что-то странное...

Случайно вырвавшееся слово «камикадзе». «Зомби»...

Да, было еще что-то...

Словно моранам был неведом страх смерти. И тогда на миг Йоргеном завладело давнее воспоминание, он почувствовал пульсирующую боль в нижней части живота, и привыкшие к сладостным стонам губы Петры Кнауэр прошептали в бархате их навсегда исчезнувших ночей:

— Они не знают страха смерти, потому что смерть уже завладела ими. И они не отступят, пока не приведут ее к вам... Эти барабаны звучат в городах мертвых.

Все это продолжалось лишь мгновение, а потом Йорген уже переключил скорость и поехал отсюда прочь. Винтовку он поднял за верхнюю ручку и упер ее себе в бедро. Однако в третьем «лендровере» не осталось никого, кто мог бы его развернуть. Автомобиль с истекающими кровью телами перекрыл путь к отступлению. Но еще прежде, чем первые две машины до него добрались, быстрая короткая стрела прожгла плечо Йоргена Маклавски, разрывая сначала бронзовую кожу его сухого тела, а

затем сталь тренированных мышц, и Йорген выпустил винтовку из рук. «М-16» осталась лежать на дороге. Не более чем в десятке метров, но Йорген понял, что это был их последний шанс. Что бы там ни шептали губы Петры Кнауэр его так и не уснувшей страсти, автоматическая винтовка давала им последний шанс. Никаким другим оружием натиска этих великолепных воинов в красных тогах, чьей-то жестокой волей превратившихся в камикадзе и вознамерившихся получить их жизни любой ценой, было не остановить. Потом он увидел, насколько узким было здесь ущелье, как много моранов их сейчас окружало и как много моранов еще таилось под прикрытием изрезанных скал, и понял, что и «М-16» вряд ли поможет. Они просто расстреляют все патроны. Кто-то всерьез решил променять на них сотню масайских воинов.

«Сигнальная ракета, — мелькнуло в голове у Йоргена. — Но сначала забрать винтовку...

В руке было горячо и боли еще не чувствовалось. Сначала забрать винтовку, потом, может быть, извлечь стрелу. Если только она не отравлена.

— Сигнальные ракеты! — крикнул Йорген. — Все в закрытую машину! — На их счастье, у одного «лендровера» был жесткий крытый верх. — Разворачивайте ее скорее. — И Йорген бросился к оружию. Двое аскари продолжали вести огонь, потом он услышал звук ожившего автомобильного двигателя и убедился, что его поняли.

«Это самое дерьмовое сафари в моей жизни», — мелькнуло в голове у Йоргена.

Профессор Ким смотрел на тяжелый «винчестер» в своих руках и, казалось, лишь сейчас начал осознавать, что находится не в тире для стендовой стрельбы, где он в пух и прах разносил графитовые тарелочки. И что в руках у него нечто гораздо более грозное, чем великолепный, инкрустированный замысловатым орнаментом, отделанный по цевью и прикладу под слоновую кость «зауэр три кольца». Это ружье, вызывавшее не один вздох

восхищения и зависти в балашихинском тире, было подарено Киму дедом — страстным охотником. Ким научился стрелять в четырнадцать лет. В пятнадцать он уже бил влет.

— Хорошо, — сказал ему как-то дед, — только спешишь.

Потом он перестал спешить. Ким заказывал себе в тире дуплеты и расшибал вылетающие графитовые тарелки одну за другой. Сейчас он подумал, что все его удачные выстрелы, быть может, совершались ради этой самой минуты. Но он не мог перейти некую грань, отделяющую человека, разбивающего в пух и прах вылетающие графитовые тарелочки, от настоящего стрелка.

«Черт побери, — с грустью подумал Профессор Ким, — да они нас просто сделали...

Он посмотрел на Урса и почувствовал, как сжалось его сердце, — сэр Джонатан Урсуэл Льюис закрыл собой бледную Зеделлу и смотрел на все происходящее безучастным взглядом.

— Они нас сделали... Вот так, как они поступили с Урсом, они сейчас поступят с нами со всеми...

Он еще не успел удивиться этой мысли, как несколько удачных бросков камнями сбили Йоргена с ног. До винтовки оставалось не больше двух метров, и Йорген пополз. На его зеленой рубашке проступили пятна свежей крови. А потом Профессор Ким увидел, как над Йоргеном оказался воин в страшной ритуальной маске и как он занес копье с плоским наконечником. Йорген повернулся к нему лицом. В его серых глазах, показавшихся в этот момент прекрасными, застыла лишь грустная улыбка. Профессор Ким не знал, как это произошло, но его руки вскинули «винчестер» и прижали приклад к правому плечу. Уже не было времени думать о дыхании. Он плавно спустил второй курок. Расстояние было слишком близким, и дробь вышла скопом, проделав в маске дыру величиной с кулак. Профессор Ким даже не почувствовал отдачи. Он услышал лишь грохот, впрочем, в отличие от выстрелов ружей аскари не заложивший ему уши, и увидел за отверстием в маске синеву неба, видимо, несчастному снес-

ло часть лица. На мгновение мир вокруг приблизился и исчезли все звуки, кроме каких-то давних и любимых голосов. А потом все отступило и стало прежним, и Профессор Ким слышал голос аскари:

— Бвана, справа!

Вот и все. И никаких театральных спазмов рвоты, приступов удушья — лишь синева неба и забытая тишина целостного мира, той поры, когда он был неизмеримо больше. И наверное, еще бой барабанов, который теперь вошел внутрь его и звучал там в такт ударам сердца.

«Как это рассказывал Йорген, — успел подумать Профессор Ким, наблюдая, как сероглазый охотник поднялся на ноги и бежал теперь к машине, — масаи к возрасту зрелости делают джандо?..»

Потом он понял, что имел в виду аскари. Справа от него, пробив обшивку сиденья, покачивалось метательное копье, а полноватый моран, бросивший копье, бежал сейчас на него с тяжелым ножом размером с приличное мачете.

— Ты промахнулся, — со странным оттенком наставления проговорил Профессор Ким.

А потом мир зазвучал по-другому. Нападающий с ножом был уже близко, Профессор Ким видел, что вокруг его обнаженного, обмазанного красным тела опоясана тесемка, а на ней длинные деревянные ножны, потом он смерил отделяющее их расстояние и почему-то усмехнулся:

— Надо было бы взять что-нибудь посерьезней, голуба... — Затем он сделал шаг в сторону, пропуская руку с ножом и увораживаясь от нее, и обрушил на нападавшего страшный удар прикладом «винчестера». — ...Потому что я только что сделал себе джандо, — проговорил Профессор Ким.

Йоргену все же удалось спасти автоматическую винтовку, и, пока он бежал к «лендроверу» с жестким верхом, Профессор Ким перезарядил «винчестер» и вел огонь, прикрывая его.

«Этот молодой Профессор — самый странный сукин сын! — успел подумать Йорген. — Он только что спас мне жизнь и продолжает палить из ружья, словно какой-нибудь солдат удачи...

Потом, добежав до автомобиля, он спросил:

— Все? Девять человек?

— Все, бвана, — ответил один из аскари. — Вы сильно ранены...

Йорген протянул ему «М-16»:

— Я не смогу стрелять — рука... Я за руль... Бейте из окон по дороге, с ними что-то странное, нельзя подпускать их к автомобилю...

Йорген помнил, что дорога позади них была перекрыта минами и за поворотом их ждал смертоносный дождь из камней и копий — там скала висела прямо над тропой. Шансов почти нет, но это был все же единственный выход. Стоило попытаться. Займи они круговую оборону, очень скоро у них просто кончились бы патроны и оставшиеся после бойни в живых масаи взяли бы их голыми руками. Бежать через джунгли, имея раненых, совсем пустая затея... Раненых... Кого-то не хватает. Господи...

— Сэм! — прокричал Йорген. — Где Сэм?!

— Ему уже не помочь, бвана...

— Сэм! Ему не нашлось места?! — Йорген попытался открыть дверцу. — Сэм!.. Я не могу его оставить так...

— Нет, бвана... Уже поздно. — Аскари смотрел на Йоргена глазами, в которых застыли печаль и понимание. — Надо ехать. Сэм уже очень далеко, бвана.

— Сэм. — Йорген вдруг почувствовал страшную, опустошающую усталость. — Ну да... Надо ехать.

В следующее мгновение «лендровер», оцетинившийся плюющими свинцом стволами, рванул вперед: несколько масаев с копьями наперевес были сражены автоматной очередью. Но то, что ждало за поворотом, лишило их последней надежды. Страшный каменный дождь сразу же обрушился на крышу автомобиля,

оба передних стекла уже были разбиты, но даже не это отняло шанс на спасение. Дорога, по которой они проехали несколько минут назад, была завалена. Видимо, мораны пропустили их, а потом перекрыли дорогу стволами деревьев. Завал был небольшим, но о том, чтобы расчистить его под этим смертоносным дождем, нечего было и думать.

Йорген тут же дал задний ход, выезжая из-под камнепада к брошенным машинам, но все, кто находился сейчас в кабине «ленд-ровера», поняли, что западня захлопнулась.

Им удалось поставить машины под углом друг к другу, сверху их прикрывала нависшая скала, и за этим импровизированным укреплением они еще могли какое-то время отстреливаться. Но Йорген видел, что это конец: рано или поздно масаи все же перебьют их. Скорее всего не очень поздно — у них уже начали заканчиваться патроны, и, возможно, возобновившаяся атака — последняя из тех, что им удастся отразить.

— Как в России благодарят за спасение жизни? — спросил Йорген, пытаясь улыбнуться. Перед глазами бежали радужные разводы, и он понял, что потерял много крови.

— Пьют водку, — ответил Профессор Ким.

— Тогда самое время, — проговорил Йорген. — У меня сбоку, на ремне. Водки, к сожалению, нет, но имеется отличный джин.

— Ну да! — усмехнулся Профессор Ким. — Очень полезно для акклиматизации. Как считаете, еще пригодится?

Йорген слабо улыбнулся:

— Вы хоть что-нибудь понимаете? Мне кажется, эти ребята на нас очень сильно обиделись. — Йорген почувствовал, что отключается, теряет сознание. — Помогите снять фляжку... В первый раз приходится пить, имея украшение из масайской стрелы на руке. Черт, мы в полном дерьме...

— Вам действительно стоит выпить, Йорген. — Профессор Ким видел, каким бледным, несмотря на мощный загар, стало

лицо охотника, и как это было ужасно в сочетании с почти черными пятнами запекшейся крови; алкоголь должен был стимулировать работу центральной нервной системы. — Это поможет... Я перетяну вам руку ремнем. Очень много крови... Надо извлечь стрелу.

— Позже... Нам обоим стоит выпить. — Йорген сделал большой глоток спиртного, облизал губы, потом сделал еще один глоток. Облегчение пришло почти сразу. Йорген посмотрел на Профессора Кима и протянул ему фляжку. — Очень хорошо. Из-за этих проклятых масаев я превращусь в алкоголика... Пейте, дружище, не тратьте времени, вам надо стрелять... Не беспокойтесь — со мной порядок.

Но Профессор Ким не смог бы согласиться с последним утверждением. Потом он услышал изумленный голос Йоргена:

— Урс... Бог мой, он сошел с ума.

А минутой раньше один из аскари протянул Урсу охотничье ружье и патронташ Сэма. Сэр Джонатан Урсуэл Льюис сначала непонимающе посмотрел на оружие, потом на бледного Йоргена, пытающегося стрелять с левой руки, и на Морриса Александера — один из масайских камней проделал ему приличную дыру в черепе, он лежал без сознания, несчастный и жалкий под этим чужим, безжалостным солнцем, и никто не знал, протянет ли он хотя бы несколько часов.

— Очень хорошо, — сказал Урс, — давайте.

Затем он обвязал патронташ Сэма вокруг пояса и поднялся в полный рост. Патронташ гиганта Сэма оказался велик для его сухощавой фигуры, но сэра Льюиса это не очень беспокоило. Как и то, что в этот момент он сделался великолепной мишенью для нападающих. Он выставил вперед левую ногу, превратившись в стрелка с какой-нибудь старинной картины, прижал приклад к плечу и начал вести довольно меткий огонь.

— Пригнитесь, бвана! — крикнул ему аскари.

С тем же успехом он мог бы обратиться к персонажу кинофильма. Урс его не слышал, он находился сейчас в другом, своем

собственном измерении и, методично перезаряжая ружье, продолжал стрельбу. Именно в этот момент его увидел Йорген.

— Ким, я вас умоляю, — охотник чуть заметно покачал головой, — уберите его, пока этого не сделал кто-нибудь другой. Прямо адмирал Нельсон в Трафальгарской битве...

И тогда как-то внезапно все стихло.

Слышны были лишь монотонные звуки, издаваемые Ольчемири. Но не только они. В этой на миг сгустившейся тишине таилось нечто неизвестное. Люди, занявшие оборону у «лендроверов», молча переглянулись, и всех обдало ветром непонятного, тревожного беспокойства. Гул, низкий гудящий звук вторил голосу мганги, и бой барабанов тонул в нем. Тело Ольчемири внезапно расслабилось, и он поднял голову. Только сейчас Профессор Ким заметил, каким усталым, почти изможденным было его лицо. Но он улыбался.

— Нельзя двигаться, — тихо сказал Ольчемири. — Они пришли.

Гул нарастал, приближался, заволаживая своей мощью, что-то двигалось по ущелью, скрытому от них нависшей скалой. Леденящая неизвестность...

— Вамзее, это идет черная смерть, — тихо, но торжественно произнес Ольчемири, — нельзя двигаться.

Зеделла вскинула голову, в ее глазах отразился ужас, потому что она первая поняла, что это. «У нее и правда прекрасные глаза, — подумал Профессор Ким, — и в них живут обреченность и восхитительное достоинство. Она может сводить с ума...

— Великий Мвене-Ньяге помогает своим детям, он сильнее демона Кишарре, — еще более торжественно закончил мганга.

— Боже, Ольчемири, ты знаешь, что это? — прошептал Йорген, а низкий гул, подобный звуку длинных медных труб или самому низкому тембру концертного органа, заполнял собой все пространство. — Это смерть...

— Да, она прогонит демона... Но нельзя двигаться.

Смертоносное черное облако двигалось сейчас по ущелью, и не было в Африке силы, способной противостоять ему. Ни чело-

век, ни самый сильный зверь не осмеливались бросить ему вызов. Это были огромные черные африканские пчелы, сокрушающие все на своем пути. Множество клубящихся пчелиных роев соединились сейчас в страшное облако, закрывшее небо.

— Укуса нескольких этих тварей достаточно, чтобы вызвать самую мучительную смерть. — Йорген почувствовал сухой ком, подступивший к горлу. — Откуда эта напасть?.. — Потом он с ужасом посмотрел на мгангу. — Ольчемьири, это?..

— Грозные Друзья пришли. Лучше говорить тише... Мганга извинится за тебя перед ними, мзее Йорген, — прошептал Ольчемьири. — Они будут отдавать за нас свою жизнь.

И тогда они их увидели. Гудящее облако шло по ущелью, грозное, не знающее жалости. Существо, разделенное на миллион частиц, обладающих общим разумом. Оно было старше многого живого на этой Земле, оно видело времена, когда Землю посещали боги, а потом ему пришлось затаиться, уснуть, чтобы двигаться своим путем и поражать своим совершенством. Но сейчас, подчиняясь магии древних времен, оно откликнулось на зов. Пчелы атаковали, они облепляли масайских воинов, жалили, впрыскивая свой смертоносный яд, и сами падали на землю, чтобы умирать. Жало пчелы, подобное крохотному гарпуну, снабжено зазубринкой; после укуса оно остается в теле жертвы, и пчела с вывернутыми внутренностями погибает. Но облако продолжало двигаться дальше, усеяв все ущелье множеством крохотных трупиков. Ольчемьири видел перекошенные от ужаса лица масайских воинов, перед тем как ими овладевал шок, и понял, что заклинание Черного Ор-койота рассеивается. Кишарре покидал моранов, и они превращались в обычных людей, которым судьба в этот день приготовила страшную, мучительную смерть. И Ольчемьири очень желал, чтобы как можно больше этих гордых и храбрых воинов спаслись бегством.

Когда-то народ Ольчемьири — ндоробо — жил в прохладных горных долинах по всей территории Кении. Потом с севера пришли чернокожие гиганты в красных тогах, гнавшие перед собой

бесчисленные стада скота. Низкорослые ндоробо не могли противостать великолепной армии копейщиков, и тем, кто уцелел, пришлось подняться в горы Ндото и жить там в пещерах. Но ндоробо оказались искусными колдунами и целителями, понимающими язык леса, и пришельцы приглашали их жить к себе, и вскоре мганги-ндоробо стали пользоваться всеобщим уважением. А потом из-за Великого Моря пришли люди с белыми лицами, и их ружья оказались сильнее армий чернокожих копейщиков. И снова все изменилось. Так было угодно духам. Они показали и чернокожим, и белым пришельцам, что земля, из-за которой столько воевали, не принадлежит никому и все еще много раз изменится. А ндоробо никогда и не считали себя хозяевами этой земли. Они считали себя ее детьми.

Поэтому Ольчемьири не питал зла к этим гордым масайским воинам и очень желал, чтобы многим из них сейчас удалось спастись.

Мганга увидел, что несколько пчел сели на капот «лендрове-ра». Они исполнили какой-то жужжащий круговой танец и занялись туалетом. Ольчемьири с беспокойством заметил, что черных пчел вокруг них становится больше. Грозные Друзья пришли сюда, чтобы прогнать Кишарре! Грозные Друзья их не тронут. Он снова закрыл глаза и обратился с благодарностью к духам Грозных Друзей. Пчелы их не тронут. Мзее Йорген прав — достаточно нескольких укусов, чтобы вызвать страшную, мучительную смерть.

— Нельзя двигаться, — прошептал мганга. — Если рассердить одну из них, нападет целый рой. Они знают, когда их боятся.

Несколько пчел село на лицо Зеделлы. Профессор Ким почувствовал спазм в горле — эти черные мохнатые насекомые были раза в два крупнее их российских собратьев. Лицо девушки стало белым, кровь отхлынула, и тонкая кожа показалась сейчас прозрачной. Пчелы перелетели на ее руку, туда, где под тугой повязкой пряталось нечто, заинтересовавшее их. Профессор Ким видел угольно-черные брюшки, прорезанные желто-золотистыми

полосками, видел цепкие лапки и слюдяные жужжащие крылья. Грозные Друзья... Еще несколько пчел село на лицо девушки. Одна из них показала тускло блеснувшее черное жало, словно примериваясь, коснулась им несколько раз светящейся кожи девушки, убрала и тут же показала снова. Всех сковал тягостный кошмар молчания — казалось, это зрелище парализовало волю людей. Профессор Ким, не поворачивая головы, повел глазами — вокруг них уже кружился целый рой. Не меньше десятка пчел ползали по повязке Зеделлы. Никто не заметил, как Ольчемьири раскрыл сумку.

— Почему? — прошептала Зеделла. В ее широко раскрытых глазах ужас смешался с мольбой.

Урс попытался кинуться к девушке, но Профессор Ким, сильно сдавив локоть, удержал его. На это движение пчелы не обратили никакого внимания. Их интересовала Зеделла. Но какие-то противоречивые сигналы еще удерживали пчел от атаки. Профессор Ким указал глазами на «лендровер» с крытым верхом. Впервые за последние тридцать шесть часов Урс начал адекватно реагировать на происходящее. В его воспаленном мозгу все еще звучало лишь одно слово «Зеделла», но он понял, чего хочет Профессор Ким. Передние стекла «лендровера» покрылись густой паутиной трещин, но не рассыпались, специальное покрытие уберегло их от этого. Окна в дверцах были открыты — несколько минут назад из них вели стрельбу, — и Урс, осторожно приблизившись к автомобилю, начал вращать ручку стеклоподъемника. Попытаться втолкнуть девушку в машину, отделавшись лишь несколькими укусами, пока на нее не уселся целый рой, — это единственное, что они могли сейчас предпринять. Хотя, может быть, пчелы сами оставят ее в покое.

Но их намерения оказались тщетными. Зеделла застонала. Выдерживать дальше эту пытку было выше ее сил. Пчела, показавшая жало, сердито взлетела. Профессор Ким увидел капельку пота, оставляющую след на коже девушки, и тогда пчела атако-

вала. Она нанесла жалающий удар в подбородок, лицо Зеделлы конвульсивно дернулось; она застонала, сдерживая мучительный крик... Пчела, потеряв жало, почувствовала, как внутри ее все разорвалось, она проползла, мгновенно остыв, по подбородку какое-то расстояние, не находя себе места, и упала в траву. Профессор Ким понял, что через несколько секунд выделения мертвой подружки разбудят в пчелах агрессивность и уже ничто не сможет их удержать. Именно в это мгновение имя Зеделлы в воспаленном мозгу Урса стало звучать гораздо приглушеннее, словно укус пчелы забрал часть ее колдовской силы. Но следом произошло то, что подействовало на Профессора Кима как ледяной душ. Потому что страшным, сорванным и полным отчаяния голосом Зеделла закричала:

— Снимите с меня перстень! Под бинтами... Вырежьте эту гадость!

Казалось, Зеделле стоило нечеловеческих усилий выдавить из себя эту фразу, и, возможно, лишь горящая боль укуса помогла ей в этом. Какое-то очень короткое время мозг Профессора Кима переваривал полученное сообщение, отказываясь верить услышанному. А потом все встало на свои места. Перстень, ночь у Папаши Янга, повязка на руке девушки... Ну конечно, все концы этой ниточки связались, образуя весьма злобещий рисунок. Профессор Ким уже знал, о каком перстне идет речь. Раскрыв складной нож и забыв о возможности нападения пчел, Профессор Ким вспорол бинты на руке девушки. Он несколько повредил основание безымянного пальца, и капельки алой крови выступили на нежной коже Зеделлы. Перстень был там. В ореоле окровавленных бинтов он показался живым. словно пульсирующие внутренности в момент операции. Он пил соки Зеделлы, что-то давая ей взамен. Эта дикая мысль мелькнула в голове Профессора Кима, но потом он уже взял пальцами за золотую змею, свернувшуюся вокруг хищного зеленого камня, и перстень, словно почувствовавший его силу, покорился, став холодным, обычным... Но сегодняшний день приготовил гораздо

более зловещий рисунок, и им всем предстояло сейчас пережить нечто вызвавшее неизмеримо больший приток адреналина в кровь, чем шевелящиеся перстни или ледяной душ. Профессор Ким потянул за перстень, чтобы снять его с пальца девушки, Зеделла попыталась отдернуть руку, лишь гул пчелиного роя окружал их. Какая глупость — чего она боится? Надо снять скорее эту гадость, пока пчелы не напали. Профессор Ким левой рукой с силой сжал запястье Зеделлы, пытаясь подавить все попытки сопротивления, а правой взялся за перстень. Он видел лишь тонкую дрожащую руку девушки и массивный нарост перстня на окровавленном пальце. И тогда Профессор Ким почувствовал, с какой необычайной силой Зеделла сопротивлялась, — мускулы Профессора напряглись до предела, но все попытки удержать кисть девушки оказались напрасными. Рука... Профессор Ким с изумлением поднял голову, и в следующее мгновение сердце чуть не остановилось у него в груди. Электрический ток кошмара ударил в узлы под его локтями, застывшая в жилах кровь отказывалась двигаться, наполнив тело ватной шевелящейся пустотой.

— Что?!! — выкрикнул Профессор Ким, отдергивая руку, словно прикрываясь детским жестом от парализующего темного страха. И еще раз вибрирующая волна прошла по его телу.

Потому что, подняв голову, Профессор Ким увидел нечто не вмещающееся в сознании, нечто сводящее с ума, он увидел, что держит за руку темнокожего человека, известного Маккенрою под именем мистер Норберт.

Барабаны теперь ревели оглушительно. Сознание Профессора Кима помутилось, и окружающий мир словно отделился от него. Профессор вскинул голову — слепящая полоска в небе, как след реактивного самолета. Где-то по краям сознания черные шаманы били в барабаны, исполняя свою безумную пляску. Небо... Яркие следы реактивных самолетов — хвосты несостоявшихся комет, они режут небо. Они горят, как диковинные алмазы, они уплотняются... И тогда вдруг разрезанное небо рас-

крылось, словно ветхая лоскутная занавеска, и в черноте образовавшегося проема выступило тело совсем другой реальности — огромная планета нависла над Землей, она приближалась, и грозный кроваво-золотой свет двигался вместе с ней. Профессор Ким узнал ее, гостью своего ночного кошмара. Это была Луна, атакующая Землю.

...Обморок? Столкновение миров? И какой-то голос насмешливый: «Никогда не покупай путеводителей в запретные земли. Все равно там ничего не поймешь. Лишь сойдешь с ума, всякое бывает... А лучше давай просто потанцуем. И понимать ничего не придется».

Барабаны теперь ревели оглушительно. Демон ночи Кишарре отвечал им — в далеких северных горах, в пещере Камила Коленкура темное безумие высвобождалось из-под гранитной тяжести эпох.

...Панические крики аскари, изумленное, но, к счастью, не поддававшееся кошмару лицо «Черт дери... Что это?!» Йоргена. Мир плыл вокруг, он содрогнулся и вот-вот готов был переместиться... Всего лишь на один микрон, да нет, гораздо меньше, всего лишь на размер атомного ядра, быть может, даже электрона, но этого было бы достаточно. Реальность расплывалась вокруг, и мир готов был переместиться.

Далеко за Сумрачной страной, быть может, в небе, где заканчивалась Спиральная Башня, он видел сад, напоенный светом распустившихся цветов. Сад, рассеивающий Сумрак без остатка... Столкновение миров...

Профессор Ким почувствовал, как какой-то обруч с силой сжал его голову, как подавляется его воля; он не может сосредоточиться, он не может заставить перстень ответить ему, и свет далекого сада все более теряется в подступающем со всех сторон шуршащем мраке... Удар был настолько неожиданным, что Профессор Ким оказался безоружным.

Красивый темнокожий человек смотрел в глаза Профессору Киму.

...неужели ты не узнаешь меня?

...неужели мы не встречались на Спиральных Кругах Вечности с другой Стороны Мира?

...неужели — ведь память НАВСЕГДА...

...и Сад, и Перстень, и Память — НАВСЕГДА.

Профессор Ким мучительно сжал виски, пытаясь помешать мыслям взорвать голову изнутри, стараясь не потерять последние отблески света, и, словно в соседнем измерении, он увидел, как маленький мганга Ольчемьири заносит копье.

И тогда все стало прежним. На какой-то миг в блеснувших лунным светом глазах темнокожего красавца снова появился оттенок сумасшествия, как будто устойчивый мир вокруг вдруг начал разрушаться (как тогда, в ярко-пляжных автомобилях, когда Профессору Киму удалось заставить перстень ответить), а потом эти глаза превратились в глаза хищной ночной птицы... Все стало прежним, но... Эта партия еще не была сыграна до конца. Потому что раздался выстрел, и землю перед Ольчемьири вспахал сноп крупной дробы.

— Нет! — услышали они дрожащий голос Урса. — Мганга, я буду вынужден убить тебя и любого, кто попытается сделать это! — Урс держал Ольчемьири на мушке, его глаза горели сумасшедшим светом, но в остальном он был собран, и ни у кого не возникало сомнений, что он приведет в исполнение свою угрозу. — Бросьте копье...

Маленький мганга остановился и опустил руку.

— Кишарре, — Ольчемьири обвел всех взглядом. — Кишарре...

Гул кружащих вокруг пчел становился невыносимым.

— Я не дам причинить ей вреда, — произнес Урс, — бросьте копье.

Существо, стоящее перед ними, вдруг протянуло к Урсу руки, словно просило защиты, и сквозь пустые птичьи глаза проступило нечто человеческое — мольба, отчаяние... Профессор Ким

почувствовал, как сжалось его сердце, — это были глаза Зеделлы: струящийся и так и не нашедший отклика свет Любви, обреченность, гордое достоинство, страх и одиночество... Значит, она еще жива?! Боже, как быстро ты научился рассуждать в этой сумасшедшей системе координат... Но ведь это были глаза Зеделлы, значит, она еще жива.

— Не волнуйся, милая, я не дам причинить тебе вреда. — Указательный палец Урса лежал на спусковом крючке. — Я помогу!..

— Кому? — Йорген поднялся, но ноги его оказались слабы, и теперь он держался за раскрытую дверцу «лендровера». — Урс, кому ты не дашь причинить вреда?! И разве бы мы хотели причинить вред девушке?! Открой глаза.

— Это Зеделла, — сказал Урс, — только... — И его голос дрогнул: — Зеделла, я умоляю, ответьте мне...

И снова мир вокруг начал расплываться.

— Дай копьё мне, мганга, — прошептал Профессор Ким, не сводя глаз с Урса.

— Грозные Друзья сейчас нападут, — ответил Ольчемьири.

И тогда Профессор Ким увидел в глубине пустых птичьих глаз стоявшего перед ним существа то, что заставило его судорожно искать решение. Это давно уже сожрало Зеделлу, перед ними не человек, но Урс отказывается поверить!.. Хорошо, а если он прав, если девушка еще жива?! Если ее еще можно спасти? Что тогда? И как ответ на свой вопрос, он услышал голос мганги:

— Ольчемьири знает, куда бить. Может быть, мемсаиб еще не ушла в Ночную Страну...

Профессор Ким видел, что Урс держит мгангу на мушке и готов выстрелить.

— Хорошо, — сказал он. — Урс, успокойся... Я забираю копьё, смотри... Спокойно...

— Урс, — Йорген поднял раненую руку, — гляди! Посмотри на Сэма, он рядом... Посмотри на Морриса, своего секретаря... Посмотри вокруг — этого мало?! Цель твоей экспедиции перед тобой. Ты пришел сюда за этим.

— Зеделла, — простонал Урс, но тут же добавил: — Я предупредил, что буду стрелять!

— Спокойно, старина... — мягко проговорил Профессор Ким. — Все в порядке, спокойно.

Да, действительно, сейчас надо быть очень спокойным, потому что в глубине пустых птичьих глаз стоящего перед ними существа уже не было ничего человеческого, но в них начал пробуждаться желтый огонь. Бушующая, испепеляющая лава готова была выплеснуться на поверхность. Профессор Ким почувствовал, как мганга вкладывает ему в руку копье. Значит, все зависит теперь от твоего удара. Хорошо, а если девушка все же жива? А если эта дрянь сейчас испепелит тебя?! Урс сошел с ума, он готов на все ради Зеделлы, погубившей себя и сейчас собирающейся погубить их всех... Испепеляющий огонь сейчас вырвется на поверхность. Но Профессор Ким уже знал, что надо делать. Он уже давно все понял. Стрела в руке Йоргена. Какие были опасения? Главное, чтобы стрела не оказалась отравленной... Конечно же! Именно в этом все дело. Копье Мвене-Ньяге отравлено для демона, магическое копье Великого Африканского Божества... Копье обрело силу. Отравленная стрела в руке может убить Йоргена. Удар в руку или в плечо убьет демона, но не станет смертельным для девушки, если она, конечно, еще жива.

И прежде чем пылающий сноп огня вырвался из завораживающих, полных сочувствия и сразивших многих своей красотой глаз мистера Норберта, Профессор Ким бросился на землю. Урс явно не ожидал этого. Делая кувырок через спину, Профессор Ким почувствовал, как совсем рядом пронеслась раскаленная свинцовая волна, выпущенная из ружья сэра Льюиса. Он успел подумать: «К счастью, у бедняги Урса двуствольное охотничье ружье... Значит, оксфордский профессор не сможет разmozжить мне голову следующим выстрелом». А потом копье, обретшее силу среди ослепительных снегов, нашло свою цель. Но еще прежде пчелы атаковали.

34. Что-то останется для каждого

Маккенрой все еще смотрел на автомобиль мистера Норберта.

Выигрышные цифры...

От выигрышных цифр его сейчас отделяла пустыня. Потом он вспомнил восхитительный запах бобов со свининой и вкус холодного пива, оставленного для него мистером Норбертом в багажнике «мицубиси». И как присутствие в ночи мистера Норберта спасло его от льва... Но там, в автомобиле, было что-то, и Маккенрой не мог пересилить страх. Да, мистер Норберт умеет заботиться о своих друзьях... «Это колдовство?.. Мир устроен несколько сложнее, чем можно предположить, смешивая за стойкой коктейли...

Хорошо, а какое отношение это все имеет к нему?! Мистер Норберт умеет заботиться о своих друзьях, а Маккенрой, бесспорно, относится к его друзьям.

— Какое отношение это все имеет ко мне? — уже вслух произнес Маккенрой, глядя на чистое небо над грозной цепью лиловых гор. — Да, я слышал выстрелы, слышал бой боевых тамтамов, и скорее всего мораны отправились сейчас умирать, но какое отношение это имеет ко мне?!

Маккенрой быстро подошел к автомобилю и с силой хлопнул дверцу.

— Почему я должен лишиться своих выигрышных цифр?! Моя любимая бабка может ответить на этот вопрос?

Какое-то время он смотрел перед собой, затем открыл дверцу и сел в автомобиль. Еще раз коснулся зеркальной таблички и убедился, что она на месте.

— Почему?! Я ждал этого всю жизнь...

Он включил зажигание и в следующую секунду открыл все окна.

— Можно и не смотреть... Небо чистое, и меня никто не заставляет на это смотреть.

Маккенрой откинулся на спинку сиденья и переключил ручку трансмиссии на «скорость».

— Принцип добровольности... Это шоу. Обычное шоу, и можно его не смотреть. Но свое личное шоу я сегодня пропустить не имею права.

Только через какое-то время Маккенрой понял, что неопределенность разрывает его на части и он просто обязан посмотреть через стекло... И пусть это будет колдовством, пусть он увидит что-то кошмарное через стекла автомобиля мистера Норберта, однако если он сейчас этого не сделает, то страх будет преследовать его повсюду и Маккенрой уже никогда не избавится от его липких холодных пальцев. Он поднял все стекла.

Лиловая Зебра все еще стояла над горами, но она не выглядела больше такой грозной. И ее глаза уже не казались двумя кошмарными провалами. Напротив, в них светились доброта, бесконечное сочувствие и понимание. И Маккенрой понял, что смотрит в исполненные печали, удивительные, быть может, даже прекрасные глаза мистера Норберта. Печаль, бесконечная печаль была сейчас в них. А потом лицо мистера Норберта дрогнуло и начало расплываться, поглощаемое переливами воздуха. И Маккенрой понял, что с мистером Норбертом что-то произошло. Ему причинили вред, и сейчас он покидал Маккенроя. Улыбчивый чернокожий бармен вдруг почувствовал, что его осиротевшее сердце сковывает тоска и мир вокруг становится лишь тем, чем он был, когда Маккенрой смешивал коктейли за стойкой бара. Мистер Норберт покидал его, оставляя Маккенрою расколдованный и лишенный надежд мир. Маккенрой услышал свой собственный тяжелый вздох, и тогда что-то ослепило его. Зеркало. На мгновение там, где растаяло лицо мистера Норберта, а еще раньше стояла грозная Лиловая Зебра, появился зеркальный осколок. Золотое напыление — буква А... «Бар «Пепони»... Его табличка! «Нет, — поправил себя Маккенрой, — табличка мистера Ноберта. Ведь только то, что можно вернуть, обладает особенной силой...

Ему остается табличка, зеркальная табличка мистера Норберта. Значит, будут еще выигрышные цифры и будут еще поручения. Маккенрой готов ждать. Неделю, месяц, а может быть, годы... Но когда появятся новые поручения, Маккенрой их с радостью выполнит. Ему остается табличка, и ему остается перстень. Значит, как сказал мистер Норберт, мы еще неплохо поведемся.

— А сейчас я просто поеду и заберу свой приз, — проговорил Маккенрой.

Он двинулся вперед, больше не оборачиваясь. Он ехал в Мир Гордов.

Даже по прошествии пяти лет Профессор Ким так и не был убежден в том, что же они видели. Ожидая у окна своего причудливого кабинета гостей и собираясь принять очень важные решения, он вспоминал этот самый странный в своей жизни день, оставивший столько вопросов и тревожных ожиданий. Но он так и не знал, что же произошло на самом деле. Было ли это коллективным психозом, галлюцинацией, находились ли они под действием гипноза или все это произошло действительно?

...Как только пчелы атаковали, а Профессор Ким послал в цель наконечник копья, барабаны смолкли, и все пространство вокруг наполнилось терпким ароматом трав и шумным запахом пенящейся воды. Они все замерли, словно замороженные волшебством случившегося и ослепленные нежным белым светом. Потому что повсюду — на склонах ущелья, на дороге, на примятой траве и даже на полусгнивших стволах поваленных деревьев — стали распускаться белые цветы. Уже много позже Йорген попытается возразить — мол, эти нежные печальные цветы были здесь и прежде, просто их не замечали. Но в тот миг мучительный стон сорвался с губ сэра Джонатана Урсуэла Льюиса. Это были цветы из его снов, когда он — юный радостный бог — любил свою Зеделлу под пенящимися струями падающей воды. И это

было в последний раз, в последний раз все внутри его заполнил этот колдовской свет не существующей на земле Любви, в последний раз терпкий дурман наготы ее тела дал ему ощущение бесконечного счастья, а потом древняя стрела Любви покинула это небо, луна ушла, забирая с собой воспоминание о самой прекрасной женщине на земле. И слово «Зеделла» перестало звучать в воспаленном мозгу Урса. Он непонимающе посмотрел вокруг, словно возвращаясь в привычный мир, так и не зная, рад ли он этому возвращению.

— Что же произошло?! — проговорил сэр Льюис, удивляясь своему голосу.

Перед ними больше не было мистера Норберта, а мир вокруг зазвучал, как и прежде, голосами буша. Зеделла лежала на зеленой траве, кровь из ее раны пролилась на землю. Пчелы тут же оставили девушку в покое и кружили над ними, словно не понимая, куда делось то, что вызывало в них столько агрессии. Мганга быстрым и точным движением извлек наконец копья, но они насчитали на теле девушки множество пчелиных укусов.

Зеделла застонала и открыла глаза.

— Он оставил меня, — прошептала девушка. Голос был очень слабым, и они видели, какими бескровными стали ее губы. Пчелиный яд уже начал давать аллергические отеки. Потом девушка заволновалась и проговорила: — Яркое крыло! Они хотят подняться...

— Успокойтесь, успокойтесь, милая, — произнес Урс. — Все уже в порядке.

Зеделла замолчала, а потом посмотрела на сэра Льюиса.

— Вы любили меня? — прошептала девушка, и снова из ее испуганных глаз заструился нежный свет, и ожило воспоминание о далеком шуме падающей воды. Всего лишь на мгновение — это было только воспоминание, и потом все прошло.

Урс согласно покачал головой — ведь это было правдой. Уголки губ девушки горько опустились.

— Но теперь уже больше не любите, — сказала Зеделла. — И это хорошо... — Она слабо улыбнулась. — Я не хотела причинить вам боль... — Мучительная маска сковала лицо девушки. — Я сопротивлялась, но это было выше моих сил... Это... перстень!.. появился в нашем доме... — Она тяжело вздохнула. — Папочка купил его у... — Тень прошла перед глазами девушки, она застонала. — Но теперь он оставил меня... — Зеделла снова улыбнулась. — Мне было тогда очень плохо, и он... Как глупо... Это — кара, наказание, понимаете?! Я... — Девушка снова впала в беспокойство. — Это было во мне... я... я видела...

Урс нежно взял ее за руку, Зеделла закрыла глаза, потом резко открыла:

— Я смотрела его глазами... Яркое крыло, дневник... Я не хотела... Я... Это использовало... — Она застонала. — Я... Все из-за этого... пещера. Глаз, перстень... Я должна все рассказать... я... это... Вы любили меня...

Они так и не узнали, что хотела им рассказать Зеделла. И они так и не узнали, что с ней случилось: почему на ее безымянном пальце оказалась столь опасная вещь — перстень... И что эта вещь могла давать ей взамен. Потому что девушка впала в забытие, выйти из которого ей будет суждено очень не скоро.

— У меня есть противоядие. В аптечке, — проговорил Йорген. Он сам нуждался в срочной помощи. — Возможно, понадобится переливание крови. Надо скорее попасть в лагерь. Мы можем потерять ее.

— Дело не в пчелином яде, мзее Йорген. — Маленький мганга покачал головой. — Она побывала в Стране Мертвых.

Когда наконец добрались до лагеря, они поняли, что этот день стал рекордным по количеству трагедий. Камил Коленкур упал с неба, его парашют закрылся... И санитарный вертолет сейчас прибыл за его телом. Три словно вырвавшихся из зоны боевых действий «лендровера» привезли еще одного погибшего и двух людей, нуждающихся в срочной помощи. Рана Йоргена ока-

залась неопасной — Ольчемири извлек стрелу и, рассматривая наконечник, с удовлетворением понял, что там нет следов яда. Засохшего темно-коричневого яда — смеси сока молочая и личинок насекомых, — убивающего человека за пару часов.

Их экспедиция закончилась. Они все поняли это. Как странно и нелепо — в этот день, когда предполагалась встреча с Камиллом Коленкуром, экспедиция должна была только по-настоящему начаться. Но они все поняли, что их экспедиция закончилась в тот момент, когда наконечник копья, получивший силу Великого Африканского Божества, впервые поразил свою цель. То, что действовало в Восточной Африке, творя кровавые жертвоприношения, желая пробудить кого-то в туманных северных горах, в этот день ушло. Им передали дневник Камила, и сейчас, глядя на яркий сложенный парашют, они поняли, о чем шептали горячие губы Зеделлы, перед тем как девушка впала в забытьё:

— Яркое крыло — дневник — пещера... Глаз... Это он убил его.

Прошло какое-то время. Они изучили все записи Камила и, после того как залечили раны, все же отыскивали пещеру в далеких северных горах. Но они знали, что их экспедиция уже давно закончилась. Закончилась в тот печальный и бесконечно долгий день, когда в небе раскрылось, для того чтобы сложиться, яркое крыло Камила Коленкура и мораны ушли умирать, когда не стало Сэма, распустились белые цветы и боевые барабаны смолкли, когда копье обрело цель. И они не ошиблись. Больше никаких сообщений о загадочных и кровавых преступлениях не было, и в пещере, затерявшейся посреди Эфиопского нагорья, они ничего не обнаружили.

Еще в экспедиционном лагере Зеделле сделали переливание крови, и девушка вернулась в сознание. Но потом ее состояние резко ухудшилось и она впала в кому, сменившуюся каталепсией, странным сном, из которого она уже не выйдет в ближайшие пять лет. Папаша Янг, сразу наполовину поседевший в тот

миг, когда узнал, что случилось с дочерью, оплатит для Зеделлы отдельную палату в частной клинике, где будет все необходимое для жизнеобеспечения спящей, а потом врачи обнаружат положительную динамику и Зеделла вот-вот должна будет открыть глаза. С этим Папаша Янг и проживет пять следующих лет, вплоть до того дня, когда в Москве в первый раз распахнет свои гостеприимные двери павильон «Суперкомпьютерные игры».

Их пути разошлись в аэропорту Найроби. Все время, проведенное в Эфиопии, они, по выражению Йоргена Маклавски, «собирали этнографический материал». И хотя это время не было потрачено впустую, они собрали много научных фактов, интересовавших каждого, а Йоргену удалось даже кое-что раскопать, ублажая свою страсть к окаменелостям, — ничего, связанного с истинной целью их путешествия, больше не было. Восточная Африка теперь хранила молчание.

— Ну что ж, — проговорил Профессор Ким, — по крайней мере для отчета об экспедиции материала достаточно...

— Конечно, расскажи вы вашим ученым коллегам, что с вами произошло на самом деле, — усмехнулся Йорген, — вас примут за умалишенного...

— И все-таки в этой пещере, — Урс грустно улыбнулся, — пещере Камила... У меня такое ощущение, что прямо перед нашим носом кто-то захлопнул все двери.

— Этот темнокожий красавчик, так повеселивший нас недавно, был лишь частью чего-то спрятанного там, — сказал Профессор Ким. — Я в этом уверен. И все это вовсе не кончилось. И потом, что-то очень странное есть в очертаниях этой пещеры. Я на всякий случай сделал несколько фотографий.

— Думаете, там спрятана Ночная Страна Кишарре? — спросил Йорген и снова усмехнулся.

— А быть может, Атлантида? — улыбнулся Урс. — В любом случае нам еще придется вернуться к этой теме.

А за несколько дней до прощания наших героев в аэропорту Найроби очувавшийся, но все еще меняющий повязки на голове мистер Моррис Александер наблюдал по телевизору, как пограничники ГДР стреляли из автоматов Калашникова по гражданам, пытающимся перелезть через Берлинскую стену. В этой же передаче, подготовленной Би-би-си, показывали визит первого и, как окажется, последнего президента СССР в социалистическое немецкое государство. Михаил Горбачев поцелует Эриха Хонеккера в губы. И очень скоро Стена рухнет. А в тот день, когда самолеты разносили Профессора Кима и сэра Льюиса в разные части мира, а Йорген Маклавски возвращался в буш, чтобы забыть о Кишарре, Лиловой Зебре и сказочной стране Урса, грозную Стену начнут разбирать на сувениры. Бездарное и изнурительное противостояние между Коммунизмом и Западом закончится.

И начнется совсем другое время. На остатках Стены, разделяющей когда-то мир, «Пинк Флойд» устроят грандиозное шоу. Оно будет называться так же, как и их альбом: «Стена».

Все эти пять меняющихся лет они будут поддерживать связь, занимаясь каждый своими делами, а потом сэр Льюис и Профессор Ким выступят с большой совместной работой, и будут еще экспедиции в разные страны света в поисках следов утраченных цивилизаций. И постепенно все случившееся в тот год в Восточной Африке забудется. Наконечник копья обретет древко и успокоится в кабинете Профессора Кима, и никто не будет тревожить оставшееся среди ослепительных снегов Великое Божество, равнодушное к Миру Городов. Сэру Льюису со временем перестанут сниться сны, наполненные белыми распускающимися цветами и шумом падающей воды. И боевые африканские барабаны перестанут звучать в усталых северных столицах.

И только мганга Ольчемьири будет помнить страшную пещеру, где им не удалось ничего найти. Он будет помнить злое дыхание того, кто скрыт, кто спит бесконечно долгим сном, но кому пришло время пробуждаться. Для демона не существует расстояний, его путь начинается в другой стране и заканчивается у вашего сердца. И демон всегда отыщет сердца, заблудившиеся на дорогах этого мира, уставшие и опустошенные от долгого пути и от безнадежных поисков любви.

— Мир меняется, — проговорит мганга Ольчемьири, когда уже попадет в деревню кикую, на склонах белоголовой горы Кения.

— Да, — вздохнет Аумба, — такое уже не раз было на моем веку.

— В тот день духи хотели вернуться на землю. Мвене-Ньяге дал нам силу, и мы прогнали их. Но они забрали с собой часть мемсаиб... Часть белой девушки, подпустившей их к сердцу.

— Великий Мвене-Ньяге дал вам силу, — скажет Аумба, — и вы выполнили его волю.

— Но они еще вернутся... Поэтому я отдал наконецник копья Белому Мганге... Ольчемьири рассказывал о нем Аумбе. Теперь я понял окончательно, что говорили камни: копье надо было отдать тому, кто придет с другом... Белому Мганге.

— Ты поступил верно, — кивнул Аумба. — Теперь все, что говорили камни, стало ясно...

— А еще я спросил позволения Мвене-Ньяге и многое рассказал Белому Мганге, когда отдавал копье. Он ведь пришел из каменных городов, а там часто мир бывает скрыт.

Время будет бежать, и «Пинк Флойд» уже давно сыграют свое грандиозное шоу «Стена», и бывший скрипач Юлик Ашкенази уже совершит свою банановую эпопею и заделается владельцем динамично развивающейся корпорации «Норс». А потом одно из отделений огромного предприятия станет отлавливать людей, так и оставшихся за стеной и не перешагнувших в это новое время, и в роковой для «Норса» день свяжется с пенсионером и алко-

голиком Дядей Витей, безобидным владельцем трехкомнатной квартиры. И на дисплеях компьютера и небольшого устройства пейджера появится очень нехорошая фраза, которую лучше было бы считать чьей-то глупой шуткой: «Бананы могут начать гнить...

А за несколько недель до этого с копьем, привезенным Профессором Кимом из Африки, начнет твориться что-то неладное. Сначала Мадам заметит, что копье постоянно падает со стены, и станет молча водружать его на место. Потом, пока Профессор будет находиться в институте, Мадам решит прикрепить копье намертво. А вечером Мадам окажется свидетелем весьма любопытной сцены: древко на стене обломано, а ее обожаемый работодатель пытается извлечь наконечник копья, плотно вогнанный в дубовый паркет у основания стены.

— Зачем вы прибили копье гвоздями? — спросит Профессор Ким.

«Боже мой, — подумает Мадам, — этот человек никогда не вырастет...

Вслух она скажет:

— Я не знала, Профессор, что вам захочется сегодня поиграть в индейцев, а эта ваша штука уже две недели грохается со стенки.

— Я не играю в индейцев. Оно само, вы понимаете, Мадам? Само грохается со стены.

— Понимаю. Копье само.

— Я не шучу... Оно что-то чувствует...

— А... Ну конечно, оно что-то чувствует. Африканские копья отличаются повышенной чувствительностью.

Профессор Ким посмотрит на нее удивленными глазами:

— Это необычное копье, я же вам рассказывал. И оно действительно что-то чувствует. Вы что, мне не верите?

— Верю и отправляюсь готовить ужин. Возможно, ваше копье чувствует, что уже пора. Иначе вы, чего доброго, отправитесь на охоту сами.

Пройдет еще некоторое время. И в тот день, когда мальчик Денис решит впервые сыграть в «Белую Комнату» и будет осмеян своими друзьями, в дорогой частной клинике в пригороде Най-роби случится нечто странное. Весь медперсонал заведения, расположенного в тенистых горах среди прохладных лесов, будет сбивающимися и напуганными голосами сообщать, что в этот день в больнице «взбесилась вода». А потом выяснится еще кое-что. Больная, получающая искусственное питание, больная, спящая в большой просторной палате на втором этаже уже больше четырех лет и в общем-то считающаяся безнадежной, вдруг исчезнет.

А потом об этом узнает Йорген Маклавски. Он свяжется с сэром Льюисом и позвонит в Москву.

— Послушай, Ким, — скажет Йорген Маклавски, — мне кажется, история пятилетней давности меняет свой финал.

Но Профессор Ким к тому времени уже и сам будет кое-что знать.

И сейчас Профессор Ким стоял у окна своего московского кабинета и смотрел на разноцветные веселые огни павильона «Суперкомпьютерные игры». Через некоторое время к нему придут эта удивительная девочка Дора и два его лучших друга. И он только что ознакомился с соображениями Урса, прочитав его большое письмо. Урс, конечно, прав — такое письмо нельзя было доверять электронным средствам коммуникации. Проверенный дедовский способ здесь гораздо лучше. Надежнее.

Профессор Ким бросил взгляд на экран монитора своего персонального компьютера — окно в несуществующий мир? Профессор Ким усмехнулся — но ведь Дора права, и ОНИ действительно уже здесь.

Где-то на другом конце огромного города выла собака, потерявшая сейчас самое любимое существо на свете. Король не умел

говорить. Но его вечная звериная природа знала о многом, и сейчас она заставляла Короля выть. И где-то в огромной пятикомнатной квартире двое студентов, что по доброте душевной приютили Дядю Витю, безобидного пенсионера, услышат звонок в дверь. И Алка поймет, что еще никогда в своей жизни она не боялась чего-либо так сильно, как этого могильного холода, ждущего сейчас за дверью.

И еще несколько человек в этот момент почувствуют, что миры затаились и приглядывались друг к другу, выдыхая в пространство пары Безумия.

Миры готовились к столкновению.

Дробь боевых барабанов вернулась.

Двери

IV

Часть

35. Круг сжимается

Вой ожил в небе над Великим Городом, плывущим сквозь зиму, сквозь предстоящую самую длинную ночь по только ему одному ведомому потоку. Король продолжал выть. И столько в его вое было горести и тоски, столько невыразимой боли, словно Король был Древним Волком, потерявшим свою подругу, а теперь воющим на луну, окруженную серебряным ореолом и грозно вставшую над землей, будто бы вновь пришла ей пора упасть.

Этот вой, оживший в снежном московском небе, не услышали, а скорее почувствовали несколько человек, этот вой рассказал им, что на часах уже без пяти полночь, несмотря на яркий день за окнами, и что круг начал сжиматься.

Дора посмотрела на свои наручные часы — ремешок в шахматную клеточку, большой прозрачный корпус, и через циферблат видны разноцветные колесики механизма, — до встречи с Профессором Кимом еще достаточно времени, значит, она все успеет. Далекая Яблоня-Мама сказала ей, что надо делать, и теперь Дора успеет.

Она подошла к шкафу светлого дерева, в тон стенам в ее комнате, и, посмотрев на цветные вставки — диснеевские персонажи на белом поле, — вздохнула:

— Яблоня-Мама никогда не ошибается...

Затем Дора открыла дверцу и достала лыжный костюм из флиса.

— Тебя мне подарил папа, — обратилась Дора к своему костюму. — Чтобы я поехала с ним кататься на лыжах. Очень хочется поехать в горы. Но сначала надо сделать одно дело... Поэтому ты будешь меня охранять. Вы с папой будете меня охранять, а уж я позабочусь обо всем остальном.

Она надела костюм, курточку с удлиненной спиной, широкой молнией и разноцветными многогранниками пуговиц, яркую шапочку со свисающим хвостом и стала похожа на сказочного гнома. Проходя по холлу мимо большого зеркала, она остановилась и, вздохнув, произнесла:

— Ну что ж, Дора, тебе пора. Будь, пожалуйста, осторожней...

— Хорошо — буду...

— Эй, Дора!

— Что?!

— Какое же все-таки у тебя дурацкое имя...

На улице шел снег, с утра была оттепель, и множество белых мух кружилось в небе. Дора знала, что очень скоро начнет темнеть. Она перешла дорогу, углубилась в сквер, где сейчас было полно прогуливающихся, и пошла тем же путем, каким больше семнадцати часов назад шел Профессор Ким, изображающий пьяного в дым дворника. Руки Дора спрятала в карманы куртки, в одном из них находился компакт-диск с записью «Волшебной флейты» Моцарта, а в другом... В другом кармане Дора сжимала вырезанную из резинового мяча корону, великую корону, приводящую в такое волнение Профессора Кима.

«Мы опоздали, и они уже здесь, — думала Дора. — И совсем даже не ясно, сколько их теперь...

Дора остановилась перед светящейся вывеской, затем толкнула широкую стеклянную дверь. Та сделала пол-оборота, пропуская девочку внутрь павильона суперкомпьютерных игр.

В глубине души все считали Нину Максимовну старой стервой. Хотя ей было только-только за сорок, а на девичьих посиделках с чаем, приторно-сладким кремовым тортом, шампанс-

ким и дешевым немецко-польским ликером третьим тостом всегда шла непреклонная народная максима: «Когда бабе сорок пять — баба ягодка опять». Следующие пять-шесть тостов были замешены на беспорядочном смехе, а потом кто-нибудь, встретившийся с печалью раньше других, снова вспоминал о «ягодке», и это было сигналом. Приходила пора распевно-тягучих грустных песен, рожденных на просторах средней полосы России, песен о скорбной женской доле и в общем-то невеселой мужской на этих бескрайних пространствах, щедро политых потом и кровью, но прежде всего бесконечной, безысходной тоской. Песен о поникших осенних цветах, зиме любви, о вечной проклятой тюремной доле и тоске по воле. В таком вот настрое пребывали барышни на своих девичниках. Потом заканчивался народный репертуар и вспоминались песни, написанные шестидесятниками, пели Окуджаву и Визбора, а потом расходились по домам, покорные ходу времени, где женщине дано лишь одно — стареть и где только семья, дети и внуки позволяют сопротивляться этому безжалостному бою часов. Нина Максимовна возвращалась в холодную постель незамужней женщины. Но она была благодарна таким посиделкам. Небольшое количество шампанского или ликера действовало на нее как снотворное. В остальные дни, а точнее сказать, в бесконечные ночи цвета белесых сумерек ее мучила бессонница, скрашиваемая мексиканско-бразильскими телевизионными сериалами или любовными романами в дешевых обложках.

Нина Максимовна была старейшим работником кафедры (слово «старейший» всегда вызывало спазмы в глубине ее увядающего лона, но Нина Максимовна лишь вежливо и деловито улыбалась — она была профессионалом в той части повседневной научной работы, которую не мог взвалить на себя никто, кроме нее. Только она — или все рушится). Нина Максимовна работала уже больше двадцати лет и была старшим лаборантом. Но это словосочетание — «старший лаборант», оставшееся в наследство от лишенных фантазии сочинителей номенкла-

турных расписаний, ничего не говорило о ее истинной роли. На хрупких плечах Нины Максимовны буквально держалась вся работа, на нее выходили все внутренние и внешние каналы, она была точкой, где сходились силовые линии, она никогда ничего не забывала, и на вверенной ей территории — кафедре — всегда был образцовый порядок. О Нине Максимовне говорили, что она «пережила» трех заведующих кафедрой, что на самом деле эта сухая женщина с лицом уставшего солдата является серым кардиналом, что получивший ее благосклонность — большой везунчик и что на самом деле она редкостная стерва! Нина Максимовна носила серый костюм — юбка и пиджак, иногда неяркая кофта, — делала консервативные стрижки и употребляла среднее количество косметики. Ее побаивались, и ни одному мужчине от студента до профессора — шефа, заведующего кафедрой — не взбрело бы в голову говорить с ней о чем-нибудь, кроме профессиональных тем. На девичники Нину Максимовну приводила подруга — толстушка Рита. Сначала институтские дамы побаивались Нину Максимовну, но возникшая скованность была быстро преодолена: оказалось, что в нерабочее время Нина Максимовна совсем другая — компанейская веселая певунья, баба как баба, несчастная и одинокая. И в общем-то дамы признавали, что без железного порядка, установленного Ниной Максимовной, скорее всего было бы не обойтись — на других кафедрах института работа шла из рук вон плохо. И может, поэтому Нина Максимовна и пользовалась таким непререкаемым авторитетом, и ни одно серьезное решение не принималось без ее участия.

Мир Нины Максимовны был устойчивым, жизнеспособным и очень неуютным. Но отсутствие уюта было небольшой платой за то, что мир не рушился на глазах, за то, что все шестеренки были подогнаны друг к другу и ежедневно верная рука в места наибольшего соприкосновения механизмов добавляла капельку масла. Единственным человеком, не умещающимся в целостную картину этого мира и поэтому вызывающим тихую ненависть,

был Профессор Ким. Поц, в первый же день своего появления на кафедре всем своим видом давший понять, что ему абсолютно плевать на устоявшиеся авторитеты. Подобные проявления разрушительной анархии бывали и раньше, однако Нина Максимовна быстро все прибирала к рукам — это в принципе и была ее работа. Теперь же все случилось по-другому.

Нина Максимовна все знала о субординации. Она управляла не нажимая. Она знала масштаб «научных светил», с которыми ей приходилось общаться, и совершенно искренне видела себя чем-то вроде их правой руки. Она была неким фильтром между божественной большой наукой и ежедневными житейскими и тем более требующими профессионального решения вопросами. Но молодой ученый не оказался непризнанным талантом и потому без меры в ней нуждающимся, он был успешным. И наличие или отсутствие Нины Максимовны никак не сказывалось на научной карьере Профессора Кима. Более того, когда встал вопрос о присуждении молодому доктору наук звания профессора, Нина Максимовна сделала все возможное, чтобы притормозить этот процесс. Она помнила, какой кровью давались звания и степени еще десять лет назад. Она чувствовала бешеный напор молодого доктора и видела в нем угрозу для стареющего заведующего кафедрой — Настоящего и Великого Ученого, в которого она была давно безнадежно и печально влюблена. Но этот поц (про себя Нина Максимовна именovala Кима только так) играючи подготовил пять кандидатов наук, и ВАК принял решение его аттестовать. И тут уже Нина Максимовна не могла ничего поделать.

— Это все из-за деда-академика, — говаривала Нина Максимовна, — его тащит дед.

Она прекрасно знала, что это не более чем успокоительный самообман. Но самое страшное было другое — молодой профессор, словно ничего не замечая, был с ней учтив, вежлив и весел и вовсе не собирался участвовать в войне титанов, которую уже подготовила Нина Максимовна. Он жил в своем собственном

мире, так не похожем на мир Нины Максимовны с его свинцовой необходимостью и тяжестью ежедневно переживаемого бытия, и вместо чугунного боя часов время там отмеряла веселая кукушка. Этот мир был юным, радостным и опасным, и когда молодой профессор появлялся на кафедре (он не собирался ею заведовать, потеснив так обожаемого шефа, его больше интересовали пустыни, окружающие египетские пирамиды, или джунгли в межгорных долинах Гималаев, за которыми открывался Тибет. Нина Максимовна признавала и это) и все вокруг приходило в движение, то устало-мудрый, присыпанный фунтом соли мир Нины Максимовны сжимался до размеров ее рабочего стола. Сегодня он позвонил, сообщив, что не появится на кафедре, и попросил переадресовать все звонки ему домой. Если же его в этот момент не окажется, то пусть всю информацию оставляют Мадам.

— Хорошо, профессор, — сухо сказала Нина Максимовна. — Я поняла вас.

Вот тебе, пожалуйста. Мало того, что этот поц содержит что-то вроде экономки, скорее всего несчастной женщины, вынужденной на него батрачить, пока их величество занято своими важными проблемами, он даже не может снизойти до того, чтобы звать ее по имени.

Поэтому, когда появился этот мальчик и спросил Профессора Кима, Нина Максимовна подумала: «Ого-го, очень любопытная ситуация...» Потому что мальчик был явно сумасшедшим.

А часом раньше Егор Тропинин понял, что за ним никто не бежит. Робкоп куда-то исчез. Прохожие с удивлением смотрели на бледного, перепуганного мальчика, без конца озирающегося по сторонам. Но Егор чувствовал, что погоня вовсе не окончена, что каким-то непостижимым образом Робкоп все приближается к нему и в следующий раз он появится на расстоянии вытянутой руки. Поэтому до наступления темноты Егор должен успеть. А потом его уже никто не спасет.

— Профессор Ким, Профессор Ким, — беспрерывно повторяли его губы.

Найти журнал с тем знаменитым интервью оказалось делом несложным (Егор еще раз вспомнил, с каким восторгом Денис рассказывал ему о Профессоре Киме... Господи, Дениска!), и в библиотеке он провел не более пятнадцати минут. Но даже этих пятнадцати минут хватило, чтобы он почувствовал, как тени сгущаются вокруг него и как в тишине и полумраке библиотеки к нему тянется чья-то невообразимо холодная рука.

«Я просто перепуган как последняя баба, — сказал себе Егор. — Они (черт побери, но все-таки — кто?!) именно этого и хотят. Они хотят взять меня голыми руками, но я не должен доставлять им такого удовольствия».

Холод вроде бы отступил, и полумрак библиотеки больше не выглядел таким пугающим. Егор нашел в журнале телефоны редакции, но там ему ответили, что не располагают координатами Профессора Кима, хотя да, материал о нем делали, помнят.

— Ну как же так? — проговорил Егор. — Мне это просто необходимо... Ну я вас очень прошу.

— Молодой человек... — В голосе собеседника послышалось удивление. — Судя по всему — мальчик?

— Да, Егор Тропинин, простите, я не представился. Понимаете, мне просто необходимо найти его. Это очень важно.

— Послушайте, Егор Тропинин, даже если бы у меня под рукой оказались эти координаты, я просто не имею права их давать.

— Ну я вас прошу, я вас умоляю, мне не к кому больше обратиться... Понимаете?! Это моя последняя надежда... Вы даже не представляете, насколько это важно... Понимаете?! — Егор сам не ожидал такого внезапного излияния чувств.

Воспоминание о том, что с ним произошло за последние семнадцать часов, уместилось в одно мгновение, и самое страшное — голос мамы по телефону («...приходи, возможно, Денис тебя убьет... или спалит, как этого дурака Логинова»), и тогда

Егор вдруг совершенно неожиданно расплакался. Это его очень испугало.

— Там звонит какой-то странный мальчик, — услышал Егор в трубке еще более удивленный голос, — плачет и просит адрес или телефон Профессора Кима. Помните? Да, этот занятный молодой ученый... Кто у нас занимался Профессором Кимом?

Ответа Егор не расслышал — трубку, видимо, пытались прикрыть ладонью, — потом раздался смех, что-то о юной жертве научно-популярной литературы, потом женский голос поинтересовался:

— А телефон Кости Кинчева или группы «Дюна» не подойдет? Егор промолчал.

— Эй, мальчик, ты еще здесь?

— Мне нужен только Профессор Ким, — сказал Егор и шмыгнул носом. Больше всего он боялся снова расплакаться.

В трубке послышался прежний мужской голос; с трудом сдерживаясь, чтобы не расхохотаться, он проговорил:

— Мальчик, не плачь... Того, кто делал материал о Профессоре Киме, сейчас нет. Но ты можешь отыскать своего кумира в институте. Пиши...

И ему назвали институт и даже объяснили, как туда проехать.

— Спасибо... Профессор Ким — не мой кумир, — сказал Егор и повесил трубку.

Он больше не позволит себе так глупо плакать, время слез для него прошло. Егор никогда бы не смог предположить, что в один день окружающий мир может стать таким враждебным. Он остался с ним один на один, как когда-то остался один на один с Логиновым. Сейчас Логинов находился в реанимационном отделении Русаковской больницы, куда его отправил лучший друг Дениска, а единственной надеждой Егора стал Профессор Ким. Если, конечно, Егор не сумасшедший, если все, что с ним происходит, не бред его больного рассудка. Ему некуда больше идти. Что и кому он может рассказать? Что и кому? Что на их улице открылось чудное место развлечений, где малень-

кий коренастый служащий имеет обыкновение появляться из темных глухих углов, за секунду до того совершенно пустых — лишь мерцающие огоньки игровых компьютеров и электронная перчатка, вот-вот собирающаяся разжать пальцы? Что его лучший друг наигрался в суперкомпьютер, а до этого ему пробили голову кастетом, и поэтому он вчера спалил своего обидчика и компанию, как группу безмозглых куриц? Сходите в Русаковку, вам подтвердят, хотя, может, вас тоже спалят, все возможно... Ведь мама, мамочка... по крайней мере ее голос предложил пару часов назад единственному сыну прийти домой отобедать, а заодно почувствовать себя в роли сжигаемой курицы... Ну и кому он может все это рассказать? Пацан, ты чего, кино насмотрелся? Или твой крышак сам протек? В любом случае давай-ка домой, пусть с тобой там разбираются. Давайте, дяденька милиционер, везите меня домой, как раз там со мной и разберутся. А через пару дней вы, дяденька милиционер, скажете своим коллегам-милиционерам: «Надо же, а этот парнишка все же оказался психом... Спалил себя... — Или, скажем, выбросился из окна. — А по виду не скажешь, я-то думал, он дурацких книжек читался».

Так-то вот, дяденька милиционер. Поэтому я не буду вам ничего рассказывать. Ни вам и никому другому.

Я найду Профессора Кима. Потому что он (Егор теперь был в этом уверен) хотя бы готов поверить в то, что все это может быть правдой. А Егору пока этого достаточно. Вполне.

...Нина Максимовна смотрела на Егора Тропинина и думала: «А мальчик-то точно сумасшедший...» Бледное перепуганное лицо, горящие глаза, в которых вдруг паника сменяется какой-то параноидальной (да, отметила Нина Максимовна, именно это слово) уверенностью... А как он шарахнулся от монитора работающего компьютера, будто увидел ядовитую змею. На кафедре говорили много всякого, и Нина Максимовна кое-что знала о психических болезнях, от средневековой ликантропии, когда больному кажется, что он превращается в волка, до самых пос-

ледних заворотов — люди-телевизоры, полурелигиозные секты психов, утверждающих, что экран телевизора или монитор компьютера — окна в Ад, inferнальные ворота и прочее... Нина Максимовна все это знала, но перед ней был всего лишь мальчик. Самый настоящий безумный мальчик, разыскивающий Профессора Кима и, по всей видимости, считающий его чем-то вроде нового гуру. И Нина Максимовна поняла, что наконец пришло ее время. Она всегда с подозрением относилась к изысканиям молодого профессора, а уж популяризировать эти идеи вообще вредно. И вот подтверждение. Вот результат. Несчастный мальчик разыскивает своего идола, может, он хочет поделиться с ним своими идеями, а на самом деле мальчик-то просто болен и, по всей видимости, сбежал из дома. Решение Нина Максимовна приняла очень быстро.

— А зачем тебе Профессор Ким? — произнесла Нина Максимовна с улыбкой. — Что у тебя? Можешь оставить у нас, если торопишься.

— Нет, мне нужен только Профессор Ким. — В глазах мальчика снова блеснул дикий огонек испуга.

— Хорошо-хорошо, — проговорила Нина Максимовна, — приживайся... Сейчас мы его разыщем.

Ничего себе. У него, наверное, сообщение, что в Измайловском парке высадились инопланетяне или что какая-нибудь египетская мумия ожила. Вот, мой дорогой Профессор Ким, полюбуйте... Ваших рук дело. Это очень хорошо — очень хорошо, что сегодня появился здесь этот мальчик. И тогда вмешалась Ирочка, новенькая молоденькая секретарша с вечернего отделения. Ирочка работала на полставки лишь для того, чтобы после зимней сессии попытаться перевестись на дневное. Нина Максимовна очень даже могла здесь приложить руку.

— Нина Максимовна, но Профессор Ким звонил — его сегодня не будет.

— Ирочка, займитесь своими делами. — Взгляд Нины Максимовны буквально пригвоздил Ирочку к спинке стула.

— Нет, просто, может, вы забыли. — Голос Ирочки упал, она с недоумением и испугом смотрела на Нину Максимовну. — Профессор собирался работать дома...

— Послушайте, Ирочка, вы совсем недавно у нас, и я хотела бы, чтобы вы запомнили некоторые наши правила. У каждого есть свой участок работы. Ваш — отвечать на звонки, записывать их и докладывать мне. А уж я прослежу за всем остальным. И еще: если я принимаю какое-либо решение, то уж позабочусь о том, чтобы оно было полезным для этой кафедры. А если требуется внести какие-либо коррективы, то я в состоянии сделать это без посторонней помощи. Запомните это, Ирочка, и у нас никогда больше не возникнет конфликтов. И я ничего не забываю. А вы человек невнимательный — Профессор Ким уже давно в институте...

— Хорошо, — пролепетала Ирочка и мысленно добавила: «Правильно говорят, что ты старая стерва в климаксе...

А Нина Максимовна уже с улыбкой смотрела на Егора.

— Присаживайтесь, юноша, сейчас поглядим, что можно для вас сделать.

Она набрала какой-то номер и мягко спросила в трубку:

— Павел Кузьмич, вы у себя? Мы тут разыскиваем Профессора Кима, сейчас я к вам зайду...

Она не стала дожидаться ответа и повесила трубку.

— Подожди, мальчик, здесь, я посмотрю на соседних кафедрах и в лаборатории. Найдем мы тебе твоего Профессора Кима. — Потом она взглянула на новенькую секретаршу. — Ирочка, а вы занимайтесь своей работой и думайте, что делаете...

Нина Максимовна закрыла за собой дверь. В кабинете остались только Егор, новенькая секретарша Ирочка и толстушка Рита, единственная подруга Нины Максимовны. Толстушка Рита ничего не знала о планах Нины Максимовны. Профессора Кима, как она слышала, действительно сегодня не будет в институте, — но уж если Нина Максимовна решила обратиться к комен-

данту, то, значит, дело того стоит. Нина Максимовна всегда превыше всего ценит порядок, следовательно, она знает, что делает.

А Нина Максимовна объясняла в эту минуту коменданту института, что у них на кафедре сидит мальчик: с ним какая-то беда, скорее всего — нервное расстройство... Да, спрашивает Профессора Кима. Да-да, вы помните, тогда была его встреча со школьниками. Конечно, я была против, и вы были против... Я просто убеждена, что это травмирует их воображение, они же совсем дети. Вся эта игра в магию, компьютерные миры, древние легенды... Не говорите — это возмутительно. Да, я знаю, что ваша внучка попала в тоталитарную религиозную секту, слава Богу, все обошлось... Не говорите, очень похоже... Я тоже чувствую, что это похоже. Нет, а его статьи в популярных журналах? Возмутительно! Да, как раз такая жертва у нас и сидит... Совсем еще мальчик, скорее всего из тех, кто приходил на встречу, сбежал из дома, ищет Профессора Кима... Совершенно верно — та же самая картина. Нет, ну конечно, он ничего не проповедует, и о встрече его попросили, мы все это понимаем... Но статьи и интервью? Дети же это все читают. Вот именно, как их запретишь?.. Ну так звякните вашему приятелю в отделение... Конечно, не хочется, чтобы этим делом занималась милиция, но парня надо вернуть домой... А уж родители пусть решают, наказывать его или... может, даже лечить. Ну да ладно, пойду отвлеку его пока. Заходите на чай. Ничего не надо, и конфеты у нас есть... Профессору Киму?! Конечно, позвоним. Но уже после того, как приедет милиция. Ну ладненько, Пал Кузьмич, ждем на чай...

«А пошла ты к черту, старая стерва! — подумала Ирочка. — Мальчик чем-то встревожен, и ему нужен Профессор Ким. Может, он какой родственник, сбежавший от родителей...»

Прошло не больше пяти лет с тех пор, как Ирочка тоже убежала из дома. У нее были на это причины, и сейчас, по прошествии

времени, она уверена, что поступила тогда верно. Может, это было и не совсем правильным, но дело в другом — в тот момент это было единственно возможным... И какого же черта так бесцеремонно вмешиваться в чужую жизнь! Парень говорит, что ему нужен Профессор Ким, и значит, это действительно так. У мальчишки какие-то проблемы, но вряд ли такое можно считать поводом для вызова охраны. Я, конечно, новенькая на вашей замечательной кафедре, но уже успела заметить, что у вас к Профессору Киму, на мой взгляд, просто отличному человеку, весьма недружелюбное отношение. И я не знаю, может, вы решили свести старые счеты, но парень здесь абсолютно ни при чем...

Ирочка незаметно, стараясь не шуметь, вырвала листок из настольного квадратного бумажного блока для заметок и на одной стороне написала домашний адрес и телефон Профессора Кима (координаты почти всех преподавателей и аспирантов Ирочка уже помнила наизусть), а на другой добавила: «Уходи. Она пошла за комендантом».

Затем Ирочка открыла верхний ящикек своего стола — там, помимо различных бумаг, лежали полплитки орехового шоколада «Кэдбери» и пачка сигарет «Житан». Ирочка взяла сигареты, а в другой руке незаметно сжала записку.

— Рит, спички не подкинешь?

Рубенсовская Рита меланхоличным движением извлекла из сумочки зажигалку «Крикет» и поинтересовалась:

— Как ты куришь эту гадость? Они такие крепкие...

— Мне нравится. — Ирочка пожала плечами и в следующую секунду выронила сигареты. Она нагнулась за пачкой и вложила записку в ладонь сидящему на стуле Егору. Мальчик посмотрел на нее расширившимися глазами, но Ирочка уже поднялась, закрывая собой удивленного Егора, и протянула руку за зажигалкой: — Спасибо... Пойду перекурю, час еще работать... Если кто хочет шоколада — у меня в столе, пожалуйста...

— Да, мне только шоколада, — усмехнулась толстушка Рита, а потом, подумав, добавила: — Ну если кусочек...

Нина Максимовна столкнулась с Ирочкой в дверях. Разговор с комендантом заметно улучшил ее настроение.

— Куда вы, моя дорогая? — Это был полный достоинства тон светской научной дамы, умеющей снисходительно шутить. Так женщины-преподаватели разговаривали с едва успевающими студентками, и за двадцать лет Нина Максимовна усвоила этот тон.

— Перекурить.

— Не бережете вы себя, милая...

Потом она устремила полный ласки взгляд на Егора:

— Тебе повезло, малыш... Минут через пятнадцать твой Профессор Ким будет здесь.

Но Егор уже ознакомился с содержанием записки. Сейчас он убрал ее в задний карман джинсов и боялся поднять голову, потому что кровь прилила ему к лицу и сердце бешено колотилось в груди, — страх смешивался с тем чувством, которое когда-нибудь, когда он вырастет, будет называться гневом, рождающим вопрос: «Почему?» Почему это происходит? Почему все сейчас против него? Ведь он не сделал этой женщине ничего плохого... Почему она так несправедлива? Ведь это нечестно! Он не сделал ничего плохого... А потом Егор понял еще кое-что... Это было кошмарно, как и мысль, что электронная перчатка в зале суперкомпьютерных игр возьмет и сама разожмет пальцы. Да, и эта женщина была против него... Но «против него» — имело еще одно значение. Она была против него, и это значит, что она была за них...

Юлик Ашкенази откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза. За тонированными стеклами своего лимузина он надежно спрятан от внешнего мира, а это сейчас было самым необходимым. Он пытался думать, он пытался проанализировать все возможные версии, вплоть до самых чудовищных, но вещи были явно лишены логической связи.

Он только что закончил осмотр места пожара. Невозможного, мгновенного пожара среди бела дня. Хорошо, он готов был допустить, что такое может случиться. Совсем уж долбанутый Хотаб, с истеричным смехом рассказывающий ему, что, представляешь, старик, я обоссался... Трое пострадавших — глазницы обожжены совершенно одинаково у всех троих: маклеров и нотариуса. Подобное допустить уже было гораздо сложнее. Но все-таки, с большой натяжкой, — возможно. Что сказал охранник на входе? «Хотаб чего-то там шумел, мы решили: резвиться, как всегда». Потом мимо прошел пожилой представительный мужчина с рюкзаком, но Хотаб даже не пытался его остановить, а потом начался пожар. И Хотаб, и все остальные, кто был в этот момент в «Норсе», утверждают, что именно пожилой представительный мужчина вскрыл сейф, забрал всю наличность и устроил пожар... И еще все они утверждают, что пожилой представительный мужчина — именно тот самый алкаш (Дядя Витя или Дядя Митя?!), у которого они купили квартиру. Очень хорошо! Как тебе, Юлик? Не пахнет бредом?! Эти ребята из «Недвижимости» занимаются своим бизнесом уже давно. И Юлик знает, как они им занимаются. Безжалостные волки, готовые в любой момент подхватить добро из ослабевших рук. И респектабельный Юлик уже подумывал о том, что с Хотабом и его методами пришла пора проститься. Подобный рынок теряет свою привлекательность, как и подобное ведение дел. И если Хотаб этого не понимает — его проблемы. Мавр сделал свое дело. Мавр может уходить. Да, пожалуй, должен... Потому как главное — чтобы не сгнили бананы. Но в любом случае эти ребята на сегодня — профессионалы. И вот они, грубо говоря, за ящик хорошей водки покупают у спившегося люмпена (у них на этих ребят нюх — волки...) трехкомнатную квартиру, тот пару неделек беззаботно пьет, а сегодня заявляется («солидный такой мужчина...») и «завершает сделку». Ну как, Юлик Ашкенази, тебе все это нравится? Как там с рациональными объяснениями?

— Почему ты его не остановил, Хотаб?

— Говорю же тебе, потому что я в этот момент обоссался... Об-о-с-с-а-л-с-я.

И взгляд агрессивный, беспомощный и какой-то... сумасшедший одновременно.

В блокноте — копилке человеческих слабостей — уже давно появился портрет Хотаба. Юлик все знал про этого азартного, жестокого и, возможно, не совсем чистого на руку пасынка Кавказских гор и южных морей. Он знал и о рулетке, и о том, чьи деньги проигрывает Хотаб. Для этого Юлику хватило нескольких несложных арифметических вычислений. Но пока Хотаб был эффективен и все свои возможные долги отбивал. До поры до времени Юлик смотрел на это сквозь пальцы, и, видимо, в последнее время Хотаб потерял нюх. Ему отказало чувство меры. Юлик уже собирался вызвать к себе этого азартного паренька, и одной из чудовищных прорабатываемых версий была та, что сегодня азартный паренек его опередил. У Хотаба хватило бы ума и жестокости устроить здесь пожар, подставить своих партнеров по бизнесу, превратить трех из них в инвалидов и таким образом разобраться с наличностью в сейфе... Как он это организовал — другой вопрос. Правда, он предполагает наличие у Хотаба организационной гениальности и изощренности библейских героинь, но важно было другое. Юлику наплевать и на Хотаба, и на маклеров с их пожаром, и на пропажу денег. В конце концов, это ответственность Хотаба, Юлик мог дать ему несколько дней, а уж как Хотаб (все ништяк, пальцы — веером) будет с этим разбираться — его личная проблема.

Было другое, гораздо более стоящее, чтобы из-за него волноваться. Юлику просто необходима пусть самая чудовищная, превращающая Хотаба в некое подобие гения коварства, но все же рациональная версия. Юлик уже готов был в нее поверить. И если Хотаб смог бы ему доказать, что это так, что это он все организовал, то Юлик сразу бы ему все простил. Собачье чутье Юлика не давало ему покоя. И где-то за глупой броней рациональных вер-

сий уже растягивались в ухмылку скользкие губы, шепчущие Юлику на ухо: «Ты же знаешь, что тебе противостоит кто-то заслуживающий гораздо большего внимания, чем Хотаб... Кто понимает, как это страшно, когда бананы вдруг могут начать гнить...

«А бананы могут начать гнить».

Версия Хотаба очень бы устроила Юлика Ашкенази. Это он, умный, дерзкий Хотаб, маэстро коварства, организовал все эти послания. А Юлик вовсе и не находится во все более сжимающемся круге Безумия.

Маэстро коварства... Все, отдохнул — и хватит. Маэстро коварства в красном пиджаке! Хотаб и его трансцендентность...

...Юлик открыл глаза. Потом провел руками по лицу и задержал пальцы у переносицы. Хватит врать, Юлик Ашкенази. Ты знаешь, что все это собачья чушь и все выдуманные тобой чудовищные версии не более чем искусственная спасительная соломинка. Как скрипка и пролетарские дети. Тебя били по пальцам, потому что ты был слабак... Не надо никаких иллюзорных спасительных соломинок. Тогда у тебя хватило смелости... Эти версии рассыпаются в пух и прах. Для того чтобы отправлять тебе послания «А бананы могут начать гнить», Хотаб должен был проникнуть в твою башку, куда-то под кору твоего головного мозга, и нащупать слабое место, о котором до сих пор ты даже не догадывался. Не говоря уже о более простых вещах: как организовать пожар и заставить их всех говорить одно и то же... Хотаб — гений? Не смейся... Тоже мне Макиавелли. Человек, провернувший такое, скупил бы уже десяток «Норсов», а не занимался бы разборками и выкуриванием алкашей из их курятников... («Почему курятников?» — мелькнуло в голове у Юлика вместе со зрительным образом: тающее лицо амиго, тореадора, утратившего талию, из посольства латиноамериканской страны.) Не смейся — эта версия есть полная туфта, как тогда, в детстве, версия любимой мамы о пролетарских детях... Это туфта, потому что вещи лишены логической связи, мир распадается, но нитками из Хо-

таба ты его не сошьешь! Ты должен встретиться с этим алкашом-пенсионером (Дядя Витя? Дядя Митя?), пожилым, представительным, «солидным таким» мужчиной лицом к лицу. Иначе рано или поздно бананы начнут гнить...

Юлик Ашкенази возвращался в свой офис. Несколько минут назад он принял решение. Юлик Ашкенази не был трусом, он лишь удачно эксплуатировал человеческие слабости и поэтому несколько минут назад отдал распоряжение Хотабу найти и доставить к нему «этого дяденьку». Юлик усмехнулся, заметив, как побледнело лицо и обескровились губы Хотаба, — и вот за этого азартного паренька ты собирался сейчас укрыться?!

— Что-то не так? — поинтересовался Юлик.

— Как я его найду? — огрызнулся Хотаб.

Значит, есть чего бояться. «Есть чего бояться, — подумал Юлик. — Но если я собираюсь с ним встретиться, почему же я должен отказывать тебе в этом удовольствии?..»

— Не мне тебя учить, — снова усмехнулся он, — но уж коли настаиваешь... Хотаб, ты сейчас один или с бригадой поедешь в эту вашу удачно приобретенную квартиру и будешь ждать его там. Если твоего дяденьки сейчас и нет дома, то рано или поздно он туда вернется. Логично? Адрес тебе известен.

Хотаб посмотрел на Юлика глазами затравленного волчонка — злится, значит, приходит в себя. Здоровый рефлекс.

— Но он сжег все документы — эта квартира не принадлежит сейчас «Норсу». — Хотаб действительно был перепуган и пытался как угодно отвертеться от этой работы. — Кража со взломом — вот как это будет называться...

Юлик посмотрел на него насмешливо:

— Не поздновато ли ты вспомнил об Уголовном кодексе? Ладно, остались копии...

— А если нет?

— Значит, нет. Я с этим разберусь. А ты найдешь мне дяденьку.

— Дай Бог, чтоб он сам меня не нашел...

— Хотаб, в следующий раз я увижу тебя только вместе с твоим алкашом-поджигателем. И еще: сделаешь все как надо — я забуду про твои рулетки и про твою тягу к шикарной жизни и крупным проигрышам за мой счет. — Хотаб быстро взглянул на Юлика, темная молния блеснула в его глазах, и Юлик решил давить: — Но если ты исчезнешь из этой квартиры раньше, чем туда явится твой дяденька, то, Хотаб, тогда уже тебя найду я. И поверь мне — у нас будет достаточно тем для разговоров.

«Ты, Ашкенази, гребаный мудило и последний гондон, — думал Хотаб. — Ты даже не знаешь, с кем ты решил связаться. Этот дяденька, возможно, гипнотизер типа того пацанчика, который кадрит классную телку — манекенщицу. Надо просто иногда почитывать журналы для новых русских. Как его — Дэвид Копперфильд? Типа того, и телка у него классная. Этот Дэвид Копперфильд как-то на глазах целой толпы заставил исчезнуть Статую Свободы. Только наш дяденька — фокусник покруче. Представляешь, если на глазах толпы он заставит исчезнуть твой собачий «Норс»? Во будет ништяк!..»

Разбитое зеркало в голове Хотаба снова попыталось склеиться: «Ашкенази, ты, конечно, крутой, но мне, наверное, просто повезло. Как в анекдоте — помнишь? «Просто повезло!» Дяденька мне уже помог отвязаться от тебя, и сейчас я с братвой поеду к нему на хату. И сделаю все возможное, чтобы ты, Ашкенази, мудило гребаный, помог мне отвязаться от этого дяденьки».

Это случилось почти перед самым офисом Юлика, когда лимузин проезжал мимо дорогого итальянского ресторана, расположенного в революционном центре Москвы. Того самого, где Юлик провел вчера ночь.

— Бог мой, — проговорил Юлик. — Вот это место...

Весь вчерашний вечер вдруг спрессовался в одно мгновение, чуть не взорвавшее рассудок Юлика Ашкенази. Располневший

тореадор, непонятный разговор о корриде, об убийстве, о курицах... Испания, каталонские цыгане, фламенко, Дядя Витя...

— Бог мой, — прошептал Юлик.

Длинный рыжий австрияк, совсем юная компания, шаль, в которую закуталась эта милая девчушка Валери, танцующая фламенко... Полубезумный дед, который Юлику очень понравился.

Дядя Витя...

— Как, прямо — дядя?!

— Да-да, Дядя Витя...

А визитной карточки у него нет. И вообще у него вроде теперь и жилья никакого нет.

Жилья никакого нет.

— Так, значит, у тебя последняя гастроль? — удивленно спросил Юлик.

— Нет, первая! — ликующе сообщил дед.

Первая...

Вчерашний безумный дед.

Это было похоже на сумасшедший полет над земным шаром. Это было очень весело. Просто великолепно. Безумно весело. А гастроль у него первая. А на корриде надо быть либо тореадором, либо быком. И быстрый внезапный пожар. А бананы могут начать гнить. И это только первая... гастроль.

— Бог мой, — снова прошептал Юлик. — Может, совпадение?! Ведь такое может быть? Просто совпадение?

Опять завибрировал пейджер, словно пропуская через Юлика разряд в несколько сот вольт. Юлик осторожно отодвинул полу пиджака и увидел, как дрожит его собственная рука.

Ему напомнили о себе — никаких простых совпадений не бывает, дорогуша. Юлик услышал свой голос, и, наверное, это было самым неприятным. Так этот голос не звучал очень давно. С тех самых пор, как Юлик перестал быть маленьким пугливым мальчиком, убежавшим от теней, притаившихся по углам его комнаты, в спасительную постельку любимой мамы.

— Кто ты такой?! — простонал-провизжал сейчас этот голос, всплывший из забытого прошлого.

Мать Дениса Люси допила пиво и поставила бутылку в ящик для пустой посуды.

«Четвертая с утра, — подумала Люси, — многовато... Надо взять тайм-аут, а то я так не закончу работу».

Полчаса назад ей уже пришлось прерваться, оставив на время свое грандиозное полотно, очень быстро продвигающееся к завершению. Полчаса назад Люси услышала нечто, вызвавшее сначала изумление, а потом все более наполняющее ее радостью и гордостью за сына.

— Мальчик мой, — проговорила Люси, — так вот что ты приготовил для своей мамочки.

Люси уже давно смирилась с мыслью, что из ее сына не получится музыканта. К еще совсем маленькому Денису преподаватель игры на фортепьяно приходил домой, и Люси в своих мечтах видела себя мамой маленького вундеркинда. Но вундеркинда из него не получилось. В музыкальную школу Денис тоже ходил из-под палки, и после нескольких провалов на экзаменах Люси признала, что довольно мучить мальчика и позорить себя. Не всем дан талант к музыке, и здесь вовсе нет ничего страшного. Что же делать — проживем и без этого. И хоть сейчас Денис иногда садился за пианино, дальше «Чижика-пыжика» дело не шло. Поэтому когда полчаса назад Денис взял чистый и сочный мажорный аккорд, Люси была убеждена, что это случайность, и подумала: «Дурашка, не захотел учиться...

Потом Денис взял минорный аккорд, и у Люси вдруг участилось биение сердца — это был всего лишь аккорд, но после сочной радости до мажор он показался наполненным трагизмом и ощущением приближающейся бури.

«А мальчик-то все-таки немножко занимался, втихомолку от мамочки, — подумала Люси. — Наверное, хотел сделать мне приятное».

Она услышала, как пальцы мальчика побежали по клавиатуре, и старое фортепьяно, давно уже не воспроизводящее ничего, кроме «Чижика-пыжика», ожило. Забытый инструмент, словно благодарный пианисту, решил показать все, на что он способен. А пианист был настоящим виртуозом, быть может, не хуже того великого, о котором грезят все рояли мира и который сочинил эту музыку. Денис играл, и Люси, слышавшая только своего сына и стук собственного сердца, никогда бы не могла предположить, что такое возможно. Денис играл «Революционный этюд» Шопена.

— Боже мой, что происходит с мальчиком? — проговорила Люси, не зная, пугаться ей или плакать от радости. — Значит, он репетировал, пользуясь любой минутой, когда меня не было дома. Мальчик мой, он решил сделать мне подарок!

Люси вошла в комнату Дениса и слушала игру своего сына, боясь прервать его и чувствуя, как слезы наворачиваются на глаза. И очень хорошо, что Люси была кино-, а не меломанкой, хорошо, что она сама никогда не занималась музыкой профессионально и, по правде говоря, мало что в ней смыслила. Иначе бы она поняла, что втихомолку от мамочки так выучиться играть нельзя. Иначе бы Люси очень испугалась. Потому что Денис играл не просто технически сложное произведение, он играл его так вдохновенно и блестяще, что любой из великих пианистов, живущих сейчас в мире, смог бы оценить его мастерство и, конечно, в шутку предположить, а не сам ли Шопен вернулся на землю в образе этого молодого гениального дарования. К счастью для себя, Люси всего этого не знала. Иначе бы она очень испугалась. А сегодняшний день и так приготовил немало вещей, которых несложно испугаться.

Денис прервал сам себя.

— Мальчик мой, что происходит? — Люси смотрела на сына глазами, полными любви. — Ты — мое чудо! Где ты так выучился играть?

— Чуть позже я сыграю тебе Вагнера, мама, — проговорил Денис, и Люси удивил и озадачил его взгляд. Он смотрел как-то

странно насмешливо. — Ладно, сейчас я хочу отдохнуть. Надо навестить Егора; с ним кое-что вчера произошло... Разбуди меня минут через сорок. — И он прилег на свою софу и тут же уснул.

Сейчас уже прошло полчаса, Люси выпила бутылку пива и решила пойти взглянуть на мальчика. Может быть, надо его укрыть?!

Она не могла ничего понять. Она чувствовала какую-то тревогу.

Студент прошел на кухню огромной Алкиной квартиры и посмотрел в окно. Снег над Москвой не прекращался. И уже начало темнеть — впереди самая длинная ночь. И еще три дня, а потом солнце вырвется из своей зимней темницы и двинется к лету. И день будет отбирать у ночи минуты, затем — часы, а потом придет апрель — лучший месяц в природе.

— Алка, ты говоришь — крайний шкафчик?

— Да... — Голос Алки был очень слабым — все никак не отойдет от своих фантазий.

— Вот, есть лампочка в сто ватт, хотя в таком модном доме, как ваш, это можно было бы делать и не за счет жильцов. Ты как считаешь?

— Ты прав...

— Мне, конечно, не лень, но там такая темень... Ты точно не знаешь, куда обращаться в таких случаях?

— Да... Я точно ничего не знаю.

«Черт побери, — подумал Студент, — что бы ей такого сказать? Сидит бледная как полотно. Надо же — так телефонного звонка перепугаться».

— Алка, послушай, не дури — это точно был твой отец. А потом, видимо, кто-то вклинился, такое бывает на линии, и ты прослушала какую-то чепуху, не имеющую к тебе ни малейшего отношения.

— Хорошо, не будут дурить...

— Я серьезно.

— Я тоже.

— Послушай, я согласен, что это странно — Дядя Витя без конца выигрывает деньги, странно его заявление, что вернули квартиру... Выплатили штраф — это вообще какой-то бред... Вполне возможно, что он уже напился с утра и теперь представил себя героическим борцом с отечественной мафией. Сейчас он еще часок посидит в пивнушке и объявит себя главой Фонда содействия обездоленным, куда все московские криминалы делают ежемесячные отчисления...

— Считай, что ты меня развеселил.

— Но чтобы какие-то телефонные голоса... Прямо голоса с того света... Готический роман ужасов и немного электронных технологий.

— Как ты сказал?

— Что я сказал?! — Студент уже сам пожалел о своем сравнении.

Алка перепугана, ее прямо заклинило.

— Ценю твою деликатность... Насчет голосов ты прав.

— Алка, мы сейчасждемся Дядю Витю и спокойно переговорим с ним. И увидишь, что все это ерунда. — Студент уже покинул кухню, прихватив с собой лампочку в сто ватт, и сейчас с улыбкой подошел к своей подруге. — Чтобы перестать бояться призраков, надо встретиться с ними лицом к лицу. И тогда они либо тают, либо оказываются обычными людьми. Скорее всего нашему остается последнее. История Всемирного Спиритоведения помалкивает о пьющих призраках...

— Балда ты. — Алка все же улыбнулась. — Книжки надо внимательней читать... А как же Булгаков?

— Да, действительно, а как же Михаил Афанасьевич? — Студент изобразил на лице что-то вроде искреннего удивления. — Знаю... Скажем так: из всех выпивающих две бутылки водки за ужином Дядя Витя — единственный не призрак... Ну как?

— Иди меняй лампочку, — проговорила Алка с улыбкой. — Специалист по теням великих алкоголиков...

«Ну вот и хорошо — уже смеется, значит, приходит в себя, — подумал Студент. — Пять минут назад, когда я передал ей трубку и почти одновременно раздался этот звонок в дверь, я подумал — она грохнется в обморок».

Пять минут назад, когда раздался звонок в дверь, Студенту стоило немалых усилий успокоить Алку и пойти открывать. Но за дверью никого не оказалось — то ли не дождались, пока он приводил Алку в чувство, а то ли просто балуются соседские мальчишки...

Как все-таки странно иногда можно смотреть на вещи. Совпадения... Какой-то дурацкий разговор вклинился в их телефонную линию, и это совпало со звонком в дверь. Ну конечно, плюс весь этот сюр, связанный с Дядей Витей, ол зет джаз... И да-ма, считающаяся одной из самых стильных и стебовых в институте, превращается в милую мамзель с кружевными платочками, по малейшему поводу падающую в обморок.

У них в коридоре абсолютная темень — перегорели все лампочки. Десять метров темноты до лифта. И Алка, совершенно спокойно ночевавшая в палатке в лесу во время их весеннего байдарочного похода вдвоем, чуть ли не с мольбой в глазах просит заменить лампочку.

— Я никогда не выйду в эту темноту в коридоре... Я тебя очень прошу — замени лампочку. Может быть, ты прав, но сделай это для меня — пусть там будет светло. И тогда я успокоюсь... — Вот такая тирада.

Ну что тут скажешь?! Только то, как по-разному можно смотреть на одни и те же вещи.

— А фонарик у тебя есть?

— По-моему, он не работает... Возьми свечку.

— Конечно, попросить тебя посветить — пустое занятие? — Студент улыбнулся.

— Я бы сказала, что у тебя талант психоаналитика. — Алка улыбнулась в ответ. — Но кофе тебе приготовлю... И для юной феи тоже, вроде бы она просыпается.

— И на том спасибо... А когда придет Дядя Витя, не вздумай ему подсыпать в кофе мышьяку...

Алка прыснула и посмотрела на Студента с благодарностью.

— Давай быстрее, я тебя жду... И в общем... Я уже в норме.

— Тогда я возвращаю лампочку на место?

— Да. — Алка опять улыбнулась, указывая пальцем на входную дверь. — Только ее место в коридоре.

Фонарик вроде бы работал. По крайней мере после того, как его пару раз тряхнули. Студент спрятал лампочку в широкий внутренний карман джинсовой куртки и на всякий случай прихватил свечку.

— Держи. — Алка протягивала ему свою желтую зажигалку с синей надписью «Крикет». — А мою «Зиппу» посеял?

— Нет, спрятал в тайнике...

На день рождения Алка подарила ему чудный набор — зажигалка «Zipro» и аккуратная самопишущая ручка. Студенту так нравилось пользоваться этой зажигалкой, небрежно открывая и зажигая ее одним щелчком — движением пальцев, что ему показалось, будто он начал больше курить. И хоть ему было плевать на американскую моду некурения, он решил провести эксперимент: неделю пользоваться «Zipro», а потом неделю чем-нибудь другим и сравнить результаты. Эксперимент заведомо оказался неудачным — несколько раз его рука тянулась за «Zipro», но он вспоминал об эксперименте и не курил. И черт его знает, по какой статье пропускать эти попытки — как выкуренные сигареты или как просто желание покрутить в руках свою такую приятную зажигалку.

— Сейчас переживаю «беззипповый» период... — Он улыбнулся, взял работающий фонарик и двинулся к входной двери.

Здесь, за дверью, было темно и как-то холодно (странно: Алка жаловалась, что у них система отопления сошла с ума и во всем доме — безумное пекло), и Студент почувствовал что-то смутно неприятное в этой темноте.

— Ой, эта Алка с ее фантазиями! — Студент решил сам себя подбодрить, мрак вокруг действительно был каким-то очень густым.

Потом слабый бегающий луч фонарика вдруг погас.

— Вот черт! — Студент потряхнул фонарик, потом несколько раз несильно ударил по корпусу — действительно не работает. Он сделал несколько шагов по коридору и чуть не врезался в стенку — глаза после светлой квартиры еще не привыкли к темноте.

— Так не пойдет, надо зажечь свечку.

Он положил фонарик на пол, чтобы высвободить руки, и вытащил из кармана свечу. Потом воспользовался «Крикетом» и понял, что собирался поджечь Алкину новогоднюю свечку не с того конца. Он перевернул ее, нашел фитиль и запалил его. Сразу начал распространяться запах тающего парафина.

— Плачущий воск, — проговорил Студент, протягивая руки перед собой. И в следующее мгновение он чуть не вскрикнул, потому что слабый огонек осветил лицо стоящего в темноте Дяди Вити.

— Ой! — Дрожь прошла по телу Студента, вырываясь у него изо рта этим спасительным звуком. Мгновенная вспышка — воспоминание: они, еще совсем дети, подсвечивают себе подбородки фонариками или спичками, превращаясь в жутких монстров. Это вырванное сейчас из темноты неверным светом лицо выглядело не менее зловещим. — Фу, перепугал. — Студента вдруг посетило непонятное чувство, что ему необходимо придать как можно больше доверительной дружелюбности своему голосу. — Ты чего, Дядь Вить, стоишь в темноте?

По руке Студента, с силой сжимающей свечу, прошел электрический импульс (что за чушь, неужели он боится?!), огонек дрожал прямо перед губами Дяди Вити. В этом обманчивом освещении совершенно невозможно было определить выражение его лица. А очень бы не мешало, потому что Дядя Витя сложил губы и сделал резкий выдох. Свеча погасла. А зачем? Зачем он задул свечу?

— Ты чего, Дядь Вить? — Студент сглотнул, чувствуя, как мир расплывается вокруг, а из темноты к нему тянутся липкие паучьи лапы невероятного страха. — И так не видно ничего... — закончил он шепотом, делая шаг назад.

— Не надо бояться темноты, — услышал Студент странный чужой голос. А потом его сердце чуть не выпрыгнуло из груди, и, чувствуя, как множество маленьких волосков зашевелилось на спине, поднимая ватные волны, он увидел, что у Дяди Вити золотистые глаза. Он даже не понял, как такое может быть (глаза светятся в темноте у кошек... или хищных ночных птиц... или у какого-нибудь зверя... Большая Детская Энциклопедия... или другая книжка, а?). В этой бесконечной, почти осязаемой, живой темноте горели два глаза.

А потом они начали приближаться.

36. Дора на пороге Белой Комнаты

— **Д**ора, Дора, Дора, — снова пронеслось в воздухе, и девочка с силой сжала спрятанную в кармане корону. Увиденную во сне и вырезанную из мяча великую корону...

— Мне очень не нравится мое имя, — сказала девочка.

— Это самый сладкий звук на свете, — ответили ей.

— Кто ты, покажись.

— А ты убери руки от короны, ты же не Королева...

— Конечно, Королева спит. А если я уберу руки, ты снова будешь меня пугать. Ты хитришь...

— И ты хитришь. Ты же не Королева.

— Ладно, не буду с тобой препираться... Я прохожу в Белую Комнату и закрываю за собой Дверь. Я же могу тебя заставить, ты это знаешь. Не хочешь по-хорошему...

— Я не могу по-хорошему, я же замок от Двери... Или нет, я — ключ... Мои обязанности держать Дверь закрытой.

— То-то ты уже удержал Дверь закрытой...

— Моей вины в этом нет, я лишь ключ, но не рука, открывающая Дверь. Ищи руку.

— Я могу быть рукой?

— С тобой корона, ты сама все знаешь, Дора... Как и то, что имя у тебя — чудесное...

Дора какое-то время смотрела на Белую Дверь. Казалось, что все вокруг затаилось. На время. Пока. Потому что боится того, что есть у Доры. Но это тоже — пока.

«Они боятся силы уснувшей Королевы, — думала девочка, сжимая в руке резиновый обруч, — но так будет продолжаться еще совсем недолго...»

Далекая Яблоня-Мама предупредила Дору: пока с ней корона, в Белой Комнате ей ничто не угрожает. Но пока с ней корона, Белая Комната будет молчать и не откроет свои тайны. Ее беспрепятственно пропустят, но она ничего не узнает. Корону придется когда-нибудь оставить. И это очень опасно. Ты можешь забыть, откуда пришла, ты можешь не захотеть выходить из Белой Комнаты. Ты можешь забыть, что существует другая Реальность, а не только та, в которой ты оказалась. Запомни — если станет страшно, надо либо снять шлем, либо коснуться короны. Корона позволит тебе вспомнить, что миры, которые ты наблюдаешь, не более чем иллюзия, и Белая Комната тебя отпустит.

Яблоня-Мама предупредила.

Дора взялась свободной рукой за корону, и все вокруг успокоилось. На другой руке была надета электронная перчатка, и сейчас Дора коснулась ею Белой Двери. И тут же отдернула руку. Дверь наполнена чем-то жидким, чем-то жидким и живым... И ей еще не пришло время встретиться с этим живым. Ей надо возвращаться.

— Скажи, — произнесла Дора, — ты мне враг или друг?

— Никто тебе не враг, но и не друг. Ищи руку.

— Я не знаю, кто ты... Голос. Но ты какой-то... глупый Голос.

— За Дверью будет по-другому. Но ты же не хочешь туда проходить.

— Сейчас нет, — сказала Дора. Руки потянулись к голове, и она сняла шлем. Дора сделала все, как ей говорила Яблоня-Мама. Ну, в смысле почти все. Теперь ей осталось только заменить компакт-диски и быстренько уйти отсюда прочь. — Это не воровство, — успокоила себя девочка, — это обмен. И то всего лишь на время.

Дора так и поступила.

Робкопу она сдала Си-Ди с «Волшебной флейтой» Моцарта. «Пусть пока повышает свой интеллект», — решила Дора и чуть не рассмеялась.

Она быстро возвращалась домой. Компакт-диск с чудесной, захватывающей игрой «Белая Комната» лежал в упаковке от «Волшебной флейты», и все это покоилось в кармане Дориной куртки. Робкоп ничего не заметил.

«Ну вот и все, а ты думала, что это будет страшно, — успокаивала себя Дора. — А ты боялась... Эта программа теперь у меня, значит, надо подниматься к Профессору Киму. Вон он дом — совсем рядом. Думаю, что за эти сто метров со мной ничего не случится».

Девочка еще раз проверила карманы — Си-Ди с программой «Белой Комнаты» и вырезанная из резинового мяча корона — все на месте. «Сто метров плюс еще десять в подъезде до лифта... А может, лучше подняться пешком: вдруг лифт застрянет?»

Она пробыла в павильоне суперкомпьютерных игр совсем недолго. Сыграла в три игры (кстати — классно!), а потом попросила то, что ей было нужно. Ну конечно, а как же по-другому? Не могла же она впервые заявиться в этот павильон и сказать:

— Послушайте, дайте мне Си-Ди с «Белой Комнатой», и я его сопру.

Она находилась в зале суперкомпьютерных игр недолго, но за это время успело стемнеть.

«Совсем уже темно... Даже если я поднимусь пешком, на весь путь уйдет не больше двух минут. Вряд ли с человеком может что-либо случиться за две минуты», — думала Дора, слушая, как ее высокие шнурованные ботинки хрустят по свежевыпавшему снегу.

Наверное, действительно за две минуты с человеком ничего не может случиться. Даже если этот человек всего лишь девяти-летняя девочка.

37. Круг продолжает сжиматься

Нина Максимовна смотрела на Егора: естественное желание, у мальчика — естественное желание, но что-то в этом желании Нине Максимовне очень не понравилось. Мальчики в таком возрасте обычно довольно застенчивы и скорее будут терпеть, нежели спросят про туалет. По крайней мере так было раньше, а кто ее знает, нынешнюю молодежь. Но ведь запросто мог сослаться на что-нибудь другое... Сумасшедший-то он сумасшедший, но вовсе не глупый. Парень-то хитер — в туалет... Ну хорошо, дружок, сейчас мы тебя проверим.

— Туалет этажом выше, малыш, пойдем, я тебя провожу. Куртку и рюкзак можешь оставить здесь. Видишь ли, студенты — народ такой, там все вешалки и крючки поломаны.

«Откуда ты знаешь, тетя, — подумал Егор, — какие там вешалки? Ты что, пользуешься мужским туалетом? Ты за них, тетя, в самом деле за них... Но только я теперь все про это знаю. — Егор усмехнулся. — Мне не оставили другого выхода, и пришлось

все узнать. Вы, милая женщина, очень быстро соображаете. Посмотрим, кто из нас быстрее...

— Спасибо вам большое, — улыбнулся Егор. — Куда можно положить вещи?

— Вон стеной шкаф. — Нина Максимовна в ответ тоже улыбнулась. — Рита, дайте-ка молодому человеку плечики... Пуховые куртки, юноша, лучше вешать на плечики. Тогда они дольше носят. «Нет, действительно ему нужно в туалет, а я уж подумала — собирается улизнуть».

Нина Максимовна вышла в коридор и не оборачиваясь пошла к лестнице. Егор следовал за ней.

— Сейчас зачетная сессия, — проговорила Нина Максимовна. — Все приличные мальчики и девочки уже с утра все сдали, а эти оболтусы, что здесь ошиваются, добивают «хвосты»... Ты еще не определился, кем бы тебе хотелось стать? Имеется в виду — после школы?

— Я собираюсь поступать в ваш институт, — без заминки отчеканил Егор и подумал: «Интересно, каких мальчиков и девочек вы считаете приличными?»

— Ну конечно, — произнесла с усмешкой Нина Максимовна, — я так и знала... И наверное, мечтаешь попасть на отделение к Профессору Киму?

— Да, точно, именно к нему, — с энтузиазмом, пожалуй что со слишком большим энтузиазмом, произнес Егор. Но Нина Максимовна ни о чем не догадалась. Она уже все свои выводы сделала, и разубедить ее теперь было невозможно — мальчик сумасшедший.

— Я мечтаю поскорее подрасти, — продолжал врать Егор, — чтобы быстрее поступить к вам. А вообще-то я круглый отличник, имею грамоты за различные олимпиады... Как считаете, нельзя мне попытаться поступить к вам пораньше?

— Попытаться всегда можно, — ответила Нина Максимовна. Очень здорово. Шарахающийся от компьютера мальчик с сумасшедшими глазами, да еще в придачу сбежавший из дома, счита-

ет себя отличником. Просто великолепно. — Ты об этом и хотел поговорить с Профессором Кимом?

— Да, точно, именно об этом самом, — согласился Егор и хотел добавить: «О чем мне еще с ним говорить? Я мечтаю учиться у человека, которого знать не знаю, всего раз в жизни видел его фотографию и лишь час назад впервые прочитал его интервью. Я вообще очень странный мальчик. Егор Тропинин зовут».

Но они только поднимались по лестнице, и Егор решил, что для подобных заявлений еще не пришло время.

Туалет оказался в дальнем крыле третьего этажа, и лишь сейчас Егор вспомнил, что видел такие же обозначения — смешных человечков, подразумевающих, видимо, «М» и «Ж», внизу, у входа. Да, эта милая женщина очень не хотела, чтобы он убежал. По непонятной причине она приняла участие в охоте и сейчас просто тянет время. Почему?

— Ой, вспомнил, — сказал Егор, когда они уже почти дошли до смешных человечков. — Я забыл кое-что в рюкзаке.

Нина Максимовна резко обернулась и посмотрела на мальчика.

— Мы что, так и будем ходить взад-вперед? — начала она, но Егор уже бежал по коридору к лестнице. Бежал от нее прочь. — Ах ты, стервец маленький... — выдавила из себя Нина Максимовна. — Ты все это с самого начала выдумал?! — Но в следующее мгновение поняла, что бежать она не может. И дело даже не в каблуках. Она — степенная дама, и ей непозволительно носиться по институту. Зато она сможет быстро идти. Очень быстро.

Егор остановился только перед самой дверью кафедры и изобразил на лице милую улыбку — он не знал, чего ждать от этих странных женщин, а устраивать потасовку с толстушкой Ритой ему вовсе не улыбалось. Тогда точно могут забрать в милицию.

Нина Максимовна уже добралась до начала лестницы на третьем этаже, когда Егор не спеша вошел в помещение кафедры и взял свои вещи. Толстушка Рита не обратила на него никакого внимания. У двери он обернулся и, посмотрев на пустое рабочее место секретарши Ирочки, негромко произнес:

— Спасибо... — вовсе не предполагая, что сегодня ему еще придется благодарить эту девушку, предпочитающую шоколад «Кэдбери» и сигареты «Житан».

— Не за что, — ответила толстуха Рита, не поднимая головы.

Егор снова бросился бежать, и когда он достиг лестницы, казалось, Нина Максимовна с верхнего пролета могла бы дотянуться до него рукой. Егор кинулся вниз, к выходу.

— Держите его! — закричала вдруг Нина Максимовна. — Остановите этого мальчика! Слышишь — стой!

В институте было несколько десятков кафедр, и, несмотря на это, Нину Максимовну знали многие. Но еще никто и ни разу не слышал, чтобы она кричала. Или хотя бы сильно повышала тон.

— Охранник, внизу, остановите его! — Властный голос, чуть было не сорвавшийся на визг. — Стой!

Охранник с удивлением смотрел на приближающегося к нему ребенка и не очень понимал, как и зачем он будет его останавливать.

Но Егор, пробежав до нижней ступеньки, остановился сам. Он увидел подъехавший к институту такой знакомый желтый «уазик» с надписью «Милиция» и идущего ко входу полноватого субъекта в милицейской форме.

«Почему большинство городских милиционеров — такие толстозадые неряхи?!» — вдруг подумал Егор. Он обернулся: по лестнице спешно спускалась, странно повернувшись боком и выставив вперед правую ногу, Нина Максимовна. Она указывала на мальчика и что-то продолжала кричать. Но все звуки уже куда-то отступили, и леденящее дыхание погони парализовало решимость Егора. Хищное и не принадлежащее человеку дыхание. И может, ему лишь показалось, что он увидел выглядывающее из-за плеча Нины Максимовны лицо. Улыбающееся, страшное лицо Робкопа.

Звонок работал, просто дверь не открывали. Обычно такое бывает в двух случаях: либо когда дома никого нет, либо вам по какой-то причине не хотят открывать. Вам не рады. Хотаб очень

надеялся, что дома никого нет, — легкость, с которой подалась входная дверь, настораживала. Заманивает? Западня? Скрип двери — унылый, стонущий скрежет — тоже очень не понравился. Хотаб вошел в коридор, пахнувший умиранием под звуки алкогольного вальса, и тяжело выдохнул. Ему вдруг очень захотелось пыхнуть, курнуть травки, где-нибудь подальше от этого места.

— Дядя Витя... Есть кто дома? — Голос Хотаба звучал вкрадчиво и непривычно высоко. — Мы тут с братвой пришли перетереть... Дядя Витя?..

Хотаб помолчал, потом сделал шаг — половица заунывно пропела, Хотаб передернул плечами:

— Ну мы проходим? Ну проходим...

Бесконечный темный коридор, ободранные обои, какие-то валяющиеся в беспорядке предметы, назначения которых Хотаб не мог понять; ну, в общем, ясно, почему эти маклеры (несчастные...) так купились. Квартира — блеск, общей площади, наверное, под сто метров, и после ремонта (европейского) получилась бы картинка. Место тоже хорошее. Плюс выглядит как абсолютно засранная хата, натуральный клоповник, все соответствует. Вот только если б еще и дяденька соответствовал...

«Почему «выглядит как»? — вдруг подумал Хотаб. — Она такая и есть. — И сразу почувствовал пресыщенную усталость чуть ниже желудка. Он всегда испытывал это ощущение, когда сам себя обманивал. — Она не такая и есть, а только так выглядит... За все попытки самообмана Хотабу пришлось в этой жизни немало заплатить, и теперь, даже если обстоятельства навязывали спасительный самообман, он старался его не принимать и сильно нервничал. У Хотаба скоро должна была открыться язва двенадцатиперстной кишки, но он об этом ничего не знал.

Ох, этот дяденька с его квартирой... Впервые в жизни Хотаб подумал, что, возможно, вещи вовсе не таковы, как они выглядят.

Рухлядь-мебель, сорванная оконная занавеска, брошенная на полуразвалившийся диван. Пожелтевший пластмассовый таз на полу, кругом следы осыпавшейся побелки. Хотаб поднял голову — засохшие разводы, видимо, из этого таза кто-то плеснул на потолок водой... Дяденька забавно проводит время в перерывах между сжиганием чужих офисов. На кухне около четырехконфорочной газовой плиты на полу алюминиевая миска с помутневшей водой и тарелка с остатками засохшей каши. Собака? Тарелка явно стянута из столовой во времена существования Больших Советских Столовых. Такую посуду Хотаб видел только там и в армии. И то и другое было уже достаточно давно. И вон в углу довольно аккуратная толстая подстилка из старых вещей — собачье место, причем в прямом смысле. Дяденька любит свою собаку, и можно только догадываться, что это за песик. Вполне возможно, что дяденька сейчас его прогуливает и тогда вернется очень даже скоро. Хотаб поежился: ну что ж, это будет хорошо, если дяденька и его собака Баскервилей вернутся до наступления темноты. Что-то подсказывало Хотабу, что для него это было бы хорошо, а позже лучше обходить этого дяденьку, избравшего для себя столь экстравагантную среду обитания, примерно за километр.

Вопросы были, очень много вопросов. И Хотаб знал, что все они неразрешимы. И он вовсе не собирался ничего разгадывать. Хотаб оказался в тисках: с одной стороны Юлик, где все будет понятно, с другой — этот дяденька, где не понятно ничего... Молот и наковальня. И его задача — выбраться из этих тисков, а еще лучше — столкнуть молот с наковальней.

Хотаб вернулся в комнату. Он взял с собой двоих — пацанчики, бывшие борцы, сейчас располнели от каждодневных кабаков и нервной работы, а Хотаб держит себя в форме... Только бы с этим дерьмом разобраться.

А вот и фотография дяденьки. Тоже сделана во времена Больших Советских Фотомастерских. Лицо важностью момента стянуто в камень, глаза не выражают ровным счетом ничего, и если

б дяденька попытался улыбнуться, то, возможно, от всего от этого не исходила бы такая казенно-беспробудная тоска. Хотаб помнил такие фотографии в доме своих родителей. Глаза не выражают ничего... Ах ты, дяденька, ведь Хотаб знает кое-что про твои глаза. Рядом с дяденькой — улыбающееся добродушное лицо жены. Дядя Витя... Что же тут творится?

Стоп! Это не важно. Хотаб сразу же отгородил себя от этой мысли. Не в чем разбираться, потому что главное — вырваться из тисков. И правильно Хотаб сделал, что взял с собой двоих. Если дяденьку и его песика (Куджо? Так называлось кино?) в принципе возможно остановить, то лучше их этого никто не сделает. А если нет, то тут и рота солдат не поможет. Хотаб скорее склонялся к версии о роте солдат, и если дяденька войдет через дверь (вряд ли он сможет влететь в окно восьмого этажа «сталинского» дома... Или сможет?!), то надо поискать пути отступления. Пути отступления следует готовить заранее.

Зазвонил телефон. Хотаб вытащил из кармана трубку. Это была Блонди. Юлик хочет знать номер телефона Дяди Вити. Юлик будет тебе по нему звонить. Ну конечно, зачем же звонить Хотабу по его личному телефону, когда можно воспользоваться телефоном Дяди Вити? Юлик все держит под контролем: он — большая голова, как это называется — многоголовая гидра, он все помнит и хочет знать, не свалю ли я отсюда раньше времени. Эх вы, дурашки... Куда же я теперь свалю? Вот только когда явится дяденька и братки решат скрутить его в бараний рог, а он скорее всего с ними кое-что сделает, несмотря на «браунинг» бельгийского производства и обычный ментовский «макаров», только тогда я свалю... И именно тогда ты, Юлик Ашкенази, поймешь, в какое дерьмо ты залез. И многие приличные люди, которым оказывают знаки внимания отличные пацанчики, очень сильно тебя не поймут, Ашкенази. Пятерых, уже пятерых, и за что? За сраную хату? Ты — гребаный мудило, Ашкенази... Но ты же хорошо знаешь Хотаба. Он отлично улаживает любые конфликты. Никаких шумных разборок, все тихо-

мирно. Так что не беспокойся, Блонди (дура ты белобрысая), я никуда пока отсюда не свалю. А если все хорошо обернется, малышка с ногами от ушей, то я обязательно тебя трахну. Вот будет здорово! Во ништяк! Представляешь — оттрахать во все дыры секретаршу своего шефа, которую он сам не трогает. Не представляешь? Так вот я тебе это обещаю!

— Я все понял, Блонди, — сдержанно произнес Хотаб. — Сейчас я посмотрю номер... Вот здесь что-то начирикано, записывай... А, позвонить на определитель? Хорошо.

«Да, Юлик, — усмехнулся Хотаб, — сильно у тебя на эту тему крыша потекла».

Но Хотаб перезвонил, и когда Блонди сняла трубку, он беспечно поинтересовался:

— Девушка с самыми длинными ногами в мире?

Блонди промолчала.

— Я хотел извиниться, — продолжил Хотаб. — Так получилось из-за этого пожара... И в знак примирения приглашаю тебя поужинать в «Санта-Фе», я слышал, ты любишь то ли мексиканцев, то ли мексиканскую кухню.

Блонди усмехнулась:

— Мне Юлик велел звонить тебе через каждые двадцать минут.

— Я могу вообще не класть трубку, — галантно предложил Хотаб. — А если ты скучаешь — приезжай...

Потом он решил посмотреть, как можно отсюда свалить. Как там у нас обстоят дела с балконом? Бывший спортсмен Хотаб, совершенно не боящийся высоты, желает знать, как там у нас обстоят дела с балконом. Он, конечно, не каскадер, да жизнь заставит.

Но Хотаб увидел нечто гораздо более привлекательное, чем балконы. Прямо по стене дома, рядом с окном кухни, проходила металлическая пожарная лестница. И если, скажем, встать на подоконник, то до нее запросто можно дотянуться. Дяденька, и правда почитающий себя за пенсионера, заклеил окна на зиму газетой на клейстере, и это может сулить неприятности: окно

придется открывать быстро. Хотаб посмотрел на прибывших с ним Лапотка и Игоря Шумило. Добродушные крепкие толстяки, особенно Лапоток, лицо, как у черепахи. Они с интересом разглядывали квартиру, из-за которой поднялся весь сыр-бор... Эти ребята были удивлены — еще бы, они же не видели дяденьку. У каждого в кармане имелось по волыне. А в голове — по убеждению, что для взаимоотношений с миром они снаряжены неплохо.

— И на сколько он вас наказал? — поинтересовался Игорь Шумило.

— Что?! — Хотаб все еще смотрел на лестницу: хорошо, что оттепель, лестница совершенно не обледенела.

— На сколько денег-то попали?

— Ты, Шумный, любопытный, — усмехнулся Хотаб. — Прилично, участки должны были ехать покупать.

— А конкретней?

— У нас с тобой столько нет.

— У кого как! — рассмеялся Шумило и хлопнул улыбающегося Лапотка по руке.

— Ты нас, Хотаб, со своим дедом с тоски сгноишь, — произнес Лапоток. — Может, он завтра придет. Сгонять, что ли, за водкой?

— Я вам сам принесу, — совершенно серьезно сказал Хотаб.

— Что значит «вам»?! И сам выпьешь... Трошки...

— Выпью, — согласился Хотаб, потом усмехнулся: — Тебе же, Лапоток, виднее.

— Только, это, возьми «Абсолют-Курант», сока томатного, чего-нибудь зажевать...

— Разберусь, — прервал его Хотаб.

Хотаб со всем разберется сам. И прежде всего с одним дельцем.

Хотаб прошел на кухню и достал свой складной швейцарский нож. Потом оглянулся: два здоровяка толстяка уселись за развальною стол Дяди Вити и решили перекинуться в карты. Ох играли! Не умеешь — не берись за фишки. Ладно, пусть забавляются, не

стоит привлекать их внимание. Хотаб раскрыл лезвие и прорезал все газеты, наклеенные на оконные рамы. Порядок — теперь окно открывалось свободно. Хотаб не стал заводить шпингалет обратно — лучше, чтоб окна в подобных квартирах оставались всегда открытыми.

Потом он взял с тумбочки фотографию Дяди Вити и почему-то оттер ее тыльной стороной ладони — пусть дяденька знает, что Хотаб против него ничего не имеет. Мысль полубезумная, да вот такой с утра у нас денек.

— Смотрите — этот дяденька... Вот он, — произнес Хотаб. — И не забудьте: если начнется что-то странное — стреляйте... Только не завалите деда — Юлик с ним перетереть должен.

— У тебя, Хотаб, точно башня течет, — проговорил Лапоток, не отрываясь от карт. — Ты что, не мог с этим делом сам разобраться? И зачем повторять одно и то же?

— Шариков, — поддержал его Шумило Шумный, взглянув на фотографию, и два толстяка добродушно засмеялись. — Первая контора, которую кидает Шариков... Ну вы с Ашкенази даете...

«Это Ашкенази дает», — подумал Хотаб.

— Ладно, Шумный... — серьезно возразил Лапоток. — Ашкенази-то тут при чем? Юлик — птица совсем другого полета. Братва его уважает. Я лично его очень даже уважаю — человек с понятиями... А вот Хотаб куда смотрит?

— Ты чего, братан, наехать, что ли, решил? — тут же отрезал Хотаб, и в его темных глазах появился волчий блеск.

Лапоток хорошо знал этот блеск. И он уже добродушно улыбался:

— Человек шуток не понимает... — Лапоток подмигнул Шумило: Шумный для него был больше, чем брат. Наверное, единственный человек на свете, на которого он мог полностью положиться. Но и Лапоток отвечал ему трогательной заботой. И когда Шумного угораздило в больницу, Лапоток привез на 8 Марта его супруге огромную корзину красных роз. — Ты, Хотабчик, горячий... Джигит, вах...

И они с Шумило рассмеялись.

— Ладно, базара нету, — примиряюще произнес Шумный, — здесь все друг друга уважают.

Хотаб вдруг посмотрел на них насмешливо и громко рыгнул.

— А я тоже пошутил, — произнес он. — А вы вспылили... Хорошо, пойду принесу вам водки.

Поправлять его не стали.

Хотаб задержался у окна.

«Ты хотел знать, куда Хотаб смотрит? — подумал он. — Хотаб смотрит на пожарную лестницу, куда тебе не смотреть... Вот такие дела иногда бывают, братишка...

От окна большой комнаты пожарная лестница проходила достаточно далеко. Ну точно, не дотянуться, даже допрыгнуть не получится. Сорвешься. Значит, когда это случится, Хотаб должен будет находиться на кухне. И в общем-то планировка этой квартиры предполагала такую комбинацию. Путь к отступлению был открыт. Лестница проходила почти вплотную к наружному кухонному подоконнику, достаточно широкому, чтобы на него встать.

Хотаб посмотрел вниз — на уровне второго этажа лестница обрывалась. Ну и что? Всего-то метра три. Запросто можно спрыгнуть. И все же...

Хотаб еще раз посмотрел на пожарную лестницу. Что-то от нее исходило... Хотаб перестал улыбаться. И какое-то тревожное предчувствие пока лишь совсем легонько постучалось в его сердце.

Люси услышала, как хлопнула дверь, и позвала:

— Денис?

Ответа не было. Люси протерла кисти тряпочкой, смоченной в растворителе, и подумала: «Что это он ушел, не сказав?»

Она отошла от своего грандиозного полотна на пару метров и прищурила один глаз — работа была почти закончена. «Ай да я! — подумала Люси. — Ай да Пушкин, ай да сукин сын!..

Она стала думать о Денисе, о том потрясении, которое она только что испытала, когда он вдруг заиграл Шопена.

— Все-таки он удивительный мальчик, — проговорила Люси. — Конечно, для любой матери ее сын — единственный в мире, но все-таки... Надо же — тайно выучился играть, чтобы порадовать свою мамочку.

Люси посмотрела на красный пластмассовый будильник с двумя металлическими шапками звонков на макушке и подумала, что скоро в гости зайвится Нона. И они опять будут коротать свой очередной одинокий вечер, погруженный в сигаретный дым и в пену бесконечного пива, будут вспоминать молодость и своих несостоявшихся женихов и любовников, застрявших где-то на изломе Времени, на той стороне листа, где еще не было морщин и жизнь была нарисована цветными красками только что начавшегося праздника.

— В первый раз мальчик ушел, не попрощавшись со своей мамочкой, — грустно проговорила Люси. И задумалась о том времени, когда он вырастет. И о той женщине, которой когда-нибудь Люси будет вынуждена уступить своего сына. И папа, Джеймс Бонд, тогда превратится в навязчивый бред одинокой слабоумной старушки. — А вот и нет, — усмехнулась Люси. Та, которой Люси когда-нибудь уступит своего сына, наверняка будет прекрасной женщиной. и у них будет дружная и веселая семья. — Что я, зря, что ли, его растила? Таким... Каким?! А вот таким! Добрым, отзывчивым мальчиком. — И поэтому Люси будет еще долго писать свои картины, пить свое пиво и еще растить внуков. Добрыми и отзывчивыми. — В общем, мы еще побарахтаемся! — весело заключила Люси.

«Мальчик хотел сделать приятное мамочке, — думала Люси. — А мамочка сделает приятное сыну. Он у меня обожает пудинги».

Денис действительно очень любил пудинги, и Люси купила несколько пакетов быстро приготавливаемых пудингов к предстоящим праздникам. Сейчас она решила, что праздник вовсе не свойство календаря. По крайней мере не стоит отдавать ка-

лендарям этой монополии. Праздник, пусть небольшой, можно сотворить собственными руками.

— Я приготовлю ему пару пудингов, — решила Люси. — Шоколадный и ананасовый. Это его любимые.

Она отправилась на кухню, где под потолком скрипела люстра — штурвал пиратского корабля, открыла холодильник и извлекла пакет молока долгого хранения. Это молоко было дороже, зато вкуснее обычного пастеризованного и даже при комнатной температуре хранилось по полгода.

«Большая затарка», как Люси называла их еженедельные с Денисом походы в соседний супермаркет (не так давно, когда молоко стоило 16 и 25 копеек, а не три с половиной тысячи рублей, подобные магазины именовались универсами), состоялась лишь вчера, и в общем-то к предстоящим праздникам Люси была подготовлена неплохо.

«Представляю, что будет с Ноной, когда Денис сядет за фортепиано!» — подумала Люси с гордостью и рассмеялась.

При помощи ножниц она вскрыла упаковку молока и по отмеченной линии разрежала пакетики с пудингом. Все это перемешивается в миксере и подогревается — эпоха быстрого питания... Люси наклонила пакет молока и с удивлением обнаружила, что по стенке прозрачного пластмассового стакана миксера стекает лишь тонкая струйка сыворотки... Молоко скисло? Молоко долгого хранения, лонг-лайф, со сроком годности до следующего лета?! Странно...

— Говнюки, — вскинулась Люси, — продают черт-те что...

Она вскрыла еще один пакет молока, потом — еще...

— Нет, но это просто безобразие, торгуют испорченными продуктами! — Люси была не на шутку рассержена. — Три с половиной тыщи! Говнюки!.. Ну, я им сейчас устрою... Лонг-лайф.

Люси сейчас пойдет в супермаркет (ну куда там, конечно — супермаркет!) и покажет им, где раки зимуют. Потому что все молоко в доме скисло.

Уже у самого подъезда Дора поняла, что даже за две минуты с человеком может кое-что случиться. Особенно если этот человек всего лишь девятилетняя девочка.

Степан... соседский бассет Степан. Милый Степашка, всегда встречающий Дору не просто повиливанием хвоста, а амплитудным движением всей задней части тела и норовящий лизнуть ее в нос. Дядя Женья, прогуливающий Степана, не может понять, в чем дело. А Дора знает. Дора хорошо знает, почему Степан упирается лапами из последних сил и не хочет идти в темноту подъезда... Степан страшно испуган, а дядя Женья раздражен и ничего не может понять.

«Но они еще не знают нашего запаха, — успокоила себя Дора, — они что-то чувствуют и ходят кругами, но нашего запаха еще не знают...

Это было слабым утешением. Дора вспомнила, что акулы перед нападением тоже движутся кругами, только круг все больше сжимается. Откуда она это знает? Передача «В мире животных»? Какая разница, Дора, если круг сжимается?.. Поэтому надо пройти в подъезд с дядей Женьей вместе...

— Степан, Степашка!.. — позвала девочка, и пес, увидев ее, завилял хвостом. Для более сильного излияния чувств пес был сейчас слишком напуган.

«Они не знают нашего запаха», — еще раз попробовала успокоить себя Дора, глядя Степана за ухом.

— Чего-то парень мой дурит, — пожаловался хозяин Степана, тот самый, что принял вчера Профессора Кима за пьяного в дым дворника, — не хочет домой.

— Может, не нагулялся? — из вежливости спросила Дора.

— Час гуляем... Потом, у него сейчас кормежка. Любимое время суток, чтоб оказаться на кухне.

Дора гладила Степана, и пес начал успокаиваться.

«Ничего, Степашка, — думала Дора, — мы сейчас все пойдем домой... Видишь, как хорошо — пока у нас есть плюс: мы знаем их запах, а они наш нет...

Профессор Ким снял трубку. Звонила Дора.

— Я жду тебя, — проговорил Профессор. — Артур и Олег уже скоро будут, а нам еще все надо приготовить...

— Знаете, что я подумала, Профессор? — сказала Дора. — Все-таки ваше зеркало не подойдет, маловато... А вдруг оно окажется маленьким? У нас в холле огромное зеркало. Пока у меня никого нет, давайте-ка спускайтесь, мы его заберем.

— Дора, я уже обо всем позаботился, вся внутренняя часть входных дверей — зеркальная. И напротив, на стене, зеркало не меньше, чем у вас в холле.

— Точно?

— Дора...

— А про молоко не забыли?

— Не забыл.

— И оно точно свежее?

— Дора, все в порядке...

— Вы не думайте, что я боюсь или там нервничаю, просто... У нас в подъезде уже есть кто-то.

— Ты уверена?

— Да, наверное, почти уверена...

— Я сейчас за тобой спущусь.

— Да нет, не стоит... они чувствуют, что мы где-то рядом, и ходят кругами... Но ведь в этот раз первыми начнем мы, ведь правда?

— Да, правда.

— Поэтому пока они нас не видят, — заключила Дора и задумчиво спросила: — А скажите, акулы действительно перед нападением ходят кругами?

Профессор Ким какое-то время молчал, потом он сказал:

— Дора, наверное, правильно было бы тебе остаться дома...

И потом, вовсе не обязательно, что это произойдет именно сегодня.

— Да, конечно, дома я могла бы слопать пару «баскинов» и послушать Моцарта. — В голосе девочки чувствовалась плохо скрываемая обида. — Только, Профессор, это ведь я к вам пришла со своей короной, ведь верно?

— Да, Дора, правильно.

— И вы же знаете, что я вам необходима.

— ?

— Не волнуйтесь за меня... Это я про акул просто так спросила.

— Дора, есть программа, аналогичная их играм, я только что получил ее...

— Вам не надо ничего аналогичного. — В голосе Доры была небрежность триумфатора. — «Белая Комната» у меня. Так что Моцарта мне теперь не послушать.

— В смысле?

— Я махнулась с Робкопом на «Белую Комнату»... Только он об этом ничего не знает. Видите, Профессор, вам без меня ни шагу... Но если вы настаиваете, то заходите за мной. Мне, может, и страшно, но только совсем чуть-чуть.

В это же время Юлик Ашкенази сидел в своем кресле за 500 долларов и наблюдал за экраном телевизора. Хотя на лице Юлика застыла улыбка, то, что он видел, ему очень не нравилось.

— Ты так и не сказал, что ответить Полякову, — говорила Блонди, — и какое решение по Минфину?.. Юлик... Хм... Мне зайти позже?

Юлик с удивлением посмотрел на свою белокурую секретаршу и вдруг произнес:

— Блонди, ты потрясающе красивая девушка...

Ничего себе! Комплимент номер два... За полтора года... Но это прямо-таки свидетельство повышенного внимания. Если, конечно, то, что было сказано в первый раз, можно считать комп-

лиментом. Полтора года назад Блонди, выпускница курсов секретарей-референтов при Дягилев-Центре (пара иностранных языков, компьютер, делопроизводство, водительские права и куча других наворотов), пришла на собеседование к президенту корпорации «Норс». Собеседование длилось две с половиной секунды. Юлик бросил на нее оценивающий взгляд и сказал своему бухгалтеру Бюстгальтеру:

— Очень мило, берем.

И все. Если это считать комплиментом, то сегодня их число возросло до двух.

— Спасибо, — ответила Блонди несколько испуганно. Потом она улыбнулась: — Наверное, не стоило бы этого говорить, но... нельзя столько работать. Тем более что вы вчера с вашим амиго... Я имею в виду, что ты очень бледный. Наверное, все-таки не надо говорить такие вещи, когда тебе только что сделали комплимент... Прости.

«Она что, застенчивая девушка?» Эта мысль была какой-то посторонней, не особенно волновавшей Юлика, но сейчас это было намного лучше, чем думать о том, что он увидел. Потом он негромко, но быстро произнес:

— Скажи, Блонди, ты не видишь ничего странного?

— Где?

— Вон там. Там...

Блонди повернулась и с удивлением обнаружила, что рука Юлика указывает на экран телевизора.

— Телевизор?!

— Да, вон там.

— Новости НТВ, программа «Сегодня». И что?

— Вот я и спрашиваю... Эти люди там... Ничего особенного?

— Я не интересуюсь политикой. — Блонди пожала плечами. — Я, наверное, мало что в ней понимаю.

— Угу... А так все в порядке?..

— Да, а так в моей семье все здоровы. — Блонди рассмеялась.

«А в моей, наверное, не очень... не совсем, — подумал Юлик. — В моей семье есть я, и вот я не совсем... Но мы пока не будем об этом...

— Хорошо, Блонди, извини, — проговорил Юлик. Передача новостей в это время сменилась рекламным блоком. — Что там у нас?..

Блонди снова начала задавать свои вопросы, и Юлик неожиданно отметил, что за это время она превратилась в настоящего профи и что, возможно, стоило к ней быть повнимательнее... Эта мысль Юлика развеселила и встревожила — в блокноте-копилке Блонди занимала позицию Неодушевленного длинноногого, сидящего на табурете с очень высокими и довольно непристойно искривленными ножками. Вокруг разместилось множество роде-новских мыслителей, внимавших говорящему рупору. Рупор был установлен у Блонди между ее роскошных, суперсексапильных ног, в том месте, где они сходились. Сама хозяйка рупора тоже слушала его с расширенными от восторга глазами... И вот сейчас Юлик подумал, что, может быть, стоило уделять Блонди больше внимания... Как вам это нравится? Странно, да?

Офис пустел — вокруг, во множестве фирменных магазинов, шли распродажи, приуроченные к католическому Рождеству (хорошо у нас — два Рождества, два Новых года, извечно не стихающий спор, в какой стороне мира мы живем. Не жизнь, а сказка), и Юлик выполнял свое обещание отпустить народ вовремя. Народ интересуется рождественскими распродажами... Сам Юлик обычно работал до десяти, а иногда задерживался в офисе и дольше, и с ним порой оставался только бухгалтер Бюстгальтер. Сейчас в первый раз в жизни Юлик пожалел, что офис вскоре опустеет.

— Хорошо, Блонди, — сказал он, — я подумаю на эту тему.

— О'кей. — Девушка собрала свою папку. — Я у себя. — Потом она посмотрела на Юлика выжидающе — Блонди тоже интересовалась рождественскими распродажами, но она не услышала: «Да, Блонди, ты тоже можешь идти...» Ну что ж, не страшно. Можно еще какое-то время поработать...

И Блонди вышла.

Юлик откинулся на спинку кресла, и прежняя усмешка скривила его губы, а в глазах, уже не в первый раз за сегодняшний день, появился тот самый тревожно-шаловой блеск. Сейчас Юлик Ашкенази, президент большой, динамично развивающейся компании «Норс», продолжал смотреть так заинтересовавшую его передачу. Он имеет на это полное право. Юлик устался на огромный экран телевизора «Сони-Тринитрон». Этот рекламный ролик показывали уже достаточно долго. Сочный апельсин, нарезаемый дольками, все не заканчивается, превращаясь в бесконечную апельсиновую колбасу. Голос за кадром обещает: «Апельсин... Вкусный апельсин... Бесконечно вкусный апельсин...» Все было нормально, только в бесконечную колбасу превратился банан. «Банан... Вкусный банан... Бесконечно вкусный банан...

— Нет, ребята, — проговорил Юлик, — бананы в кожуре не нарезаются дольками... И тех, кто не знает такой мелочи, обычно очень сильно наказывают... Очень сильно.

Он еще какое-то время смотрел на экран телевизора с той самой улыбкой, которую лучше не показывать его маме, но потом понял, что возможность взять себя в руки еще не упущена.

Юлик включил линию, соединяющую его с белокурой секретаршей, и подумал, что, если посмотреть на нее внимательнее, она вовсе не вызывает ассоциаций, связанных с этим скотским рупором.

— Блонди, ты не могла бы сегодня несколько задержаться? Часиков до десяти? Я потом сам отвезу тебя домой. — Юлик вдруг подумал, что от Блонди, несмотря на ее эффектную внешность, всегда исходила какая-то спокойная надежность, просто надо посмотреть на нее внимательнее, и, чуть помедлив, добавил: — Если бы ты позволила пригласить тебя поужинать, я был бы благодарен...

— Хорошо, я задержусь, — проговорила Блонди, а потом в ее голос вплыла улыбка: — После десяти?! Поздний ужин?

— Ты имеешь в виду, что уже давно надо было это сделать? — спросил Юлик и тоже улыбнулся. — Ничего, мы все наверстаем... Опустим необязательные моменты, и через пару дней я буду знать твою любимую зубную пасту, а ты — мой единственный крем для бритья.

Блонди усмехнулась:

— В отношениях с девушками необязательные моменты оказываются самыми важными... Но от ужина я не отказываюсь.

И телефонная линия разомкнулась.

«Что это они оба в один день? — подумала Блонди. — Как сговорились... Хотаб, который полтора года только хамил, и Юлик, который все это время вообще рассматривал меня как часть своего безупречного интерьера... Он что, предложил мне сейчас стать его любовницей?.. Мне этого не нужно. Или... Если бы я его так не боялась... Ладно, пусть события развиваются, а там посмотрим...

Блонди была права. События действительно развивались. Но длинноногая белокурая красавица даже не могла себе представить, в каком направлении... И как близко она оказалась от невидимой линии сжимающегося круга.

— Эй, мальчик, быстро! — услышал Егор и тут же понял, кому принадлежит этот голос.

Ирочка докуривала сигарету «Житан», когда на лестнице начался весь этот шум-гам и она увидела сбегающего вниз Егора.

«Вот старая стерва!» — подумала Ирочка, затушив сигарету и бросая ее в урну. Большая парадная лестница спускалась на первый этаж к главному входу, но по бокам лестницы располагались еще несколько ступенек, ведущих вниз, к полуподвальным помещениям, где находились аудитории, несколько лабораторий и длинный коридор — переход, связывающий разные корпуса института.

— Быстро сюда, — проговорила Ирочка, и в следующую секунду Егор уже был рядом с ней. — Что случилось?..

— Я не знаю. — Сердце мальчика бешено колотилось. — Она вызвала милицию... Я ничего не сделал.

«Бедный, — подумала Ирочка, — перепуган, как загнанный волчонок... Эх, парень, Нина Максимовна, возможно, единственный человек в нашем институте, у кого не стоило спрашивать о профессоре Киме... И вот такой вот парадокс — этот единственный человек очень многим сулит одни большие неприятности... Такие вот парадоксы есть у нас в институте».

— Послушай, я надеюсь, ты быстро бегаешь? — спросила Ирочка.

Егор кивнул.

— Видишь этот коридор? Слушай внимательно: прямо по нему, никуда не сворачивая, потом лестница вверх и направо, еще один коротенький коридор ведет в холл. Понял?! Во втором корпусе на дверях никого нет. Вперед.

— Понял, — сказал Егор. Он еще был не состоянием испытывать какие-либо чувства, кроме страха.

— Давай дуй! — Потом Ирочка улыбнулась: — Все же что ты натворил?

— Я не знаю... Она...

— Ладно, надеюсь, ты мне когда-нибудь расскажешь... Дуй, приятель...

И Ирочка не спеша достала вторую сигарету и двинулась к выходу. Вообще-то под лестницей курить было запрещено, но зимой на это закрывали глаза. Она слышала голос спускающейся Нины Максимовны и видела ухмыляющееся лицо охранника в пятнистой форме.

— Где он?! — кричала Нина Максимовна. — Куда он побежал?

— В переход, — ответил охранник.

— Что же вы стоите? Вы же слышали, что его нужно остановить.

— Мой пост у этих дверей, — спокойно возразил охранник.

— А я вам говорю, что его нужно остановить. Вы поняли меня?!

— Мне нельзя отсюда отходить.

— Ничего, вот мы с Ирочкой постоим пару минут на дверях, а вы немедленно его догоните... Или вы хотите, чтобы женщины выполняли работу мужчин?!

Охранник посмотрел на Нину Максимовну — это было нелепое распоряжение, он вовсе не подчинен старшему лаборанту с какой-то там кафедры... Но, как и все остальные, он знал об отношениях Нины Максимовны с комендантом и понял, что проще будет подчиниться.

— Хорошо, — проговорил охранник и пошел следом за Егором.

— Бегом, вы слышите меня?! Я вас не просила сходить прогуляться...

Охранник ускорил шаг.

«Может, мне из-за тебя еще жопу разорвать», — огрызнулся он про себя, но все же пошел быстрее.

— Послушайте, — спокойно и холодно произнесла Нина Максимовна, — если вы вернетесь без него, я думаю, Павел Кузьмич сможет вам объяснить, как вы ошиблись...

Павел Кузьмич был комендантом. Заявление охранника о предоставлении десяти дней в счет очередного отпуска лежало у него в столе уже неделю и все еще было не подписано. Охраннику очень нужны были эти десять дней в январе. У его сынишки, возможно, ровесника этого сбежавшего парня, были кое-какие проблемы с ногами. Последствие детского церебрального паралича. За время школьных каникул он хотел свозить сына к доктору Касьяну. Люди помогли с договоренностью, и билеты на поезд уже были куплены. Договориться удалось с превеликим трудом, и, возможно, другого такого случая попасть к прославленному доктору больше не представится. Охранник побежал.

Ирочка глядела вслед огромному удаляющемуся детине в пятнистой форме и коротких кованых сапогах и думала:

«Ну теперь — беги! Покажи, на что ты способен, парень. Если успеешь добежать до выхода раньше, чем он тебя поймает, считай, тебе повезло. Юркнешь в какую-нибудь подворотню, и ищи-свищи... На улице уже темно».

Глаза Нины Максимовны вдруг стали колючими, и она подозрительно посмотрела на Ирочку.

— Милочка, почему ты его не остановила?

Ирочка придала своему лицу абсолютно невинное выражение и произнесла:

— Нина Максимовна, да я понять ничего не успела, он пулей пронесся мимо...

Нина Максимовна пристально всмотрелась ей в глаза, но Ирочка выдержала этот вопрошающе-грозный, исполненный недоверия взгляд и не отвернулась.

— Милочка, если я когда-нибудь узнаю, что мы больше не друзья, вы об этом пожалеете первая... — Нина Максимовна все же не обнаружила в Ирочкиных глазах ничего, кроме глуповатой наивности, но для строгости решила перейти на вы: — Надеюсь, вы понимаете, моя дорогая, что при переводе на дневное отделение рекомендации кафедры имеют не последнее значение? Надеюсь, что вы это понимаете.

38. Маленькие Истории и Большие Истории

Самый короткий зимний день закончился.

Великий Город стал горстью горящих светляков, брошенных на бескрайнюю снежную равнину, обдуваемую ветрами, пришедшими из глубин Ночи. Москва, начавшая привыкать к вековому звону своих колоколов и к быстротечному блеску новых богатств, снова превратилась в бескрайний корабль, странноприимный ковчег, vyplывающий из тягучих Морей Забвения к молодым не-

изведанным водам, где, возможно, обитали драконы, зато время приобретало чистый хрустальный звон раннего утра. В город пришли пророки и убийцы, блудницы с глазами жриц и гении новых технологий... Поэты, выдыхающие пары ртути в наэлектризованное пространство, ставшее их одеждами, но хранящие в своем сердце тоску по серебру ушедшего века, гуру, готовящие газовые атаки, и адепты тысячелетней самобытности, перепутавшие свои знамена... В город вернулся Вечный Жид, и с его плаща осыпались горящие буквы неоновых реклам. И когда этот безумный цирк, этот Вселенский Шапито прошел, выяснилось, что на старинных каменных мостовых Москвы ничего не изменилось.

Но сейчас самый короткий зимний день закончился. И все же некоторые изменения, возможно, более весомые, чем конфетти и балаганная музыка, застрявшая в изгибах московских улиц после циркового парада, уже произошли. И вряд ли кто-нибудь, кроме нескольких человек, заметил, что в Небе Самой Длинной Ночи поднялась чужая, незнакомая Луна.

В причудливом кабинете Профессора Кима двигались тени. Только что на двух своих лучших друзей, до сих пор не пришедших в себя после услышанного, он обрушил историю, сотканную из ветров легенд. И теперь, облачившись примерно в такой же шлем, в каком мальчик Денис отправился на поиски Белой Комнаты, и зажав в электронной перчатке со множеством проводов-сухожилий копые Великого Африканского Божества, он, словно воин древних преданий, шел навстречу своей Спиральной Башне.

— Следите, он должен сделать знак, — проговорила Дора. — Это произойдет сразу же, как только Профессор переступит порог... И тогда времени у нас почти не будет.

Дора вышла из кабинета в большую овальную комнату, где к потолку была подвешена плывущая рыба и по углам стояли фигурки древних богов, прошла по коридору с фотографиями известных путешественников и оказалась в холле.

— Все как надо, — проговорила Дора. — Профессор сделал все как надо.

К входной двери, открывающейся внутрь квартиры, было прикреплено большое зеркало. Прямо напротив, на стене холла, имелось еще одно, так что любой вошедший оказывался как бы между двух зеркал. В бесконечном лабиринте. Дора увидела многократно повторяющееся собственное изображение, и ей вдруг впервые стало по-настоящему страшно.

— Ничего, — проговорила девочка и погладила руками свой лыжный костюм из флиса, — папа будет охранять меня. Я ведь делаю это для того, чтобы поехать с папой в горы... И с мамой, и даже с Катькой, потому что я их очень люблю. И когда мы поедем в горы, нам ничто не помешает. А пока папа будет охранять меня.

Дора опустила голову. На трехногом табурете стояла большая эмалированная миска, полная молока. Табурет был придвинут вплотную к входной двери, но так, чтобы не мешать свободному ходу, если дверь вдруг кто-то решит внезапно распахнуть. Дора окунула в миску палец и попробовала — сладко, никаких посторонних привкусов.

Молоко — пока — было свежее...

Хотаб ощутил в своем сердце первый укол тоски за мгновение до того, как во всей квартире погас свет.

«Ну вот и началось», — подумал Хотаб и громко проговорил:

— Дяденька идет.

— Выбило пробки, — сказал Лапоток.

— Это не пробки... Не открывайте дверь. У меня есть фонарик и свечи.

А некоторое время назад Хотаб вернулся с морозной улицы и принес, как и обещал, водки. Еще никогда ему так не хотелось просто пройтись. Снегопад кончился, и стало ясно. Хотаб глядел на витрины магазинов, на казавшиеся беззаботными лица людей, на автомобили, спешащие по своим делам, и им вдруг впервые завладело детское ощущение, что там, в комнате, где другие,

гораздо интереснее. Там происходит что-то важное и настоящее, а Хотаба закрыли одного с наскучившими ему тайнами. Сейчас комнатой, где другие, была эта морозная улица, полная людей с их повседневными заботами, а Хотаб опять вынужден добровольно идти туда, где его закроют одного. Все это продолжалось лишь пару минут, пока он шел от припаркованного на другом конце длинного дома (чтобы не светиться!) красного двухдверного «БМВ» до Дяди-Витиного подъезда.

— Надо побыстрее закончить с этим дерьмом, — проговорил Хотаб.

Хотаб всегда считал, что у Шумного психика бульдозера. Хоть кол на голове теши. Шумный пил только водку. Зато каждый день, как чай или воду. И никогда не испытывал с этим проблем. Никаких отходняков или плохого самочувствия. Лапоток, несмотря на такую же внушительную внешность, был слабак. Он то завязывал на полгода, то снова развязывал и уходил в запой, то выводил — идиот — шлаки, жрал гербалайф, заявляя, что теперь ощущает обостренность чувств, иногда скручивал свои жирные тела в позу лотоса, практиковал очищающее дыхание и всегда после запоев испытывал длительные, вызванные алкогольной интоксикацией приступы депрессии.

Сейчас Лапотку опять не повезло. Лучше бы телефонную трубку снял Шумный.

— Наверное, Юлик соскучился по Хотабу, — усмехнулся Лапоток.

Никогда в жизни он не слышал такого голоса. Спрашивали всего лишь хозяина. Но все страхи, связанные с и без того излишней мнительностью, подступили к Лапотку, заставив ощутить тоску, бесконечно более глухую, чем все его алкогольные депрессии.

— Хорошо, — проговорил голос в трубке, — когда появится хозяин, передашь, что его ждут. Он знает кто и знает где.

И только когда пошли короткие гудки, Лапоток почувствовал, что окно в черный холодный провал закрылось и оттуда

больше не сквозит ветром, наполненным взмахами крыльев ночных бабочек, крадущих ваше сонное дыхание.

Но Шумный на все переживания Лапотка лишь насмешливо бросил:

— Что-то ты какой-то дерганный стал.

Рассказывая об этом звонке Хотабу, Лапоток голосом, где паника поменялась местами с подозрительностью, закончил:

— Что у вас здесь, в натуре, творится?! Ты, братан, послушай: если начнется какое-то говно, я разбираться не буду! Я заваляю этого деда... И меня не е...т, что Юлик хотел с ним перетереть!

— Как хочешь. — Хотаб на это лишь пожал плечами. — Но Юлик хотел с ним перетереть...

И сейчас, когда во всей квартире внезапно погас свет, Лапоток понял, что это не пробки. В следующую секунду холодная тяжесть пистолета в руке несколько успокоила его. Лапоток передернул затвор.

— Хотаб, давай скорее свет, — проговорил он негромко.

А потом входная дверь открылась. Хотаб был уже на кухне и не знал, что там произошло. Он услышал лишь стоны — и ни единого выстрела.

Когда все стихло, Хотаб понял, что ему не надо прислушиваться к этой надвигающейся тишине. Протяжно и заунывно пропела половица, но он уже открыл окно. Весь мир сейчас сконцентрировался в этом чудном морозном воздухе. Лестница, освещенная соседними окнами, где, наверное, сейчас садились ужинать, была совсем рядом. Хотаб по-кошачьи легко запрыгнул на подоконник. Он подумал, что что-то забыл в этой квартире, но никак не мог вспомнить что. Как было бы хорошо, если б ему удалось не обернуться и не заглянуть в черную пасть оставляемой кухни, когда его рука уже потянулась к лестнице. Это был тот самый дяденька. Он с какой-то печальной улыбкой смотрел на Хотаба, а может быть, это только показалось в бледном, размазанном свете луны. Да, наверное, Хотабу это только показа-

лось, подобные лица не могут улыбаться. И опять он не смог вспомнить, что здесь оставил.

— Отпусти меня, дяденька, — вдруг попросил Хотаб, — пожалуйста...

Где-то далеко, с другой стороны своего возраста, Хотаб услышал радостный смех. И он захотел вдруг раствориться в этом смехе, но какая-то черная рука вернула его обратно на кухонный подоконник, а смех ушел в прошлое, в тот морской город, где когда-то Хотаб был ребенком.

— Пожалуйста, — прошептал Хотаб, ступая по подоконнику. Потом его рука коснулась лестницы, и он понял, что ничего лучше этого холодного металла не может быть. Другая рука... Вот он стоит уже на лестнице... Все — а теперь вниз.

И тогда под руками Хотаб ощутил тепло. Он поднял голову, и все его жалкие радости оказались раздавленными навалившейся на него тоской. Дяденька действительно улыбался. Хотаб хотел «столкнуть молот и наковальню», и, возможно, ему не стоило прибегать к столь высокопарным сравнениям. К вечеру подморозило, лестница все же успела покрыться тонкой коркой льда. Сейчас от этого льда шел пар, лед шипел, испаряясь, а лестница все продолжала нагреваться. Хотаб, чувствуя, как паника заставляет твердеть его мышцы, поднял изумленный взгляд на дяденьку. А! Вот в чем дело... У дяденьки золотистые глаза. И сейчас в них светится лишь слабый огонечек. Дяденька не будет Хотаба сжигать, он лишь посмотрит на лестницу.

— Пожалуйста, пожалуйста, — продолжали шептать губы Хотаба, но сам он этого не замечал. Быть может, это была мольба, только те, кто нагревает металлические пожарные лестницы докрасна, вряд ли слышат молитвы... Хотаб резким движением натянул на ладони рукава своего пиджака и в следующую секунду почувствовал запах сжигаемой шерсти.

— Пожалуйста... я уже ухожу, я не хотел!

А потом Хотаб с ожившей надеждой понял: ему есть что дяденьке сказать, только надо это сделать очень быстро.

— Дяденька, тебе звонили... Тебя ждут.

А тепло металлической лестницы уже сожрало ткань пиджака и сейчас примется за руки...

— Пожалуйста, тебя ждут...

И тогда дяденька вдруг усмехнулся и проговорил:

— Тебя — тоже. — И он бросил взгляд вверх.

Хотаб поднял голову — он увидел спускающуюся к нему по лестнице фигуру. Странно, разве тот не чувствует, что лестница накалена? Тот, другой... Разве он этого не знает?

Наверное, Хотаб все же догадался...

Даже ужас раскаленной лестницы не мог сравниться с тем, что он сейчас увидел. Хотаб подумал, что ему стоит разжать пальцы, и тогда все сразу закончится... Как?

По пожарной металлической лестнице к нему спускался армяшка-сапожник, тот, чью будку Хотаб сжег много лет назад. И кто умер от разрыва сердца через два дня после того, как остыли последние угли.

— Пожалуйста, — прошептал Хотаб, — тебя же давно нет. — И после этого он уже не сказал ни слова.

Наверное, такими печальными бывают глаза человека, когда смерть должна разлучить его с тем, что он любит. У армяшки-сапожника была большая семья. И в его глазах навсегда остался отсвет пожара, сожравшего его будку. Сапожную будку, кормившую его большую семью.

— Дай руку, — проговорил умерший много лет назад, — я помогу тебе.

И некоторое время, пока мысли в голове Хотаба не взорвались, сдавленные тяжестью неразрешимых вопросов, он наблюдал за рукой армяшки-сапожника. Но не за той, что тянулась к нему. Нет, Хотаб смотрел на другую руку. На ту, что держалась за раскаленную перекладину. Хотаб видел, как вздувались и лопались пузыри, видел, как разрывалась поджариваемая кожа, и чувствовал этот невыносимый запах, высасывающий из него остатки желания бороться за жизнь.

— Протяни мне руку, — проговорили губы мертвеца, и Хотаб увидел, что они покрыты прилипшими лепестками каких-то невыразимо печальных цветов. — Я так любил их... Протяни руку, а то сорвешься.

Артур выражался все же несколько фигурально, заявив, что в бизнесе сумасшедших не меньше, чем в физике. Ну и, наверное, вряд ли отыщется достаточное число физиков, столь же сумасшедших, как и его друг. Артур, зараженный с детства вирусом тайных посвящений, Артур, видевший грозные лики древних богов и сочинявший на пару с Кимом устав Ордена Белых Рыцарей, Артур, бывший всегда современным, не испытывающим сентиментальных привязанностей к поношенной одежде и заделавшийся первоклассным банкиром, сейчас принимал участие в каком-то сумасшедшем действе.

Эксперименты с компьютерами всегда будили воображение, и Ким уже как-то предлагал Артуру прогуляться по виртуальной реальности. Полгода назад, наверное, в этом же самом шлеме, что был сейчас на Киме, в тех же перчатках... Это действительно было очень любопытно, это потрясающее ощущение, когда вдруг на время забываешь, что находишься в несуществующем мире.

Тогда Артур был очень возбужден:

— Господи, Ким, это невероятно! Я представляю, какие открываются возможности...

— Ну, я бы сказал, что это давно уже используется, — спокойно возразил Ким. — На уровне конструирования, прогнозов и банков данных... Кино, мультивидео, игры... Я тут хочу отыскать еще кое-что, но, возможно, это уже фантазии... Наверное, меня подводит излишний оптимизм.

Да, это было где-то полгода назад, после их недельного совместного отпуска на Камчатке. Тогда они втроем собрались у Кима, и он им невзначай показал эту свою любимую игрушку. А потом они еще долго вспоминали Ключевскую сопку и Долину

гейзеров, и за окнами стоял август. То, что происходило сейчас, уже не укладывалось ни в какие рамки.

— Все дело в программе, — сказал как-то Ким. — Правда, я не знаю, возможно ли создать такую программу.

Похоже, сейчас у них эта программа была. «Белая Комната»... И Артур, следящий за руками Кима — он ожидал знака, их условного, придуманного еще в детстве знака, — все же продолжал считать происходящее безумием. Это невозможно, это за рамками игр и фантазий. Артур отгонял даже самую мысль о том, куда мог сейчас отправиться Ким. Но все же он следил за руками и ждал знака...

— О-хо-хо, — вздохнул Артур и, прислонившись к стене, не сводил глаз с Кима.

Час назад его сумасшедший друг с глазами, сверкающими — Артур усмехнулся, — как они, наверное, сверкали у Фауста, рассказал им эту невероятную историю.

— Нет, это невозможно, — ответил тогда Артур. Он откинулся на спинку кресла и поднял чашку со своим вечным кофе. — Ничего подобного я никогда не слышал. — Затем он поглядел на африканское копье с обломанным древком в руках у Профессора Кима и спросил: — Это то самое копье? Нет, слушай, Ким, ты... — Артур перевел взгляд на Дору. Девочка ему вежливо улыбнулась, уплетая огромную порцию мороженого. — Вы... Это какой-то розыгрыш? Вы нас разыгрываете?

— Почему все взрослые такие бестолковые? — Дора пожалала плечами и, спохватившись, добавила: — Извините... Вообще-то я очень воспитанный человек и никогда бы не позволила себе сказать подобное, если б не имела на то оснований! Профессор, да объясните же вы все наконец своим друзьям...

«Интересно, — усмехнувшись, подумал Артур, — этот потрясающе воспитанный девятилетний человек таким образом извинялся или назвал меня удвоенным болваном?»

— Мне объяснять ничего не надо, — проговорил Олежа, выпуская кольцами сигаретный дым, а Артур подумал: «Странно,

мы все трое курим «Кэмел». — Наверное, все так и есть... Наверное, это возможно... Я только никогда не думал, что доживу до седых... волос...

— Ничего, — небрежно бросила Дора, — мой папа тоже иногда говорит: «до седых яиц»... Продолжайте...

Артур снова усмехнулся, не сводя глаз с Кима: он вспомнил, как повисшую было тогда тишину взорвал хохот трех взрослых мужчин и непонимающее «чего смешного?» Доры.

— Я действительно хотел это сказать, — изумленно проговорил Олежа, и Артур заметил, что он даже несколько покраснел, — но ведь не сказал...

Да, девочка не подарок. И в сочетании с историей Кима...

Артур никогда еще ничего подобного не слышал. Ким рассказывал о невероятной пещере, затерянной где-то посреди Эфиопского нагорья, и о том, что из-за нее погиб известный палеоантрополог Камил Коленкур, он рассказывал о потрясающей красоты девушке, погубленной своими поисками любви и оставившей им светлую печаль распутившихся цветов, о чем-то древнем и грозном, находящемся в точке пересечения линий, об африканском колдуне Ольчемьери и о копье, получившем силу Великого Божества, о короне древней Атлантиды, о нападении пчел и об открывшемся неподалеку павильоне суперкомпьютерных игр... А Артур думал: «Господи, это что, Орден Белых Рыцарей? Ким сошел с ума? Шутка?»

Но Артур чувствовал в этой истории что-то, что не могло быть шуткой и переходило границы их детской игры, это была какая-то — Артур не мог подобрать нужного слова — какая-то... современная... поэма, иногда так похожая на сновидения. Киму удалось связать что-то... И эта маленькая девочка Дора подсказала ему — что...

Когда Ким рассказывал о Зеделле, Дора слушала его с восхищением, а потом горячо проговорила:

— Я знала, что она должна быть красавицей!

И тогда даже Ким как-то странно посмотрел на девочку.

— Откуда? — спросил он глухо. — Откуда ты можешь о ней знать?

— Знаю, — совершенно спокойно повторила Дора. — Далекая Яблоня-Мама мне о ней рассказывала. Маленькие Истории похожи на Большие Истории. Вы же говорили, что «взбесилась вода» и дочь водопада исчезла... Все правильно: долгий сон окончен и уснувшая Королева должна пробудиться. И еще мне Яблоня-Мама сказала, что тот, кто свяжет Маленькие Истории и Большие Истории, может замкнуть круг...

Трое взрослых мужчин переглянулись — это что за тарабарщина? Алиса в Стране чудес?

— Нет, вы не подумайте, я не шучу. — Дора покачала указательным пальцем, словно читая их мысли. — Маленькие Истории и Большие Истории — это серьезно. Я только не знаю, как это объяснить... Вот смотрите — корона. Понимаете, то, что я вырезала из резинового мяча, — это Маленькие Истории, а то, чем она была и что приснилось мне в том сне про корону, — это Большие Истории... Наверное, я все-таки неясно выражаюсь...

«Ничего себе, — подумал Артур, — еще чуть-чуть, и ребенок прочитает нам лекцию об архетипах!»

— Ну вот смотрите, Профессор, — продолжала Дора, — то, что я сперла у Робкопа, Си-Ди с «Белой Комнатой»... Там записаны Маленькие Истории... Но вы используете этот диск, потому что где-то есть Большие Истории и вы хотите туда попасть... Я права, Профессор?

Ким уставился на нее широко раскрытыми глазами; потом он как-то странно усмехнулся и согласно кивнул:

— Пожалуй, это несколько необычное объяснение, но вполне подходит для того, что я хочу сделать.

Чуть позже Артур отвел Кима в сторону:

— Слушай, что все это значит? Яблоня-Мама, Истории?

— Я думаю, это какая-то игра, — неохотно отозвался Ким.

— Подожди секундочку, что значит — игра?

— Видишь ли, у девочки есть некоторый дар...

— Я знаю, как может называться такой дар.

— Я думаю, что Яблоня-Мама — это игра... Ведь девочке надо объяснить себе, что с ней происходит. — Артур видел, что Киму по какой-то причине не совсем приятен этот разговор. — И если не принимать во внимание терминологию — она ведь ребенок, — то трудно не согласиться, что девочке кое-что известно... Вот она и выдумала Яблоню-Маму...

Но Артур знал, почему Ким не хочет говорить на эту тему. Все это тянется с детства — очень часто в школе Ким предсказывал, что сейчас откроется дверь и войдет завуч, которого они очень боялись, или говорил: «Артур, тебя завтра спросят... подготовься...» Иногда это не сбывалось, но чаще было по-другому.

«Они похожи, — с улыбкой подумал Артур, — вот в чем дело... И девочка пришла к нему, и Ким знает, как это важно. Потому что ему в свое время не к кому было прийти...

А потом что-то прервало все его мысли. Ким свободной рукой сделал ему знак. На мгновение Артур вспомнил просьбу Кима: «Следи, чтобы копые всегда было у меня в руке... На которой перчатка. Не знаю, что там может произойти. И если начнется что-то странное — сорви с меня шлем...

Но сейчас это был другой знак.

— Он нашел, — тихо сказал Артур. Затем он дотронулся до свободной руки Кима: я тебя понял.

— Ну все. — Дора вдруг побледнела. — Нам надо идти к входным дверям. Как только он переступит порог, это начнется...

Артур смотрел на девочку, затем все же спросил:

— Что?

— Артур, прекрати, — запротестовал Олежа, потом он покосился на Дору, что, видимо, должно было обозначать: «Ты что, не видишь — ребенок и так смертельно напуган». — Смотри за Кимом, а о нас с малышкой не беспокойся...

Но Дора тяжело вздохнула и произнесла:

— Профессор найдет эту пещеру, хоть он все еще не верит мне до конца. Пещера сейчас притворяется, будто она Белая Комна-

та, понимаете... ТО, ЧТО НАХОДИТСЯ ЗА ДВЕРЬЮ. Но... Он ее найдет. Маленькие Истории и Большие Истории совместятся. — Потом она тихо добавила: — И они придут сюда, им станет известен наш запах...

Ким повторил свой знак.

— Он показывает, что сейчас будет переступить, — быстро сказал Артур. — Я останусь здесь, а вы идите к дверям.

Дора кивнула. И тихо, чтобы никто не услышал, проговорила:

— Далекая Яблоня-Мама, сделай так, чтобы он успел найти ее и чтобы молоко нас не подвело.

39. Круг замкнулся

А незадолго до этого Профессор Ким начал свое погружение в глубины виртуальной реальности, отправившись на поиски Белой Комнаты. Это была игра, не более чем увлекательная, великолепно сделанная игра, и Профессор Ким даже подумал, что, возможно, они ошиблись и эта программа им не подойдет. Может быть, у Робкопа в его суперкомпьютерных играх имелся какой-то секрет? Потом Профессор Ким вспомнил о Доре, о ее Яблоне-Маме, Маленьких и Больших Историях. «У нас есть что-то, что им очень не понравится, — говорила Дора, — корона Уснувшей Королевы и... копые. Это им очень не понравится. Потому что это — Большие Истории...» Пять лет назад копые уже не понравилось одному красивому темнокожему человеку... Наверное, стоит попробовать... Там, за пределами Игры, за пределами Мира, в котором, надев шлем, очутился Профессор Ким, нахо-

дится Артур, и он следит за его знаками. Профессор Ким разжал пальцы и выпустил копье из рук. Ничего не изменилось. Игра по-прежнему предлагала ему множество увлекательных приключений, а за ними ждал приз. Белая Комната. Ничего не изменилось — игра была интересной и совсем не опасной. Скорее даже наоборот... Потому что теперь он уже был не один в этом холодном компьютерном мире. Нет, он был вовсе не один, и окружающее больше не выглядело таким искусственным. Профессор Ким сделал еще несколько шагов и убедился, что не ошибся, — здесь совершенно явственно ощущалось чье-то присутствие... Мимо проплыл какой-то шар. Потом еще один. Остановился, покачиваясь, и повис в воздухе — компьютерная луна?

Чье присутствие?! Чье присутствие здесь может ощущаться? Профессор Ким поднял руки к голове — вот шлем, а он просто просматривает что-то вроде кинофильма. Кто здесь может быть? Это такая же дикая мысль, как и предположение, что внутри вашего «я» может ощущаться чье-то присутствие... Потом Профессор Ким опустил руки: иногда можно пройти сквозь экран кинофильма. Или, например, сквозь зеркало. А что тут такого? Повисший в небе шар приблизился. Он совсем рядом, плывет к Профессору Киму. Похожий на полую модель Земли или какой-то другой планеты — весь в сетке меридианов. Большой детский мяч. Только не прыгает, а плавно приближается. Большой детский мяч. А сейчас начал разворачиваться. Ну наверное, это все-таки не мяч. Скорее всего это лицо. Живое лицо, нанесенное на сетку меридианов. И вот что интересно: Профессор Ким знает, чье это лицо. Он уже видел этого милого мальчика. Он видел, как что-то белое тускло светилось из-под век мальчика, выглядывающего из-за спины Робкопа, как чем-то белым переливались его глаза, большие глаза, только в них не было зрачков... А потом в газете «Московский комсомолец» в рубрике «Срочно в номер» появилась заметка: «Пятеро московских школьников нарывались на молнию». Да-да, сказал себе Профессор Ким, я видел этого мальчика. А сейчас шар с сеткой меридианов медленно

поворачивался. Его лицо поворачивалось. Потому что оно искало тебя. И ты тоже можешь нарваться на молнию. Если сейчас посмотришь в эти глаза... Стоп! Там, с другой стороны, Артур... И копы. Профессор Ким протянул вперед руку в электронной перчатке, а лицо продолжало поворачиваться... Там, с другой стороны... И в следующую секунду у него в руке появилось копы. Шар дрогнул в воздухе и рассыпался, как разбившееся зеркало, на множество живых частиц. Он услышал игривый смех, и все растаяло.

— Ким, Ким, Ким, — пронеслось в воздухе. Совсем тихо. Как дыхание ветерка или шелест занавесок в Белой Комнате.

В это же время с другой стороны, в павильоне «Суперкомпьютерные игры», маленький, коренастый, смешной человечек, прозванный завсегдатаями Робкопом, вдруг резко поднялся из-за своего стола. Фрэнк Синатра снова пел о путниках в ночи, и в зале было полно народу. Робкоп как-то странно повел носом, затем раскрыл свой сейф. Он с грохотом высыпал на стол компакт-диски, чем немало испугал какого-то молодого человека, собирающегося расплачиваться, — в руке тот держал десяти-тысячную купюру.

— Я занят, — бросил Робкоп, не поднимая головы и не обращая внимания на реплику молодого человека: «Папаша, занят будешь дома...

Он пересчитал компакт-диски с «Белой Комнатой» — вроде бы все было на месте. Потом стал раскрывать коробки. Его губы начали растягиваться в улыбке. Рука с десяти-тысячной купюрой медленно опустилась. Робкоп поднял голову — молодой человек сделал шаг назад. Что-то подсказало ему, что лучше сейчас уйти отсюда. Уйти как можно быстрее. Робкоп держал в руках раскрытую коробку с компакт-диском.

— Ах вот что, — проговорил Робкоп, и снова его губы скривила усмешка, так похожая на хищный оскал. — Вот оно что... интересно.

Глаза Робкопа сверкнули. Один компакт-диск был заменен. «Вольфганг Амадей Моцарт. «Волшебная флейта», — прочитал Робкоп.

— Значит — Амадеус?! — проговорил Робкоп, странно озираясь по сторонам. — Очень интересно.

Профессор Ким уже собирался пройти через Белую Дверь, как что-то остановило его. Это было бы очень просто. Это не может быть дверью, по крайней мере той Дверью, которая нужна ему. И перед глазами промелькнуло что-то, остановившее его сейчас. Очень знакомое...

После исчезновения шара окружающее опять приобрело некоторую нереальность и искусственность компьютерного изображения. И живой оставалась лишь Дверь в Белую Комнату. Профессор Ким видел, как внутри двери что-то пульсировало, волнообразно подкатывало к ее поверхности, иногда обнажая густую паутину набухших вен. Белая Дверь была наполнена чем-то жидким, живым и созревающим... Возможно, уже созревшим. И это была не та Дверь. Вовсе не та... Профессор Ким снова огляделся по сторонам — все, кроме этой дышащей двери, было имитацией, неживым компьютерным изображением. Но он видел что-то, напомнившее ему... Ведь память — НАВСЕГДА... Конечно, конечно, навсегда. Вокруг были какие-то холмы, в небе — расположение звезд, напомнившее ему... Конечно, навсегда. Яркое крыло Камила Коленкура! Вот почему он не сделал шаг в Белую Комнату. Там, в белом тумане, его ждало что-то созревающее, жидкое и живое. Это вовсе не та Дверь. Шар рассыпался на множество зеркальных осколков, но Профессор Ким уже понял, что он у цели, у точки, где пересекались все линии. Вот что было знакомым в очертании этих холмов. Горы... Далекое Эфиопское нагорье. Тот, кто свяжет Маленькие Истории и Большие Истории, сможет замкнуть круг. Конечно же, Дора, по крайней мере он попытается. И ты абсолютно права — эти истории очень похожи. И при всем желании эту схожесть очень трудно утаить.

Точка, где пересекаются линии... Профессор Ким нашел то, что ему было нужно. Расположение звезд и очертания... Яркое крыло! Пылающая африканская ночь с гроздьями звезд, здесь всего лишь слабо мерцающими: это были очертания пещеры Камила Коленкура. Здесь, внутри компьютера, он узнал очертания пещеры, где сходились все линии.

— Я нашел Дверь, — проговорил Профессор Ким. — Как бы ее ни маскировали, она находится здесь. Белая Комната... Только мы воспользуемся не парадным, а служебным входом. — Потом он сделал знак Артуру. Условный знак, известный лишь им троем, — то, что осталось от когда-то могущественной организации, детской игры. Так приветствовали друг друга члены Ордена Белых Рыцарей.

Профессор Ким подождал еще некоторое время, он почувствовал, как забилося его сердце. На мгновение что-то сотворилось из воздуха, волна любви... И дыхание собаки.

— Ральф? — удивленно позвал Профессор Ким, чувствуя прикосновение к своей руке. Пес лизнул его? Сновидение?

Но уже все прошло. Ощущение, словно вас будят, вырывая из сна, прошло.

— Я нашел Дверь, — прошептал Профессор Ким. — И уже на ее пороге бродят сновидения... Это прикосновение...

Профессор Ким не стал об этом больше думать. Он лишь еще раз повторил приветствие Ордена Белых Рыцарей и пошел на встречу, отложенную пять лет назад. И, переступая порог двери — вход в пещеру Камила Коленкура, — он опять вспомнил о пылающей африканской ночи, о Луне, атакующей Землю, и о... странном прикосновении, которое он только что ощутил. Профессор Ким так и не узнал, что это Артур коснулся его свободной руки, давая понять, что видел их условный знак. Потому что в этот момент он находился уже очень далеко от Артура.

В эту же секунду пылающая молния зажглась в глазах Робкопа.
— Очень интересно, — повторил он.

А потом произошло нечто, повергшее окружающих в шок. Уже значительно позже те, кто уцелеет после этой истории и сохранит способность здраво рассуждать, расскажут, что Робкоп как-то странно понюхал воздух, а потом... сквозь кожу его лица проступил сначала еле заметный шрам, и Робкоп проговорил что-то вроде:

— Я вижу их...

А затем очень быстро шрам, пересекающий все его лицо, начал набухать, пока Робкоп поводил носом, и вдруг лопнул, превратившись в страшную рану. Но он уже двинулся к выходу, и некая юная особа, столкнувшаяся с ним в дверях, была уверена, что Робкопа поранили ножом, хотя крови она не видела. Вроде бы вслед за Робкопом устремились еще двое: крупный долговязый мальчик и какой-то дед, прилично одетый, аккуратный дед с испытанным лицом. И как только они ушли, что-то странное случилось со стенами.

Казалось, что они сейчас обрушатся и погребут под собой всех, кто здесь находится. И уже никто и никогда не сможет откопать заживо погребенных. Потому что это место провалится в бездонную черную пропасть такого далекого прошлого, что Время там затвердело, как тяжелые гранитные плиты.

В павильоне суперкомпьютерных игр началась паника...

— Добро пожаловать в Легенду, — услышал Профессор Ким. — В ЖИВОЕ ТЕЛО ВЕКОВ...

Уже не было вокруг мрачной пещеры и бесконечного каменного коридора, не было густого обволакивающего тумана и ослепительного, словно снег, горящий на вершинах гор, сияния. Профессор Ким шел сквозь молчание, проникшее в каждую пору его кожи, по печальному, замороженному саду, некогда прекрасному, а сейчас уснувшему. Он ступал по траве, словно сделанной из стекла, и видел птиц, забывших свои песни и потому неподвижных, он видел деревья с корнями, застывшими в драгоценных камнях, и потому не плодоносящие, и ручьи, похожие на зеркала. Время не вездесуще, и в этом саду не было Времени. Сад спал

и, быть может, видел сны. И быть может, ему снилось солнце, когда-то подарившее этому саду жизнь, и дожди, способные утолить жажду, начавшуюся вечность тому. Быть может, он видел свой главный сон — сон о пробуждении. О драгоценных камнях, которыми когда-то был этот сад, и о шелесте книг, которым когда-то было его дыхание. Сон о пробуждении, омытом водами вернувшегося Времени.

Профессор Ким вспомнил о Доре.

— Долгий сон окончен, — говорила девочка, — и Королева-жрица, спящая в сияющем хрустальном гробу, должна проснуться. Древний сон уступит ее, потому что они уже пробудились...

И тогда Профессор Ким понял, что этот уснувший сад и есть хрустальная гробница древней Королевы. Он снова вспомнил о Доре и о короне, вырезанной из резинового мяча, а потом это воспоминание растаяло, отразившись в сверкающих гранях множества драгоценных камней, рассыпанных вокруг.

Профессор Ким стоял перед зеркалом. Весь отвесный склон горы состоял из застывшей воды (горного хрусталя? кварцитов?). Маленькие Истории похожи на Большие Истории... Профессор Ким видел в темной глубине зеркала свое отражение и видел пещеру, затерянную посреди высокого Эфиопского нагорья, пещеру Камила Коленкура, где пересекались все линии. Он видел застывших великанов с золотистой кожей, помнящих песнь бога, и ветры увядания, обволакивающие их своей неподвижностью и стирающие воспоминания с граней великих пирамид. А потом ему показалось, что в самой черной глубине зеркала он увидел свою Спиральную Башню и темнокожего красавца, уходящего в дальнюю комнату. Его перстень — бушующие лунные моря, застывшие в объятиях золотой змеи, — блеснул манящим светом, и темнокожий красавец скрылся в самой дальней комнате. Он отворил дверь в Последнюю запертую комнату...

Профессор Ким стоял перед зеркалом. То, что он сейчас увидел, было единственным движением в этом кристалле застывшего молчания. Королева-жрица, могущественная правительница

грозной морской державы, давно уже смытой с лица земли морями забвения...

Профессор Ким стоял перед зеркалом, а потом коснулся его копьем. Еще раз, и сверкающее острое копьё чуть не увязло в липкой массе оживающего времени, еще раз, и копьё погрузилось в тягучую жидкость, наполняющую белым туманом пространство между сном и пробуждением, а потом... Шум падающей воды обрушил на него целый мир. Молчание, повисшее вокруг, сжалось в одну мгновенную точку и было взорвано головами вечно возвращающегося утра. Могучий водопад, словно его воды состояли из живого времени, пробуждал сейчас сад. Профессор Ким видел свое переливающееся отражение, а потом между ним и стеной падающей воды повисла молодая радуга, еще даже не знающая, как распорядиться своими семью цветами.

...Это уже было не его отражение. Из зеркальных глубин падающей воды к нему шла древняя Королева-жрица, и множество белых цветов распускалось в ее волосах, умытых солнечным светом и мерцанием полуночных звезд. И вот уже вокруг не осталось ничего, кроме ее лица и радостной молодой радуги. Это лицо ослепило Профессора Кима, как это происходило со всеми, кто встречал свою самую прекрасную женщину на земле, и потом уже не находил покоя, и всю жизнь продолжал искать это лицо, и обретал его лишь в снах, из которых не было сил возвращаться... Его сердце превратилось в маленькую пичугу, готовую выпорхнуть из груди, вырваться из темницы, раствориться в свете этого лица и остаться с ним навсегда. Шум падающей воды теперь вошел в каждую его пору и стал слезами, капающими из его глаз, и этими слезами мужчины плакали уже тысячи веков. На какое-то мгновение ему показалось, что у Королевы-жрицы лицо Зеделлы, но потом девушка улыбнулась ему и растаяла, быть может, отправившись вновь в бесконечные поиски не существующей на Земле Любви, а лицо Королевы — осталось. Профессор Ким видел великую корону, словно сотворенную из застывшей воды, на гордой голове древней царицы, учившей любви богов, и осле-

пительным светом зажглись пять ее драгоценных камней... И внутри каждого — диковинные города, существовавшие до начала Времен. А потом Королева-жрица подошла ближе, и Профессор Ким, вдруг почувствовавший всю силу и мощь падающей воды, опустился на одно колено и преклонил голову. Воин, приносящий свою вечную клятву... Веер брызг прошел через радугу: Королева коснулась его лба. И Профессор Ким начал успокаиваться, бушующие моря света отхлынули, возвращаясь в свои далекие пространства, и пожар в его сердце стих. Перед Профессором Кимом стояла грозная древняя царица, и сейчас она проговорила:

— Башня... Ты должен дойти до Последней Запертой Комнаты. Там пересекаются линии...

Королева улыбнулась, и эта улыбка вошла в его сердце, чтобы остаться там навсегда. Лицо Королевы-жрицы начало удаляться куда-то за шум падающей воды. Профессор Ким протянул руку, но лицо все удалялось, пока не стало радугой, в которой нашлось место и лунному свету тающих воспоминаний.

А потом Профессор Ким увидел свою Спиральную Башню.

Артур продолжал наблюдать за Профессором Кимом — его друг выполнял какие-то странные пируэты, то тыча копьём в пустое пространство, то опускаясь на одно колено. Артур снова вспомнил их разговор.

— Послушай, Ким, а при чем здесь молоко? — спросил он тогда.

Профессор Ким улыбнулся и подмигнул ему:

— А при чем здесь черные коты, серебряные пули и осиновые колья?

— Бог мой, да вы с ума сошли... Нет, вы что — серьезно?

— Ну, выбирай сам, как к этому относиться, — проговорил с улыбкой Профессор Ким, — но каждый ребенок знает, что в домах с привидениями скисает молоко... Классику надо знать.

— Классику?.. Нет, я серьезно... Хорошо, ответьте мне: молоко — это тоже Большие Истории?

— Нет, — проворчала Дора, — все же вы ничего не поняли. Большие Истории... Представьте огромную книгу, в которой есть все и которая, наверное, еще пишется. А мы с вами — лишь буквы в этой книге. Понимаете? Знание... Так называется эта книга.

— Знание?..

— Конечно! Обо всем на свете. А мы — лишь буквы. Но без нас книга невозможна — где вы видели книгу без букв.

Артур растерянно посмотрел на Профессора Кима, потом перевел взгляд на девочку:

— Где ты это прочитала, Дора?

Дора лишь пожала плечами.

— Заметь, — усмехнулся Профессор Ким, — в своих рассуждениях о Небесной Книге дитя оперирует абстрактными понятиями.

— Не надо меня путать, — рассердилась Дора. — Ничего подобного я не говорила. А если вам не интересно...

— Что ты, очень интересно! — Ким примиряюще поднял руки: — Продолжай, пожалуйста.

— На чем я остановилась?

— Знание.

— Да — Знание. И со-Знание, буквы. Сознание — это только сопричастность к Знанию, и, видимо, лишь к небольшой части. Это даже так и называется: со-Знание.

— Дора... ну-ну.

— И вот эта причастность, — продолжала девочка, — сознание, и превращает Большие Истории в Маленькие Истории. Вот и все. Чего тут непонятного?

— Конечно, — усмехнулся Артур, — подумаешь, бином Ньютона! Получается, что мы, буквы, творим весь видимый мир. Твой друг Профессор мог бы тебе что-то и рассказать о солипсизме, Дора. Именно так называются подобные воззрения.

— Я не говорю, что мы творим весь видимый мир. — Дора удивленно пожала плечами. — Я что, по-вашему, совсем того?! Я только говорю о превращении Больших Историй в Маленькие Истории.

— При помощи сознания внутри нас.

— Почти по Канту, — быстро вставил Профессор Ким. Его явно забавляла эта беседа.

— Ну ни при какой ни при помощи. Это какая-то путаница у вас в голове... Сознание внутри нас, а мы — внутри его. Проще сказать, что сознание — это и есть Маленькие Истории. Как их по-другому вытащить из этой книги? Только... и Большие Истории... ну, как в зеркале — это отражение сознания.

Артур покачал головой, затем улыбнулся и перевел взгляд на Профессора Кима:

— Для этого Ким и вооружился папуасским копьем?

— Копьем африканских шаманов, — уточнила Дора, — а настоящие шаманы часто бывают в Больших Историях.

— Хорошо. — Артур кивнул. — Но все-таки ответьте на мой вопрос: то молоко в миске у дверей — это тоже Большие Истории?

— Молоко, которое мы налили в миску, — проговорила Дора, исподлобья глядя на Артура, — в отличие от некоторых взрослых, помнит Большие Истории. И нам остается только надеяться, что оно не успеет повзрослеть и не подведет нас...

Вот так. Ни больше ни меньше.

И сейчас Артур громко спросил:

— Ну как там у вас?

— Пока порядок, — отозвался Олежа. — А у вас?

— Все тихо.

«У вас! — подумал Артур. — По большому счету — я здесь один. С Кимом не особо пообщаешься».

Артур снова потянулся за сигаретой. Что-то он стал слишком много курить. Курить и пить кофе. И вообще надо заняться этим. Прямо с понедельника. Нет, совсем бросать курить он не собирается, но, скажем, ограничиться пятью — семью сигаретами в день вполне возможно. И тремя чашками кофе. Вот прямо с понедельника и начнем.

— А что делает ребенок? — поинтересовался Артур.

— Ничего, — как-то странно проговорил Олежа. — Стоит. Стоит посреди холла.

Холл в квартире Профессора Кима был светлый, просторный.

— Прямо как у нас, — сравнила Дора и подумала, что больше всего на свете ей хочется сейчас домой. Но она отогнала эту мысль.

«Далекая Яблоня-Мама, сделай так, чтобы он нашел ее, — продолжала повторять про себя Дора, — сделай так, чтобы долгий сон отпустил ее... Я не боюсь, но сделай так, чтобы Королева пробудилась, потому что очень скоро они будут здесь».

Дора встала между двумя зеркалами — одно было укреплено на входных дверях, а другое висело напротив, на стене. Бесконечный зеркальный лабиринт... Вроде бы все правильно. Ты что, боишься, Дора? Ну ты же не такая трусиха... Ты же вундеркинд, и память у тебя... феноменаль... Нет, послушай, Дора, память у тебя феноменальная, и ты больше никогда не будешь путать это слово, и ты вовсе не боишься... Хорошо?

Она еще раз провела руками по своему спортивному костюму из флиса и, кивнув, тихо произнесла:

— Хорошо...

Девочка поправила надетую на голову корону, ее корону, сделанную из резинового мяча, и вспомнила себя на приеме у зубного, стоматолога, как любит говорить папа. Стоматолог — это такое длинное запутанное слово, и пока его произносишь, успеваешь забыть, что речь идет о враче. Тогда главное было подготовиться и сказать себе: «Я не боюсь». И действительно, становилось не так страшно.

— Я не боюсь, — сказала девочка. Она встала спиной к входной двери и увидела свое многократно повторившееся изображение, уходящее в бесконечность. Там, с другой стороны этой зеркальной бесконечности, находилась добрая и могущественная Яблоня-Мама, и она всегда помогала Доре. Всегда, когда требовалась помощь. А разве сейчас не такой день?! Даже несмотря на то что он самый короткий в году.

А потом Дора услышала голос Олежи. Она тут же убедила себя, что этот голос вовсе не испуганный, а просто очень удивленный.

— Дора, молоко, — проговорил Олежа. — Оно скисает... Молоко скисает прямо на глазах.

Девочка обернулась, и Олежа вдруг увидел, что она совсем бледная. Большая полая тишина вытеснила из холла все звуки. Глаза Доры расширились — эмалированная миска скисшего молока стояла на низком трехногом табурете. Девочка подняла голову, словно соглашаясь с тем, что увидела, и в этой мгновенной тишине, сотворившейся из чего-то липкого, как остывший кисель, повис его голос. Очень негромкий. Но Олежа все же почувствовал прикосновение этого липкого холодного киселя к своей спине.

— Они за дверью, — прошептала Дора.

Снова вошла Блонди, выглядела она озадаченной.

— Знаешь, я уже несколько раз звонила в эту квартиру... Я не хотела тебя беспокоить, но там никто не отвечает.

Юлик посмотрел на Блонди и подумал, что ее пшеничные локоны иногда кажутся золотыми. В ту пору, когда он еще был скрипачом, Юлик мечтал дружить именно с такой девочкой — златовлаской. И он выдумал ее и даже дал ей имя. И перед сном он рассказывал себе истории про то, как играет ей на скрипке, и даже про то, как он защитил ее от пролетарских детей, бьющих по пальцам. К счастью, все это было давно забыто, и вот всплыло в самый неподходящий момент... Наверное, такое бывает.

— Хорошо, Блонди, я позвоню сейчас сам, — проговорил Юлик и с грустью подумал: «Конечно, Блонди, тебе там и не ответят. Уже слишком поздно... Теперь я должен сделать это сам».

Блонди еще какое-то время с тревогой смотрела на Юлика, затем спросила:

— Ты уверен, что все в порядке?

О чем это она?

— Да, Блонди, иди к себе. Знаешь, принеси что-нибудь выпить... Крепкого и холодного. И сделай две порции... Ну, в смыс-

ле, себе чего захочешь — там вроде бы оставался «Бали». Но мне — крепкого. Хорошо?

— Я сейчас все сделаю... Слушай, если хочешь, я еще попробую дозвониться?

— Нет, спасибо. Будет лучше, если ты принесешь мне водки. Или «Блэк лейбл».

— О'кей... Ты знаешь, может, он просто уехал?

О чем это она опять?

А ты не знаешь? Она — баба, а бабы все чувствуют спиной, как кошки. Вот о чем она опять...

— Возможно, если ты имеешь в виду Хотоба...

Юлик снял трубку и подождал, пока за Блонди затворилась дверь. Еще не поздно послать все к черту! Не лезть в это темное дерьмо. Отстраниться, сделать вид, что ты ничего не понимаешь. Взять Блонди и уехать с ней на недельку. Если проблема не решается, надо просто выйти за рамки проблемы. Просто уехать. Сделать Блонди подарок.

«Ну да, — Юлик усмехнулся, — купить, например, шубу... Изобразить парочку влюбленных где-нибудь на солнечных курортных островах... Ладно, плевать на это слащавое дерьмо... Потом всю жизнь не расплатишься».

Юлик набрал номер Дяди-Витиной квартиры и некоторое время слушал длинные гудки. Не отвечали. Затем он положил трубку на место. Хотаб не мог оттуда уехать. Просто так не мог. Тут же зазвонил телефон. Юлик быстро снял трубку.

— Чего, соскучился? — услышал он шальной, насмешливый голос, но все страхи, загнанные в темные углы давнего прошлого, запертые в бесконечно далеких комнатах, начали оживать, еще чуть-чуть — плотины прорвутся и от бананов не останется и следа. — Я сейчас приду... Тебя же предупреждали, что бананы могут начать гнить. Не поверил?! А зря!

Юлик вдруг почувствовал, что телефонная трубка стала липкой, как внутренняя сторона банановой кожуры, а линия уже разъединилась. Но вместо коротких сигналов конца связи снова пошли

длинные гудки вызова абонента. Казалось, они звучали бесконечно далеко, в чужих пространствах, откуда нет возврата и где уже никогда не будет ничего, кроме холода абсолютного непреерекаемого одиночества. И эти гудки сейчас увлекали Юлика за собой. А потом с другой стороны телефонной линии, с другой стороны этой бесконечности он услышал слабый, смертельно перепуганный и совсем больной голос — капли пота побежали по его лицу, оставляя липкий след и падая на ворот рубашки, очень дорогой рубашки «Босс», купленной в Париже любимой мамой. Потому что это был его собственный голос. Панически перепуганный голос господина Ашкенази вырвался на свободу и сейчас отчаянно взывал:

— Спаси меня, Юлик! Они гниют... Бананы начали гнить! Спаси меня...

Потом всплыла мысль: «Вот и все... Я, наверное, просто схожу с ума!»

А потом прежний, не Юликов, голос, шальной и совсем безумный, произнес:

— Спаси меня... Надо же! Поздно! Гниют, гниют бананы. Вовсю. Я же сказал, что сейчас приду. Сейчас открою дверь. Смотри — именно так обычно гниют бананы...

Юлик вдруг понял, что ему надо немедленно все это прервать, он отбросил трубку в сторону, но дверь уже открылась. На пороге стояла Блонди с двумя стаканами спиртного в руках. Она встревоженно поглядела на Юлика, но он уже все понял. Нет, вовсе не спиртное приготовило сейчас это белокурое длинноногое... Нет. Увы. В руках Блонди держала по спелому желтому банану. Очень спелому. И если такой банан сразу не съесть, то он тоже может начать гнить. Блонди сделала несколько шагов, как-то странно-игриво виляя бедрами.

— Ты боишься девушек? — поинтересовалась Блонди голосом, который всю жизнь казался невинным, и лишь сейчас вы поняли, насколько ошибались. — И правильно. Лишь только когда покупаешь, можно достичь ощущения власти... Лови! — И она кинула ему один банан.

Затем подошла ближе. Изящные пальчики Блонди очистили кожуру банана до половины, они поглаживали обнажившуюся мякоть и становились липкими. Блонди провела языком по банану, дошла до того места, где расходилась кожура, и вернулась обратно, затем коснулась его губами, изображая сладострастие, отправила банан в рот, сделав несколько поступательных движений, а потом подняла на Юлика большие, чуть раскосые и совершенно развратные глаза:

— Они гниют, милый, но как они прекрасны! Как оргазм на пороге смерти. Как-нибудь мы поговорим с тобой об оргазмах, милый... У нас теперь будет много времени... — Она сделала еще шаг к Юлику.

В это время на огромном экране «Сони-Тринитрон» появилась яркая и торжественная надпись: «Бананы гниют». А потом заработали телефаксы — все корреспонденты Юлика спешили передать ему это важное и такое волнующее сообщение: «А бананы гниют».

— Но сегодня, — продолжала Блонди, — мы поговорим с тобой о сексуальном влечении. Нет, никаких извращений. Мы поговорим о здоровом сексуальном влечении.

Она сделала шаг к Юлику. Он хотел вскочить, попытаться бежать, но потом тело его ослабло, губы растянулись в улыбке, а испуганные было глаза исторгли темную молнию, успокоившись и став ясными, — ну что ж, послушаем, может, так оно и лучше. Тем более что вид у Блонди был очень соблазнительный: откуда-то взялись очки в тонкой оправе, скромный берет — прямо молоденькая учительница колледжа.

— Влечение мужчины к женщине. — говорила учительница колледжа, — влечение к лону — это тяга к тому месту, откуда вышел, тяга к смерти... Ты не задумывался об этом, малыш?

Юлик не задумывался (он же не идиот!), а Блонди-учительница продолжала:

— И не верь, что женщины отдаются! Женщины забирают. Женщина обречена рожать — давать жизнь. Но из земли вышли

и в землю уйдем... Женщина, отдав, всегда стремится забрать, поглотить, вобрать в себя, как бесконечная, бездонная воронка. Тяга к смерти и тяга поглотить — вот и вся любовь, малыш. Как видишь — идеально подходим друг другу.

«На кого это она похожа?» — подумал Юлик, испытывая какое-то странное возбуждение — будто он подросток, боящийся, что его застукают с порнографической открыткой.

На экране «Сони-Тринитрон» множество океанских кораблей под великолепную торжественную музыку выгружали сейчас свой испорченный груз — гниют, гниют бананы! Потом мимо прошел располневший тореадор из посольства латиноамериканской страны, но Юлика это не удивило, он только подумал, что так и не узнал секрета его печали. А потом начали звонить все телефоны, установленные в офисе.

«Ну и зря они, — равнодушно подумал Юлик, — я и так знаю, что бананы начали гнить».

— А ты уже нашел девушку, похожую на твою любимую маму? — вдруг строго спросила Блонди. — Иди ко мне... — И Юлик почувствовал ее дыхание. — Иди... Я буду твоей мамой...

— Хорошо, — проговорил Юлик. — Иду...

Только он не мог понять, с чего это Блонди кричит, вырывается и бьет его по лицу. Странная какая-то, может, она не в себе? Все, что он делает, — это исследует на практике ее теорию сексуального влечения... Как она и хотела. И Юлик никогда не ожидал, что он может быть настолько сильным, настолько физически сильным. И сейчас ему вовсе не надо платить, чтобы ощущать свою власть. Вовсе не надо.

Только непонятно, с чего это Блонди так кричит, кусает его до крови и бьет телефонной трубкой... Вот дура-то! И почему сейчас плачет? Он же не делает ей больно?..

Олежа знал, что ему надо делать. Он изучал морфологию морских животных, но основная его специальность определялась одним словом — «водолаз». Олежа настолько часто спускал-

ся в темные глубины, что сейчас, открывая входную дверь в квартире Профессора Кима, он не испытывал страха. Скорее — ну, может быть, несколько испуганное любопытство. А любопытство, как известно, кошку погубило. Поэтому Олежа уберет его подальше и постарается сделать все как надо.

На пороге стояли какой-то крупный долговязый подросток и довольно представительный старикан с изрядно пропитой физиономией.

— Вам кого? — Олежа проследил, чтобы его голос звучал ровно.

— Да уж явно не тебя, дядя, — насмешливо произнес подросток.

А старикан пробубнил нечто совершенно невразумительное: «Вода становится кровью, кровь становится молоком... Добро пожаловать в Легенду...» А потом он поднял голову, и от Олежинуго любопытства не осталось и следа — у человека не могло быть подобных глаз. И в то же время где-то он уже видел такие глаза — совершенно чужие, принадлежащие другому, неизведанному миру, — только вот где: в глубине своих погружений или в давних кошмарах детских снов? Олежа не успел ответить на этот вопрос, потому что перед ним появился некто третий — коренастая фигура с совершенно обезображенным лицом.

— Это здесь, — проговорил он отрывистым голосом, больше похожим на львиный рык.

И, собирая всю свою волю в кулак, заставляя работать запаниковавшее было левое полушарие мозга, ответственное за принятие решений, Олежа широко распахнул дверь.

— Ну проходите, если вам сюда, — с трудом выговорил он совсем ослабленным голосом. Сейчас он доверял Доре не на сто, а на все двести процентов, и в его голове трепетно дрожала лишь одна мысль: «Только бы они не заметили... Только бы не увидели, что мы здесь приготовили... Ну проходите, проходите, ну пожалуйста, проходите...»

Да, в этот вечер, когда за окнами стояла чужая, незнакомая луна, к Профессору Киму пришли очень необычные гости. Быть

может, о них могли бы что-то рассказать фигурки древних богов, во множестве имеющиеся в квартире, но они молчали и лишь не сводили с пришельцев своих грозных глаз, уставших созерцать Вечность, а сейчас пробудившихся. Это были очень необычные гости, они проделали столь долгий путь, что, сбегив от них хоть на край земли, им понадобится лишь шаг, чтобы настичь. Они пришли, все же обогнав Ветры Увядания, и прах умерших эпох осыпался с их усталых ног. Поэтому встречать этих гостей следовало по-особому.

Как только они оказались в холле, Олежа, чувствующий, что всего лишь шаг отделяет его от темного плещущегося моря, вздыбливающегося пенными волнами безумия, с силой захлопнул входную дверь. Гости оказались меж двух зеркал. В бесконечном лабиринте.

— Уходите, — размеренно произнесла Дора.

Она стояла к ним спиной.

Все еще живые, человеческие глаза Робкопа устремились на Олежу, и мощный бородач ухватился руками за голову, а затем его тело наполнилось ватой, мир перед глазами поплыл, и он покорно сел. Робкоп уже не смотрел на него, он сделал шаг к Доре.

— Уходите, — повторила Дора. — Вы — с другой стороны, уходите.

Робкоп увидел на голове Доры резиновую корону, и его треснувшие губы искривили обезображенное лицо гримасой усмешки.

— Интересно, — проговорил Робкоп. — Амадеус?..

Олежа открыл глаза и, словно за пеленой полусна, увидел Робкопа в зеркале. Каким-то непостижимым образом в зеркале его фигура начала увеличиваться в размерах, повисая в холле грозной тенью, кожа продолжала трескаться со звуком лопающихся пузырей, а из глаз, больше уже не казавшихся человеческими, стало изливаться ЧТО-ТО БЕЛОЕ...

— А ты знаешь, каким может быть молоко с ДРУГОЙ стороны?! — прорычало это нечто, делая шаг к Доре.

И тогда Олежа увидел, как над ставшими совершенно пустыми глазами существа начала образовываться маленькая щелочка. Она все больше растягивалась, превращаясь в скользкий растущий овал. Олежа видел, что со стоящим в холле вроде бы ничего не происходило, но там, в зеркале, у исполина пробуждался третий глаз — абсолютно зрячий и живой глаз циклопа. Олежа видел маленькую беззащитную фигурку девочки, но его тело не подчинялось ему, и он не мог никак ей помочь.

— Уходите, — слабо проговорила Дора. — Ну где же ты, где?! — И это был голос смертельно перепуганного ребенка.

Но Дора больше не интересовала Робкопа и пришедших с ним. Они уже видели Профессора Кима и лучше всех других знали, ГДЕ он мог сейчас находиться. В следующую секунду они готовы были направиться в причудливый кабинет, чтобы объяснить этим непонятливым людям истинную цель своего визита.

А потом что-то случилось с изображением Доры. Больше не было маленькой перепуганной девочки с игрушечной короной на голове. Из зеркальных глубин бесконечного лабиринта появилась невообразимой красоты женщина, и ослепительным огнем зажглись камни ее великой короны. Воды морей забвения расступились, и золотой свет древней луны вылился сейчас в холл.

— Вы не пройдете туда, уходите, — прозвучал голос. Это был голос Доры, но ослепительный свет великой Королевы заполнил все вокруг. В зеркале Королева-жрица предостерегающе подняла руку.

Спутники Робкопа — перепуганный мальчик и выглядевший в этот момент довольно жалким дед — опустились на колени перед древней Королевой. И снова странное видение посетило Олежу: ему показалось, что сквозь их изображения в зеркале проступили черты двух склонившихся золотокожих гигантов.

Робкоп сделал шаг назад — изображение исполина в зеркале вдруг покрылось могильным прахом и рассыпалось.

— Я не покорился Королеве-жрице, — прозвучал голос Робкопа. — Я вернулся в свой Дом.

Робкоп озирался по сторонам, потом вскинул голову, и через мгновение сноп огня, страшная молния, бывшая гневом начала времен, вырвалась из его глаз. Только Королева подняла руку — и молния стала нежным светом, растаявшим в зеркале. Нежным светом распустившихся цветов.

— Уходите, — проговорила Дора.

В этот момент мальчик Егор все же нашел своего Профессора Кима. Охранник, так нуждающийся в десяти днях отпуска в январе, не смог его догнать. И сейчас мальчик бежал к единственному для него человеку в мире, который сможет помочь. Мама, его дорогая мама и лучший друг находятся в беде. Почти весь мир сейчас ополчился против него, и хищное дыхание погони уже совсем рядом. Он бежал в течение всего этого бесконечного, самого короткого дня в году и сейчас оказался в самой длинной ночи, но все же достиг своей цели раньше, чем его поймали и спалили, как безмозглую курицу. Егор позвонил, но никто не открывал, хотя слышны были голоса. Дверь в квартиру Профессора Кима оказалась незапертой. Егор даже не подумал, почему он входит без приглашения. Он все объяснит потом. Слишком долгим был его сегодняшний день, чтобы теперь останавливаться, тем более в прихожей светло и кто-то есть. Слышны голоса.

Именно сейчас водолаз Олежа понял, какую он совершил ошибку. Он забыл сделать одну маленькую вещь, но она оказалась роковой.

— Как только вы их впустите, сразу же закройте двери, — говорила ему Дора.

Он этого не сделал. Он не запер дверь. И сейчас маленький испуганный мальчик ее открыл и спросил что-то о Профессоре Киме.

Но зеркальный лабиринт уже нарушился. Хищное дыхание погони достигло цели. Большое зеркало на стене холла треснуло. Дора застонала.

Тень накрыла лицо Королевы-жрицы. Ослепительный свет драгоценных камней ее короны погас, как погасло и это небо за

окнами, морозное московское небо, где повисла Луна, атакующая Землю. Миры уже давно столкнулись, выдыхая в веселящихся огни московских улиц пары безумия. И пасть головокружительной бездны посреди ночных морей, где плыл огромный город, уже разверзлась.

Робкоп двинулся к кабинету Профессора Кима. Барабаны теперь звучали оглушительно.

Где-то с ДРУГОЙ стороны, посреди оживающего мира Королевы-жрицы, учившей любви богов, посреди сверкающих кристаллов еще никем не потревоженной памяти, превращающихся сейчас в звенящую капель, стояла Спиральная Башня.

Долгий сон окончен, и он уступил древнюю Королеву.

— Ты должен дойти до Последней Запертой Комнаты. Там пересекаются все линии...

Мир, по которому, подобно воину древних преданий, шел Профессор Ким, разлепил свои сонные глаза. Он оживал, он нуждался в идущем, смотрелся в него, как в зеркало, — этот мир обладал совсем юной памятью и не знал, как строить себя, — и когда Профессор Ким смотрел на отдельные предметы, они изменялись и становились привычными. Вокруг была озорная, восхитительно веселая игра молодой природы, первые мгновения после долгого сна, и кровь этого мира, пролитая вечность назад, прорастала сейчас новой зеленью, молодыми побегами живых плодоносящих деревьев.

Это была сказочная страна Урса, неподвластная ветрам увядания (сэр Джонатан Урсуэл Льюис все правильно угадал, и пару часов назад Профессор Ким уже прочитал его большое письмо), и сейчас она пробуждалась, наслаждаясь своей новой юностью. А потом пена древних воспоминаний содрогнула этот мир, и он притих, обнаружив в центре себя уносящуюся в небо громаду Спиральной Башни.

И опять Профессор Ким не смог ее разглядеть. Башня была укрыта ярким сиянием, словно вся она состояла из драгоценных

камней, словно она была самым великим драгоценным камнем мироздания, предназначенным лишь для того, чтобы любоваться им. Древние боги, воздвигнувшие эту башню в пору, когда мир еще только родился, могли бы гордиться своим творением, если только сама башня не была старше древних богов. И возможно, где-то в бесконечной высоте этого ослепительного сияния находился сад, рассеявший сумрак, чудный сад, напоенный светом распустившихся цветов.

— Башня... Ты должен дойти до Последней Запертой Комнаты. Там пересекаются все линии...

Постепенно сияние начало меркнуть. Профессор Ким видел, как сначала проступили очертания сверкающей лестницы, уносящейся ввысь и охватившей спиралью всю башню, затем показались висящие над пропастью балконы, выступили начавшие тускнеть стены башни, изрезанные множеством окон, галереи, своды перекрытий.

Где-то по ДРУГУЮ сторону уже скисло молоко, оставленное в эмалированной миске на трехногом табурете у дверей, и страшная трещина сожрала большое зеркало, висящее на стене в холле. Разрушился зеркальный лабиринт, и тень громадной Спиральной Башни накрыла этот пробуждающийся мир.

Сияние померкло. Но опять Профессор Ким не смог рассмотреть башню, не смог охватить ее взглядом. Башня вдруг приблизилась, навалилась, раздавив Кима своей непомерной тяжестью, он посмотрел вверх, и головокружительная бесконечность чуть не превратила его в пылинку, уносимую ветрами в пространства, из которых еще не создавался мир. Профессор Ким хотел рассмотреть основание Спиральной Башни, но и там обнаружил лишь дымную бездну: расширяющееся основание башни, казалось, выросло из пропасти такой глубины, что свет, проникая туда, сразу же становился мраком, обладающим непроницаемостью камня. Башня манила его, но не желала открыть себя. Вдруг в какой-то момент Профессору Киму показалось, что башня дышит, что он чувствует ее дыхание, растянутое в изгибах эпох,

медлительное и быстротечное, как Время, обладающее свойством останавливаться или ускоряться.

А потом не стало вокруг пробуждающегося мира Королевы-жрицы, не стало шума падающей воды и молодой играющей радуги — все это поглотила, вобрала в себя громада башни. Не было больше ничего. И остались только он — человек, пришедший сюда, в запретные земли, где уже не существовало граней, отделяющих его Дар от Безумия, — и башня, Спиральная Башня, стоящая в центре мира.

Робкоп уже шел к овальной комнате, где по углам стояли фигурки древних богов и макеты пирамид, а под потолком плыла большая рыба и за которой находился кабинет Профессора Кима. И в этот момент Артур, все еще продолжающий следить за знаками, не переставал повторять:

— Ким... Ким! Надо снять шлем. Они уже здесь, Ким... Дора не смогла задержать их... Надо снять шлем!

Вокруг не было ничего. Открылись двери Сумрачной страны и поглотили весь видимый мир. И остался лишь человек, в глазах которого отражалась башня, Спиральная Башня, окутанная Сумраком.

Маленькие Истории и Большие Истории совместились.

И в это же время много неожиданного произошло на улицах Москвы, казалось, привыкшей ко всему за последние пять лет.

Большая компания гуляк ожидала своих друзей перед дверьми модного ночного клуба, расположенного в самом центре столицы, на Тверской. Это была вечно веселящаяся московская тусовка, не пропускающая ни одного мало-мальски заметного мероприятия: звезды всех мастей и ранжиров, звездные дети и звездные бездельники, часто богатые, молодые, красивые и беспечные...

И был с ними некто, известный как просто Жан, один из самых успешных и модных фотографов Москвы. Его друзья пола-

гали, что если бы не склонность к выпивке, то Жан был бы «не одним из», а «самым-самым». Жан так не считал. Он говорил, что ему необходима релаксация. Он говорил, что перепробовал все формы кайфа, от тривиальной «травки» до «кислого», но вернулся к старой доброй выпивке. Сейчас Жан пребывал в многодневной релаксации, но не утратил цепкости глаза, профессионального умения видеть больше, нежели обычные смертные. То, что мелькнуло сейчас в воздухе, было не просто «больше»... Такого еще никогда и никто не видел. Пару месяцев назад Жан был в Лондоне по делам агентства, с которым сотрудничал, и полностью обновил фотоаппаратуру. Это была последняя модель «Никона» со всеми возможными сменными объективами, пеналом электроперемотки пленки, чтобы кадры выстреливались, как из пулемета, и множеством других профессиональных штучек. Жан выложил за камеру больше трех тысяч фунтов. Сейчас его руки автоматически, видимо, опередив способность согретого алкогольными парами мозга к анализу, потянулись к камере.

— Смотрите, что творится в небе, — проговорил он, ни к кому конкретно не обращаясь.

— Ты чего это, Жан, — усмехнулся кто-то, — галюники начались?

Только что в морозном московском небе, сотворившись из мрака, закрывшего звезды, появилось нечто, не поддающееся никаким описаниям. Жан стоял, вдавленный в освещенный огнями тротуар, не в состоянии больше вымолвить ни звука и лишь подняв вверх худую слабую руку. Казалось, что прямо из тела ночи выступило что-то невообразимо огромное и повисло над Москвой, закрыв половину неба. А потом из-за края этого сумрака показалась непривычно большая и все еще круглая луна, и в льющемся кроваво-золотом огне чужого светила Жан увидел отблески стен. Громадная башня неслась над Москвой. Нет, конечно, она стояла, навалившись своей безмерной тяжестью, но все это вместе — башня, сумасшедшая кровавая луна и сумасшедший город — несло куда-то...

— Башня, — прошептал Жан. — Всмотритесь — башня!

Но в морозном московском небе уже ничего не было.

Друзья лишь добродушно смеялись:

— Дядька, завязывать пора...

— Нет, только что было, — настаивал Жан, голос его дрожал, и, несмотря на мороз, на лбу выступили капельки пота.

— Жан с поднятой рукой, — прозвучал насмешливый женский голос, — пророк визуальных образов... Ты чего сегодня пил? Больше этого не пей, хорошо?

— Дура, — огрызнулся несчастный фотограф. — И потом, смотрите — сейчас не может быть полной луны, месяц идет на убыль.

— Ладно, Жан, достал своими телегами, пошли выясним, как обстоят дела с проходом...

— Мне не надо ничего выяснять, — проговорил Жан, успокаиваясь, — я в списке...

Но сегодня Жану будет не очень весело. Он отколетса от своей компании непривычно рано и отправится домой. И ляжет спать. И увидит во сне башню, громадную Спиральную Башню, стоящую в центре мира, и увидит Сумрак, окутавший ее...

Нина Максимовна возвращалась из института в свою одинокую и не очень уютную квартиру незамужней женщины. Нина Максимовна никогда не торопилась домой, если только не было какого-нибудь телевизионного сериала. Она шла от института пешком, пока не уставала, и потом проезжала одну или две остановки на метро. Сейчас ноги вынесли Нину Максимовну на Красную площадь. Она шла по той стороне, где находились витрины ГУМа, убранные к Рождеству, но ее не радовало красивое и яркое изобилие в наряженных, расцвеченных окнах старинного здания.

«Стервец, — думала Нина Максимовна, — маленький стервец! Все же убежал... Нет, эта Рита — полная дура; видимо, Ирочка не так проста... Видимо, каким-то образом она предупредила мальчишку! Иначе с чего бы ему убежать, не дождавшись своего Кима?»

А потом Нина Максимовна остановилась как вкопанная, не веря своим глазам. Она беспомощно посмотрела по сторонам, словно ища поддержки у прохожих, и снова повернулась к... этому.

— Что со мной такое? — прошептала Нина Максимовна. — Это что — обморок?.. Сердце?

Сейчас на месте Мавзолея Ленина, под стенами древнего Кремля, на таком знакомом с детства месте, где принимались все военные парады и все многочисленные, окрашенные в красное, торжественные и веселые советские праздники, находилось нечто, гораздо более древнее, чем Кремль. Не было больше Мавзолея вождя мирового пролетариата. Не было вовсе, и на его месте в холодном свечении камня спал Сфинкс, его пустые каменные глаза смотрели дальше границ Москвы, дальше огней городов и летящих в небе самолетов, за границы снега и ночи. Они созерцали Вечность.

— Мне плохо! — вскрикнула Нина Максимовна сорванным и неожиданно писклявым голосом.

Кто-то из прохожих остановился. Послышались голоса:

— Женщине дурно...

— Вызовите врача. Позвоните в «скорую»...

Но так же внезапно все прошло.

— Нет, нет, спасибо, — проговорила Нина Максимовна, — все в порядке...

Кто-то недоуменно пожал плечами, и нарушившийся было ритм улицы стал прежним.

Нина Максимовна с опаской повернула голову. Мавзолей стоял на месте.

— Стервец маленький! — желчно выдавила Нина Максимовна и отправилась домой. И ее поглотила ночь.

Но не только несчастный фотограф Жан и несчастная женщина Нина Максимовна увидели нечто невообразимое, странное в этот момент, от чего, будем откровенны, прилично попахивало безумием. Множество людей, боясь сознаться в том себе и

своим близким, видели, будто бы в полусне, очертания золотокожих великанов, прошедших по Москве, словно это были сказочные древние легионы, уходящие в свою последнюю битву, и видели, как луна, чужая, незнакомая луна, оставляющая в небе кровавый след, освещала башню. Громадную Спиральную Башню, выступившую из тела ночи и повисшую над Москвой как знак великих космических катастроф, еще иногда случающихся в этом мире.

Робкоп шел к кабинету Профессора Кима, но по другую сторону не было больше ничего — Сумрак поглотил весь видимый мир. И остался лишь человек, в глазах которого отражалась башня, Спиральная Башня, стоящая в центре мира.

Каменная лестница, охватывающая всю башню спиралью и уносящаяся ввысь, вдруг содрогнулась, словно башне стало тесно в этих объятиях. Ступени начали трескаться, крошиться, раскалываться на части и опадать в бездну, и там, где находилась лестница, на стенах башни выступили темные пятна свежей крови. Осколки лестницы падали в пропасть, рождая эхо, превращающееся в низкий, все более нарастающий гул. На какое-то мгновение Профессору Киму показалось, что в этом низком глубоком звуке можно различить отдельные голоса, словно прах умерших эпох встрепенулся, пробужденный этим бесконечным камнепадом. Лестница продолжала разрушаться, а потом вместо крошащихся каменных ступеней проступило нечто, находящееся под этим отжившим панцирем; под крошащимися ступенями блеснула скользкая живая чешуя. И уже не стало каменной спиральной лестницы — из непомерно тяжелых, вымазанных пятнами темной крови стен выступил бок огромного животного, гигантской змеи, сжимающей башню в смертельных объятиях.

Профессор Ким поднял копье, и какое-то странное чувство снова завладело им. Уже не в первый раз за сегодня. Предчувствие? Что-то должно было произойти... Что-то, о чем он знает, что он уже видел когда-то. Вот, вот, уже рядом... И это ощущение

опять отпустило его, но на мгновение он почему-то услышал голоса Африки...

Он должен что-то успеть понять или вспомнить, ведь должно случиться что-то важное или даже роковое... Что-то непостижимым образом могло связаться сегодня, хотя, возможно, это просто тревожное ожидание. Но ему уже не было отведено времени думать об этом.

И в тот момент, когда Робкоп оказался на пороге овальной комнаты и с гримасой усмешки на обезображенном лице оглядел фигурки древних богов, стоявших по углам, Профессор Ким нашел то, что искал.

— Дверь перед тобой... Смотри сквозь тьму! Заставь себя. Вызови дверь — Последняя Запертая Комната рядом...

Прозвучавший голос показался знакомым, и какая-то щемящая тоска прокралась в сердце, волнение и печаль... Странная печаль, потому что он знал — эта печаль никогда не будет преодолена...

— Смотри и вспоминай, — прошептал этот голос. — Мы состоим из воспоминаний.

Профессор Ким так и не успел понять, кому он принадлежит, но забытый терпкий запах ореха начал наполнять все пространство вокруг, и опять его сердце кольнуло это странное предчувствие или ожидание...

Он сразу же узнал эту дверь. Профессор Ким никогда не предполагал, что она будет такой, но он узнал ее сразу. Больше тридцати лет назад он уже видел эту дверь. Тогда, сорвавшись с лестницы, с каменной громады сталинского ампира, он провалился в темноту, а потом был сильный запах эфира в смеси с медицинским спиртом и чего-то еще — пугающие запахи больницы. И когда он открыл глаза, первое, что увидел, была эта дверь. Белая, выкрашенная дверь больничной палаты с запомнившейся ему трещиной. И только сейчас, находясь у Последней Запертой Ком-

наты, он понял, чем была эта трещина... Круг? Ну конечно, можно сказать и так. Но если бы Профессора Кима попросили нарисовать на белом листе бумаги Дорину корону, увиденную девочкой во сне и вырезанную из резинового мяча, рисунок, линия в линию, повторил бы эту трещинку.

Знак? Самая обычная трещина, которую поленились закрасить, такие мелочи обычно забываются. Но сейчас Профессор Ким так не думал. У дверей больничной палаты имелась массивная золоченая ручка — этот госпиталь принадлежал могущественной советской организации, и таких массивных золоченых вещей в нем было немало. Теперь золоченая ручка превратилась в змею, в свернувшуюся кольцом змею, кусающую себя за хвост... Еще один круг? Наверное, можно сказать и так...

— Ты все еще хочешь пройти туда? — Профессор Ким вздрогнул — голос был тот же, но сейчас он почему-то показался фальшивым. — Неужели ты так ничего и не понял?

Профессор Ким повернул голову — от темной стены вдруг отделилась фигура, пришел в движение густой воздух, и крылья огромной ночной птицы на миг закрыли все вокруг, но потом Профессор Ким увидел, что это всего лишь полы длинного плаща. Перед ним, словно давно ожидая его здесь, стоял красивый темнокожий человек.

— Ты же ведь узнал эту дверь, — проговорил он, и его губы тронула чуть печальная улыбка, — и ты все еще хочешь пройти туда?

— Я прохожу. — Профессор Ким взглянул на сверкнувшее острие копья.

— Ты даже не представляешь, что ты там увидишь...

Профессор Ким поглядел на красивого темнокожего человека, известного некоему улыбчивому бармену с другого конца света под именем мистер Норберт, и понял, что смотрит во встревоженные глаза хищной ночной птицы.

А потом Белая Дверь с золотой ручкой-змеей и небольшой трещинкой-коронай начала открываться, и черный ветер, ждущий за ней, поглотил Профессора Кима.

Черный ветер поглотил Профессора Кима. Открылась Дверь в Последнюю Запертую Комнату, но Профессор Ким ничего там не увидел. Лишь мрак объял его, безысходная последняя мгла. Какая-то болезнь, всемогущее безумие вошло в него, вторглось и мгновенно подавило психику, живое тело кошмара обступило со всех сторон, заставляя сопротивляться сознание Профессора Кима, панически искать спасительного бегства. Потому что еще чуть-чуть, и черный ветер просушит каждую клеточку его естества и растворит в этой мгле, сгущающейся до непроницаемости камня, и оставит там НАВСЕГДА. А черный ветер завывал, как первый на земле волк, увидевший во тьме небес первую луну, и Профессор Ким почувствовал, что этот вой сейчас взорвет его изнутри и уничтожит все, кроме маленькой частички, совсем небольшой, но видевшей когда-то первого на земле волка. Бежать сейчас... Или что-то переродит его природу. Черный ужас... А может быть, освободит...

Но бежать уже было поздно. Он узнал эту надвигающуюся луну, окрасившуюся кровью. Пять лет назад в ночном кошмаре он уже видел ее. Находясь в другом конце света, где кровавые закаты разливали по саванне золото дневного восторга; находясь на полпути к озеру Рудольф, где черные африканские пчелы откликнулись на древнее заклинание; находясь в доме Папаши Янга, человека, ожидающего Лиловую Зебру, он уже видел эту Луну, атакующую Землю. И сейчас сквозь свист обезумевшего ветра она неслась навстречу. Но это была уже не Луна. Золотой ореол поблек, кровавые пятна сжимались, расходясь в два угла, как на детском рисунке, где луна была с глазами, и нечто бледно-белое, порождающее странный шум, пожирающий пространство, неудержимо несло на него. Но еще до столкновения Профессор Ким понял, чем оно было. В сознании промелькнула старуха из того ночного кошмара, прижимающая к груди какой-то сверток, милая женщина, любящая птиц и однажды отравившая Раль-

фа... Налитые кровью глаза, гипсовые губы, растягивающиеся в ухмылку, плоть, проступающая сквозь засохшие трещины... Ему навстречу неслась гипсовая копия его головы. И она оживала... А потом была яркая вспышка, отвоевавшая часть пространства у сгущающегося вокруг мрака, и в этой вспышке промелькнули контуры темнокожего человека, расправляющего крылья-полы своего длинного плаща. словно Профессор Ким увидел рентгеновский снимок, ожившее изображение, надвинувшееся на него.

И все прошло...

Профессор Ким непонимающе глядел по сторонам, мрак вокруг рассеивался, и проступали очертания чего-то очень знакомого, надежного и родного. Профессор Ким тряхнул головой, и вещи совместились.

О Боже! Все прошло, он находился дома, в своей квартире. В своей большой квартире на пятом этаже, в самом центре Москвы. Только почему-то не в кабинете, а рядом, в овальной комнате, но какое это теперь имело значение? После всего, что он только что пережил, это уже не имело никакого значения. Возможно, после этого страшного удара и вспышки он просто лишился сознания, и, наверное, ему была оказана помощь. И сейчас он приходит в себя в овальной комнате, и фигурки древних богов не сводят с него своих изумленных глаз... Все правильно — видимо, он выключился на какое-то время, потому что с ним больше нет его копья, африканского копья, получившего силу Великого Божества и прошедшего его сквозь эти черные лабиринты, и нет шлема. И какой-то странный солоноватый привкус ощущается на губах, дурманящая, зовущая влага. Что это — кровь? От напряжения он прокусил до крови губы? И почему дурманящая и зовущая? Вода, временем истекающая из вечности, кровь и молоко...

Нет, он явно еще не в себе! Что за безумные мысли? Что борется в его голове?! И зачем он забрался на табуретку или на стул? Чтобы стать выше?.. Этот странный, дурманящий привкус на губах... Он явно еще не в себе.

И почему Артур с таким ужасом смотрит на него, словно увидел ожившего мертвеца? Эй, Артур, я вернулся... Ты что, уже все закончилось. Эй, приятель, все в порядке, все в полном порядке! Какое странное, шальное, незнакомое ощущение, какая-то эйфория... Нет, он явно еще не в себе, что за нелепые мысли лезут в голову, о каком-то всемогуществе... И кто это стоит там рядом с Артуром, вздумал поиграть? Напялил на себя шлем, схватился за копьё? Что это такое?! Захотел прогуляться по компьютерному миру, пока его приводили в чувство?

Он не в себе, и что-то не так.

И ОСТАВИТ ТАМ НАВСЕГДА.

Надо взять себя в руки и слезть с табурета. Потому что не все в полном порядке, не все...

Профессор Ким резко обернулся — в комнате было светло, а за окнами плыла морозная ночь. Он смотрел во тьму, густеющую за окном, и чуть ближе этой тьмы — на отражения, на зеркало, созданное тьмой из оконного стекла (еще одно?), и чувствовал, что кошмар еще не отпустил его. Он сделал шаг к окну (О Боже! Он не споткнулся, сходя с табурета. Не было никакого табурета, и он не стал ниже!), и тогда нечто странное в комнате пришло в движение. Отражение в окне, в темном зеркале — к нему приблизилось нечто!.. Профессор Ким сделал еще шаг, и тот, другой, стал ближе. Черный ветер выл за окнами. Что-то случилось с зеркалом? Нет. И ты прекрасно знаешь, что нет. С зеркалом все в порядке, в полном порядке... Что-то случилось с тобой.

Профессор Ким смотрел на то, что отражалось в черноте окна. Тот, другой, не сводил с него совершенно безумных глаз, горящих на обезображенном лице. Вот откуда этот солоноватый привкус. Все его лицо покрыто страшными свежими шрамами. Но проблема в другом; потому что это не его лицо. Нет! Он смотрит на себя и видит чужое обезображенное лицо! Но главная проблема заключена в том, что он знает, чье оно! Вчера Профессор Ким уже видел этого смешного, маленького, коренастого человечка, только сейчас он изменился. И уже не был маленьким, и уж тем

более — смешным. Даже если вы склонны к самому мрачному юмору, вам бы не пришло в голову сейчас смеяться. Он изменялся, но его еще можно было узнать. Вчера на пороге павильона суперкомпьютерных игр Профессор Ким его уже видел, а из-за плеча этого человека выглядывал мальчик, только в глазах этого милого подростка не было зрачков...

Робкоп! Дора говорила, что его называли Робкопом. Неплохое имя. И сейчас его еще можно было узнать, но он изменялся.

В зеркале, отображающем реальность... Очень хорошо. Зеркала для того и нужны, чтобы отображать реальность. «Давайте смотреть на вещи реально, — как любит говорить дед, мой увенчанный лаврами дед, которому так симпатизирует Мадам, — давайте смотреть правде в глаза». Очень хорошо... И эта правда ныне заключается в том, что Профессор Ким смотрел на себя в зеркало и видел нечто невообразимое — он видел Робкопа, превращающегося сейчас во что-то скользкое и увеличивающееся, чему не было имени и что сбрасывало человеческий облик... И, словно в подтверждение, Профессор Ким поднял руку, в которой еще недавно было такое всемогущее копьё, — тот, другой, в зеркале повторил этот жест, — и увидел ссохшуюся, всю в липкой жидкости, темную лапу огромной ночной птицы...

И в следующее мгновение мир чуть не взорвался у него в голове.

Вот в чем заключалась правда самой длинной ночи.

И ОСТАВИТ ТАМ НАВСЕГДА.

И вот что ждало его в Последней Запертой Комнате.

(Ты даже не представляешь, что ты там увидишь!)

Профессор Ким сжал в кулак остатки самообладания (интересно, а у него есть кулак или это теперь называется по-другому?), повернул голову и сделал шаг к своему кабинету. Артур попытался — он видел надвигающегося на него Робкопа... То, чем он стал. В глазах Артура отражался монстр.

— Ким, Ким, — шептал Артур, — он здесь, я сниму с тебя шлем...

Он снимет шлем, и тогда...

ОСТАВИТ ТАМ НАВСЕГДА.

Профессор Ким стоял у компьютера, он был облачен в шлем и сжимал в руках копьё Великого Африканского Божества. Это видел Артур — Профессор Ким находился в бесконечной глубине компьютерной реальности, но это была не вся правда.

Профессор Ким прошел сквозь последние двери. Круг замкнулся. Сознание Профессора Кима (вспышка, рентгеновский снимок) заглохло в глубине Робкопа, монстра, входящего сейчас в причудливый кабинет. Значит, у компьютера осталось лишь тело, а может, БЕЗУМИЕ СМОГЛО ОСВОБОДИТЬ...

Профессор Ким лишь сбросил кожу.

И ОСТАВИТ ТАМ НАВСЕГДА.

Но человек, облаченный в шлем, сжимал в руке копьё со сверкающим наконечником. Их движения не были синхронными, но, бесспорно, он управлял монстром, вошедшим сейчас в кабинет.

Но и это была не вся правда.

Робкоп сразу же почувствовал чужое вторжение. Он воспротивился и хотел перехватить инициативу. Но и тот, другой, оказался обладающим силой. Робкоп многое знал об этой силе. Он понял, как мало у него времени. Робкоп должен был спешить.

Профессор Ким видел себя со спины, облаченным в шлем и сжимающим в электронной перчатке копьё Великого Африканского Божества. Артур продолжал пятиться, вот его руки потянулись к шлему. Что будет, что произойдет, если Артур снимет с него шлем... и Робкоп, возможно, химера, продукт его сознания, станет его темницей...

НАВСЕГДА.

Профессор Ким не хотел этого знать. И он уже понял, что надо делать. Жест! Знак, известный только им троим. То, что осталось от Ордена Белых Рыцарей, детской игры. Знак. Артур очень внимательный человек, и он должен его увидеть. Знак!

Профессор Ким попытался поднять свою птичью лапу в рыцарском приветствии, и тогда тот, другой, ожил в нем. Монстр начал сопротивляться. Но Профессор Ким поднимал руку, которая сжимала копье, копье Великого Божества. Монстр внутри его ревел, он был хозяином этого облика и не собирался терпеть чужого присутствия. Он боролся, он был уже в его мыслях и понял намерения непрощенного гостя. Профессор Ким поднимал руку, сжимающую копье, монстр сопротивлялся — это был странный поединок, безумный армрестлинг, но все же ссохшаяся темная птичья лапа поднялась в рыцарском приветствии.

Артур в изумлении глядел на Робкопа. Потом повернулся к Профессору Киму. Рука в электронной перчатке взметнулась вверх. Движения не были синхронными, но если бы эта рука не сжимала сейчас копье, она бы, наверное, поднялась в рыцарском приветствии.

Артур перевел изумленный недоверчивый взгляд на монстра — птичья лапа была поднята в характерном жесте. Могущественная организация — детская игра... Не оставалось никаких сомнений. Артур не мог понять, что это значит, возможно, и западня, но перед ним было приветствие Ордена Белых Рыцарей.

Профессор Ким видел растерянность Артура, но был теперь благодарен, что тот не сорвал с него шлем. Затем изображение стало расплываться, меркнуть, но взамен начало появляться нечто совсем иное, другое видение; у него появилось новое зрение, и оно фокусировалось где-то выше...

У Робкопа пробуждался третий глаз. Совершенно живой и зрячий, и об этом глазе смог бы кое-что рассказать мальчик Денис, когда он в последний раз отправился на поиски Белой Комнаты, и даже водолаз Олежа, видевший его пробуждение в зеркале. У Робкопа открывался глаз циклопа, и Профессор Ким понял, что этот глаз вернет монстру его силу, глаз, смотрящий сквозь черный ветер, видящий во мгле Последней Запертой Комнаты, — если он успеет пробудиться...

Монстр прислушивался к его мыслям. Профессор Ким взглянул на сверкающее каким-то невиданным победным светом острие копья. И тут же внутри его раздался панический крик испуганной ночной птицы. Этот крик оглушил его, заканчиваясь безумным свистом ветра, черного ветра, прильнувшего к окнам, ветра, пришедшего из глубин Сумрачной страны. Копье Мвене-Ньяге отравлено для демона. Но когда-то оно должно было спасти Зеделлу, если бы не было так поздно. Круг действительно замкнулся.

НАВСЕГДА.

Оглушительный рев барабанов крушил реальность, ее стенки становились все тоньше. На мгновение вдруг исчезла куда-то комната. Не было больше квартиры, расположенной на пятом этаже дома в самом центре старой Москвы, и самого дома больше не было. Там, в трещинах гиперпространства, просвечивали образы совсем иных миров и тени иных времен. Совсем чужое небо поднялось из бесконечных глубин сознания Профессора Кима и нависло над Москвой.

«Интересно, это будет больно?» — успел подумать Профессор Ким.

Артур видел что-то странное. Монстр, стоящий перед ним, двинулся к Профессору Киму. Казалось, каждый шаг давался ему с превеликим трудом. А потом темная птичья лапа потянулась к копыю. И рука в электронной перчатке двинулась ей навстречу. Артур боялся шелохнуться и уже больше не проронил ни звука.

Это была мучительная борьба. Монстр ревел, и у него пробуждался третий глаз. Но копьё возносилось все выше. Какой-то сумасшедший ветер стучался сейчас в окно, тревожный кровавый свет луны наполнял комнату. Но острие копья горело все более ярким светом неминуемой победы, спокойное торжество вечно возрождающегося мира было в этом свете. И тогда монстр завыл, и Артур почувствовал, как холодные пальцы сжали его

сердце, — этот вой был наполнен неимоверной погребальной тоской, последней песней прощания.

А потом это существо с силой вонзило острие копья в свой пробуждающийся глаз.

И от его рева выбило стекла и содрогнулась в ночном небе луна, чужая, грозная луна, поднявшаяся над Москвой. И вдруг множество ликов поочередно стало проступать на обезображенной морде монстра. И на миг Артуру показалось, что он увидел свое лицо... Но это только показалось, потому что в следующую секунду весь окутанный зеленым дымом монстр исчез, рухнул, провалился сквозь пол, сквозь разверзшуюся твердь Земли, плывущую через эту звездную ночь... И в это же мгновение Профессор Ким застонал, покачнулся и, выпустив из рук копье, повалился на пол.

Ты хотел знать, что такое Спиральная Башня?

Это дерево, обвитое змеей.

Человек, стоящий в центре Мира, охваченный могучими кольцами Времени.

Его ноги, подобные корням, покоятся в лоне, женском лоне, в рождающей и забирающей земле.

И где-то в бесконечной высоте этой башни находится сад, напоенный светом распустившихся цветов.

Ты хочешь дойти до Последней Запертой Комнаты?

Но ты даже не представляешь, что там тебя ждет.

Ким!.. К-и-и-м-м!

Артур уже снял с него шлем и продолжал повторять, бережно поддерживая его голову:

— Ким! К-и-и-м-м!

Он бил его по щекам и тряс за плечи.

— Ким, Ким, Ким! Очнись... Ты слышишь? Вернись... Ким... Ким.

Профессор Ким открыл глаза и непонимающе посмотрел на Артура. Не было ничего. Лишь только спокойный и ровный поток воды. Радостное движение мерцающей синивы. В котором ты плыл или летел и границы этого «ты» не были определены.

Ким! К-и-и-м-м!

— Привет, Артур, — тихим голосом проговорил он. — Я так рад тебя видеть. — А потом перевел взгляд на разбитые окна и на успокоившуюся луну, плывущую в морозном небе.

— Чертов ты сумасшедший... — выдохнул Артур.

— Судя по всему, ты здесь тоже не очень скучал, — произнес Профессор Ким, и его губы тронула тихая улыбка, но глаза смотрели куда-то сквозь склонившегося к нему Артура и все еще видели тьму за закрывающимися дверьми Сумрачной страны, но видели и свет, нежный, изумительный свет, о котором он никому никогда не расскажет. Глаза его все еще видели тех, кто остался в этом свете...

— О-о — Джандо, — прошептал Профессор Ким. — Значит, и со мной это случилось Тогда... Но закончилось лишь сейчас.

— Разбитые окна, треснувшее зеркало и чашка скисшего молока — не так уж и много. — В кабинет вошла Дора, и ее еще совсем недавно такое бледное личико снова стало принимать озорное, хулиганское выражение. Дора с деловитой невозмутимостью решила подвести итоги: — Совсем немного, если учесть, что их суперкомпьютерный павильон накрылся медным тазом! Смотрите — там, по-моему, пожар... Вот такой вот блин!

А потом из-за ее плеча появился Олежа, и трое взрослых мужчин, глядя на нее, вдруг почувствовали, что кошмар этой ночи отпускает их и что все уже прошло, а потом... начали неудержи-

мо смеяться. Они смеялись так, как это удается делать людям, когда они находятся в возрасте Доры, и этот смех изгнал последние остатки черного ветра, растворяя его в яркой морозной ночи, стоящей за окнами.

Дора какое-то время подозрительно косилась, наблюдая этот внезапный приступ веселья, а потом произнесла:

— Между прочим, там, в холле, двое ребят и какой-то дедушка, и, по-моему, им не так весело... Интересно, что вы им собираетесь рассказать?

Но это заявление вызвало лишь новый приступ смеха.

— Надо же, — пожала плечами Дора, — ржут как сумасшедшие... — Она поправила сползшую набок резиновую корону, словно вовсе не собиралась с ней расставаться, и проговорила: — Мне тоже было очень страшно, но ведь теперь они ушли? Ведь двери теперь закрыты? Ведь правда?! Ушли.

И только тогда тень окончательно покинула ее личико, и глаза Доры просияли.

— Ну и ладно... А все же интересно, куда мы с папой поедem в этом году кататься на лыжах?..

40. Конечные результаты

И уже ничего больше в эту самую длинную ночь не случится. Черный ветер, опалив землю пеплом, видимым лишь теми несчастными, кому суждено идти сквозь ночь, сквозь пустыни миражей, наполненные призраками несбывшихся надежд, сквозь ослепительные горные страны, возвышающиеся горами непереносимой памяти, сквозь вздохи кипящей страсти, так близко под-

водящие к не существующей на Земле Любви, но потом лишь опадающие печальными лепестками тихих белых цветов, этот ветер ушел, забирая с собой кровавое золото кипящих лунных морей, ушел, и луна успокоилась. А позже северный снегопад укрыл землю, чтобы не тревожить воспоминания, и небо стало ясным. А потом солнце родилось заново — день начал удлиняться...

Да, больше ничего не случилось, хотя, конечно, итоги, подведенные Дорой, оказались неполными. Весьма неполными.

Одной из самых потрясающих новостей, взволновавших весь столичный бомонд, было кратковременное психическое расстройство главы одной из наиболее устойчивых финансово-промышленных групп Юлия Ашкенази. Президент крупнейшей корпорации — надежда возрождающейся российской экономики, молодой и энергичный бизнесмен, трудяга, работающий по шестнадцать часов в сутки, а если и появляющийся изредка в обществе, то лишь в сопровождении самых известных и вожделенных девушек Москвы, — вдруг изнасиловал свою личную секретаршу. А потом скрылся с места сколь циничного, столь и нелепого преступления. Однако был легко обнаружен на следующий день на Центральном рынке, где рекомендовал обалдевшим от его вида торговцам продавать бананы. Причем по самой низкой цене, ибо завтра за них уже не дадут ни копейки! Оказалось, что до момента задержания он посетил уже несколько рынков и пару крупных гастрономов, где срочно потребовал директоров и выступил с подобным же предложением.

Не менее странными были корреспонденции, отправленные Юликом своим деловым партнерам накануне: там он усиленно советовал избавляться от бананов, потому что — пока об этом знает только он, но вскоре очевидная истина откроется всем — бананы начали гнить. Все бананы во всем мире, а это неминуемая катастрофа... Никто из его нынешних партнеров не был связан с фруктовым бизнесом. Никогда. Но все же один из лучших российских адвокатов, умные врачи и деньги сделали свое дело, и вскоре Юлик уже смог вернуться к исполнению своих обязан-

ностей. Так что единственным человеком, которого Юлик все-речь напугал, была любимая мама, находящаяся в Париже, куда Юлик должен был приехать на День святого Валентина. Вместо него пришло письмо, где любящий сын писал, что наконец нашел девушку, точь-в-точь похожую на любимую маму как внешне, так и внутренне, и просил одобрить свой выбор. К письму прилагалась цветная фотография «кодак». Любимая мама была маленькой, чуть сутуловатой женщиной, пепельной брюнеткой с царственными манерами и небольшими усиками, проявившись с возрастом. С цветной фотографии «кодак» роскошно улыбалась белокурая красавица на полголовы выше самого Юлика, нежно обнимающего ее за талию. К письму имелась приписка: «Мамуля, Блонди, как и ты, обожает мексиканцев...

Любимая мама никогда не задумывалась о своем отношении к мексиканцам — кукарача, перец-чили, вот вроде бы и все, — но сейчас, глядя на фотографию, подумала, что скорее всего она их ненавидит.

— Он сошел с ума, — пролепетала любимая мама. — Блонди... Это что такое? Какие мексиканцы? Что это значит? Он любил свою мамочку или он сошел с ума!

Нет, конечно, первое предположение не могло быть верным. Юлик никогда бы не смог разлюбить свою мамочку. Так что из двух предположений, сделанных любимой мамой, верным оказывалось второе. Но, как было отмечено выше, помутнение рассудка у Юлика было довольно кратковременным. И такая несколько своеобразная первая брачная ночь вскоре обросла легендами, в которые поверила и сама Блонди, — будущий муж так долго и упорно скрывал свою страсть, что в результате она вылилась в легкое психическое расстройство и подвигла Юлика на столь неразумные действия. Наверное, подобным романтическим историям можно верить, тем более что ничего другого больше и не остается, — кто ж мог предположить, что в процедуре ухаживания за красавицей Блонди Юлик решит столь резко опустить «необязательные моменты»... Так что для этой новоиспеченной пары

все закончилось хорошо, если не считать неожиданно развившейся у Юлика бананобии и странного требования убрать из его кабинета все электронные средства коммуникации.

Но кому-то повезло гораздо меньше.

В тот момент, когда начали гнить бананы и Юлик Ашкенази в собственном кабинете насильствовал свою будущую жену, Хотаб, раскинув руки, лежал у Дяди-Витинового подъезда. Нет, он упал не с неба, он сорвался с пожарной лестницы. Глаза Хотаба были раскрыты, словно он старался что-то увидеть в черноте накрывающего его навсегда неба. Его лицо разгладилось и как-то посветлело, и только сейчас стало ясно, что он был красивым.

— Бедный, совсем молодой... — проговорил кто-то из собравшихся.

Хотаб умер еще до прибытия «скорой помощи», санитары закрыли его глаза и накрыли белым его лицо, и Хотаб отправился в свое последнее путешествие по ночной веселящейся Москве, где оставалось столько ярких и манящих заведений и где теперь уже другие будут ставить на zero и обкладывать со всех сторон такую счастливую (но все же не принесшую счастья!) цифру «тринадцать». А собравшиеся соседи еще долго обсуждали подробности, и кто-то уверял, что несчастный парень вроде бы сам отпустил руки, протягивая их куда-то вверх, хотя на лестнице больше никого не было.

Соседи посудачат какое-то время да и разойдутся, и все забудется. Лишь непонятно откуда взявшийся и пропитавший во круг весь воздух запах керосина еще будет какое-то время витать над местом трагедии.

Земной путь Хотаба закончился. Не будем жалеть о нем. Он встретился со своими собственными воспоминаниями, и, наверное, никто, кроме самого Хотаба, не виноват в том, что они раздавили его. Но здесь мы замолкаем — судить Хотаба теперь предназначено совсем другим...

Наверное, стоило бы упомянуть еще об одной трагедии, случившейся в то же время и на той же долготе, где находится Мос-

ква, но только совсем с другой стороны земного шара. Именно в этот момент Лиловая Зебра нашла своего Папашу Янга и посмотрела ему в глаза. И тогда он увидел бездонную пустоту, где был лишь черный ветер, закруживший его и увлекший за собой, и он еще раз услышал смех своих дочерей и заклинания чернокожих колдунов-ндоробо, увидел свою жену в тот день, когда они познакомились, и ощутил страшную тоску от одиночества, которое, оказывается, пропитало всю его жизнь, но которое теперь заканчивалось. Все случилось, как он и предсказывал: через несколько часов, уже утром, патер Стоун заехал навестить его и нашел Папашу в окружении несчетного количества полупустых бутылок и уже окоченевшего.

Да, в этот день он встретился со своей Лиловой Зеброй, но все знающие Папашу Янга жалели беднягу и говорили, что алкоголь все-таки погубил его.

Довольно странно повел себя еще один житель Аргерс-Пост, личность широко известная, почти легендарная, прозванная газетчиками и прочими масс-медиа Мистер Фортуна. Этому человеку на протяжении последних пяти лет безумно, сногшибательно и невероятно везло во всевозможных лотереях, и он из скромного улыбчивого бармена превратился в весьма состоятельного человека. Маккенрой выстроил новое заведение — целый комплекс для туристов, и назвал его, как и мечтал, «Пепони» — «Райское место». Но над «Райским местом» словно витало проклятие. Несмотря на постоянно наводимую чистоту, применение всевозможных репеллентов и прочих средств защиты, под подушками жильцов постоянно оказывались скорпионы и иная ядовитая живность. Бар даже на первых порах, когда «Пепони» только открылся и там было полно народу, чем-то неумолимо притягивал к себе змей, сафари заканчивались трагично, а некоторые из тех, кто решил провести здесь свой отпуск, заболели неизвестными болезнями. И постепенно вокруг Маккенроя и его заведения образовался вакуум. «Пепони», построенный по замечательному проекту одного молодого француза, стоял как

вечное произведение искусства — пустынный и холодный. Маккенроя, конечно, знали и уважали многие, но никто не испытывал к его удаче ни малейшей зависти, поговаривая: «О нет! Упаси нас от такой фортуны! Что-то с этим человеком случилось не так, какая-то порча...» — и никто больше весело не жал его руку, хлопая по плечу, называя его Мак...

Так вот, Мистер Фортуна по совершенно непонятным соображениям похитил из клиники младшую дочь Папаши Янга, красавицу Зеделлу, пять лет назад сводящую с ума любого, кто видел ее, а сейчас пребывающую в некоем подобии летаргического сна. Их выследил известный в Кении охотник, Йорген Маклавски, где-то далеко на севере, посреди Эфиопского нагорья. Маккенрой не смог сколько-нибудь внятно объяснить причину своих неразумных действий, но невероятным в этой истории было другое — странная болезнь, долгий сон отпустили Зеделлу. Девушка какое-то время была не в себе, но в тот день, когда Профессор Ким вторично послал в цель копье Великого Африканского Божества, наметились первые признаки улучшения.

На похоронах своего отца Зеделла была безутешна — пять последних лет она блуждала по темным лабиринтам, а потом в них образовался сначала слабый просвет, и кто-то позвал ее. Зеделла откликнулась на зов и нашла в себе силы выйти к свету; но покинув свою долгую темницу, она сразу же столкнулась с жестокой неумолимостью времени — да, Зеделла была безутешна, но полностью здорова. И наверное, она не обратила внимания на ветер, прошелестевший над ними, ветер, наполненный голосами прошлого, печалью утраченного настоящего и безнадежностью попыток отыскать Любовь в будущем.

Этот ветер, несущий вздохи разочарования, еще тревожил иногда Урса, растворяясь в туманах его Родины и заставляя повторять по ночам слово «Зеделла», но его мудрая и любящая жена давно уже поняла, что ее соперницы нет на этой земле, а там, где она есть, между ней и ее соперницей уже не существует никакой разницы.

Но не все так просто было в этой части мира — зеркальный осколок и перстень оставались у Маккенроя, и он по-прежнему был готов к любым самым невероятным поручениям...

Однако вернемся в Москву.

Самым везучим в этой истории оказался Дядя Витя — уже никто его не тревожил и не претендовал на его квартиру. «Норс. Операции с недвижимостью» перестал существовать. И это была еще одна странность Юлика Ашкенази — после пожара он и не подумал восстанавливать утраченное подразделение, более того, он запретил своим сотрудникам о нем даже вспоминать. Не было никакого «Норса», связанного с недвижимостью, не было и не будет. И никаких денег никто не похищал. Все — точка!

Дядя Витя знал, что с ним произошло нечто странное, но детали были смутны и размыты, и постепенно его память успокаивалась. Он несказанно удивился и обрадовался, обнаружив у себя в квартире черный кожаный рюкзак, набитый деньгами, но не мог понять их происхождения, а Стержень объяснил ему, что не нужно мучить себя ненужными вопросами, что все уже закончилось и деньги теперь по праву принадлежат ему.

Дядя Витя привел в некоторый порядок свою жизнь, но иногда любил загулять с корешами, первым из которых, конечно, был верный Андрюха. И тогда, в обществе веселых собутыльников, к Дяде Вите подступала легкая, но необъяснимая тоска. Он вспоминал, что когда-то мог понимать голоса игровых автоматов, и была у него в эту пору пара молодых друзей, которых он почему-то потерял, и была юная девушка с лучистыми глазами ночной феи. Незнакомые студенты, к которым он прикипел сердцем, и юная девушка, почувствовавшая в нем вдруг древнюю силу настоящего мужчины, исчезли из его жизни, но Дядя Витя все же надеялся, что когда-нибудь они появятся снова. И тогда он просил налить еще по одной, и этого момента ждала вся компания, потому что Дядя Витя становился еще печальнее, но начинал рассказывать удивительные истории о золотокожих великанах, о песни древних богов, о лунных морях и о спящем в холодном

сиянии камня Сфинксе, чьи загадки до конца так и не будут разгаданы. А потом он засыпал и его сон берег Король. Король не умел говорить, но пес смотрел на хозяина умными глазами и знал, что к нему вернулось самое любимое существо на свете.

Денис так и не сыграл для Люси Вагнера. Его тоже покидали дурные воспоминания, и оставалось лишь ощущение интереснейшей истории, удивительного приключения, которое ему удалось пережить.

Люси продолжала пить пиво и наконец закончила свою грандиозную работу — иллюстрацию к какой-то неведомой легенде. В центре полотна возвышалась огромная башня... а остальное читателю известно.

Люси по-прежнему смотрела видео и после слезных «9 1/2 недель» очень сокрушалась, что Микки Рурк по возрасту не тянет на кандидатуру возможного Денискиного папы. Как-то она наткнулась на странные записи сына. Убираясь в его комнате, она увидела исписанные листки бумаги: «Я — зашифрованная тайна Космоса»; «Человек — зеркало Вселенной, в котором отражается все сущее...»

Люси прервала себя — не совсем правильно читать чужой дневник без разрешения. Она поглядела на стол — книги, видеокассеты, компьютерные игры... Толкиен, мистические романы, фантастические боевики и фильмы ужасов... «Ну что ж поделать, если такие у моего сына вкусы, — подумала Люси с улыбкой. — Но ведь и Толкиен...

Люси продолжала уборку, слушая, как на старом пианино Денис бренчит «Чижика-пыжика».

Но и в этой части мира было все не так просто.

В тот момент, когда что-то начало происходить со стенами павильона суперкомпьютерных игр, вызывая у всех находящихся там неясное тревожное чувство, быстро превращающееся во все-сокрушающую панику, Студент раскрыл глаза и не увидел ничего, кроме темноты, непроницаемой и шуршащей, как листы забытых

книг. Самое удивительное, что он не испугался этой темноты, а на лице его была улыбка, словно он возвращался из какого-то счастливого сна. Потом его обступили запахи и пропитавшая каменные стены сырость безморозной зимы, и он вспомнил, что находится в Алкином подъезде, в коридоре, где погасла лампочка, и отчего-то сидит на полу. Он попытался подняться и в следующую секунду чуть не рухнул, словно у него не было ног, — тогда он понял, что просидел на полу достаточно долго и у него затекли ноги. Подождав какое-то время, Студент нащупал бумажный пенал, где находилась лампочка, отыскал фонарик, оказавшийся работающим, табурет и двинулся к светильнику. Движения его были механическими, словно он выполнял нечто необходимое, но не относящееся к нему лично. А потом лампочка в 100 ватт навсегда рассеяла эту непроницаемую, шуршащую и какую-то чужую темноту, заглянувшую в Алкин подъезд.

НЕ НАДО БОЯТЬСЯ ТЕМНОТЫ.

Студент оглянулся — Дяди Вити не было. Он как-то странно улыбнулся, прекрасно понимая, что через какое-то время, наверное, довольно скоро, начнет убеждать себя, что ему все это показалось, что он, здоровый как буйвол мужик, по непонятной причине грохнулся в обморок в темноте подъезда, и Алка найдет для всего этого объяснение — много пили, мало спали и что-то в этом духе... Да, ничего этого не было, не было вовсе и не может быть. Не было горящих в темноте глаз.

ХОЧЕШЬ, Я ВОЗЬМУ ТЕБЯ В ЛЕГЕНДУ?

Не расступались тяжелые стены «сталинского» дома, и не плыла в открывшемся проеме громада неведомой башни, обдуваемая ветрами, кружащимися в глубинах ночи... Не слышал он Алкин голос, беспрестанно зовущий его, и не оборачивался к нему, увлекаемый куда-то Дядей Витей; не видел колонны золотокожих великанов, уходящих на последнюю битву, не стоял на мрачном утесе и не вглядывался в луну, чужую, созревшую, как яблоко, незнакомую луну, которой пришла пора упасть... Но Алкин голос звал его, он заглашал вой поднявшегося ветра, и тогда Дядя Витя стал уда-

ляться, и все расплывалось, и была темнота, в которой он открыл глаза, темнота подъезда, куда он вернулся... Не было всего этого — только показалось. Но, ступая по светлому теперь коридору, возвращаясь в дом своей подруги, Студент каким-то неведомым образом знал, что Дядя Витя уже не придет, что их пути разошлись. Алка права — Дядя Витя был опасен, но где-то там, в открывшемся проломе, с другой стороны мира, он отпустил его, позволив вернуться к этому непрекращающемуся Алкиному зову.

— Чушь собачья! — выругается Студент, открывая дверь Алкиной квартиры, но тут же мысленно добавит: «Вовсе нет, ты же знаешь, что он действительно больше не придет».

— Что случилось? — спросит Алка. — Тебя так долго не было.

— Приходил Дядя Витя... Не беспокойся — он ушел, мы попрощались.

ВОЗВРАЩАЙСЯ, САШОК, Я НЕ ВОЗЬМУ ТЕБЯ В ЛЕГЕНДУ.

— Но...

— Ты знаешь, он, наверное, действительно к нам привязался... Но теперь все уже в порядке.

— И он больше не нуждается в нашей помощи? — еле слышно проговорит Алка.

— Нет... Думаю, что нет.

Луна успокоится, и они не будут больше говорить о Дяде Вите и поймут, что действительно все закончилось.

Пройдет зима, и все забудется, наступит апрель — лучший месяц в природе, — неожиданно теплый в этом году. Однажды Студент с Алкой повстречают Дядю Витю, опохмеляющегося с Андрюхой пивом в розлив. И никакие прежние страхи не вернутся — глядя на обрадованного, добродушного и любящего выпить пенсионера, Студент окончательно решит, что не было ничего и все лишь только показалось.

Прощаясь, Дядя Витя подмигнет Студенту и скажет:

— Сашок, а может, как-нибудь сгоняем в игровые автоматы?

Алка испуганно вздрогнет, глядя на них обоих, но в добродушных и уже слегка пьяных глазах Дяди Вити не будет никаких теней.

— А чего б не попробовать, — с улыбкой ответит Студент.

Но вернемся к жильцам дома, стоящего в самом центре старой Москвы, на тихом перекрестке двух знаменитых улиц. Дора оказалась права — на Новый год ей подарили большой конструктор «Лего», а Катьке — фотик, «Кодак» с автофокусом. А когда пришел март и в Москве начал таять снег, они наконец всей семьей поехали в горы, и Дора смогла покрасоваться рядом с папой в своем новом горнолыжном костюме. Курорт оказался модным, и по-прежнему все пижоны смотрелись на лыжах как коровы на льду.

Письмо с подобным содержанием Дора отправила своему новому другу. Профессор Ким был немало удивлен, получив «экспресс-почтой» открытку с видом циллертальских Альп и ледником Хинтертукс, где даже летом лежит снег, и словно рекламную фотографию самой Доры. «Надеюсь, что вы не очень скучаете, — заканчивала Дора свое послание. — Обратили внимание, как я загорела?..»

Профессор Ким действительно не очень скучал. Сразу после зимней сессии он проявил неожиданную настойчивость в вопросе перевода на дневное обучение некой студентки, даже не являющейся ему родственницей, и все было сделано очень быстро, несмотря на усиленные попытки Нины Максимовны помешать этому процессу.

— Что это он так колотится из-за этой Ирочки, вы не знаете? — спросила как-то толстушка Рита.

— Нет, не знаю, — печально вздохнула Нина Максимовна, думая о том, что маленький стервец все же отыскал своего Профессора Кима, а потом добавила: — Может, блат какой... Вы же понимаете, Рита, святых людей не бывает.

Да, Профессор Ким действительно не скучал, у него было много работы, и он уже принял предложение Артура насчет испанских галеонов.

Постепенно все случившееся в тот самый короткий день в году забылось, пришла весна, и капель смысла следы зимы.

Да, забылось. Но так было днем, а ночью не все поддавалось контролю сознания. До сих пор участникам этой истории в пору беспокойной луны снятся разные кошмары, которые даже не хочется описывать. И лишь Профессор Ким видит в это время что-то очень важное и забытое им, на чем, пожалуй, стоит остановиться.

В такие ночи Профессор Ким долго не может уснуть и работает почти до утра в своем причудливом кабинете. А потом ложится в постель и мгновенно проваливается в сон, делающий его почему-то счастливым. И снится ему та страшная самая длинная ночь, когда копьё вторично обрело цель и когда Робкоп, весь одевшись зеленым дымом, рухнул сквозь землю. И снится ему, что это он падает в зеленом дыму, падает с бесконечной громады Спиральной Башни, которую он так и не увидел. Страшен этот стремительный полет в одном направлении, вся его жизнь мелькает перед ним, но события лишены последовательности, словно кто-то сжал спираль времени, превратив ее в точку, и эта тяжесть одномоментного бытия, груз непереносимой памяти увлекают его вниз, туда, где мрак сгущается до непроницаемости камня. И Профессор Ким понимает, что у него нет крыльев, чтобы взлететь вверх, нет крыльев, чтобы разжать эту беспощадную спираль неодолимого и равнодушного Времени. И он просыпается всего лишь на мгновение, а потом его сон перестает быть только сном. Он становится воспоминанием, скрытым от Профессора Кима днем, но постоянно возвращающимся в сновидении, воспоминанием о том, что с ним действительно произошло в ту самую длинную ночь, когда над Москвой стояла чужая, незнакомая луна. И он переживает все заново — и страшное падение, последовавшее сразу после удара копья, и отчаяние, и глущую тоску, потому что у него не было крыльев и он мог лететь лишь в одном направлении — к разверзнувшейся под ним мгле; и странный ветер, тревожащий по ночам Урса, поднимался навстречу, ветер, несущий вздохи разочарования всех исчезнувших бесследно эпох, оставивших лишь иллюзорные следы свое-

го пребывания на этой земле. Профессор Ким все переживает заново. Как и внезапное ощущение, что вот-вот нечто должно случиться и предчувствия не обманули его, что сейчас, именно сейчас свяжутся совершенно разные и отдаленные друг от друга события и что он когда-то уже переживал этот момент. Потому что он не рухнет вместе с Робкопом в эту открывшуюся бездну...

Пять лет назад, в свой первый визит в Африку, находясь у стойки бара...

ВОСПОМИНАНИЯ О ПРЕДСТОЯЩЕМ?

Чопорная кенийская столица Найроби, «Сафари-клуб», бар, наряженный, как рождественская елка-пальма, ироничный коктейль-оазис в широком стакане, перстень, беседа с Йоргеном и Урсом и наблюдающий за ними красивый темнокожий человек. Пять лет назад, находясь у стойки бара в «Сафари-клуб», он выпал на мгновение из действительности и видел берег, залитый солнцем детства, и громадное здание с роковой лестницей, возвышающееся над пляжем, — сталинский ампир, видел старого Ральфа и ощущал запахи больницы, видел большую хлюпающую лужу, оживающие картинки, Олю Осминкину, прозванную Осмой, но и видел что-то из этого теперешнего мгновения... Когда его окружали огни кенийской столицы и он, продолжая падать, слышал бой барабанов и заклинания чернокожих колдунов, слышал голоса буша, наполненные грозным рыком золотогривых львов и испуганным дыханием кареглазых антилоп, почувствовал, как бесчисленные стада диких животных пересекают Африку, подчиняясь зову воды, и еще раз за оставшейся теперь далеко радугой он увидел ослепившее его лицо древней Царицы, так похожее на лицо Зеделлы... И тогда падающая вместе с ним луна и огни кенийской столицы стали сгущаться, пока не превратились в одну точку. И Профессор Ким должен устремиться за этой яркой точкой света, единственной в обступившей его мгле. Теперь он уже убежден, что именно этот момент открылся ему пять лет назад, сложившись в непонятные тогда знаки, и что все эти бесконечные двери, сквозь которые он шел в самую длинную ночь, блуждая по темным ла-

биринтам памяти, предназначались этой действительно последней и вовсе не запертой двери, за которой лился свет... Он проходит в этот свет и оказывается на морском берегу. Он спускается по каменным ступеням, и в разные стороны расходятся балюстрады громадного здания, возвышающегося над пляжем, — сталинский ампир. Он, конечно же, узнает это место, залитое вечным солнцем детства, узнает ступени и эту роковую белую колонну, которая не смогла удержать его, но каменная громада здания почему-то больше не выглядит такой угрожающей. Тогда счастливая улыбка появляется на лице спящего Профессора Кима, и главное, чтобы никто не потревожил этот сон, этот хрупкий миг радости. Потому что Профессор Ким продолжает спускаться по лестнице и ступает на горячий песок, пахнувший морем, и навстречу ему идет седовласый, но по-мальчишески стройный человек с удивительно синими глазами, такими же, как синева раскинувшегося впереди моря и отражающегося в нем неба. Профессор Ким никогда не видел прежде этого человека, но сейчас он сразу же узнает его. Узнает по яркому крылу, раскрывшемуся за его спиной. И на мгновение нигде в этом мире уже не остается ночи, он узнает этого человека и понимает, что всегда представлял его именно таким.

— Возьми мое крыло, — говорит Камил Коленкур. — Оно теперь принадлежит тебе.

И в следующий миг купол парaplана раскрывается уже над Профессором Кимом, и сразу же его отпускает тяжесть земли, и где-то без него рушится в бездну воспоминаний Робкоп и падающая, словно созревшее яблоко, сумасшедшая луна, и ветер, избавившись от ненужных вздохов разочарования, наполняет его крылья.

— А как же ты? — волнуется Профессор Ким. — Как же ты без него? Яркое крыло...

— Мне оно больше не нужно, — отвечает Камил, и бездонность неба отражается в его улыбающихся глазах. — Мне пора.

Камил Коленкур поворачивается и идет от Профессора Кима к кому-то, кто давно ждет его.

И Профессор Ким понимает, что это уже совсем другой берег, хотя солнца здесь не меньше, потому что куда-то исчезает огромное здание — сталинский ампир — и знакомые очертания морского городка, где их семья проводила лето, а Камил Коленкур идет к скале, двадцатиметровой отвесной скале над морем. Тогда ветер начинает крепчать, им уже полны крылья, и следующий порыв унесет его отсюда прочь. Профессор Ким пытается получше рассмотреть это место и скалу, которой заканчивается Африка, он хочет успеть спросить что-то у Камилу Коленкура, но тот оборачивается, и Профессор Ким видит, что перед ним всего лишь смеющийся десятилетний мальчишка. А потом Профессор Ким замечает какое-то движение на скале, и снова его губы раскрываются в счастливой улыбке.

«Ах вот кто там ждет тебя!» — думает Профессор Ким.

А Камил взмывает вверх по скале, и хрупкая смуглая девочка протягивает к нему руки. Они подходят к краю обрыва, и Профессор Ким понимает, что Камилу действительно больше не нужно его яркое крыло.

Но следующий порыв ветра напоминает, что уже пора, он поднимает Профессора Кима и несет его над скалой. И Профессор Ким хочет что-то еще спросить у Камилу Коленкура, он кричит, но легкость, которая наполняет его полет, успокаивает и делает волнения совершенно ненужными.

И вот его уже обступает бесконечная синева моря и синева бесконечного неба, а Камил и хрупкая смуглая девочка машут ему на прощание, и Профессор Ким, уносимый ярким крылом, еще раз видит их смеющиеся лица. Он видит, как Камил и хрупкая смуглая девочка машут ему вслед, а потом, взявшись за руки, прыгают со скалы.

Содержание

Часть I. ОНИ НАЧИНАЮТ	5
Часть II. ОНИ УЖЕ ЗДЕСЬ	93
Часть III. БАРАБАНЫ, ИЛИ ЧТО СЛУЧИЛОСЬ ПЯТЬ ЛЕТ НАЗАД	173
Часть IV. ДВЕРИ	391

Литературно-художественное издание

Роман Канушкин

ДЖАНДО

Дизайн переплета и титула «Закон Жанра»

Иллюстрации В. Ерко

Компьютерная верстка Ю. Куц-Жарко

Корректор А. Еланская

Издательский дом «София»

109028, Россия, Москва, ул. Воронцово поле, 15/38, стр. 9.

Издательство «София»

04119, Украина, Киев-119, ул. Белорусская, 36-А.

Наши электронные адреса: www.sophia.ru, www.sophia.kiev.ua

E-mail: info@sophia.ru; gleb@sophia.ru

«Закон Жанра»: www.zakonzhanra.com

Отделы оптовой реализации издательства «СОФИЯ»:

в Москве: ул. Казакова, д. 18, стр. 20, тел.: (095) 105-35-22, 105-35-28

в Киеве: ул. Белорусская, 36-А, тел.: (044) 230-27-32, 230-27-34

в Санкт-Петербурге: В.О., 15-линия, д. 28, литер. «Г», тел. (812) 327-72-37

Служба «Книга-почтой»:

в России: 115172, Москва, Краснохолмская наб., д. 1/15, кв. 108, Топоркову Ю.;
тел.: (095) 476-32-52, e-mail: esoterikos@mtu-net.ru

в Украине: 01030 Киев, а/я 41, e-mail: postbook@sophia.ua

Подписано в печать 27.10.2003. Формат 60×84/16.

Усл. печ. л. 32,00. Тираж 5000 экз. Заказ № 1042.

Отпечатано с диапозитивов в ФГУП «Печатный двор»
Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций.

197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.